

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(1918 - 1940)**

Часть II

РОССИЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
НАУЧНЫЙ
ФОНД

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ
(1918 - 1940)**

ТОМ 2

Часть II

К - С

Москва 1997

Главный редактор А.Н.НИКОЛЮКИН

**Редакционная коллегия:
Н.А.БОГОМОЛОВ, Е.А.ЦУРГАНОВА, А.И.ЧАГИН**

Библиографический редактор О.В.ЭТОВА

**Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский пр., 51/21,
Отдел литературоведения ИНИОН РАН**

ISBN 5-248-00090-4

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	7
Казачьи журналы.....	8
Комитет помощи русским литераторам и ученым (Берлин, 1920-1933).....	34
Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (1921-1939).....	35
Комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии (1922-1932).....	37
Константинопольские издательства.....	38
"Кочевье" (Париж, 1928-1939).....	42
"Литература и жизнь" (Рига, 1928).....	45
Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско (с 1921).....	48
"Меч" (Варшава, 1934-1939).....	53
"Молва" (Варшава, 1932-1934).....	64
"Накануне" (Берлин, 1922-1924).....	70
"Новая газета" (Париж, 1931).....	76
"Новая русская книга" ("Русская книга") (Берлин, 1921-1923).....	79
"Новое время" (Белград, 1921-1930).....	86
"Новое русское слово" (Нью-Йорк, 1910-1940).....	91
"Новости литературы" (Берлин, 1922).....	96
"Новый град" (Париж, 1931-1939).....	97
"Новый дом" (Париж, 1926-1927).....	101
"Новый корабль" (Париж, 1927-1928).....	107
"Общее дело" (Париж, 1918-1922; 1928-1934).....	115
Общество Достоевского (Прага, 1925-1933).....	125
Общество друзей русской книги и "Временник Общества друзей русской книги" (Париж, 1925-1938).....	129
Общество русских студентов для изучения и уппрочения славянской культуры (ОРСИУСК) (Париж, 1924-1929).....	134
"Огни" (Прага, 1921).....	136
"Огни" (Прага, 1924).....	139
Однодневные газеты (1918-1940).....	143
"Окно" (Париж, 1923).....	153
"Палата поэтов" (Париж, 1921-1922).....	157
"Парижская нота".....	158

Парижские издательства.....	164
Первый зарубежный съезд русских писателей и журналистов.....	173
"Перезвоны" (Рига, 1925-1929).....	177
"Перекресток" (Париж, 1928-1937).....	181
Польские издательства.....	184
"Понедельник" (Шанхай, 1930-1934).....	185
"Последние известия" (Ревель, 1920-1927).....	187
"Последние новости" (Париж, 1920-1940).....	188
Пражские издательства.....	207
"Путь" (Париж, 1925-1940).....	210
"Россия" (Париж, 1927-1928).....	213
"Россия и славянство" (Париж, 1928-1934).....	217
"Рубеж" (Харбин, 1927-1945).....	228
"Руль" (Берлин, 1920-1931).....	231
Русская академическая группа (Париж, 1920-1940).....	248
"Русская мысль" (София, Прага, Берлин, Париж, 1921-1924, 1927).....	251
"Русские записки" (Париж, Шанхай, 1937-1939).....	258
"Русский голос" (Нью-Йорк, 1917-1940).....	267
Русский заграничный исторический архив (Прага).....	269
"Русский инвалид" (Париж, 1930-1940).....	274
"Русский колокол" (Берлин, 1927-1930).....	278
Русское Сорренто (1924-1933).....	281
"Сатирикон" (Париж, 1931).....	289
"Своими путями" (Прага, 1924-1926).....	298
"Сегодня" (Рига, 1919-1940).....	305
"Скит" ("Скит поэтов") (Прага, 1922-1940).....	315

ОТ РЕДАКЦИИ

Во вторую часть второго тома "Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918-1940)" входят статьи о крупнейших периодических изданиях и литературных центрах "первой волны" российской эмиграции. Расположение материалов алфавитное от "К" до "С". Перечень использованной библиографии и справочных материалов приведен в первой части второго тома.

Настоящее малотиражное издание является предварительной публикацией материалов для будущей Литературной энциклопедии русского зарубежья. В третьей части второго тома будет представлено окончание статей о периодических изданиях и литературных центрах, а также Приложение (литература "первой волны" в журналах русского зарубежья после 1940 года).

Научно-исследовательская работа по созданию "Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918-1940)" осуществляется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 95-06-17155).

КАЗАЧЬИ ЖУРНАЛЫ. Первым по времени изданием казачьей эмиграции был рукописный журнал "Донец на чужбине" (1920-1921. - № 1-7) - орган Донского кадетского корпуса, эвакуированного англичанами из Новороссийска в Египет, а затем на остров Лемнос; в ту же пору появился и рукописный "Атаманец" юнкеров Атаманского военного училища, а также рукописный журнал Кубанского военного училища. В 1921 в Турции (лагерь Кабакджа, где размещались 18-й Донской, Донской технический и Зюнгарский калмыцкий полки) начал выходить "Донской маяк", исторический литературный журнал, тиражировавшийся на шапирографе. Первым типографским изданием стал "Казачий сборник", выпускавшийся в 1922 в Берлине по инициативе генерала П.Н.Краснова, бывшего атамана Войска Донского. Большинство казачьих журналов представляют собой сброшюрованные листы с текстами, написанными специальными чернилами от руки или на пишущей машинке с особой лентой и затем размноженные на гектографе, стеклостиле, шапирографе или ротаторным способом. Они отличались малотиражностью, непериодичностью (выходили как продолжающиеся издания) и недолговечностью - сказывались не только скудость средств на их издание, но и отсутствие массового читателя-подписчика. "Мало кто из широкой казачьей массы был регулярным читателем печатных изданий на родине, плохо прививается эта культурная привычка и на чужбине", - отмечалось в обращении "Родимого края" "К нашим читателям" (1931. - № 12. - С.8). Более благополучно складывались судьбы тех изданий, которые финансировались солидными казачьими организациями или находили покровительство у правительств зарубежных государств: так, расходы по изданию "Казачьих дум" погашались объединенным Советом Дона, Кубани и Терека (главным образом донской его

частью), "Вестнику казачьего союза" и "Родимому краю" помогал донской атаман, "Казачий путь" ("Путь казачества") и "Казачий сполох" выходили на средства Министерства иностранных дел Чехословакии, а "Вольное казачество" субсидировалось польским правительством. В политической ориентации казачьей журналистики 20-30-х просматривается три основных течения: самостийное ("Вольное казачество", "Вольный Дон" и др.); казачество в составе демократической России ("Казачий сполох", "Казачьи думы") и промонархическое ("Казачий сборник" и издания типа "Казачьего набата", поддерживаемые Советом казачьего центра Союза младороссов-кирилловцев). Названными течениями политической мысли определялось, за редкими исключениями, и литературное лицо журналов. Наиболее ярко идеологическая тенденциозность проявлялась в публицистике и литературной критике; не менее заметна она и в стихах "из потока", носящих по преимуществу декларативно-публицистический характер, а также в беллетристике, осуществляющей оборот известных идей в общественном сознании. Собственно художественная литература занимала в казачьих изданиях периферийное положение и не имела того значения, какое традиционно придавалось ей в отечественных "толстых" журналах. Для большинства казачьих авторов стихи и проза были своего рода душевным досугом, компенсирующим чувство тоски по утраченной родине. Многие казаки, по преимуществу офицеры, никогда ранее не помышлявшие о занятиях литературой, в изгнании потянулись к перу и бумаге. Обладая незаурядным историческим и жизненным опытом, они плохо владели словом. К стихам и прозе обратились в эмиграции видные на Дону фигуры, как полковник П.Кудинов (1891-1967), командующий повстанческими войсками на Верхнем Дону в 1919; войсковой старшина И.Назаров (1885-1936), брат донского атамана А.Назарова; историк генерал-лейтенант Т.Стариков (1880-1934); исключительно плодовитый П.Крюков (1904-1963) - сын писателя Ф.Крюкова, и многие другие, сумевшие заявить о себе в жанрах исторического очерка или мемуаров (Стариков, Кудинов), но не оставившие сколько-нибудь заметного следа в поэзии или прозе. Историческим очеркам и воспоминаниям принадлежит особое место в казачьих журналах. Отличающиеся исключительной конкретностью содержания, они в своей фактографической основе до сих пор не утратили ценности богатого источника и незаменимого подспорья в

деле реального комментирования и понимания многих произведений художественной литературы о гражданской войне. В настоящей статье в алфавитном порядке представлены наиболее значительные в литературном отношении журналы казачьего зарубежья.

"АТАМАНСКИЙ ВЕСТНИК" (Париж, 1935. - 30 августа - 1939. - Январь. - № 1-12; особое прибавление в 1938, № 11) - иллюстрированное издание; орган донского атамана; редакторы: в 1935-36 (№ 1-5) - С.В.Болдырев (1890-1957), полковник, журналист, историк донского казачества; в 1937-1939 (№ 6-12) председатель редколлегии - А.В.Черячукин (1872 - после 1941), генерал-лейтенант, атаман Зимовой станицы на Украине и в Берлине в 1918-1919, директор Донского кадетского корпуса (1919-1923); отв. редактор - Б.Э.Криштафович (Астраханское казачье войско). С июня-июля 1937 издавался как орган донского атамана и общеказачий журнал. Печатал официальные документы, связанные с деятельностью донского атамана генерал-лейтенанта графа М.Н.Граббе, материалы по донской старине и истории донского казачества (очерки Ис.Быкадорова, Е.Ковалева, Е.Герасимова, С.Жукова, Ф.Юганова), вел рубрики "В родных краях", "За рубежом", "Памяти умерших донских казаков", "Литературно-художественный отдел", "Страничка юных казаков и казачек", "Книжная полка" и др. Печатались стихи М.Волковой, С.Сулина; рассказы о гражданской войне И.Родионова, И.Колесова, П.Соколовского. Литературные страницы шестого номера (1937) посвящены А.С.Пушкину: "На пушкинской выставке" П.Соколовского, "А.С.Пушкин и казачья донская песня" П.Соколова, "По поводу "Истории пугачевского бунта" И.Акулинина (№ 6-7). Статья Несвоего (псевд.) о поэзии Н.Келина и Н.Туровой (1937. - № 9), информация об организационном собрании, положившем начало "Кружку казаков-литераторов" в Париже в составе Д.Воротынского, П.Гусева, И.Данилова, Н.Евсеева, В.Крюкова, Н.Мельникова, Н.Туровой (1937. - № 9).

"ВЕСТНИК КАЗАЧЬЕГО СОЮЗА" (Париж, 1926. - Апрель-май - 1928. - Сентябрь-декабрь. - № 1. - 18/19) - орган объединенного Совета Дона, Кубани и Терека; издатель - правление казачьего союза; редактор Н.М.Мельников (1882-1972), председатель Донского правительства в эмиграции. Вначале издавался под названием

"Сводка" (информации казачьего Союза): сводка № 1 (1925), сводка № 2 (1926, январь), сводка № 3 (1926, март). Печатал материалы о жизни казачества на родине и за рубежом; официальные документы и сведения, относящиеся к деятельности объединенного Совета Дона, Кубани и Терека и войсковых атаманов; особое внимание уделял вопросам трудоустройства и переселения казаков-эмигрантов. Опубликовал частушки и песни, негласно распространявшиеся на Дону во второй половине 20-х (1926. - № 7/8; 1927. - № 11), старинные казачьи песни (1927. - № 12), стихотворение в прозе Ф.Крюкова "Родимый край" и эссе Р.Кумова "К братской могиле на Пирамидах" (1927. - № 12), рассказы М.Зошенко "Воры" и "Дырка" (1927. - № 12), статью П.Скачкова "Памяти Сергея Александровича Пинуса (С.Серапина)" (1927. - № 11). С марта 1929 начал выходить под названием "Родимый край" (1929. - № 1. - 15 марта - 1931. - № 12. - Декабрь) и как ежемесячный казачий журнал; орган правления казачьего Союза под редакцией Н.Мельникова. Статья И.Чаусова "Русская культура" (1930. - № 7), "Очерки истории казачества" В.Короченцева (1929-30), "Народное образование на Дону (1917-19)" С.Рытченкова (1930. - № 2-7); публикации, посвященные гражданской войне: "Оренбургское войско в борьбе с большевиками (памяти атамана Дутова)" Е.Букановского (1930. - № 2), "Ледяной поход" С.Болдырева (1931. - № 4-5). Стихи Б.Кундюрюкова, П.Полякова, Н.Туровой и др., басни и переводы басен с французского Н.Соева. Рассказы П.Аврамова, И.Воинова, Д.Воротынского, Ю.Гончарова, И.Колесова, Д.Скобцова-Кондратьева и др. Фольклор: прозвища казачьих станиц и связанные в ними байки, истории и предания (1929-31), народные анекдоты и были (1929. - № 6; 1930. - № 3); статьи о казачьих свадебных песнях В.П.Елисеева (Петрова) (1929. - № 7) и В.Д.Белого-Шурина (1930. - № 1). Статья "Казачьи хоры за границей" И.Демидова (1929. - № 10), а также материалы, посвященные хорам под управлением Н.Ф.Кострюкова (1929. - № 10) и С.А.Жарова (1930. - № 2; 1931. - № 1). Некролог поэта Ю.Гончарова (1929. - № 3). Прекратив свое существование из-за нехватки средств в декабре 1931, "Родимый край" вошел в соглашение с еженедельником "Иллюстрированная Россия" "продолжаться" в этом журнале на правах отдела не реже двух раз в месяц; однако, спустя первую половину 1932, рубрика "Казачья жизнь" перестала появляться на полосах купринского издания. В

"Иллюстрированной России" опубликованы воспоминания Н.Мельникова "Святки в станице" и "Пасха на родине", казачьи пословицы и поговорки. Под названием "Родимый край" издание журнала возобновилось в 1954.

"ВОЛЬНАЯ КУБАНЬ" (Белград, 1923. - Ноябрь - 1939. - Январь-февраль. - № 1-145). В 1928-35 (№ 57-134) - на обложке: "Кавказский казак", на титульном листе: "Вольная Кубань"; 1936-37 (№ 135-140) - "Вольная Кубань"; 1938-39 (№ 141-145) - "Кавказский казак (Кубанец)". В 1929-30 (№ 67-90) последние четыре полосы отводились информационному изданию "Терский казак на чужбине". Издание кубанской канцелярии, на правах рукописи. Редактор и издатель М.К.Соламахин (1888-1945?), генерал-майор, начальник Кубанского походного штаба в эмиграции. Журнал информационного характера, печатал официальные документы, связанные с деятельностью атамана Кубанского войска генерал-майора В.Науменко, сведения о жизни кубанского казачества (с января-февраля 1935 о всех казачьих войсках) за рубежом и в СССР. Опубликовал материалы к биографии историка Ф.А.Щербины (1932), перечень документов (главным образом о гражданской войне на Кубани), поступивших в распоряжение Кубанской исторической комиссии (1937. - № 139; 1938. - № 144). Отрывок из романа В.Курганского "Кубань родная", посвященного коллективизации; рассказы Я.Лопуха, А.Щукина, Еф.Якименко. Стихи М.Волковой, Б.Кундрюцкова, С.Макеева и др.; старые песни линейных казаков в записи В.Толстова (1936. - № 1); "Муза последних советских дней" - частушки и песни, подпольно распространяемые на Кубани (1930-31). Редакционная заметка об А.Пивне (к 40-летию литературной деятельности) (1932. - № 4), статья М.Соламахина "О Полякове и Кундрюцком" с высокой оценкой их творчества (1932. - № 7). Отзыв Н.К. о романе В.Ставского "Станица": отмечая беллетристическую живость письма, критик "весь интерес книги" усматривает в "казенном грабеже" казаков, поддерживаемом автором - "горячим проводником мероприятий советской власти" (1930. - № 8. - С.10). Публикация отрывков из "Поднятой целины" М.Шолохова, предваряемая общей оценкой произведения: "Нельзя без глубокого волнения читать многие правдивые страницы этого романа", "характерно, что казачье сознание в станицах не только чуждо какой-

либо ненависти к русскому народу, но продолжает по-прежнему считать освобождение православного Отечества общим с ним делом" (1932. - № 5. - С.7,8).

"ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО" (Прага, 1927. - 10 декабря - 1934. - 25 июня. - № 1-155; Париж, 1934. - 20 августа - 1939. - 10 октября - № 156/157-272) - иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический; под редакцией И.А.Билого (1887-1973), бывшего члена первого Кубанского войскового правительства и Кубанской краевой Рады, одного из лидеров вольно-казачьего движения за рубежом, и М.Ф.Фролова (1897-1930), есаула, бывшего командира 42-го особого Донского казачьего полка, воевавшего на стороне Польши в 1920, поэта и публициста (по смерти последнего И.Билый стал единоличным редактором издания). Орган казачьего национального движения в эмиграции, зародившегося в Праге среди донцов и кубанцев, разделявших самостоятельные идеи историков И.Ф.Быкадорова (1882-1957) и М.Т.Старикова (1880-1934); произведения кубанских авторов печатались на украинском языке. Направление: освобождение казачьих земель из-под власти СССР, России и большевиков и их объединение в независимое государство Каза́кию - союз Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Яика (Урала), Оренбурга и Калмыкии. В области культуры журнал настаивал на создании казачьей литературы как национальной, идущей своим особым, отличным от русской, путем: "Русская литература... и вся русская культура давно уже носила в себе зародыши нынешнего большевизма", и "они и их творцы в большой степени ответственны за нынешнее бедственное состояние народов бывшей России" (см.: В.Карый. Пора и нам прозреть // 1929. - № 46. - С.10). Журнал стал первым изданием, задавшимся в условиях эмиграции целью выявления и сплочения казачьих публицистов, прозаиков и поэтов; при нем зародилось первое литературное объединение "Казачья литературная семья", реорганизованное впоследствии в "Объединение казачьих литературных сил" (начало 1929). Даже издания, не разделявшие политической платформы двухнедельника, признавали, что "за свою продолжительную жизнь журнал дал возможность печататься многим молодым казачьим поэтам и писателям... О них ничего бы не знали казаки, если бы не было этого журнала... И в этом большая заслуга "Вольного казачества" (К выходу 200-го номера

журнала "Вольное казачество" // Наша станица. - 1936. - № 6). Литература в издании представлена в основном произведениями казачьей учащейся молодежи и студенчества, входивших в "Объединение казачьих литературных сил" под лозунгом: "Да здравствует казачья художественная литература". Самобытность литературы авторы журнала видели в "чистом", беспримесном выражении казачьего национального характера и мировоззрения, не испорченных "иногородними" влияниями. Этой проблеме посвящены по существу все публикации культурного, историко-литературного и литературно-критического толка: серия работ Чужинца (псевд.) о великорусском и украинском казакофильстве в первой половине XIX в. (1932. - № 102-104), а также о казакофильстве герценовского "Колокола" (1933. - № 120-121); статьи С.Федорова и П.Кокунько о жизни и творчестве Я.Кухаренко (1929. - № 14-15, 43/44); Книгочия (псевд.) о прозе Ф.Д.Крюкова (1932. - № 98-99; 1933. - № 126); В.П.Елисеева (Петрова) о романе "Тихий Дон" М.Шолохова (1931. - № 84/85 - 86/87); С.Балыкова "О казачьей художественной литературе" (1929. - № 47) и др. Дореволюционный "казак-интеллигент, тем более писатель, - отмечал С.Балыков, - почти всегда физически и духовно отрывался от родной среды... забывал казачество, делаясь бесполезным для него", и "нужно надеяться, что природная способность, заложенная в недрах казачества, при направлении усилий в эту сторону, выдвинет хороших казачьих писателей, которые и создадут казачью литературу" (1929. - № 47. - С.12, 13). Выразителями подлинного казачьего духа в литературе журнал считал произведения Ф.Крюкова и Р.Кумова, чем объясняется перепечатка в двухнедельнике очерка Ф.Крюкова "Первые выборы" (1931. - № 74) и рассказа Р.Кумова "Игумен Иосаф (из донских преданий)" (1933. - № 139) как образцов новой национальной прозы. Высоко оценивая творчество своих авторов, по преимуществу поэтов - П.Полякова ("казачий Лермонтов"), И.Назарова ("лучший певец казачьей воли"), Ю.Гончарова, Б.Кундрюцкова и других, журнал вместе с тем находил, что "говорить о казачьей литературе можно пока еще условно, ибо, если строго разобраться, ее еще нет, она только зарождается; появляются первые ростки" (1930. - № 70. - С.21). Из литераторов старшего поколения в двухнедельнике печатались: А.Пивень (псевд.: М.Забигайло, Ходкевич-Сапсай) (1872-1962) - "Черноокая Катруня", "Весенняя

ночь на Кубани" - отрывки из неоконченной повести (1930. - № 57-58), драма "У лагерях під станицею Уманською. Сцена з козацького (черноморського) побиту у 4-х картинах" (1930. - № 62-65); И.Быкадоров - "Донской казак - Тимофей Разин. Сказы про старобытьѣ казачьѣ" (1930. - № 53-56); Д.Воротынский (1889-?) - рассказы и воспоминания о Ф.Крюкове (1931. - № 73) и Р.Кумове (1931. - № 75); И.Назаров (1885-1936) - произведения о гражданской войне на Дону: легенда в стихах "Грунина краса" (1933. - № 134/135), поэмы "Пана Карасева с хутора Титова" (1934. - № 151), "Братья Каревы" (1934. - № 153), "В степях" (1934. - № 158), повесть "Изменник" (1936. - № 190-195). Стихи молодых поэтов: Ю.Гончарова, Ив.Коваленко (псевд.: И.Скубани), П.Полякова и др. По единодушному мнению критиков казачьего зарубежья, самые большие надежды в литературе подавали рано ушедшие из жизни поэты Юрий Гончаров и Борис Кундрюцков (1903-1932), автор рассказов-эссе "Степные этюды" (1927), цикла романтических стихов "Голутвенные песни" (1927-29), пьес в стихах "Святки в родном краю... под игом" (поставлена в Белграде в 1930), "Войсковой старшина Голубов" (1932) и стихотворных сказов "Шелудякова слеза" (1932), "Ларька Хренов" (1933), "Царевич Симеон Алексеевич" (1933), "Есаул Тимофеев" (1933). Стихи и прозу журнала отличали замкнутость на "национальном", романтизация и идеализация исконного казачьего начала и крайняя политизация в выражении авторских взглядов. В рассказах и стихах - основных жанрах небольшого по объему издания, преобладали "сюжеты", связанные с "воспоминаниями" о былинных героических временах, старом казачьем укладе жизни, о "случаях" из недавней эпохи революции и гражданской войны и, за немногими исключениями, отсутствовала тема человека в эмиграции. "Вольное казачество" проявляло интерес к народному поэтическому творчеству: на его страницах - в записи Б.Кундрюцкова и Н.Бунина - напечатаны варианты десяти известных казачьих песен: "Под ракитою зеленой казак раненый лежал", "Ой, фортуна моя, фортунина...", "Снежки белые, пушистые..." и др. (1929. - № 34-35), а также статьи И.Плахова "Донские песни" (1937. - № 218-219) и А.Ленинова "Песни чернецовских партизан" (1937. - № 234). Журнал внимательно следил за новинками литературы на казачью тему, заметив появление чапыгинского "Разина Степана" и наживинских "Казачков", повести М.Мухина "Фенькин яр", сборника

"Донских рассказов" М.Шолохова (1929. - № 47), романа "Станица" (1931. - № 81) и "Кубанских записей" (1936. - № 188, 192, 194) В.Ставского. Первую и вторую книги "Тихого Дона" "Вольное казачество" высоко оценило в январе (№ 28) и мае (№ 35) 1929 (рецензии С.Балыкова), затем последовало несколько подборок высказываний советской и зарубежной критики с редакционными комментариями (1929. - №43/44; 1930. - № 51/52, 58), большая статья В.П.Елисеева-Петрова о романе (1931. - № 84/85-86/87) и публикация отрывков из второй и третьей книг (1931. - № 79; 1933. - №134/135).

"ВОЛЬНЫЙ ДОН" (София, 1937. - Ноябрь - 1938. - Май. - № 1-3) - литературно-исторический и информационный журнал; орган казаков-националистов Дона. Издатель П.Н.Кудинов (1892-1967), полковник, кавалер ордена св.Георгия всех четырех степеней и ордена св.Станислава, командующий повстанческими войсками на Верхнем Дону в 1919, автор исторического очерка "Восстание верхнедонцев в 1919 году" (см.: Вольное казачество //1931. - № 77-85; 1932. - № 101); редакторы И.Ф.Рассказов, П.Ф.Крюков; с № 2 - редакторы И.Ф.Рассказов и П.Н.Кудинов. Направление: Область Войска Донского как "самостоятельное государство, основанное на началах народоправства" (1937. - № 1. - С.4). Воспоминания М.С. "В плену у красного вождя Миронова" и "Забытый шлях" А.Ф.Шевченко - о разгроме Кубанской Рады, М.А.Горчукова - об А.М.Каледине; отрывок из "Донской поэмы" Ив.Кузнецова, стихи П.Крюкова, П.Кудинова, И.Томаревского и др.; рассказ В.Елисеева "Засмеюсь ли?" - о гражданской войне. Очерк П.Кудинова "Атаман Ермак" (№2-3) и сказ П.Крюкова "Без шляха" (№ 1-3) обрываются на третьем номере с пометами "Продолжение следует" - в августе 1938 журнал прекратил свое существование из-за ареста его издателя-редактора П.Кудинова, уличенного болгарской контрразведкой в связях с работником советского посольства и высланного из столицы (см. об этом: Еще один предатель // Кавказский казак. - 1938. - № 144. - С.28-29; а также газеты "Русский голос" // 1938. - 9 окт., и "Царский вестник". - 1938. - 9 окт.).

"ДНЕВНИК КАЗАКА" (Париж, 1935. - Январь - 1938. - № 1-15) - информация Правления Лиги возрождения казачества; с 1937 - казачий национальный журнал; на правах рукописи (ротатор). Отв.

редактор И.Г.Сычев. Рассказы А.Гайдукова "Проводы казака Топилина на Великую войну" (1935. - № 4; 1936. - № 6) и Старого Вахмистра (псевд.) "Генерал Бакланов" (1937. - № 5); воспоминания А.Бояринова "Пасха в донских степях" (1936. - № 6), статья И.Н.Плахова "Донские казачьи песни" (1934. - № 3-4).

"ДОНЕЦ" (лагерь Челенгир, Турция, - о.Лемнос, 1921. - 20 марта - 15 мая. - № 1-4) - машинописный иллюстрированный информационный, исторический, научно-популярный, сатирико-юмористический еженедельник; орган штаба 2-й Донской казачьей дивизии; ответственный редактор полковник В.В.Фолометов. Выходил по инициативе генерал-лейтенанта А.К.Гусельщикова (1871-1936), уроженца станицы Гундоровской Области войска Донского, командира Гундоровского георгиевского полка в годы гражданской войны, начальника 2-й Донской казачьей дивизии в Крыму и эмиграции. Вел разделы публицистики, беллетристики, военно-политический и др.; иллюстрирован рисунками с видами о.Лемноса. Историческую и историко-литературную (научно-комментаторскую) ценность сохраняют воспоминания А.К. "Последние дни Войсского круга" (№ 2) и М.К. "Всероссийский общештабной казачий съезд в 1917 году" (№ 3), материалы к истории 7-го Донского казачьего полка, участвовавшего в боях против 1-го конного корпуса Д.П.Жлобы в 1920 (№ 4), очерки Герасимова о восстании казаков в станице Гундоровской и формировании Гундоровского полка (№ 4).

"ДОНЕЦ НА ЧУЖБИНЕ" (о.Лемнос, 1920. - Сентябрь - 1921. - № 1-7; Билеча (Герцоговина, Югославия), 1922. - № 1. - 17 февраля) - рукописный литературно-художественный журнал кадет Донского корпуса; редактор-издатель В.К.Алимов. В 1922 (№ 1) вышел под названием "Донец". Явился продолжением журнала, выходившего ранее в кадетском корпусе в Новочеркасске под названием "Донец" в течение четырнадцати лет. Весной 1921 за отсутствием средств корпус был расформирован, возродился в небольшом городке Билеча, объединившись с воспитанниками Петербургского и Хабаровского кадетских корпусов, переведенных из Шанхая, под наименованием 2-го Донского имени Александра III кадетского корпуса, органом которого и стал появившийся в феврале 1922 журнал "Донец", вернувшийся к первоначальному названию. Журнал "публиковал"

прозу и стихи - "пробы пера" - воспитанников корпуса; вел хронику кадетской жизни; в нем начинал свой творческий путь рано ушедший из жизни поэт и прозаик Ю.Гончаров, в 1921 кадет 7-го класса.

"ДОНСКОЙ МАЯК" (лагерь Кабакджа, Турция, 1921. - Январь - Апрель. - № 1-4) - ежемесячный историко-литературный журнал; орган Донского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Ф.Ф.Абрамова; ответственный редактор-издатель А.П. Фицхелауров (1880-?), генерал-лейтенант, командир бригады 3-й донской казачьей дивизии в годы гражданской войны. Печатался на пишущей машинке, тиражировался на циклостиле (до 100 экз.). Вел отделы беллетристики и поэзии, истории, духовно-нравственный, научно-популярный и др. Свою задачу видел в том, чтобы "запечатлеть славное прошлое Дона в его героической борьбе... против большевистских сил", "наше настоящее в изгнании", "поддержать дух и веру..." (№ 2. - С.1). Печатал стихи и прозу любительского характера, опубликовал статью А.Павлова о творчестве В.Севского (наст. фамилия В.А.Краснушкин) (1890-1921), редактора "Донской волны" в 1918-19, поэта, прозаика и публициста, "донского сеятеля правды казачьей, правды русской", "остроумные фельетоны" которого "отличались своеобразностью и исключительной красотой" (№ 2), а также воспоминания А.Иванов о назаровском десанте в конце 1919 и И.Захарова "Из недавнего прошлого" (август 1920), дневник-хронику лагеря Кабакджа и о.Лемноса.

"ЕДИНСТВО" (Белград, 1931. - № 1. - 2 июня) - бюллетень-журнал, официальный орган общеказачьей студенческой станицы в Белграде; издавался на станичные средства. Стихи Н.Келина, П.Полякова, Б.Кундрюцкова и др. Сообщения о новых книгах: "Казачьих песнях" И.Колесова, сборнике стихов "Свиток" Ю.Гончарова, романе Б.Кундрюцкова "Кожаные люди". В официальной части журнала сообщается о поручении Б.Кундрюцкову выступить с докладом "Тихий Дон" М.Шолохова как вклад в казачью литературу".

"ЗА КАЗАЧЕСТВО" (Ницца, 1933. - Сентябрь - 1938. - № 1-32) - орган Алжирской казачьей станицы, иллюстрированный журнал независимой казачьей жизни; редактор полковник С.М.Макеев

(литографированное издание). Очерк истории Алжирской станицы В.Александрова (1934. - № 4-5), воспоминания С.Макеева "У ворот Кубани" - об отступлении Добровольческой армии в 1920 (1933. - № 1) и дневниковые записи Н.Быкадорова о донском кадетском корпусе (1933. - № 2). Стихи С.Макеева и И.Томаревского; рассказы С.Макеева.

"КАВКАЗСКИЙ КАЗАК" - см. "ВОЛЬНАЯ КУБАНЬ".

"КАЗАК" (Париж, 1933. - Март-апрель - № 1-8. - 1934. - Март-апрель. - № 1-4. Нумерация - от начала каждого года) - вестник донского атамана и Союза казаков-комбатантов, организованного по инициативе донского атамана генерал-лейтенанта А.П.Богаевского в апреле 1932. Направление: "Объединять казаков всех войск, участников Великой и гражданской войн, в дружную семью, поддерживать достоинство и добрую славу казачества". Очерки: В.Г.Баранова об авиаконструкторе И.И.Сикорском (1933. - № 3/4), В.П. о деде генерала Бакланова (1933. - № 7/8). Рассказ К.Тренева "Купанье в Дону" (1933. - № 5), исторический рассказ Д.Л.М. о 1812 году "Кто-то вернется?" (1933. - № 6). Рецензия на книгу С.Рытченкова "259 дней Лемносского сидения", Париж, 1933 (1933. - № 2). Воспоминания Д.Воротынского "И.А.Бунин" (1933. - № 7/8), написанные в связи с присуждением писателю Нобелевской премии. Вспоминая о встречах с Буниным в Москве и Париже автор пишет: "На одном из самых последних собраний "Среды"... Бунин резко возмущался каким-то странным стихотворением Блока "Скифы"... Блок тогда причалил к большевикам, и мы все горячо аплодировали Бунину"; "В изгнании на собрании "Зеленой лампы" мне довелось слушать, как Бунин читал свое стихотворение на церковно-славянском языке и, как сказал он сам, оно "единственное в русской поэзии"... " (с.19).

"КАЗАКИ" (Прага, 1929. - Ноябрь - 1930. - Август. - № 1-2) - беспартийный литературный и общественно-научный орган общеказачьей станицы в Чехословакии; под ред. Л.Мунзара (№ 1) и А.А.Троценко (№ 2). Литографированное издание; девиз: "Защита веры православной, Отечества и свободы". Опубликовал воспоминания В.Караваяева "Первые дни февральской революции на

Дону" (№ 1), очерк Н.Упоренца "Хачико" (о Чечне) (№ 2), подборку "Казачи в произведениях выдающихся русских писателей" - рассказ А.П.Чехова "Казак" и стихи К.Бальмонта "Русь" (№ 2), стихотворение А.Белого "Родина" (№ 2), рецензию на книгу "Звездный крен: Стихи 1926-1928" (Прага, 1929) В.Лебедева - "труд зрелого законченного художника" (№ 1).

"КАЗАКИЯ" (Братислава - София - Братислава, 1934. - Январь - 1939. - Июль. - № 1-33) - литературно-исторический и информационный журнал. В разное время в состав редакции входили: И.Бойко, И.Колесов, С.Балыков, Г.Еременко, Ф.Оболенский, И.Безуглов. Произведения кубанских авторов печатались на украинском языке. Возник в результате раскола казачьего национального движения в Чехословакии, рупором которого являлся журнал "Вольное казачество" (см.). Из редакции последнего вышли С.Балыков (секретарь) и И.Колесов (председатель объединения "Литературная казачья семья"), положившие начало новому - не оппозиционному, а параллельному - изданию, "единственному независимому собственно казачьему органу" (1934. - № 3. - С.53). Развивал направление, заявленное "Вольным казачеством", разногласия с названным журналом касались вопросов его финансовой и идеологической зависимости от польского правительства. Опубликовал мемуары историка Ф.Щербины "Пережитое, передуманное и осуществленное" (1934-37), воспоминания Н.Гулого "Восстание казаков на Таманском полуострове в мае 1918 года" (1934. - № 4-5; 1936. - № 2), К.Киреева "К истории восстания верхнедонцев в 1919 году" (1936. - № 1-2), С.Балыкова "Донские юнкера в Новочеркасске, под Кизитеринкой и в Ростове осенью 1917 года" (1937. - № 26) и др. материалы. Стихи Ю.Гончарова, Н.Келина, И.Колесова, П.Полякова и др. Поэмы "Атаман А.М.Каледин" М.Мурзина, "Городок Ветютнев" и "Дядя Янош" П.Полякова. Рассказы С.Балыкова, А.Бояринова, Б.Кундрюцкова, С.Макеева и др. В понимании назначения литературы "Казакция" пыталась полемизировать с "Вольным казачеством" ("... тормоз в развитии казачьей поэзии, - писал И.Колесов в статье "Опыт критического анализа" (1934. - № 2-4), - перешедший к нам чуждый взгляд, что писатель или поэт, сотрудничающий в определенном журнале, разделяет или должен

разделять его политическое направление. Я считаю, что художественная литература принадлежит всему народу, а не отдельным его партиям или течениям"), но время от времени в ней давали о себе знать "вольноказачьи" традиции. Спустя четыре года тот же И. Колесов назвал Н. Келина, "блуждающего" меж Россией и казачеством, "поэтом эпохи перерождения" ("Десять лет" // 1938. - № 27), а В. Елисеев в отзыве на "Опавшие листья" и "Понять - простить" П. Краснова отлучил их автора от "национальной" литературы, поскольку "дама сердца Краснова - Россия, а не казачество" (1934. - № 2). Подобные "отлучения" не могли не сказываться на духовном укладе сотрудников и авторов журнала, объективно ощущающих "малость сил своих" перед задачей собирания казачества в особую нацию и отдельное государство. Этим обстоятельством во многом объясняется драматизм в самосознании и самоопределении "вольноказачьих" писателей за рубежом и их непоследовательность в отстаивании своего "национального" идеала. Несмотря на высокую оценку стихов Ю. Гончарова, Б. Кундрюцкова, Н. Келина, Н. Назарова, П. Полякова и других поэтов - "по затратам нервов и сил они <их стихи> писаны не буквами, а каплями своей крови, казачьими слезами, глубокой душевной скорбью", журнал вынужден был признавать, что "достижения" "нашей литературы", "по сравнению с ее целями и задачами, почти ничтожны" ("О казачьей литературе" // 1937. - № 5. - С. 7), и преодолевать изоляционизм и замкнутость собственного положения в культуре. В этом смысле характерна частая оглядка "Казаккии" на писателей метрополии и поиски родства и общности с ними: "Нельзя пренебрегать такими литературными величинами, как М. Шолохов, Д. Петров (Бирюк), А. Сафронов, П. Кофанов, Е. Горбань, Котенко, Г. Шолохов-Синявский"; "казачью литературу зарубежную роднит с тамошней общая любовь к казачеству и глубокая вера в его возрождение" (1937. - № 5. - С. 7). Характерен стойкий и глубокий интерес к Шолохову "с его общественно и социально значимыми темами, живо захватывающими читателя и после сталинской цензуры" (там же); больше того: ко всему тому, что связано с именем этого художника, не исключая и слухов: "Вторая часть "Поднятой целины" готовилась к печати, ныне... она возвращена автору для переделок" (1938. - № 27. - С. 3 обл.) - расхожий, кстати, сюжет в критике литературного зарубежья, не только казачьего, но и русского, сюжет, нуждающийся в

серьезной проверке, ибо, как правило, сведения казачьей прессы, основанные "на слухах" (во всяком случае в отношении Шолохова), спустя определенное время, подтверждались: "Вскоре появится четвертый и последний том "Тихого Дона", - сообщала читателям "Казакция" в январе 1938. - Шолохов уже перемахнул за тысячу... страниц... а его главный герой Григорий Мелехов все еще не только не стал большевиком, но с оружием в руках сражается за "трудовое" казачество против большевиков. М.Шолохов... открыто любит Григория. В советской обстановке это явление почти исключительное" (№ 27. - С.3 обл.). Постоянно подчеркивая свои преимущества перед писателями, живущими в СССР: "И там течет литературная жизнь, правда, исковерканная, сжатая, нерассказанная" (1937. - № 5. - С.7), поэты и прозаики казачьего зарубежья не смогли воспользоваться "предметом" своей исключительной гордости - творческой свободой, и произведения подавляющего большинства из них остались фактами их личной биографии.

"КАЗАЧЕСТВО" (Прага, 1933. - 10 октября - 1934. - 25 июня. - № 1-18) - иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический; редактор-издатель И.А.Билый. Некоторые произведения печатались на украинском и чешском языках. Опубликовал очерки "Трагедия казачества". Часть II (декабрь 1918 - июнь 1919 года) (1933-1934. - № 1-18; автор не указан), воспоминания Еф.Якименко о последних днях А.И.Калабухова (1933. - № 4), "Материалы по истории Степного похода" А.Ленинова (1934. - № 11/12, 16) и его статью "Генерал Богаевский и судьба войсковых капиталов Всевеликого Войска Донского" (1934. - № 7/8, 18), список казаков, похороненных на греческом кладбище в Праге, - 60 имен (1934. - № 17). Стихи Б.Кундрюцкова, И.Назарова, П.Полякова и др.; пьеса в стихах Б.Кундрюцкова, поэмы И.Назарова, П.Полякова, С.Савицкого, опубликованные в 1933-1934 в журнале "Вольное казачество" (см.). Рассказы Р.Кумова (1933. - № 2), Б.Кундрюцкова (1933. - № 2), Т.Старикова (1933. - № 3; 1934. - № 15) и др. Под рубрикой "Иностранцы о Михаиле Шолохове" - извлечения из статьи польского писателя Теодора Парницкого "Современный советский роман - прекрасный ренессанс эпоса", относящиеся к оценкам "Тихого Дона", в котором Шолохов "приблизился к великим поэтам-эпикам давних веков и эпикам-писателям XIX в.", и "Поднятой

целины": "Самая борьба за колхозы и люди, в ней участвующие, нарисованы с необыкновенной беспристрастностью". "Как никакой, может быть, современный роман - новое произведение Шолохова целиком захватывает читателя, втягивая его безоговорочно в раскрываемый им мир - мир реальный, живой, правдивый..." (1934. - № 16. - С.16).

"КАЗАЧИЙ ЖУРНАЛ" (Париж, 1929. - Май - декабрь. - № 1-8) - ежемесячный иллюстрированный журнал; редактор-издатель Е.Д.Коновалов, полковник, бывший секретарь Уральского войскового правительства. Направление: казачество в составе России. Опубликовал воспоминания А.Ленинова и Вл.Лодыженского о последних днях жизни А.М.Назарова и Е.А.Волошинова (№ 6), А.П.Богаевского об уральцах (№ 5), П.Стремухова о большевистском терроре в одном из южных городов России (№ 8), очерки "Македония" - о казачестве в эмиграции, Н.Туровой (№ 5-6), "Казачьи войсковые праздники" П.Скачкова (№ 6). Стихи М.Волковой, Н.Туровой; рассказы Д.Скобцова-Кондратьева и др; статья Б.Лазаревского "О Чехове" (№ 5), рецензия А.Краснощекова на книгу стихов Н.Туровой "Путь" (Париж, 1928) (№ 6). В первых четырех номерах, которыми не располагают отечественные библиотеки, принимали участие А.Куприн и И.Сургучев. С 1930 выходил под названием **"Россия"** (Париж, 1930. - № 1. - 15 февраля - 1933. Известен вышедший в 1933 без обозначения номера выпуск журнала, помеченный апрелем). Номера, посвященные Кубанскому (1930. - № 7) и Терскому (1931. - № 11) казачьим войскам. Очерки В.Добрынина "На Дону" (1930. - № 3) и Т.Сладкова "Гражданская война на Урале" (1930. - № 4). Снимки, материалы к биографиям художников, оперных певцов и артистов балета русского зарубежья (в каждом номере). Стихи А.Ачаира, М.Волковой и др. Роман П.Ергушева "На древнем рубеже" - о терском казачестве в гражданской войне (1930. - № 1-8; 1931. - № 9-11), комедия И.Сургучева "Игра" (1930. - № 1-3), рассказ А.Куприна "Костя Попов" (1933. - Апр.). Воспоминания П.Скачкова "Памяти Ф.Д.Крискова" (1930. - № 2), беседа К[оновалова?] "У И.Д.Сургучева" (1930. - № 1). Рецензии на книги: Краснов П. С Ермаком на Сибирь. - Париж, 1930 (1930. - № 2); Елисеев Ф. История Войскового гимна кубанских казачьих войск. - Париж, 1930 (1930. - № 3); Гушик В. Христовы

язычники: Рассказы. - Таллин, 1929 (1930. - № 3); Седых А. Там, где была Россия. - Париж, 1930 (1930. - № 5); Бородин Н.А. Идеалы и действительность: Сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879-1919), Париж. - 1930 (1930. - № 6).

"КАЗАЧИЙ ПУТЬ" (Прага, 1924. - 8 февраля - 1928. - 23 декабря. - № 1-130/131) - орган общеказачьего сельскохозяйственного союза; с 1927 - **"Путь казачества"** - демократический казачий орган. Редактор В.А.Харламов (1875-1957), историк, бывший член Государственной думы и председатель Донского войскового круга, председатель Дунской исторической комиссии и общеказачьего сельскохозяйственного союза в эмиграции. Держался традиций демократического казачества, разделял идеи народовластия (Войсковой круг, Рада). Публиковал работы крупных историков русского зарубежья: И.Быкадорова о казачестве первой половины XVII в. (1926-27), "Казачи в русской Смуте" Д.Скобцова (1927), С.Сватикова о служилом казачестве в Московской Руси (1928). Очерки, воспоминания и дневники, посвященные времени первой русской революции, русско-японской, первой мировой и гражданской войн. Вел "Календарь революции" (1924. - № 2 и след.) в виде краткого перечня событий в казачьих войсках с марта 1917 (сост. К.Каклюгин). Стихи Ю.Гончарова, Н.Келина, И.Колесова, Б.Кундрюцкова, П.Полякова и др.; поэмы Николая Келина "О чем пел набат" (1926. - № 91), написанная под очевидным влиянием "Двенадцати" А.Блока, и "Этапы" (1928. - № 22), былинный сказ И.Колесова "Памяти А.М.Каледина" (1926. - № 75) и "Воскресшая былина (Козьма Крючков)" (1926. - № 90) В.Мельникова. В прозе, равно как и в стихах и поэмах, нашли отражение темы дореволюционной жизни казачества, гражданской войны на Дону и "эмигрантского счастья" (название одного из произведений Дм.Темирева) вдали от родины: рассказы Ю.Гончарова, Н.Келина, И.Колесова, Д.Кондратьева, Д.Тимирева, П.Янюшкина и др. Критика "Казачьего пути" высоко ценила прозу Ю.Гончарова, И.Колесова, П.Янюшкина (см.: Уланов Б. О "Казачьем сполохе" // 1925. - № 69). Журнал постоянно обращался к народному поэтическому творчеству: публикации калмыцкого (1924. - № 19-20) и болгарского (1924. - № 29) фольклора, статьи В.Шапкина "Казачья народная песня" (1924. - № 43), М.Поликарпова "Донские песни и

казачий быт" (1926. - № 79-82, 90, 91), Г.Шпилевого "Донской хор" (под управлением регента С.Ярова) (1925. - № 48) и П.Янюшкина "Донской хор под управлением Н.Ф.Кострюкова" (1927. - № 12/13); творческому наследию малоизвестных писателей прошлого и казачьих авторов, умерших или погибших в годы гражданской войны: стихи украинского поэта XIX в. священника А.Павловича, рассказы и очерки Ф.Крюкова и Р.Кумова, памяти которых целиком посвящен № 77 за 1926; статьи И.Крюкова "Ф.Д.Крюков (К девятилетней годовщине смерти)" (1928. - № 37/38), А.Павлова (1925. - № 64) и П.Далина (1927. - № 14/15) о Викторе Севском. Работы о русской классике: передовая "Враги русской культуры" (1925. - № 60) - о праздновании 125-летия со дня рождения А.С.Пушкина в СССР, рецензия на книгу "Две жены - Толстая и Достоевская: Материалы" / комм. Айхенвальда Ю.И. - Берлин: Арзамас, 1925 (1925. - № 88), статья Н.Вазагова "Лев Толстой (по поводу столетия со дня его рождения)" (1928. - № 35). Определенный интерес представляет воспроизведение на журнальных страницах типов донских казаков и казачек с рисунков художника Бударина, выполненных по поручению Донского музея в Новочеркасске в 1900-1904 (1926. - № 88 и след.).

"КАЗАЧИЙ СБОРНИК" (Берлин, 1922. - № 1-2) - ежемесячный журнал национально-казачьей мысли; издание Лихтенгорской казачьей станицы, редактор полковник П.Карташов. Направление: "Спасет казачество преданность вере Христа Спасителя и беспредельная страстная любовь к Родине" (П.Краснов). Публицистические статьи П.Краснова (№ 1, 2) и И.Родионова (№ 1), "Краткие сведения о жизни и деятельности б. атамана Всевеликого Войска Донского генерала от кавалерии Петра Николаевича Краснова" С.В.Денисова (№ 1-2). Русский национальный гимн ("Боже, царя храни!") и гимны Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, причем Донской гимн дается в его народной "редакции" (1855) и с краткой историей текста (№ 1); песни казаков 1-го казачьего генерала Краснова полка (№ 2), стихотворение в прозе "Родимый край" Ф.Крюкова. Заметки П.К[раснова?] о жизни и творчестве Ф.Крюкова: "Никто, как он, не описал так точно тихую жизнь казачьей станицы. Его Ефимы, Гордеи, Власычи... - типы, которые перейдут в историю, и здесь он выше своего учителя Короленки и по красоте пера и силе проникновения подходит к

лучшим образцам родной литературы" (№ 1. - С.59). "Критический очерк", подписанный псевдонимом Изгнанник, о повести И.Родионова "Жертвы вечерние": "В русской литературе есть еще два произведения, к которым и "Жертвы вечерние" по стилю, по тону, по описываемым типам - даже по местности - казачий юг России - подойдет, как прекрасное дополнение, это "Тарас Бульба" Гоголя и "Казачи" гр. Льва Н.Толстого. И странно, непонятно будет многим сознать, что "Жертвы вечерние" Ив.Родионова, полные ужасов и кошмарных сцен убийств и избиений, относятся ко времени республики, торжества социализма над христианством, а красивая мирная повесть гр. Л.Толстого... протекает в самые "мрачные" времена "царизма"..." (№ 2. - С.61-62).

"КАЗАЧИЙ СПОЛОХ" (Прага, 1924. - 1 октября - 1931. - Март. - № 1-22) - иллюстрированный литературно-научно-публицистический журнал; орган общеказачьей студенческой станицы в Чехословакии; в разное время в редакцию издания входили: В.Д.Белый, Н.В.Вазагов, М.Т.Гребенников, М.Ф.Фролов, И.И.Колесов, К.Чхейдзе и др. Направление - казачество как часть русского народа в составе России. По определению Г.Фальчикова, "триада символа веры "Казачьего сполоха": Россия, любовь и творчество" (см.: "Казачий путь" // 1924. - № 44. - С.2). Публицистика и очерки, посвященные школе и народному образованию в России и на Северном Кавказе, проблемам влияния революции на культурный, экономический и бытовой уклад казачества (статьи и очерки Н.Рудольфа; ответы на анкету журнала (1927. - № 12) В.Добрынина, С.Сватикова, П.Скачкова, А.Кизеветтера, Вас.Немировича-Данченко, Евг.Чирикова и др.). Интерес к истории, этнографии, языку, фольклору и старому быту казачества: Вазагов В. Что такое казачество (1925. - № 6/7); Алексеев С. Из донской старины XIII-XIV (1928. - № 13, 14); Шурин-Белый В.Д. Свадьба у терских казаков (1929. - № 18) и Язык казаков Терского войска (1929. - № 19/20); публикация калмыцких народных сказок в переводах Ш.Ниминова (1929. - № 19/20) и др. Очерки и воспоминания о гражданской войне на Дону: П-в. Из воспоминаний о Степном походе (9 февраля - 24 апреля 1918 года) (1927. - № 10; 1931. - № 1); Добрынин В. 1919 год на Дону (1929. - № 18); Янюшкин П. На Москву! (Эпизоды из рейда конного корпуса генерала Мамонтова) (1929. - № 18). Отрывки из

романов "Терские казаки" П.Ергушева, "Русь" П.Романова, из пятого тома эпопеи Г.Гребенщикова "Чураевы"; стихи Ю.Гончарова, П.Полякова, Б.Кундрюцкова ("Голутвенные песни"), И.Колесова, Н.Келина; Символическая поэма "Смута" В.Ильинского и стихотворное "Сказание о святом Николае Чудотворце" В.Полякова; рассказы и эссе Ю.Гончарова, Н.Келина, И.Колесова, М.Лактионова, Б.Кундрюцкова, а также рассказ К.Тренева "В станице". Уделяя большое внимание вопросам школы, образования и воспитания, журнал считал движение, возглавляемое "Вольным казачеством", "нежизненным" и готовил своих читателей к серьезной и кропотливой культурной работе на Родине: "Нам придется - раньше или позднее - участвовать в духовном и хозяйственном переустройстве наших краев" (Попков В. Задачи казачьей интеллигенции // 1929. - № 19/20. - С.2, 4). В соответствии с такой ориентацией строилась и литературная политика "Казачьего сполоха", придававшего исключительное значение роли словесного искусства в образовании и облагораживании человеческой души (см.: Чхейдзе К. О качествах карамазовской души // 1925. - № 6/7; Николаев Э. Л.Толстой об искусстве // 1929. - № 18). Педагогический подход к литературе, доводимый иногда до педантичного ригоризма, сказался на оценке первых двух книг "Тихого Дона": "Признавая, что автор "Тихого Дона" показал гражданскую войну во всем ее ужасе, мы все-таки не можем не отметить, что тенденция, проявляемая Шолоховым на протяжении всего романа, значительно снижает его историческую ценность и наносит ущерб художественной стороне романа", ибо, по мнению рецензента, показ "зверского в человеке" "не способствует умножению добра" (Чхейдзе К. Мих.Шолохов. "Тихий Дон", роман, кн.2 // 1929. - № 19/20. - С.36). В разделах "Книги" и "Критика и библиография" содержатся также отзывы о "Книге стихов" Ю.Гончарова (Прага, 1929) (1929. - № 19/20), о работе Вс.Иванова "Мы. О культурно-исторических основах русской государственности" (Харбин, 1926) (1927. - № 12), "Воспоминаниях и думах" (Прага, 1927) Н.П.Кондакова (1927. - № 12).

"КАЗАЧЬЕ ДЕЛО" (Париж, 1931. - Февраль - 1931-1932. - Декабрь-январь. - № 1-4/5) - орган "Лиги возрождения казачества", издавался на средства казаков - членов "Лиги", придерживающихся самостийных воззрений. Воспоминания А.Бояринова о гражданской

войне на Дону (№ 1) и его же записки о службе старого казака на французской ферме (№ 4/5); информация о жизни в эмиграции и на родине. Стихи Б.Кундрюцкова, поэма "Иван и Феня" (№ 3) и сказка в стихах "Три брата" (№ 4/5) П.Полякова.

"КАЗАЧЬИ ДУМЫ" (София, 1923. - 15 мая - 1924. - 31 декабря. - № 1-38) - общеказачий журнал, орган Донского правительства в эмиграции; под редакцией С.А.Серапина (псевд.: Сергей Пинус) (? - 1927), бывшего преподавателя русской словесности в Усть-Медведицком Платовском реальном училище, печатавшегося во многих дореволюционных изданиях, а также в периодике времени гражданской войны ("Север Дона", "Донская волна" и др.). Направление: "Для казака... одно "верую" - Россия, ее могущество, слава, честь" (1923. - № 16. - С.43). Исключительное место в издании занимали статьи, очерки, воспоминания и дневники о революции и гражданской войне на Дону, Кубани и Урале. В журнале дана библиография российских и зарубежных работ 1917-1920 о белом движении на Дону (Добрынин В. Странички к истории донского казачества // 1923. - № 10). Художественная литература представлена стихами С.Сулина, Н.Туровой и др.; рассказами о гражданской войне и жизни в эмиграции Н.Быльева, Н.Виноградского, В.Петрова. Статья С.Серапина "Кант и Байрон" (1924. - № 26); рецензии на романы "Солнце мертвых" И.Шмелева и "Канавы" А.Ремизова (1923. - № 7), а также на "Очерки русской смуты", т.1-2, А.И.Деникина (1924. - № 22-23); книгу В.С.Толстова "От красных лап в неизвестную даль (Поход уральцев)", Константинополь, 1923 (1923. - № 3); "Дни" В.Шульгина (1923. - № 7), воспоминания В.Леонтовича "Первые бои на Кубани", Мюнхен, 1923 (1923. - № 14); монографию С.Г.Сватикова "Россия и Дон (1549-1917 гг.)" (1924. - № 27) и на все три выпуска "Донской летописи" (1924. - № 18, 24, 37).

"КАЗАЧЬИ ЗОРИ" (Моравская Тршебова, 1925. - № 1) - рукописный журнал казаков-учеников русской гимназии в Моравской Тршебове (Чехословакия); главный редактор И.Бойко. Направление: "... наша цель... напомнить вам о том, как жили деды наши... рассказать преданья старины и хоть на миг вас унести в родные земли..." Воспоминания: Кубанца (псевд.) о восстании в

станции Лабинской летом 1918, А.Романецкова о каникулах кадета, Юга "На Донце" и "Наводнение" (Из жизни шуменских кадет). Гимны Донского, Кубанского, Терского и Уральского казачьих войск, стихотворение в прозе "Родимый край" Ф.Крюкова; стихи и рассказы воспитанников гимназии.

"КАЗАЧЬЯ ВОЛЯ" (Луцк, 1936-1937. - № 1-8) - иллюстрированный журнал, литературный и политический; редактор Ф.М.Штовхань, окружной атаман казаков в Польше. Направление: "Казакья - наша цель! Наш девиз - казачья воля!". Содержит информацию о казачьей эмиграции в Польше. Очерки П.Родина "Тринадцать лет у большевиков" (№ 5) и А.Ленинова "Избиение уральских казаков в 1804 году" (№ 7), воспоминания С.Рябцева о В.М.Чернецове (№ 7) и Еф.Якименко "Что вспомнилось" (№ 4-5). Стихи А.Акунина (№ 5), Ив.Коваленко (И.К. Скубани) и др.

"КОВЫЛЬНЫЕ ВОЛНЫ" (Joinville-le-Pont, Франция, 1930. - Ноябрь - 1937. - Февраль.- № 1-15) - орган калмыцкой национально-политической группы "Хальмак Тангачин Тук" под редакцией Ш.Н.Балинова (1894-1959), журналиста, секретаря калмыцких культурных работников в Чехословакии, руководителя группы "Хальмак Тангачин Тук" в Париже, и С.Б.Балыкова (1895-1943), журналиста, главного секретаря группы "Хальмак Тангачин Тук". Направление: "Посильное служение идее национального самоопределения "малых" народов" (1930. - № 1). Народные сказки, легенды и предания в переводах и переложении Н.Ниминова (1930. - № 1; 1931. - № 2-3) и С.Балыкова (1933. - № 7). Отрывок из романа С.Макеева "В борьбе за Родину" (1935. - № 10), рассказы С.Балыкова и Ш.Ниминова (1933. - № 6). Поэмы Ш.Ниминова "Ночные думы" (1932. - № 5) и П.Полякова "Хутор Разуваев" (1932. - № 4); стихи Н.Келина, Б.Кундрюцкова, П.Полякова и др. Статьи Ш.Балинова "К 50-летию Бадмы Нарановича Уланова" (1935. - № 10), Ал.Бурчинова "Художник Калмык в Карлсруэ" (1935. - № 10), С.Балыкова "Трагедия Григория Мелехова" (1933. - № 7). Последняя работа дает представление об идеологической и литературной направленности журнала: "Трагедия Григорьевой души, - пишет С.Балыков, - заключается в том, что он путает два понятия: класс и нацию. Он сторонник трудового народа, а потому претит ему борьба с

большевиками, за которыми пошел русский народ, но в то же время он сам, того ясно не сознавая, казак по национальности и не может не защищать жизненные интересы своего народа. Если бы ему подсказали мысль, что война между большевиками и казаками есть не классовая война, а война двух народов, что русский народ, хотя бы в лице своего рабочего класса, идет войной на народ казачий и что он, Григорий, может быть сторонником трудового класса в среде своего народа, но в борьбе против большевиков обязан участвовать как против внешних завоевателей, никакой душевной трагедии, раздвоения и разлада не было бы" (с.43-44).

"КУБАНЕЦ" (Вранье (Вране), Сербия, 1921. - Апрель - 1924. - 6 июля. - № 1-177) - информационный листок, издаваемый штабом Кубанской дивизии (начальник дивизии генерал-майор В.Э.Зборовский). Письма П.Н.Краснова, великого князя Николая Николаевича, приказы и распоряжения П.Н.Врангеля и др. официальные материалы; под рубрикой "Вести с Родины" опубликовано 254 письма с Кубани, дающих представление о жизни казачества в метрополии в первой половине 20-х (в каждом выпуске). Очерки и воспоминания о первой мировой войне, материалы к истории гражданской войны. Стихи Е.Лысенко, В.Полякова и др.

"КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО" (Париж, 1931. - Сентябрь - 1932. - Май. - № 1-3) - историко-литературный и иллюстрированный журнал общества ревнителей Кубани; редактор - коллегия кубанских казаков, при участии Союза кубанских писателей и журналистов. Очерки: "Великое войско Кубанское (1688-1872)" (№ 2), "Пластуны" (№ 1, 3), "Атаман Кухаренко" (№ 2) С.Федорова (псевд.: С.Лантух), "Церковная жизнь на Кубани со времен прибытия запорожцев до последних дней" (№ 1) протоиерея Гр.Ломако, "Лабинцы и последние дни на Кубани" (№ 2) Ф.Елисеева; П.Кокунько о ставропольском казачьем юнкерском училище (№ 1), С.Машенко о екатеринодарской военно-фельдшерской школе (№ 2), Ф.Елисеева об оренбургском казачьем военном училище (№ 3), М.С. "Столетний юбилей конвоя Его Величества" (1811-1911)". Былинный сказ Вл.Куртина "Разлилась ты...", стихи С.Макеева и др; биографическая справка о С.Федорове (С.Лантухе).

"НАША СТАНИЦА" (Белград, 1935. - Март. - 1937. - Ноябрь-декабрь. - № 1-33/34; Прага, 1938. - № 1 (35).) - орган кубанской казачьей имени кошевого атамана Сидора Белого станицы в Белграде, журнал независимой кубанской мысли; редакционная коллегия: А.Г.Бойко, П.И.Кокунько, П.И.Курганский (председатель) и др. Выходил на правах рукописи (шапирограф). Размышления П.Кокунько об истории Кубанского казачьего войска "Думы старого казака" (1935-38); воспоминания А.Мороза о первой мировой войне (1936-37), Я.Смяцкого о гражданской войне на Кубани (1935-37); работа Л.Зверева "Генерал П.И.Кокунько (Очерк жизни)" (1937-1938. - № 9/10 - 1 (35); материалы к биографии историка Ф.Щербины (1936. - № 11). Стихи М.Волковой, Н.Келина, П.Полякова и др. Повесть В.Курганского "Кубань родная: Повесть из жития Кубани под большевистской властью" (1936-1938), рассказы А.Аверченко ("Молодая наука"), И.Колесова, В.Курганского. Рецензия В.К.<урганского?> на книгу "Стихи" Н.Келина (Прага, 1937); в ней, в частности, отмечается мотив "раздвоенности" поэта - "сочетание в одном и том же лице начала русского и начала казачьего, следствием которого является известная душевная борьба", а также авторская "глубокая ненависть к существующему на Родине строю" (1937. - № 7/8. - С.19). Статья Т-р "Памяти Тараса Григорьевича Шевченко (75 лет со дня смерти)" (1936. - № 4).

"ПУТЬ КАЗАЧЕСТВА" - см. **"КАЗАЧИЙ ПУТЬ"**.

"РОДИМЫЙ КРАЙ" - см. **"ВЕСТНИК КАЗАЧЬЕГО СОЮЗА"**.

"РОССИЯ" - см. **"КАЗАЧИЙ ЖУРНАЛ"**

"СТАНИЦА" (Париж, 1932. - Январь - 1940. - № 1 - № 32) - орган парижской студенческой казачьей станицы; редактор П.Гусев, атаман станицы. Направление: самостоятельность казачьих земель в составе России. Один из лучших журналов казачьей эмиграции по насыщенности и широте культурных интересов, выходящих за пределы собственно "казачьего мира". Отметил 125-летие со дня рождения Н.Гоголя и 120-летие со дня рождения Т.Шевченко (1934. - № 10), информировал читателя о потомках Гоголя и Пушкина за рубежом (1934. - № 10), № 21 за 1937 посвятил 100-летию Пушкина (статьи "Пугачев Пушкина" проф. М.Л.Гофмана и "О Пушкине и о нескольких проблемах его жизни" аббата К.А.Кенэ); на его страницах

печатались стихи А.Куприна, проза И.Шмелева, И.Лукаша и Н.Рошина; воспоминания Н.Тэффи; неоднократно обращался к личности и творчеству М.Шолохова - "гордости поправленного казачества", высоко оценил вышедшие три книги "Тихого Дона" и первую книгу "Поднятой целины" (см.: 1932. - № 2, 4, 5; 1933. - № 7; 1934. - № 10; 1936. - № 20). Д.Воротынский (1899-?), прозаик и литературный критик, уроженец ст.Усть-Медведицкой, близко знавший многих донских писателей, заявил, в частности, в ответ на появившиеся в одной из русских эмигрантских газет обвинения Шолохова "чуть не в литературном плагиате": "С Ф.Д.Крюковым я был связан многолетней дружбой, я был посвящен в планы его замыслов, и если некоторые приписывают ему "потерю" начала "Тихого Дона", то я достоверно знаю, что такого романа он никогда и не мыслил писать. Что касается Р.П.Кумова... то и Кумов такого романа писать не собирался... Из мелких донских писателей (подчеркиваю, *донских*, ибо надо знать красоты казачьей разговорной речи) такой рукописи, конечно, ни у кого не имелось..." (1936. - № 20). В "Станице" активно печатался "лучший поэт-донец" Н.Туроверов, опубликовавший в журнале большое количество стихов, поэму "Новочеркасск" (1935. № 16), рассказ "Дочь Платова", очерк "Юность Бакланова", статьи "Платов и его английские изображения", "Некоторые иностранные сказания о взятии казаками Азова" - с воспроизведением редких гравюр XVII в., и "Гоголь - Репин - запорожцы". В № 28 за 1938 даются отзывы крупных критиков зарубежья о творчестве Н.Туроверова: некоторые его стихи "олицетворяют полностью задание поэзии - быть "лучшими словами в лучшем порядке" (Г.Струве); "Стихи ясны и просты хорошей неподдельной простотой... замечателен его дар "пластический"... его чувство "художника" (Г.Адамович). В журнале напечатаны стихи М.Волковой, Н.Келина и др.; рассказы И.Акулинина, Д.Воротынского, а также байки, связанные с прозвищами донских казачьих станиц. Отзывы о романе Евг.Гарусского "Дорогой дальнею", который "отмечен во всей русской зарубежной прессе как одно из лучших произведений из жизни русской эмиграции" (1933. - № 5), романе Д.Е.Скобцова-Кондратьев "Гремучий родник", посвященном "описанию казачьего быта" и "трудном, неуклюжем и непонятном" по языку вследствие его "забвения" (1938. - № 27), о книгах стихов А.Ачаира "Тропы" и "Полюнь и солнце", вышедших в

Харбине и отличающихся некоторым "самолюбованием" автора и "нарочитой изысканностью" слога (1934. - № 11), о стихах И. Воинова "Чаша ярости" (Париж, 1938), ценность которых "в очень большой их религиозной насыщенности", правда, не без прямолинейного противопоставления "России блудницы и России святой" (1938. - № 27), о поэзии Н.Келина, "при всей даровитости несколько небрежного и к форме стиха и к языку" (1939. - № 31). Информация о работе кружка казаков-литераторов в Париже, организованного в январе 1938 (№ 25 и след.). Статья В.Синеокова "О чем пели казаки" (1935. - № 14-16), материалы, посвященные донскому хору под управлением С.А.Жарова (1931. - № 2; 1935. - № 15 - целиком), рецензия на книгу "Песни и сказания о Разине и Пугачеве", М.; Л., 1935 (1935. - № 15); работа С.Болдырева "Донцы в XIX и XX столетиях" (казаки в науке, литературе и искусстве) (1936. - № 18). О культурной деятельности русской эмиграции дают представление очерки Н.Никонорова "Русские школы во Франции" (1932. - № 4; 1933. - № 5) и справка о комиссиях, учреждениях и организациях казачества за рубежом (1935. - № 13).

"ТЕРСКИЙ КАЗАК НА ЧУЖБИНЕ" - см. **"ВОЛЬНАЯ КУБАНЬ"**.

"ТИХИЙ ДОН" (Прага, 1938. - Апрель - 1940. - Октябрь. - № 1-14) - орган независимой казачьей мысли; редактор-издатель М.А.Горчуков (1873-1952), педагог и общественный деятель, бывший член донского войскового круга всех его созывов, помощник донского атамана П.Х.Попова (1938-1939), профессор Духовной академии при Свято-Троицком монастыре (штат Нью-Йорк) в последние годы жизни. Журнал возник в связи с пропагандистской кампанией по выборам донского атамана, в поддержку генерала П.Х.Попова, после избрания которого осенью 1938 продолжал выходить как орган, стоящий "на твердыне Основных Законов", принятых Кругом в сентябре 1918. Стихи Н.Келина, П.Полякова; рассказы С.Балькова, А.Бояринова. Статья М.Г.<орчукова> "Наши поэты" (1939. - № 5/6) - о стихах Н.Келина и П.Полякова: "... наши поэты не только стоят вне унылого ряда современных русских поэтов, - но представляют собой редкое в наши дни явление истинных художников слова, у которых дело поэзии поднято на огромную высоту священного служения,

вдохновенного и пророческого" (с.37); "в них (стихах. - В.В.) неопалимой купиной горит Священный огонь казачьей веры с ее гневом напрасных обид, с неодолимой жадью отмщения за эти обиды... с беззаветной любовью к "Родному краю", к его великому прошлому, полному священных преданий, и с неколебимой надеждой на будущее, свободное и достойное казачьей доблести..." (с.39).

"УЛАН ЗАЛАТ" (народ, носящий красные кисти на шапках) (Прага, 1927. - № 1. - 1 мая; 1928. - № 2. - 15 марта; 1930. - № 3. - Декабрь) - историко-литературный, публицистический и информационный журнал; издание Калмыцкой комиссии культурных работников в ЧСР; шеф-редактор Б.Н.Уланов (1888-1969), из донских калмыков, бывший адвокат, товарищ председателя Войскового круга, член Донского правительства при атамане А.П.Богаевском. Материалы калмыцких авторов печатались на калмыцком языке. Публикация калмыцкого народного героического эпоса "Джангар" в записи на родном языке Н.О.Очирова, в переводе на русский Д.Н.Баяновой (№ 1-3); стихи М.Маковской, И.Странника (П.И.Ф.), Д.Тюльгинова (№ 2); рассказ С.Балыкова "На Цагане" - о религиозно-национальном годовом празднике калмыков; размышления Э.Николаева о книге А.Позднеева "Образцы народной литературы монгольских племен". СПб., 1880 (№ 3).

В.В.Васильев

КОМИТЕТ ПОМОЩИ РУССКИМ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ (Берлин, 1920-1933) - образован в марте 1920 как отделение "Американского фонда помощи нуждающимся русским литераторам и ученым" (председатель К.М.Оберучев) и до 10 октября 1922 назывался "Германское отделение Американского фонда помощи русским литераторам и ученым". Основной целью Комитета было оказание материальной помощи русским литераторам и ученым-эмигрантам. Денежные средства, в основном, поступали из США, а также собирались с помощью пожертвований, благотворительных вечеров, концертов и пр. Крайняя дата сохранившихся в архивном фонде Комитета

протоколов его заседаний - 25 августа 1933 (РГАЛИ. Ф. 1570). По-видимому, в непродолжительном времени после прихода к власти Гитлера Комитет прекратил свое существование.

Денежной помощью Комитета пользовались литераторы Ю.И.Айхенвальд, Н.М.Волкововский (вышел из комитета в 1929), Р.Б.Гуль, В.Я.Ирецкий, Л.Г.Мунштейн (Лоло), В.В.Набоков (Сирин), Н.И.Петровская, Игорь Северянин и др. Среди подававших прошение встречается и советский писатель Б.А.Пильняк, находившийся в Берлине по командировке Наркомпроса. В фонде Комитета сохранились расписки, счета, доверенности названных литераторов. Письма с просьбами о ссуде, адресованные в Комитет, ярко рисуют тяжелое, зачастую просто нищенское положение русских писателей-эмигрантов в Веймарской Германии.

С.В.Шумихин

КОМИТЕТ ПОМОЩИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ И УЧЕНЫМ ВО ФРАНЦИИ (1921-1939). Основатель Комитета - Н.В.Чайковский. Председателями были в разное время С.А.Иванов, С.Г.Сватиков, И.Н.Ефремов (с 28 ноября 1927). Группа основана с целью развивать связи с учеными и учебными заведениями, организовывать материальную и моральную поддержку, оказывать помощь поступающим в высшие учебные заведения.

Комитет уделял внимание организации вечеров, посвященных памяти писателей-классиков, а также современных писателей, дням русской культуры, проводимым совместно с другими союзами. В литературно-музыкальном вечере памяти Л.Н.Толстого участвовали А.И.Куприн, граф А.Н.Толстой. В.А.Маклаков выступил с речью "Толстой и большевизм" (5 января 1921).

На общем собрании Комитета обсуждался среди прочих вопрос о невозможности пребывания в Комитете гр. А.Н.Толстого в связи с его сотрудничеством в газете "Накануне". При двух воздержавшихся гр. А.Н.Толстой из членов Комитета исключен (3 мая 1922).

З.Н.Гиппиус выступила с сообщением о творчестве Ф.Сологуба (к 40-летию литературной деятельности), Бальмонт - о Тютчеве (50-летие его кончины) (9 января 1924).

Чествование памяти А.С.Пушкина по случаю 125-летия со дня его рождения было проведено 12 июня 1924 совместно с Союзом русских писателей и журналистов, Народным университетом. Выступили представители русской и французской литературы и науки: Н.В.Чайковский, П.Буайе, П.Н.Милюков, М.Алданов. И.Бунин и К.Бальмонт читали свои произведения. В.Ф.Ходасевич дал анализ стихотворения Пушкина "Не для житейского волнения". А.М.Ремизов прочел "Сказку о рыбаке и рыбке". П.Н.Милюков говорил: "Пока существует русская литература, пока раздается в мире прекрасное русское слово, мы будем черпать из того неиссякаемого источника, скрывающего без числа перлы народной души, - из творчества нашего первого классика Пушкина" (Последние новости. - 1924. - 17 июня).

Комитет совместно с другими союзами организовал День русской культуры в Сорбонне, посвященный памяти Пушкина. Открыл заседание П.Н.Милюков. Выступили: В.А.Маклаков ("Праздник культуры"), П.Н.Милюков ("Пушкин и Чаадаев"). Доклад Д.С.Мережковского ("Пушкин с нами") был прочитан П.Н.Милюковым (6 июня 1926).

Союз русских писателей и журналистов совместно с Комитетом устроили литературный бал. Скетчи прозвучали в исполнении авторов - И.Бунина, А.Куприна, Б.Зайцева, Н.Тэффи, Саши Черного, М.Осоргина, А.Даманской, Дон-Аминадо, В.Ладыженского, Б.Лазаревского, И.Одоевцевой, И.Сургучева (15 января 1927). В связи с пятилетием со дня смерти В.Г.Короленко проведен вечер, на котором выступили П.Н.Милюков, В.А.Мякотин, читались произведения писателя (9 февраля 1927).

Совместно с Русским академическим союзом, Союзом писателей и журналистов, Народным университетом была выпущена однодневная газета, посвященная дню русской культуры (8 июня 1926). Ее редакторы: М.А.Алданов, З.Н.Гиппиус, И.Н.Ефремов, В.М.Зензинов, А.И.Куприн, П.Н.Милюков, Е.В.Познер, А.А.Яблоновский. 7 января 1928 открылась выставка картин, акварелей, рисунков, пожертвованных Комитету русскими и иностранными художниками.

Архив Комитета: РГАЛИ. Ф. 1569.

А. Ф. Головащенко

КОМИТЕТ ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

(1922-1932). 3 марта 1922 в Праге на объединенном собрании проживавших в Чехословакии русских писателей и журналистов был образован инициативный деловой комитет для обсуждения и выяснения вопроса об устройстве общежития для русских писателей и журналистов в составе А.В.Амфитеатрова, Е.Н.Чирикова, И.Д.Сургучева, Е.А.Ляцкого, И.М.Брушвита, В.Г.Архангельского и А.Е.Котомкина. В протоколе собрания говорилось: "Условия эмигрантского существования вообще неблагоприятны, но они складываются особенно неблагоприятно для представителей такой свободной профессии, свободной в прямом и переносном смысле, как литераторы и журналисты... Только преемственность и непрерывность движения в литературном деле может служить гарантией против горестной не только для России, но и для всего славянства, если не для всего мира, катастрофы, какую поистине было бы даже временное исчезновение литературы, давшей Пушкина и Толстого, и таящей в себе еще нераскрытые безграничные возможности" (РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л.10 и об.). Этот инициативный комитет стал ядром образованного месяц спустя, в апреле 1922, Комитета по улучшению быта, первым председателем которого стал Е.Н.Чириков. В рамках так называемой "русской акции помощи" Комитет субсидировался правительством Чехословацкой республики. Помощью Комитета пользовались художники, музыканты, артисты, ученые - почти весь слой русской интеллигенции, жившей в то время в Чехословакии. Благодаря содействию В.Ф.Булгакова, после отъезда в Париж продолжала какое-то время получать чешскую субсидию М.И.Цветаева (Цветаева М. Письма В.Булгакову. - Прага, 1992. - С.31). Субсидия выдавалась на правах беспроцентной ссуды, которую литераторы обязывались возвратить "после того, как в России установятся возможности нормальной работы", т.е. после падения советской власти.

Для получения субсидии от чехословацкого МИД проситель должен был заполнить анкету со своими биографическими данными. В фонде Комитета (РГАЛИ. Ф. 1568) сохранилось около 240 таких анкет, которые представляют значительную ценность для реконструкции биографий писателей русского зарубежья. С прошениями о ссуде обращались В.Ф.Булгаков, Н.А.Еленев,

К.И.Зайцев, А.С.Изгоев, И.Ф.Калиников, Б.А.Лазаревский,
Д.А.Лутохин, С.К.Маковский, Вас.И.Немирович-Данченко,
П.П.Потемкин, Д.М.Раггауз, С.М.Рафальский, В.Н.Савинкова,
И.Д.Сургучев, Л.Н.Урванцов, В.Г.Федоров, М.И.Цветаева,
Е.Н.Чириков и др. В 1932 Комитет был упразднен.

С.В.Шумихин

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Константинополь (Стамбул) был первым значительным пунктом расселения русской эмиграции: русские беженцы стали прибывать сюда уже в 1919. Сюда были эвакуированы из Одессы, Севастополя и Батума армии генерала А.И.Деникина и барона П.Н.Врангеля. Тяжелый путь и участь, постигшая русских эмигрантов, описана во многих воспоминаниях: Аверченко А. Записки простодушного (Берлин, 1923), "Русские в Галлиполи: Сборник статей, посвященный пребыванию Первого армейского корпуса русской армии в Галлиполи" (Берлин, 1923).

Первой культурной инициативой стало открытие в октябре 1920 первой русской библиотеки-читальни Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. В 1921 в Константинополе уже работало шесть русских библиотек-читален, гимназии и разнообразные курсы. Начиная с 1920 в Константинополе выходили повременные издания: "Русское эхо: Ежедневная газета" (редактор О.Г.Зеленюк; 1920, № 1-4; была закрыта по решению турецких властей); "Державная Русь: Монархический журнал" (1920-1922, № 1-2); "Экономическая и литературная газета: Еженедельная воскресная газета", выходившая на русском и французском языках (редактор Е.Максимов; 1921); "Зарницы: Русский еженедельный политический и общественный журнал" (редактор И.М.Калиников; 1921, № 1-26; после наложенного французскими властями запрета на русские издания журнал с четвертого номера перенес свою деятельность в Софию); "Душевный собеседник: Духовно-просветительный и религиозный журнал русского Пантелеймонова монастыря и прочих русских обителей на Святом Афоне" (редактор В.С.Полепский; 1922, № 1); "Коммерческий курьер" (редактор А.Вознесенский; 1922) и др.

Книгоиздательская деятельность русских эмигрантов в Константинополе осложнялась тем, что помимо разрешения турецких властей на открытие книгоиздательства или типографии, таковое следовало получить и у союзных властей, в частности - французских. И потому закрытие русских газет и журналов являлось скорее правилом, нежели исключением. Но несмотря на чинимые препятствия, "русское печатное слово приобрело здесь право гражданства" (Крымский В. Русская книга в Константинополе // Новая русская книга. - 1922. - № 3. - С.26).

Первым книгоиздательством, сумевшим доказать свое право на существование, было издательство "Пресса" (1920), основанное О.Г.Зелюком на базе франко-русской газеты "Пресс-дю-суар". Первым шагом его стал выпуск русской газеты "Вечерняя пресса". Книгоиздательство специализировалось на выпуске литературы прикладного характера, но пыталось выпускать и литературные произведения: "Рассвет: Малый альманах" (1920. - Кн. 1).

В книгоиздательстве "Верба" вышли книги Б.Лазоревского "Вдова капитана: Повесть" (1920) и "Мое сердце: Повесть" (1920). Издательское товарищество "За рубежом" выпустило "Последние дни Крыма: Сборник, посвященный последним событиям в Крыму" (1920) и "Русская Земля: Альманах" (1920). Книгоиздательство "Бюро русской печати" опубликовало "Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России о Земле от 20-го мая 1920 года" (1920), "Возрождение Русской Армии: Сборник" (1921), а также собственную газету "Бюро русской печати в Константинополе" (1920, ноябрь-декабрь). В книгоиздательстве "Русская мысль" была выпущена книга "Убийство царской семьи и ее свиты: Официальные документы" (1920).

В 1921 в Константинополе открылись новые книгоиздательства: Издательство Всероссийского Объединения имени Косьмы Минина: выпущены "Ко всем, кто болеет душой за Родину: Устав и Обращение к Русскому народу Всероссийского Объединения имени Косьмы Минина" (1921) и "Песни контр-революции: Сборник стихов" (1921) под псевдонимом М.С.Р-а. В книгоиздательстве М.Шульмана - книга генерала Слащева-Крымского Я.А. "Требую суда и гласности: Оборона и сдача Крыма. Мемуары и документы" (1921). Издательством Временного Комитета по оказанию помощи русским студентам в Константинополе

выпущен студенческий сборник "Татьянин день: 12 января 1921 года" (1921).

Издательство "Культура" помимо выпуска книг занималось благотворительной деятельностью: на его основе была открыта одна из крупнейших библиотек-читален для русских эмигрантов. "Культура" специализировалась на выпуске современной беллетристики: А.Аверченко "Дети: Сборник рассказов. С приложением Руководства по рождению детей" (1921), А.Аверченко "Кипящий котел: Сборник рассказов" (1922) и др.

В 1922 в Константинополе организовался "Цех поэтов", провозгласивший - "К черту кривлянье и хулиганскую истерику - простота! Будем просты (в своей сложности), как царьградские фрески. Долой школу (акмеистов, имажинистов и проч.), ибо революция утвердила личность!" (Новая русская книга. - 1922. - № 9. - С.34). При "Цехе поэтов" было организовано книгоиздательство, выпустившее книгу А.Аллина "Солнечный итог: Стихи" (1922) и др.

Иногда на книгах не указывалось книгоиздательство: так, не удалось выяснить, где были изданы книги С.Сарматова "Яичница с луком: Стихи, шаржи" (Константинополь, 1921), Г.Финна "Пасмурные птицы: Стихи" (Константинополь, 1921), П.Гийльера "Трагическая судьба российской императорской семьи" (Константинополь, 1921), "Правосудие в войсках Врангеля: Сборник документов" (Константинополь, 1921) и др.

Особенностью книжного мира Константинополя являлось то, что здесь в большинстве своем выпускалась литература для военных. Современная беллетристика и поэзия занимали одно из последних мест в перечне выпускаемой продукции. И одна из причин этого - отсутствие в Константинополе своего постоянного литературного круга. Писатели, поэты, журналисты, попавшие в Константинополь, рассматривали остановку здесь как временный карантин перед выездом в Европу.

Отдельной страницей в историю Русского Константинополя вписана Галлиполия. 22 ноября 1920 русские пароходы отдавали якорь на Галлиполийском рейде. Союзными властями русской армии, эвакуированной из Крыма, был предоставлен этот город, находящийся на северо-восточной части Галлиполийского полуострова, тянущегося вдоль Дарданельского пролива. И.Бунин, оценивая значение Галлиполии в истории Белого движения, писал:

"Галлиполи - часть того истинно-великого и священного, что явила Россия за эти страшные и позорные годы, часть того, что было и есть единственной надеждой на ее воскресение и единственным оправданием русского народа, его искуплением перед судом Бога и человечества" (Живым и гордым: Сборник. - Белград: Издательство Общества галлиполийцев, 1923. - С.18-19).

Находясь в невероятно сложных условиях, оторванные от родины, русские военные находили в себе силы заниматься литературной и издательской деятельностью. И хотя журналы и газеты за недостаточностью чернил и гектографов закрывались столь же стремительно, как и открывались, попытки создать свой печатный орган не прекращались. Так, газеты "Огни" (1921) и "За рубежом" (1921), преследующие в основном информационные цели, просуществовали в общей сложности около двух месяцев, а юмористический журнал "Эшафот" (1921) закончил свое существование на первом номере. Необходимо отметить, что каждый полк русской армии, находившийся в Галлиполи, имел свой печатный орган: журнал "Шакал" (1921) выпускал Марковский пехотный полк; "Сергеевец" (1921) - газета Сергеевского артиллерийского училища; "Веселые бомбы" (1921) - газета Дроздовского артиллерийского дивизиона и некоторые другие ("Русские в Галлиполи: Сборник статей, посвященный пребыванию Первого армейского корпуса русской армии в Галлиполи. - Берлин, 1923. - С.297-312).

Братство галлиполийцев не распалось и после ухода в 1921 русской армии из Константинополя в Сербию. "Мы рассеяны. Но в рассеянии своем мы унесли частицу галлиполийского духа, - и живет теперь всегда с нами этот дух и не умирает и не умрет, где бы мы ни были" (Вестник галлиполийцев. - Белград, 1924. - № 11. - С.160).

14 декабря 1921 из Константинополя ушел последний эшелон русской армии. Эта акция была, по своей сути, результатом политики, проводимой турецкими властями по отношению к русским эмигрантам. Правительство Кемала Ататюрка относилось весьма негостеприимно к русским эмигрантам: в этом сказывались и экономические (инфляция), и социальные (поток турецких эмигрантов, хлынувший из Греции) трудности, переживаемые страной, но все-таки главная причина была в том, что русские эмигранты представляли собой "известную угрозу: анархия, порожденная моральной деградацией, лишениями, вынужденным

бездействием, царившими в переполненных и грязных лагерях и приютах для тысяч русских, разбросанных по берегам Босфора, живо напоминали о многочисленных мятежах и политических беспорядках... и заставляли правительственные круги опасаться их повторения" (Раев М. Россия за рубежом. - М., 1994. - С.34).

О.В.Быстрова

"КОЧЕВЬЕ" (Париж, 1928-1939). Весною 1928 в Париже было основано, по определению его создателя М.Л.Слонима, "свободное литературное объединение "Кочевье". В своей деятельности оно ориентировалось прежде всего на литературную эмигрантскую молодежь, которая охотно посещала "четверговые" вечера "Кочевья" в Таверне Дюмениль на Монпарнасе. М.Слоним поставил цель сделать "Кочевье" свободной литературной трибуной, лишенной каких-либо групповых, партийных пристрастий. Одну из своих основных задач он видел в необходимости изучения литературы метрополии - русской советской литературы. Объектами изучения стали лучшие произведения советских писателей 1920 - начала 1930-х (В.П.Катаева, М.М.Зощенко, Ю.К.Олеши, Л.М.Леонова, В.В.Маяковского, А.М.Горького и др.). Предметом обсуждения были документы ВКП(б) в области литературы, в которых зачастую подвергались жесточайшей травле наиболее талантливые советские писатели, а также наиболее заметные работы советских литературоведов и критиков. М.Слоним выступал с ежегодными обзорами советской литературы. В октябре 1929 был проведен диспут "О пролетарской литературе", Н.А.Бердяевым прочитан доклад "Литературное направление и "социальный заказ" (23 апр. 1931). Проводились вечера, посвященные советским писателям. С успехом, при большом стечении публики прошли вечера, посвященные М.М.Зощенко (16 мая 1929), Б.Л.Пастернаку (17 окт. 1929), С.А.Есенину (6 февр. 1930), А.Белому (18 янв. 1934), 50-летию со дня рождения А.А.Блока (13 нояб. 1930). Устраивались так называемые "вечера устных рецензий", участниками которых "рецензировались" романы Ю.Олеши "Зависть", Ю.Н.Тынянова "Смерть Вазир-

Мухтара", Б.А.Пильняка "Красное дерево", а также произведения И.Эренбурга, В.М.Инбер, А.Б.Мариенгофа и др. Не меньшее внимание уделялось в "Кочевье" и творчеству его участников. На заседаниях производился критический разбор произведений членов объединения. Стихи М.А.Струве, В.С.Познера, прозаические произведения Г.Газданова, Г.С.Евангулова и др. неоднократно были предметом обсуждения. Устраивались вечера коллективных чтений, в которых участвовали В.Л.Андреев, Б.Б.Божнев, Б.Ю.Поплавский, М.А.Струве, Г.Газданов, Н.Д.Городецкая, Б.Б.Сосинский, С.И.Шаршун, С.А.Луцкий, А.Берлин, В.С.Варшавский, В.Фохт, И.Болдырев, Г.А.Раевский, Б.Закович, А.Эйснер и др. Проводились персональные творческие вечера А.П.Ладинского (11 апр. 1929), М.И.Цветаевой (10 апр. 1930), А.Я.Браславского (5 дек. 1929) и др. Иногда обсуждались отдельные произведения молодых авторов - романы "Мальчики и девочки" И.Болдырева (16 янв. 1929), "Вечер у Клэр" Г.Газданова (6 марта 1930).

Участников "Кочевья" интересовали и теоретические проблемы литературы и искусства - доклады В.Фохта "О сущности критики" (14 февр. 1929), Б.Поплавского "Мистический анархизм в искусстве" (17 янв. 1929), Н.Н.Алексеева "Западничество и восточничество в русской литературе" (5 нояб. 1931), Ю.Фельзена "Спасение или гибель? (О влиянии иностранной литературы на эмигрантских писателей)" (20 окт. 1932). Обсуждались книги Н.Городецкой "Несквозная нить" (28 февр. 1929), В.С.Познера "Панорама русской литературы" (4 апр. 1929), О.Э.Мандельштама "Египетская марка" (2 февр. 1929). Практиковалась в "Кочевье" и такая форма литературной работы, как "Устный журнал". Приведем содержание мартовского номера журнала (1930): стихи В.Андреева и Б.Поплавского; рассказ Б.Сосинского "Трус"; дружеские пародии С.Луцкого; новости французской литературы; рецензия на книгу Л.И.Гумилевского "Игра в любовь".

Молодые литераторы "Кочевья" проявляли живейший интерес к творчеству писателей-эмигрантов старшего поколения. На заседаниях были заслушаны доклады о А.М.Ремизове (27 февр. 1930), Б.К.Зайцеве (20 марта 1930), В.Ф.Ходасевиче (26 марта 1931). С анализом романа И.А.Бунина "Жизнь Арсеньева" выступил В.Фохт (18 апр. 1929). О широте литературных интересов участников "Кочевья" свидетельствовало их внимание к русской классике

(доклады В.Андреева о Ф.И.Тютчеве к 125-летию со дня рождения (6 дек. 1928), Б.Сосинского "Тридцатые годы русской литературы прошлого столетия" (15 мая 1930), вечер памяти А.П.Чехова (3 окт. 1929).

В "Кочевье" горячо обсуждался вопрос о будущем эмигрантской литературы и ее молодого поколения. Диспут "Чего мы хотим? В поисках литературного направления" (22 янв. 1931) снискал большую популярность среди широких кругов литературной молодежи. Этой теме был посвящен также доклад В.Варшавского "Возможные пути новой зарубежной литературы". Обобщающий анализ тенденций младшего поколения писателей-эмигрантов был представлен в докладах М.Слонима "Молодая зарубежная литература", Б.Сосинского "Итоги литературного года за рубежом" (30 окт. 1930). В докладе М.Слонима "Конец эмигрантской литературы", сделанном на заседании "Кочевья" (8 окт. 1931), прозвучала мысль о медленном истощении и умирании эмигрантской литературы, глубоко тревожившая молодое поколение эмигрантских писателей. Доклад вызвал оживленную дискуссию. В прениях приняли участие М.О.Цетлин, А.И.Куприн, Г.Газданов, Б.Поплавский, А.В.Эйснер, С.Я.Эфрон и др. Всего с 1928 по 1938 в "Кочевье" было проведено 104 вечера.

М.Слоним собрал в "Кочевье" под свое крыло русскую литературную молодежь Парижа и дал ей трибуну для творческого самовыражения; он также предоставил молодым литераторам страницы своего журнала "Воля России" для публикации их произведений. В журнале печатались Г.Газданов, Б.Божнев, А.Гингер, В.Варшавский, В.Андреев, А.Ладинский, Б.Сосинский, Б.Поплавский и др. "Ставка на молодежь, как называли нашу политику и сами ее участники, - пишет М.Слоним, - привела к двум последствиям: во-первых, мы дали молодежи возможность появления в печати; во-вторых, мы пробили ей путь в другие журналы, например, в "Современные записки", которые привлекли к сотрудничеству ряд молодых, после того, как они прошли "чистилище" "Воли России" (Слоним М."Воля России" // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. - Питтсбург, 1972. - С.300). Пора расцвета "Кочевья" выпала на 1920-е и начало 1930-х.

Л. Г. Голубева

"ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ" (Рига, 1928. - № 1. - Октябрь. - № 2/3. - Декабрь) - критико-библиографический журнал, выходил в издательстве "Литература" под редакцией П.М.Пильского. В программной статье "Наш журнал" (№ 1) организаторы издания сформулировали его концепцию: давать объективную информацию о состоянии книжного рынка русского зарубежья и по возможности советской России, привлекая к работе писателей русской эмиграции и Советского Союза. Страницы "Литературы и жизни" предоставлены для всех писателей, для всех журналистов, для их свободного, совершенно независимого слова, и эту широту свободы писателя мы хотим понимать ничем неограниченной" (с.1).

Рубрика "Статьи и заметки" рассказывает о новостях литературной жизни русской эмиграции. И.С.Шмелев предложил создать Зарубежный литературный фонд (№ 1. - С.2-4), который должен оказывать денежную поддержку литераторам и содействовать страхованию их собственности. В письме из Белграда журналист Е.М.Месснер оповещал о программе Съезда писателей и журналистов (№ 1. - С.4-5). Журнал опубликовал хронику "Труды и дни Льва Толстого" (№ 1).

Заведующий книжным отделом журнала Василий Владимирович Гадалин анализирует деятельность московской литературной группы "Перевал" в статье "Одна из писательских групп в СССР" (№ 2/3). В статье журналиста Александра Густавича Доля "Что читает русский Ревель" (№ 2/3) на основе проведенного им опроса получены данные: женщины отдают предпочтение любовным романам (О.Бебутова, П.Краснов, Е.Нагродская, С.Минцлов, П.Пильский), мужчины читают историческую прозу (М.Алданов, Н.Брешко-Брешковский, Ю.Галич, В.Крымов, А.Куприн, И.Наживин, И.Шмелев), произведения советских писателей: М.Зошенко, В.Катаев, Б.Лавренев, Л.Леонов, П.Романов и Л.Сейфулина. Молодежь с удовольствием читает русскую дореволюционную классику - Ф.Достоевского, Л.Толстого и А.Чехова. В связи с 125-летием Н.М.Языкова помещена статья критика В.В.Третьякова (№ 1). Обращение к поэтическому наследию Языкова, по мнению автора статьи, вызвано непреходящим значением его творчества для разных поколений русских читателей.

Рецензии на новинки литературы публиковались в разделе "Критика и рецензии": М.Алданов "Современники", Н.Брешко-

Брешковский "Роман манекена", Г.Гребеншиков "Гонец: (Письма с Помпея)", А.Дроздов "Маруся, золотые очи", Л.Зуров "Кадет", И.Ильф и Е.Петров "Двенадцать стульев", В.Каменский "Пушкин и Дантес", Л.Леонов "Вор", О.Мандельштам "Египетская марка", "О поэзии", С.Минслов "Беглецы. Приключения. Из автобиографии", "Приключения студентов", А.Плещеев "Без ужасов", А.Толстой "Великосветские бандиты", "Восемнадцатый год", В.Шишков "Тайга", И.Шмелев "Мэри" и др.

Под рубрикой "Литературные документы" собраны неопубликованные письма А.К.Толстого к двоюродному брату и его супруге А.М. и Н.С.Жемчужниковым. "Литературные воспоминания" представлены дневниковыми записями Алексея Д. Федорова "Из давних встреч", в которых он рассказывает о дружбе с И.А.Буниным и А.И.Куприным (№ 2/3). "Писатели о себе" - так названа одна из рубрик журнала. Письма литераторов, присланные в редакцию, посвящены эмигрантскому периоду их жизни. И.Ф.Наживин пишет о переводах своих произведений на иностранные языки: немецкий, чешский, болгарский, английский, шведский и финский. Он же делится с читателем замыслами романов "На гранях сказки" и "Батый" (№ 1. - С.15). М.П.Первухин характеризует творчество писателей-эмигрантов. У Д.Мережковского он отмечает "яркость, рельефность, картинность" (№ 2/3. - С.18). Романы А.Куприна написаны "удивительно молодо, крепко, сильно" (там же). Давая оценку последнему роману Куприна "Юнкера", Первухин отмечает: "На каждой фразе чувствуется рука большого, очень большого мастера, истинного художника, умеющего и на старости сохранить душевную свежесть и молодую восприимчивость" (с.19).

Биографические сведения о литераторах составили рубрику "Писатели. Жизнь и новые работы писателей, ученых и журналистов". На просьбу редакции откликнулись и прислали о себе материалы: Ю.И.Айхенвальд, А.В.Амфитеатов, К.Д.Бальмонт, И.А.Белουσое, Н.Н.Брешко-Брешковский, И.А.Бунин, В.Л.Бурцев, М.А.Булгаков, В.В.Вересаев, З.Н.Гиппиус, М.Горький, Г.Д.Гребеншиков, А.Ф.Даманская, А.М.Дроздов, Б.К.Зайцев, М.М.Зошенко, Б.И.Ивинский, А.И.Куприн, Б.А.Лазаревский, Л.М.Леонов, Лери (В.В.Клоповский), Александр Ли (А.М.Перфильев), Лоло (Л.Г.Мунштейн), И.С.Лукаш, Д.С.Мережковский, С.Р.Минслов, И.Ф.Наживин, В.И.Немирович-Данченко, М.А.Осоргин,

П.М.Пильский, А.А.Плещеев, А.Л.Погодин, А.М.Ремизов, П.С.Романов, Б.А.Суворин, Н.А.Тэффи, Л.З.Урванцов, Е.Н.Чириков, В.Я.Шишков, И.С.Шмелев и др.

Статья К.Бельговского "Русские авторы в Чехословакии" (№ 2/3) сообщает о переводах с русского на чешский язык рассказов и романов А.Аверченко, А.Амфитеатрова, Вас.Немировича-Данченко, Е.Чирикова и А.Яблоновского, выполненных главным редактором "Русской библиотеки" издательства Отто (Прага) журналистом В.О.Червинка. Директор студенческой колонии в Праге Б.И.Мужик перевел роман Л.Н.Толстого "Воскресение", "Белую гвардию" М.Булгакова, рассказы М.Горького, "Девять десятых судьбы" В.Каверина, повести Вас.Немировича-Данченко и "Трансвааль" К.Федина. А.Несси осуществил перевод на чешский язык 12-томного собрания сочинений А.Аверченко.

Столетняя годовщина рождения Л.Н.Толстого широко отмечалась в эмиграции, о чем свидетельствует заметка за подписью Б."Борьба чешских издателей вокруг "Войны и мира" (№ 1). В Чехословакии вышли в свет два перевода "Войны и мира". Первый осуществлен коллективом переводчиков (Б.Мужик, С.Матезиус, Г.Кениг, Л.Свобода) и опубликован издательством "Мелантрих" (Прага). Другой перевод романа выполнен В.Хобом и издан частной фирмой "Владимир Орел" (Прага). Сообщалось также, что русские издательства Риги (М.Дидковский, Книга для всех, Литература, Ориент, Русское издательство) в 1928 опубликовали романы, повести и рассказы писателей-эмигрантов и литераторов советской России (Н.Брешко-Брешковский, М.Булгаков, Ю.Галич, А.Дроздов, М.Зошенко, Л.Зуров, В.Катаев, А.Куприн, Б.Лазаревский, Л.Леэнов, В.Лидин, С.Малашкин, С.Миншлов, И.Наживин, П.Романов, А.Толстой, В.Шишков и др.). Рубрика "Русская печать за рубежом" оповещала о литературно-художественных журналах эмиграции в Китае ("Зигзаги", "Рубеж"), Латвии ("Перезвоны", "Родная старина"), Франции ("Иллюстрированная Россия", "Современные записки") и Чехословакии ("Воля России").

А.П.Ивкина

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК

В САН-ФРАНЦИСКО начал собираться в 1921 на квартире у бывшей бестужевки, поэтессы Елены Петровны Грот (1891, Тобольск - 1968, Лос Гатос, США). Печататься она начала еще в "бестужевские" годы, когда слушала лекции Л.В.Щербы, И.А.Бодуэна де Куртене, Н.О.Лосского, С.А.Венгерова. Летом 1916 вместе с мужем, командированным для инспекции заказа российского правительства на трехлинейные винтовки, прибыла в Америку. Во время гражданской войны сопровождала мужа, которого российское посольство в США направило в армию Колчака. Живя во Владивостоке, Грот печаталась в газете "Голос Родины". В начале 1921 она поселилась в Калифорнии. После основания ЛХК начат ею был (совместно с Ф.А.Постниковым, издателем еженедельной "Русской газеты") журнал "Родные мотивы", в котором печатались русские калифорнийцы, в частности живший тогда с Сан-Франциско С.Гусев-Оренбургский. "Родные мотивы" явились для кружковцев дополнительным объединяющим фактором. Другим результатом собраний у Грот оказался Драматический кружок (с участием нескольких профессиональных актеров, эмигрировавших в начале 1920-х в Калифорнию). Возникший на основе ЛХК, Драматический кружок вскоре выделился в самостоятельную труппу, дававшую спектакли два раза в месяц, и поставившую, в частности, пьесу в стихах Грот "Карнавал жизни".

С приездом в 1923 в Сан-Франциско А.П.Ющенко ЛХК окончательно оформился. Осенью 1924 на основе русского Общества Взаимопомощи ЛХК принял свой устав и выделился в независимую группу. Число участников росло и достигло восьмидесяти. Для своих встреч кружковцы снимали за 5 долл. в месяц подвал на отдаленной от центра Черри Стрит. Для более узкого круга лиц проводились еще и домашние пятницы. В числе основных участников была поэтесса Ольга Александровна Ильина (1894, Казань - 1991, Сан Рафаэль, США), дочь члена Государственной думы, правнучка Баратынского. В печати она выступила в годы мировой войны. В 1917 вышла замуж за офицера Павлоградского гусарского полка, а в сентябре 1918 ушла с покидавшей Казань Белой армией. В 1922 ей удалось добраться до Харбина. Через год уехала из Шанхая в Сан-Франциско. Зарабатывала на хлеб, работая продавщицей бус. Вскоре она узнала о существовании кружка и стала одним из активных его участников. В

126 по совету поэта-эгофутуриста А.Масаинова, жившего тогда в Калифорнии, Ильина издала свой первый сборник "Молчание звезд" (Париж), стихи из которого ранее читались на кружковых вечерах. Там же она читала свою поэму "Колокол". Позднее О.Ильина стала писать прозу (по-английски: роман "Dawn of the eighth day" (N.Y., 1951) о жизни в Казани до прихода в город красных. В конце своей долгой жизни Ильина выпустила в Сан-Франциско сборник стихов. Последняя ее известная публикация относится к 1988 (три стихотворения в филладельфийском альманахе "Встречи").

Алексей Масаинов, благословивший О.Ильину на издание первого сборника, оставался участником ЛХК непродолжительное время. До эмиграции он печатался в альманахах эгофутуристов ("Очарованный странник", "Винтик", "Мимозы льна", "Острова очарований") - вместе с И.Северяниным, В.Ховиным, А.Толмачевым, Б.Гусманом, М.Струве. В 1924 Масаинов, живший уже в эмиграции, совершил путешествие в Полинезию и затем прибыл в Сан-Франциско. Отдельным изданием вышла его поэма "Лик зверя" (Париж, 1924), с которой знакомы были участники кружка. В следующем году он выпустил сборник "поэз" "Отходящие корабли" (Париж), а в 1926 и 1927 - свое двухтомное "Собрание сочинений" (Париж; Нью-Йорк), в которое вошли пересказы полинезийских легенд; включены также и стихи, напоминающие "маорийский" цикл К.Бальмонта в его "Белом Зодчем". Вскоре Масаинов перебрался из Сан-Франциско в Голливуд.

Нагалья Николаевна Дудорова, родственница О.Ильиной и правнучка Баратынского, участвовала в ЛХК с начала 1920-х гг. Приезжала на кружковые встречи из университетского города Пало Алто, расположенного неподалеку от Сан-Франциско. Стихи публиковала в коллективных сборниках, так или иначе связанных с жизнью кружка, и в периодических изданиях. Почти все напечатанное ею отличается культурой стиха, четкостью и оригинальностью замысла. Последняя известная ее публикация относится к 1957.

Наиболее одаренным поэтом из представленных в кружке был Борис Николаевич Волков (1894, Екатеринослав - 1953, Сан-Франциско). Он учился в Московском университете, ушел воевать, был награжден Георгиевским крестом, сражался в армии Колчака. В 1919 перебрался в Монголию. Скитался по странам Востока, побывал

в Иране, в арабских странах, жил в Японии и в Китае. В начале 1920-х переехал в Калифорнию, работал портовым грузчиком. Его первая эмигрантская публикация - в 1921. Стихи читал на кружковых встречах, а в 1934 в Берлине выпустил свою единственную книгу стихов "В пыли чужих дорог". Работал над книгой о Монголии "В стране золотых Будд" (по-русски и по-английски); отрывки появились в печати. На его поэзии сказалось влияние Н.Гумилева, творчество которого почиталось поэтами ЛХК и которому был посвящен специальный вечер.

В разные годы и в разной степени участвовали в ЛХК поэты Елена Антонова (издавшая в Нью-Йорке свой сборник "Отражения: Стихи 1942-1944 г." - Нью-Йорк, 1944); Петр Лапикен (в прошлом харбинец; писал также рассказы); Александра Васильковская (Е.Я.Глушкова) (сборник "Узелок" - Сан-Франциско, 1957), Н.Г.Ватель, рано умершие Елена Роос-Толпегина и Нина Назарина. Соприкоснулась с жизнью кружка Ольга Скопиченко, автор семи поэтических книг (приехала в Сан-Франциско в 1950), а также поэт и прозаик второй эмиграции плодовитый Родион Березов (Акульшин), напечатавший в эмиграции не менее 15 поэтических книг. В сборнике ЛХК приняли участие калифорнийские поэты Николай Моршен, Владимир Марков, Глеб Струве, Епископ Иоанн Сан-Францисский.

Наиболее одаренным из прозаиков, связанных с кружком, был Петр Балакшин, под редакцией которого (под псевд. Б.Миклашевский) в 1936-37 выходил альманах "Земля Колумба". Известность получил роман участницы кружка Нины Федоровой "Семья" (1952), первоначально вышедший по-английски. Почетным членом кружка была писательница Александра Мазурова, жившая в США с 1919. Она писала по-русски и по-английски, печаталась в эмигрантских журналах "Перезвоны" и "Числа". В 1929 вышел с предисловием Г.Гребенщикова ее роман "Земля". Цель ЛХК она видела в том, чтобы "в роковых условиях" эмигрантской доли сохранить живой интерес к творчеству, сберечь культурные ценности и традицию. О жизни этого содружества Мазурова вспоминала: "Мы, разумеется, во многом расходились (Чем, как ни спорами, отличалась русская дореволюционная интеллигенция!). Разногласия не вредили, а оживляли планы и возможности. Конечная цель и традиция у нас были общие; различия были во вкусах, темпераментах, в уклоне и

опыте" (У золотых ворот: Сб. рассказов, стихов и статей. - Сан-Франциско: Изд. Лит.-худож. кружка, 1957. - С.112).

Преобразование кружка в устойчивую организацию совершилось благодаря инициативе А.П.Ющенко, в прошлом морского офицера, в будущем профессора философии, а тогда, в 1920-е, лифтера в отеле Сан-Франциско). Ющенко избран был председателем кружка. Под его влиянием участники сосредоточились главным образом на современных темах. Ющенко устраивал тематические вечера, посвященные "Двенадцати" Блока, и жившим в Китае писателям Всеволоду Иванову и Михаилу Щербакову. Ющенко редактировал "Дымный след" (Сан-Франциско, 1925. - Вып.1) - первый коллективный сборник кружковцев.

Другие литературные вечера были посвящены поэзии Есенина, Саши Черного, Агнивцева; творчеству Мережковского, Тэффи, Аверченко, эволюции русской критической мысли, конструктивизму, современным течениям в русской поэзии (доклад Масаинова). Вечер под названием "Внуки о дедах" состоял из семейных воспоминаний живших тогда в Калифорнии потомков и родственников Тютчева, Баратынского, Языкова, Батюшкова, Карамзина, Лермонтова, Кюхельбекера, Даля. Ежегодно отмечался "День русской культуры"; в этот день в 1933 праздновали получение Буниным Нобелевской премии. Состоялись встречи, посвященные классикам русской литературы XIX в., а всего к 35-летию существования дружества проведено было более ста литературных вечеров. Творческий, просветительский, историко-литературный и общественный аспекты деятельности исходили из одного и того же принципа, отмеченного в уставе: уважение к творческой свободе и терпимость к инакомыслию.

Этот принцип просматривается и в выборе авторов, и в подборе произведений, составивших три коллективных сборника. Вместе с рядом авторских книг эти сборники представляют собой главное наследие кружка. В первом из них - "Дымный след" напечатаны стихи Б.Волкова, Е.Грот, Н.Дудоровой, О.Ильиной, А.Масаинова; рассказ жившего в Китае М.Щербакова "Корень жизни", пьеса К.Яровикова, эссе Ющенко о Пушкине, статья профессора Калифорнийского университета А.Кауна о Леониде Андрееве, произведения менее известных авторов, порой случайных гостей в литературе. Вторым коллективным изданием явился "Калифорнийский альманах" (1934); состав его авторов отчасти повторял "Дымный след". Альманах вышел

под редакцией П.Балакшина, Е.Малоземовой (журналистка и лектор Калифорнийского университета, в будущем председательница ЛСХ), Н.Л.Лаврова и В.И.Шнееровой.

Сборник - "У Золотых Ворот" (1957) - был задуман как итоговый. Редакторы не упомянуты поименно, а заменены анонимной "редакцией". Авторский состав был шире, чем в предыдущих сборниках, благодаря участию тех литераторов, кто приехал в Калифорнию после второй мировой войны - одни из Европы, другие с Дальнего Востока. В разделе прозы мы находим рассказы Н.Нарокова, А.Мазуровой, Н.Федоровой, П.Балакшина, П.Лапикена, А.Васильковской, Р.Березова, а также несколько рассказов литераторов-любителей, что вообще было характерно для жизнедеятельности кружка, в котором грань между профессионализмом и любительством не всегда была четко обозначена. Эта особенность сознавалась профессиональным ядром кружка. Русское население Калифорнии составляло около десяти тысяч человек (в основном приехавших из Китая). На этом ограниченном фоне литературные силы кружка (объединившего литераторов не всего штата, а только Сан-Франциско и окрестностей) представлялись самим членам содружества адекватными. Терпимость к дилетантизму была вынужденной уступкой слишком ограниченного круга творческой интеллигенции, добровольно остающейся русскоязычной в условиях, которые сильнее способствовали ассимиляции, чем развитию национальной культуры.

В разделе поэзии в сборнике "У Золотых Ворот" представлены двенадцать поэтов первой и второй эмиграции, чьи имена вошли в историю литературного зарубежья: Е.Антонова, Р.Березов, А.Васильковская, Б.Волков, Е.Грот, Н.Дудорова, О.Ильина, епископ Иоанн Сан-Францисский, В.Марков, Г.Струве, О.Скопиченко и наиболее значительный из них Н.Моршен. Рядом со стихами этих поэтов встречаются в сборнике стихи вполне дилетантские.

В разделе "Статьи" приняли участие епископ Иоанн Сан-Францисский, философ Н.Лосский, поэтесса Е.Грот, профессор философии А.Ющенко, литературовед В.Марков. Для историка эмиграции особый интерес представляет раздел "Дела и люди". Здесь видим сообщения, подводящие итог русской культурной деятельности в Калифорнии - заметки о русских библиотеках в штате, о художниках, о фонде имени И.В.Кулаева, который, в частности,

субсидировал сборник "У Золотых Ворот". В этом же богатом фактическим материалом разделе находим воспоминания о вечере памяти Гумилева, о русской театральной деятельности в Калифорнии, статью о встрече двух культур - американской и русской. В справочном отделе представлен указатель типа "Кто есть кто" (в русской Калифорнии) и библиография англоязычных публикаций русских калифорнийцев. "У Золотых Ворот" оказался последним коллективным изданием кружка. Другие многочисленные публикации членов содружества рассеяны в русскоязычной калифорнийской периодике - в журнале "День русского ребенка" (начался очень скромно в 1934 и достиг со временем объема до 420 с. и тиража 1000 экз.), в журнале "Дело", в газете "Русский Медведь" (под ред. П.Балакшина), выходившей в Татьянин день, в пятидневной "Новой заре" (существовала с 1929), в номерах продолжающей выходить "Русской жизни".

Вадим Крейд (США)

"МЕЧ" (Варшава, 1934. - 20 мая. - № 1 - 1939. - 27 авг. - № 272) - литературно-политический еженедельник (затем еженедельная газета). Главный редактор в Варшаве - Д.В.Философов, главный редактор в Париже - Д.С.Мережковский. Редакторы газеты - В.В.Бранд и Г.Г.Соколов.

Передовая редакторская статья "Чего мы хотим" в первом номере журнала связывает его название с евангельским текстом (Мф. 10, 34): "Итак, наш журнал называется "Меч". Не мир, но меч... Мы считаем, что наступило время, когда, воистину, эмиграции надлежит пробудиться, выйти из состояния блаженного усновения и тупого прозябания. Иначе эмиграция погибнет, сойдет на нет, потеряет смысл своего существования. Мы призываем ее к возрождению, хотим пробудить ее энергию. Надлежит освободить живые, творческие силы эмиграции во всех областях человеческого делания".

Провозглашая, что журнал отнюдь не партийный, что в нем возможен обмен мнений по различным вопросам, редакция вместе с тем подчеркивала: "По существу журнал будет анти-

коммунистическим, антимастиалистическим и антимарксистским. Но в эти "анти" должно быть вложено определенное содержание... Нельзя бороться с большевизмским режимом, с большевизмским ядом старыми домашними средствами. Хотя это и может показаться дерзким, но надо признать, что, не пересмотрев своей идеологии, эмиграция, не сегодня-завтра, должна будет сложить оружие. Опыт слишком убедительно показал, что идеология 19-го века в борьбе с наступившим хаосом - бессильна" (там же).

Д.С.Мережковский опубликовал программную статью "О гуманизме", в которой показал личину современного, в том числе советского "гуманизма". Рассматривая историю европейского гуманизма с эпохи Возрождения, Мережковский видит "первородный грех гуманизма" - в его атеизме: "При первом возникновении своем, в эпоху итальянского Возрождения, Гуманизм есть бунт освобождаемого, будто бы, человеческого духа сначала только против внешних церковных форм, а потом и против внутреннего существа христианства. В бунте этом человек утверждается, как нечто абсолютное, против Бога; все под ним, а над ним ничего" (1934. - 27 мая).

Опыт последних веков показал, считает Мережковский, что союз гуманизма с атеизмом убийственен для гуманизма. Гуманизм - утверждение абсолютной человеческой личности, не связанной с религией вообще и с христианством в частности. Современными формами антигуманизма являются коммунизм и фашизм. "Как бы ни были различны и даже противоположны друг другу, в исходных точках своих, коммунисты и гитлеровцы, - все они объединяются в последнем выводе: человеку, как "вещи в себе", грош цена; лицо человеческое, личность, есть нечто условное, в классе, в государстве, в нации; человек в обществе - муравей в муравейнике, клетка в организме, атом в материи; почти ничто сегодня, а завтра - ничто совсем" (там же).

В "Мече" печатались многие писатели, критики, поэты из окружения Мережковских, в частности сотрудники выходившего в Париже в 1927-28 журнала "Новый дом". Уже в первый год существования журнала в нем помимо Мережковского, Гиппиус и Философова печатались из Франции: А.Алферов, Е.Бакунина, В.Злобин, В.Мамченко, Ю.Мандельштам, Г.Раевский, П.Ставров, Ю.Терапиано, Ю.Фельзен, С.Шаршун и др; из Чехословакии: А.Бем,

А. Головина, Т. Ратгауз, В. Федоров и др. Одним из постоянных авторов был живший в Варшаве Л. Гомолицкий, которому принадлежат обложка и заставка журнала.

Одна из определяющих тем в статьях "Меча" - свобода творчества. В докладе "Политика и поэзия", прочитанном на вечере "Перекрестка", З. Н. Гиппиус приводит строки из незадолго перед тем опубликованного письма А. Блока к К. Чуковскому, написанные за два месяца до смерти. Гиппиус говорит: "Свобода - не атрибут поэзии, но самый ее исток. Если она оторвана от истока - на ней печать смерти, какими бы атрибутами ее насильственно ни снабжали. И не только поэзию убивает эта, советская, "связь" с политикой: она убивает и самих поэтов. Вспомним хотя бы страшное письмо Блока, незадолго до смерти: "Сейчас у меня ни души, ни тела нет... Сlopала-таки поганая, гугнивая, родная матушка Россия, как чушка своего поросенка" (1934. - 27 мая).

С нескрываемой болью пишет о России Мережковский в статье "Мир или война (О Достоевском)": "Трудно, почти невозможно сейчас говорить о Достоевском с русскими людьми, со своим, а с чужими, с европейцами - еще труднее, еще невозможнее. Ведь русская литература для нас, потерявших родину, - родина последняя, все, чем Россия была и чем она будет... Русская литература для нас то же, что для древнего Израиля - "Закон и Пророки". Исполнился ли наш "Закон"? Исполнятся ли наши "Пророчества"? Не только говорить об этом с чужими, но и думать наедине с самим собою - все равно, что перевертывать нож в ране" (1934. - 17 июня).

На страницах "Меча" развернулась полемика В. Федорова, Д. Мережковского и Д. Философова. Василий Федоров в статье "Бесшумный расстрел (Мысли об эмигрантской литературе)" (1934. - 8 июля) утверждал, что эмигрантский писатель "постоянно и неизменно слышит только замогильные голоса да карканье литературных ворон, свивших себе прочные гнезда в некоторых наших эмигрантских изданиях". При этом Федоров обвинил "наших литературных мортусов" в отрыве от живых истоков русского языка и от вековой русской литературной традиции.

Намек Мережковским был понят, и он в статье о журнале "Числа" (1934. - 5 авг.), называя выход этого журнала "чудесным явлением настоящей новой русской литературы", мимоходом замечает: "Г. Федоров из Чехословакии напрасно так горько жалуется

на безвыходную будто бы судьбу молодых писателей: не беспокойтесь, справятся. Напрасно он также обрушивается на главных давителей, называя их столичной (парижской?) "элитой".

Действительно, статья В.Федорова была подписана: "Чехословакия, 8.VI.1934". Однако "В защиту "г.Федорова из Чехословакии" в том же номере еженедельника выступил Д.Философов, посчитавший форму упоминания Федорова в статье Мережковского некорректной: "Особенно это досадно потому, что непроходимой пропасти между тезисами Федорова и Мережковского нет. Через эту пропасть мост имеется".

Полемика продолжалась в следующих номерах еженедельника: В.Федоров напечатал ответ Мережковскому "Точки над i" (19 авг.), Мережковский и А.Бем выступили в номере от 2 сентября. Обострившийся в связи с этим конфликт "между Парижем и Варшавой" и пониманием путей развития эмигрантской литературы привел к тому, что с октября 1934 "Меч" стал выходить в виде еженедельной воскресной газеты под редакцией В.В.Бранда и Г.Г.Соколова. Газета "Меч" давала обзоры политической и общественной жизни за неделю, обращая особое внимание на события, происходящие как в "зарубежной, так и в подсоветской России".

Последний номер еженедельника (1934. - 23 сент. - № 19/20) посвящен "Всесоюзному съезду писателей в Москве". Д.Философов в своей статье о советском "неогуманизме" писал, что съезд произвел на эмигрантов тягостное, удручающее впечатление, ибо больно смотреть, как люди унижаются, но еще более тягостно видеть, как унижают себя писатели: "Без конца тянулась эта лживая говорильня, по существу глубоко бесполезная, потому что все было заранее предрешено... Реальное значение имели лишь речи Жданова, Радека и Бухарина... Не будучи писателями, не имея никакого отношения к литературе, к художественному творчеству, они вынесли писателю свое решение, свой "суровый приговор" советской литературе. Максим Горький исполнял лишь роль "свадебного генерала".

Еще более резко о съезде и роли Горького высказался Л.Гомолицкий: "С годами все меньше становится нужным искусство господам положения в СССР. Все больше требуется служения целям, ничего общего с искусством не имеющим. Всесоюзный съезд писателей - тот помост, положенный на живые человеческие тела, на

котором, как некогда татары на русских пленных князьях, пирует Максим Горький со всеми своими присными во славу "великого" Сталина".

Одним из постоянных литературных критиков, выступавшим на протяжении всех лет существования "Меча", был А.Л.Бем, живший в Праге. 39 статей и рецензий, написанных им для еженедельника, собраны и опубликованы в книге: Бем А.Л. Письма о литературе / Отв. редактор Белошевская Л. - Прага, 1996. Издание "Писем о литературе" Бема, печатавшихся сначала в 1931-33 в берлинской газете "Руль", а с 1934 в "Мече", было объявлено в "Мече" 7 июля 1935, однако книга не вышла, хотя планы эти критик не оставлял до 1939.

Последняя статья, опубликованная Бемом в серии "Письма о литературе", называлась "Русская литература в эмиграции" (1939. - 22 янв.). Она предназначалась для чешского энциклопедического словаря, вышедшего в Праге в том же году и носила информационно-обзорный характер. В предисловии к ней Бем писал: "До сих пор, насколько я знаю, внимание привлекали только те или иные писатели, живущие в эмиграции, чаще всего те, имена которых были известны по своей прошлой дореволюционной литературной деятельности. Литература русской эмиграции в ее совокупности, за единичными исключениями, внимания к себе не привлекала". Среди этих исключений в иностранных изданиях Бем называет статью В.Ходасевича "Литература в изгнании", изданную в 1934 в Кракове по-польски в сб.: *Z pismienictwa rosyjskiego i ukraińskiego*.

Из молодых писателей, выросших в условиях эмиграции, Бем выделяет В.Сирину, который "в своих романах не обращается к воспоминаниям прошлого, а смело берет сюжеты из европейской и эмигрантской современности. Связь с русской традицией у него чувствуется только на большой глубине (Достоевский); в технике же письма, в исключительно тонкой композиции, в детальности описаний и психологической разработке, в сухости и скупости языка Сирин стоит ближе к современному западному роману, в частности к Прусту".

Высокую оценку в статье Бема получает Цветаева, о которой он не раз писал в своих "Письмах о литературе": "Марина Цветаева принадлежит к самым выдающимся поэтам эмиграции, где она занимает приблизительно то же место, как Борис Пастернак в СССР. Так же как и Пастернак, она в своей поэтической деятельности стоит особняком и вне господствующих течений. Можно назвать только

рано погибшего поэта Н.Гронского (ум. 1934), посмертный сборник которого "Стихи и поэмы" обнаруживает непосредственную связь с Цветаевой".

Уже в первой своей статье ("О прошлом и настоящем"), появившейся в первом номере "Меча" в 1934, Бем пытается определить смысл и значение эмигрантской литературы: "Нас упорно убеждают, что литература в эмиграции не только не смеет мечтать о новшествах, но и вообще-то жить не имеет оснований... И все же я думаю, что эмигрантская литература при всех трудностях, очень и очень трудных внешних условиях, могла бы сказать свое слово, которое сыграло бы и свою роль в общем ходе русской литературы. Я даже больше скажу, она призвана сказать это свое слово и в этом призвании весь ее смысл. В чем это призвание, сказать в нескольких строках трудно. Да обыкновенно такие вещи вперед не формулируются, они осуществляются... Художественное выявление правды своего изгнанничества, противопоставление своей правды той системе псевдоценностей, на которой строится жизнь в советской России - вот смысл эмигрантской литературы".

Еженедельник "Меч" постоянно обращался к молодой эмигрантской литературе, сумевшей в достаточной мере заявить о себе в 30-е. Однако Бем постоянно упрекал молодых писателей в отсутствии энтузиазма и смелости, которые столь необходимы молодому поколению: "У нас в эмиграции, кажется мне, молодое писательское поколение страдает какой-то дряблостью, отсутствием веры в свою правду, неумением бороться за новые ценности. Оно - как это ни кажется странным - слишком легко подчиняется авторитетам" (там же).

Более того, рассматривая поэзию молодых в журнале "Числа", Бем полагает, что объединяет их стремление своей поэзией больше "сказаться", чем "сказать". "Поэзия для них не активный процесс преобразования мира через собственное его постижение, а только "отдушина" для личных переживаний. Поэтому в круг поэтического переживания втянут очень ограниченный мирок самого автора. В этом смысле, если хотите, их поэзия "интимна". Но за этой интимностью нет "трагичности" или, вернее, трагедийности, даже когда в ней идет речь о смерти и судьбе. Оно размягчает, но не поднимает, в ней больше тоски, чем скорби, больше жалости к себе, чем к другим" ("Соблазн простоты". - 1934. - 22 июля).

Статьей "О двух направлениях современной поэзии" откликнулся Бем на выход 56-й книжки "Современных записок", в которой весь отдел поэзии был посвящен творчеству 18 молодых поэтов. Выбор печатаемых стихотворений, по мнению редакции, "представлен полностью соответствующим объединениям поэтов". Однако, считает Бем, предпринятый опыт публикации не дал желаемого результата, и поясняет: "На призыв "Современных записок" откликнулись далеко не все поэтические группировки (нет, например, совершенно Варшавы и Белграда), а главное - ряд имен, которыми уже связаны известные представления в области поэзии, вовсе отсутствуют. Из парижан не представлены А.Ладинский, Б.Поплавский, Д.Кнут, из пражан В.Лебедев, В.Мансветов. Так что полностью представления о современной молодой поэзии стихотворный отдел последней книжки "Современных записок" не дает" (1935. - 13 янв.).

Эмигрантская поэзия была в центре внимания Бема в статьях в "Мече". Обращаясь к поэме Н.П.Гронского "Белладонна", опубликованной в "Последних новостях" (1934. - 9 дек.), Бем утверждает: "Правда "белого движения" в его идейном смысле - дело подвига и чести - выражено здесь с такой силой и поэтической убедительностью, которых мы в эмиграции "давно" не слышали. Говорю давно, потому что было время, когда по этим струнам ударила Цветаева, но она осталась тогда не услышана именно теми, кто должен был к голосу прислушаться" (1935. - 10 февр.).

Ко второй годовщине смерти Н.Гронского Бем написал статью о его поэзии, в которой с возмущением писал: "Подлинным позором для эмиграции, с моей точки зрения, является то, что такие поэты, как Марина Цветаева, как Николай Гронский, в поэзии которых с такой силой и художественной убедительностью отразился пафос родины, остаются совершенно одинокими" (1936. - 22 нояб.).

В связи с выходом посмертного сборника Б.Поплавского "Снежный час. Стихи 1931-1935", который окончательно убедил, что эмигрантская поэзия потеряла в нем настоящего поэта, Бем говорит о поэтической индивидуальности автора: "По складу своего дарования Б.Поплавский принадлежит к тем поэтам, которые сильны не отдельными стихами, не законченной цельностью отдельных произведений, а всей суммой своего творчества" (1936. - 18 окт.). И далее Бем поясняет, что к такому типу поэтов большого напряжения

принадлежит А.Блок, который воспринимается скорее как поэт целых "циклов", а не отдельных стихотворений.

Взыскательно анализирует Бем сборники стихов Ю.Терапиано и Е.Таубер (1935. - 21 апр.), Л.Гомолицкого (1936. - 14 июня), В.Мамченко (1936. - 25-27 дек.), Л.Червинской (1938. - 1 мая), варшавские сборники поэзии "Священная лира" (1938. - 12 июня), а также вызвавшую его большое неудовольствие антологию эмигрантской поэзии "Якорь" (1936. - 5 апр.).

В статье "О стихах Эмилии Чегринцевой" Бем характеризует две главные школы в поэзии русского зарубежья: "Если Париж продолжал линию, оборванную революцией, непосредственно примыкая к школе символистов, почти не отразив в себе русского футуризма и его своеобразного преломления в поэзии Б.Пастернака и М.Цветаевой, то Прага прошла и через имажинизм, смягченный лирическим упором С.Есенина, и через В.Маяковского, и через Б.Пастернака. Это не подражание, а естественный путь развития русской поэзии. Думается мне, именно здесь лежит одно из основных различий между "пражской" и "парижской" школами... Третья линия эмигрантской поэзии ведет к Н.Гумилеву, в традициях которого держится Белград" (1936. - 22 марта). В статье "О парижских поэтах" (1937. - 4 июля) Бем рассматривает творчество Г.Иванова, А.Ладинского и А.Присмановой.

Считая Лидию Червинскую "наиболее ярким и, пожалуй, наиболее талантливым представителем "парижского направления" в его молодой части", Бем начинает статью о ее поэзии характерным суждением: "Мне не раз приходилось выступать против так называемого "парижского" направления эмигрантской поэзии. Но никогда я не отрицал талантливости отдельных, наиболее ярких ее представителей. Вопрос шел о направлении, о путях поэзии. Я остаюсь при убеждении, что путь этот глубоко ошибочен, что ведет он неизбежно к тупику, и чем упорнее будут его держаться, тем труднее сторонникам этого направления, при всей их индивидуальной одаренности, найти выход из тупика" (1938. - 1 мая).

Меньшее внимание уделял Бем прозе русского зарубежья. Он рецензировал повесть В.С.Яновского "Любовь вторая" (1935. - 29 сент.), похвалил художественную наблюдательность и исключительную свежесть русского языка Василия Федорова, выпустившего первую часть романа "Канареечное счастье" (1938. -

3 апр.). Книга Г.Иванова "Распад атома" произвела на критика "тягостное впечатление", а о книге М.Агеева "Роман с кокаином" он заметил: "Роман М.Агеева, несмотря на несомненную талантливость автора, с трудом дочитываешь до конца, так как уже с первых страниц знаешь, что перед тобой клинический случай, который в итоге может привести лишь к постановке диагноза болезни, но не в состоянии дать никакого художественного разрешения" (1938. - 7 авг.).

Неприятное отношение вызвали у Бема две книги альманаха "Круг", появившиеся в 1936 и 1937. О первом выпуске этого сборника он отозвался решительно: "Всеим своим содержанием "Круг" еще раз с большой наглядностью показал, что "парижское" направление эмигрантской литературы находится вне жизни, что оно задыхается в атмосфере монпарнасской кружковщины" (1936. - 20 сент.). Об авторах второй книги альманаха "Круг" Бем пишет весьма иронически: "Ю.Фельзен почему-то решил, что он уже дорос до того, чтобы делиться с читателем своими "Разрозненными мыслями". Думаю, он смело мог бы еще с этим подождать. Ю.Мандельштам принадлежит к разряду "умных мальчиков", которые считают необходимым поделиться с каждым своими мыслями по поводу прочитанной ими книги. Читать и перечитывать Паскаля Ю.Мандельштаму не возбраняется, но зачем же нам читать "Мысли Мандельштама" (1938. - 16 янв.).

Одобрение и поддержку Бема вызвали две книги альманаха "Земля Колумба", вышедшие в Нью-Йорке: "К русско-американской печати мы, европейцы, относились до сих пор с некоторым недоверием. Две книжки сборника "Земля Колумба", только недавно вышедшие, заставляют не только отказаться от этого недоверия, но и пробуждают надежду, что в Америке создается свой самостоятельный центр русской зарубежной литературы. Правда, программная статья Б.Миклашевского в кн. 1-й обещает больше, чем вышедшие книжки сборника дают... "Мы накануне широкого литературного роста русской Америки и Азии", - пишет Б.Миклашевский... Этому можно только порадоваться. "Земля Колумба" дает право надеяться, что отныне русская Америка войдет равноправным членом в семью русской зарубежной литературы" (1937. - 11 апр.).

Литературная критика и публицистика эмиграции обсуждалась в нескольких статьях Бема в "Мече". "Почти розановские" размышления Г.Адамовича в его "Комментариях" вызвали

полусочувственную статью Бема "Исповедь "героя нашего времени" (1935. - 21 июля). Зато в резкой полемике со статьей Г.Газданова "О молодой эмигрантской литературе" (Современные записки. - 1936. - № 60) Бем не приемлет основной тезис Газданова, будто молодая эмигрантская литература не существует, что она наша выдумка, миф, а не реальность. "В эмиграции, по его мнению, есть "молодые писатели-труженики", но "за шестнадцать лет пребывания за границей не появилось ни одного сколько-нибудь крупного молодого писателя". Самому Газданову приходится считаться с одним исключением - с В.Сириным. Правда, он его выделяет как-то очень сложно из "эмигрантской литературы". Но доказать, что "к молодой эмигрантской литературе Сирин не имеет никакого отношения", Г.Газданову так и не удается" (1936. - 3 мая).

В статье "Столица" и "провинция", написанной в связи с выходом в Шанхае первой книжки нового эмигрантского журнала "Русские записки", Бем выступает против "определяющей" роли Парижа в русском зарубежье. "В какой мере русский литературный Париж имеет право претендовать на гегемонию в литературе только потому, что он находится в Париже? - вопрошает Бем. - А что если русский литературный Париж вовсе не "столица", а такая же "провинция", как и все остальные центры русского рассеяния? Разве это допущение так уж невероятно? Во всяком случае, черты провинциализма, правда, особого "столичного провинциализма" для русского литературного Парижа весьма и весьма характерны" (1937. - 10 окт.). Однако Бем признает, что спор в такой плоскости совершенно бесплоден. Место пребывания хотя и играет определенную роль, но главное в общих чертах, обусловленных тем, что перед нами литература эмиграции.

В декабре 1934 Бем напечатал в "Мече" три статьи "О Съезде советских писателей", рисуя обстановку в советской России перед съездом и роль М.Горького, ставшего "знаменем литературной реакции". "Слово Горького стало в России правительственной программой, которой должны безусловно следовать. Вот это-то обстоятельство и делает роль Горького столь тягостной в советской России. И сам Горький, очевидно, не желает этого понять" (1934. - 9 дек.). В новый Союз писателей, созданный Горьким, из 1500 московских писателей было принято около 500. В более тяжелой обстановке проходили выборы в новый Союз в национальных

республиках, где проходил настоящий разгром писательских организаций. Борьба против писателей, заподозренных в националистическом уклоне, была беспощадна. На Украине были исключены все, кого так или иначе заподозрили в "скрыпниковщине". После убийства Кирова от лозунгов съезда вообще мало что осталось. "Вместо призыва к "гуманизму" прозвучал призыв Максима Горького к "беспощадному истреблению" врагов" (1935. - 24 марта). Именно на этом фоне впервые в истории мировой литературы определенное литературное направление ("соц. реализм") оказалось декретированным властью, как обязательное для всей литературы.

Проходивший в Париже 21-25 июня 1935 Конгресс писателей в защиту культуры стал темой большой статьи Бема "Похищение Европы". Уже на Съезде советских писателей возникла тема "гуманизма", так плохо вяжущаяся с советской действительностью. Теперь один из членов советской делегации пошел дальше: Н.Тихонов заявил, что "революция бережет человека". На конгрессе обличался фашизм, изгнавший из Германии ученых с мировым именем и поставивший на их место безграмотных чинуш из фашистского аппарата. "И это говорится в Париже, - замечает Бем, - центре русской эмиграции, насчитывающей, вероятно, не меньше ученых с мировым именем, чем эмиграция германская... Германская эмиграция - жертва фашистского варварства; русская эмиграция - свидетельство "роста культуры и стремления советской власти к знанию и искусству" (Дневник съезда // Литературная газета. - 1935. - 30 июня). К такого рода изворотам человеческого ума нам не привыкать. Только расплачиваться за них придется тяжело!" (1935. - 8 сент.). С восхвалением Советского Союза на конгрессе выступили Р.Роллан, А.Жид, Г.Манн и другие, однако представителям авангарда - А.Бретону, В.Незвалу, Б.Пере и др. президиум конгресса отказался предоставить слово, а советская печать писала в привычных тонах: "Отребья троцкистской контрреволюции попытались использовать трибуну конгресса для обычной антисоветской клеветы, для предательских поклепов на Страну Советов" (там же).

Последним выступлением Бема в "Мече" о советской литературе был отклик на речь А.Фадеева в Праге 22 июня 1938 о советской литературе. Главной мыслью Фадеева было "презрительное отношение ко всякому "формализму в искусстве, ко всему, что не отвечает требованию понятности и доступности, - вспоминал Бем. -

Здесь чувствовалось и личное убеждение и даже известный пафос. Было видно, что именно такое понимание задач искусства отвечает его собственной художественной практике. "Форма, доступная миллионам читателей", - вот основной критерий художественности для Фадеева. Он не понимал, что, призывая европейскую литературу вступить на этот путь, он ее приглашал в приготовительный класс, из которого она давно вышла" (1938. - 10 июля).

А.Бем отмечает провал широко задуманной затеи советских чиновников от литературы объединить передовую европейскую литературу под руководством Москвы. После выхода книги Андре Жида "Возвращение из СССР" (1936) писателя объявили "троцкистским прихвостнем". Немногие, как Ромен Роллан, "безоговорочно пошли на поводу советских идеологов нового гуманизма, и их казенное словословие уже никого не удивляет и ни на кого не оказывает воздействия (там же).

Вместе с тем Бем пишет: "Столь простая истина, что нельзя защищать идею свободы в союзе с величайшими ее порабителителями, как-то не укладывается в головы европейской левой интеллигенции... Это та "левая" европейская интеллигенция, которая все еще не изжила веры в СССР как обетованную страну новой социальной правды и которую, очевидно, сможет научить только собственный опыт" (там же). Действительно, через год, в августе 1939 эта "левая" интеллигенция убедилась в справедливости слов Бема, но к тому времени "Меч" уже перестал выходить.

А.Н.Николюкин

"МОЛВА" (Варшава, 1932. - 6 апреля. - № 1 - 1934. - 31 января. - № 545) - ежедневная политическая и литературная газета. Прекратившая 5 апреля 1932 свое издание газета "За Свободу!" была преобразована в ежедневную газету "Молва", кресло главного редактора в которой занял один из членов ее редакции Д.В.Философов. В редакционный комитет нового издания вошли также В.В.Бранд, Е.С.Вебер-Хирьякова, С.Л.Войцеховский и Г.Г.Соколов; двое последних вместе с А.И.Федоровым составили саму редакцию газеты. В подписной рекламе указывалось, что "задача

газеты: борьба с большевизмом, объективное освещение подсоветской и эмигрантской действительности, полная и всесторонняя информация о положении церкви и о жизни русских в Польше". Как редкие примеры прорыва сквозь идеологические барьеры правды об истинном положении трудящихся в СССР печатались фрагменты романов Л.Леонова "Скутаревский", К.Федина "Большие дни" и Ф.Гладкова "Энергия"; с ироническим комментарием - "Время, вперед" В.Катаева, "Великий или Тихий" В.Лидина. Под шапкой "Советский рассказ" появлялись сатирические произведения М.Зошенко, И.Ильфа и Е.Петрова.

Заметно стремление авторов газеты разрушить ощущение некоего "провинциализма", культурной дистанции между эмигрантской Варшавой и Парижем: редакция не только перепечатывала материалы из парижских изданий, но и не боялась иметь "особое мнение" в литературной борьбе. В анонимной заметке "Обзор печати. Эмигрантская полемика" (1933. - 28 мая) были "исхлестаны" "Последние новости", в пылу полемики назвавшие "Возрождение" "органом русской национально-социалистической мысли". В "Молве" этот выпад был охарактеризован как "вонючая инсинуация исподтишка" в тот момент, когда и без того "Возрождение" подвергается во Франции жесточайшей травле и уже всерьез на достаточно высоком уровне поднимается вопрос о закрытии издания. На статьи Г.Иванова "О новых русских людях" и Ю.Терапиано "Человек 30-х годов" (Числа. № 7-8) очерком "О новых русских людях" (1938. - 22 янв.) откликнулась Е.Вебер. Д.Философов ("Содержание и форма". - 1933. - 23 июня) выступил арбитром в полемике З.Гиппиус ("Числа") и В.Ходасевича ("Возрождение"). Регулярно в газете публикуются обзоры очередных номеров эмигрантской периодики, чаще других - обзоры "Часового", "За Россию", "Современных записок" и "Чисел". После присуждения И.Бунину Нобелевской премии в газете периодически печатались материалы жизни и творчества великого современника, в основном, взятые из других эмигрантских изданий; отчет о событиях, предшествовавших и сопутствующих награждению. А.М.Хирьяков выступил со статьей о лирике И.Бунина "Душа поэта" (1934. - 4, 5 янв.).

Одним из постоянных авторов "Молвы" стала 22-летняя Н.Н.Новаковская, дочь русского моряка, осевшая в Бейруте. В газете

появляются отрывки из ее исторических произведений: из романа "О Героях и Богах", посвященного "безуспешной борьбе последнего персидского царя Дария III Кодомана с Александром Македонским" (1933. - 24, 27 и 29 сент.), а также очерк о Бейруте "В гостях у Адониса" (1933. - 3 сент); начата была публикация романа "После креста" (1933. - 10 дек.), оставшаяся незаконченной. В ноябрьских номерах 1932 печатается рассказ В.К.Михайлова "Павел Гонга", а в 1933 с 13 авг. по 3 сент. - повесть "Приезд Твердохлебова". А.Луганов, один из ведущих критиков "Молвы", в статье "Самопознание", разбирая эти произведения писателя, заметил, что "его герои - люди сегодняшнего дня, сегодняшнего безвременья, впитавшие в себя все яды повоеванного времени" (1933. - 17 сент.).

Печаталась проза В.Г.Федорова (рассказ "Мертвая голова" из сб. "Прекрасная Эсмеральда" - 1933. - 15 окт.), рассказы П.Булыгина, А.Домбровского, В.Бранда, В.Ф.Клементьева; повесть последнего "Отец Иоанн" (1933. - 21 сент. - 6 окт.), разобранная Л.Гомолицким в статье "К тихому пристанищу Твоему..." (1933. - 29 окт.) и "Последнее испытание: (Из пережитого)" - воспоминания о пребывании в застенках ЧК (1933. - 26 окт.). Мемуарам уделяется немало места на страницах газеты. С подзаголовком "Из воспоминаний белого матроса" печатались мемуары В.Косичева; в номере, посвященном 70-летию беллетриста и журналиста А.М.Хирьякова (1933. - 13 авг.), опубликовано приветствие Д.Философова. Среди авторов, выступивших на страницах газеты с фрагментами их мемуаров, В.Бранд, кн. С.Волконский, В.Н.Коковцев и др.

Поэзия в "Молве" представлена именами И.Бунина, З.Гиппиус, Л.Гомолицкого, А.Кондратьева (цикл его стихов "Из славянской мифологии" - 1933. - 22 янв., 26 марта, 10 мая и др.), Ю.Мандельштама, В.Смоленского, А.Головиной, В.Лебедевой, членов редакции "Молвы" С.Л.Войцеховского и В.В.Бранда. Выступают на страницах "Молвы" поэты и с критическими статьями. В очерке "О новой поэзии" (1933. - 19 февр.) Ю.Мандельштам объединяет творчество А.Ладинского, Д.Кнута, Ю.Терапиано, Ю.Софиева и Н.Берберовой, отметив, что общим для их лирики является "ощущение катастрофичности и неслучайности того, что происходило с миром, с Россией" и "отношение к жизни и смерти, и к страданиям как к "некоему сужденному нам опыту". В статье "О любви к стиху" (1933. - 20 авг.) Ю.Мандельштам размышляет о поэтическом мастерстве: поводом тому послужил разбор вышедших

сборников поэтов-дилетантов Н.Войтенкова и Д.Любишева. Статья Ю.Мандельштама "Рождение поэта" (1933. - 15 окт.), посвященная сборнику Б.Пастернака "Второе рождение" - одна из лучших, появившихся о нем в русском зарубежье. "Раньше самые блестящие построения Пастернака оставались какими-то фокусами и за самими крепко сделанными строфами угадывался хаос, - пишет критик. - Это был хаос той стихии, которая несла стихи Пастернака и которую он теперь укротил и заставил служить некоей тайной цели, как заставляет служить ее каждый подлинный поэт". Со статьей о творчестве С.Барта выступил Л.Гомолицкий ("Смерть с голубыми глазами". - 1933. - 9 апр.): "Главная тема поэзии С.Барта - смерть"; "Жизнь по С.Барту - игрушка неумолимого жестокого рока". Л.Гомолицкий отметил также пластичность и своеобразие ритма стихов поэта. Многие критические статьи, публиковавшиеся в "Молве" (в том числе и статья Л.Гомолицкого), представляли собой доклады, прочитанные их авторами в Литературном содружестве, первоначально являвшемся Литературной секцией Союза русских писателей и журналистов в Польше.

А. Палицын дал одобрительный отзыв о творчестве Л.Леонова и Ф.Гладкова в статье "Очередные задачи советской литературы" (1933. - 1 апр.); позже критический, но доброжелательный отклик эти писатели нашли и в очерке А.Луганова "Эпоха чудес" (1933. - 23 апр.). А.Федоров в рецензии на постановку пьесы А.Толстого и П.Щеголева "Азеф" (1933. - 2 марта) отметил, что она "никакого отношения к литературе, даже самой посредственной, не имеет. Это "коллективное творчество" является самым типичным репортажем". Р.Дельмар с симпатией написал в статье "Тих ли Дон?" (1933. - 2 апр.) о романе М.Шолохова "Поднятая целина", а в "Большевиках и казаках" (1933. - 9 июля) - о третьей книге "Тихого Дона". Отмечен им и новый роман В.Вересаева "Сестры" ("Комсомолки". - 1933. - 27 июля).

Критики "Молвы" много внимания уделяли новым именам в литературе: А.Луганов в статье "Книга о любви" (1933. - 1 янв.) одобрительно отзывается о романе Ю.Фельзена "Счастье", вслед за другими критиками отмечая, что особенностью романа является "лермонтовско-прустовская форма произведения". В.Байкин в статье "Тело" дал негативную оценку одноименному роману Е.Бакуниной: "На 15-16 страницах введения собрано столько мрака и столько нечистот, что с отвращением спрашиваешь себя: к чему автору

понадобилось собрать такое количество нечистот воедино?" А.Луганов выступает со статьей "Довид Кнут": по мнению критика, "великая пленительность поэта в его "братской" связанности с миром, с человеком, которого он любит, как любит землю и жизнь" (1933. - 18 июня).

А.Бем в письмах "О советской литературе" одним из первых выдвинул тезис о единстве литературы русской эмиграции и советской России. "Советская литература должна быть нами воспринимаема как литература русская, как органически связанная со всем нашим литературным прошлым. Говорить о "советской" литературе значит говорить о русской литературе в пределах советской России" ("Письмо первое". - 1933. - 22 окт.). Отметив низкий формальный уровень произведений советских авторов по сравнению с западным, уость их кругозора и отсутствие для писателя в России духовной свободы ("Письмо второе". - 1933. - 12 нояб.), критик замечает, что "наперекор, казалось бы, всем внешним условиям, в какие она поставлена, советская литература обладает известной притягательностью. Жизненную правду - вот что сохраняет в себе советская литература и вот чего, надо в этом сознаться, часто не хватает литературе эмигрантской" ("Письмо третье". - 1933. - 26 нояб.). А.Бем резюмирует: "При всем падении литературы сейчас, остается надежда, что при первых лучах свободы слова и личности начнется новый литературный подъем. Тогда наступит и соединение двух сейчас разьединенных частей русской литературы. Произойдет встреча литературной культуры и литературной правды, временно разошедшихся" (там же).

В статье "Правда прошлого" (1933. - 20 авг.) А.Бем писал о двух значительнейших художниках русского зарубежья: "Ремизов и Цветаева едва ли не самые крупные явления нашей эмигрантской литературы; да по совести к ним и неприменима этикетка "эмигрантская" литература. Они явление литературы русской во всем ее непреходящем значении. И это прежде всего потому, что оба они связаны с русской литературной традицией". Задачу по сохранению и распространению русской литературы А.Бем возлагает на литературную критику, однако, продолжая мысль В.Ходасевича о разрыве между писателем и читателем, замечает, что и "между критиком и читателем легла настоящая пропасть" ("Кто виноват?". - 1933. - 2 авг.). А.Бем уверен, что "литературная критика только тогда

имеет смысл, когда она является критикой руководящей", и именно литература эмиграции в союзе с критикой должна взять на себя роль сохранения традиций русского классического наследия, поскольку "как ни относиться к отдельным явлениям эмигрантской литературы - в данный момент она по своему уровню, чисто литературному, несравненно выше того, что появляется в литературе советской".

Главный редактор издания Д.В.Философов почти в каждом номере выступал с политическими и культурными обзорами и анализами, репликами "по поводу..." и юбилейными (или памятными) статьями. Нерегулярно, но довольно часто по воскресеньям печатались его эссе под шапкой "Воскресные беседы", в которых главный редактор "Молвы" размышлял по проблемам литературы и искусства. В одном из таких очерков 19 декабря 1933 Д.Философов выступил со ставшим широко известным предложением об учреждении "Литературной Академии русского зарубежья", вызвавшим широкий резонанс в кругах русской эмиграции. Поводом для разговора на эту тему послужил выход специального номера польского журнала "Wiadomosci Literackich" (1933. - 29 окт.), посвященного советской литературе и опубликованной в нем статье Карла Радека "Культура нарождающегося социализма", в которой тот заявил об отсутствии литературы русской эмиграции как явления культуры. Статья вызвала поток опровержений (Гомолицкий Л. Русский писатель в СССР и в изгнании. - 10 нояб.; Философов Д. Иван Бунин и Карл Радек. - 12 нояб.; Барт С. Об основном. - 19 нояб. и др.); статье К.Радека было посвящено специальное заседание Литературного содружества 4 ноября. По инициативе редакции писатели прислали в газету справки-отчеты о своей литературной деятельности, опубликованные под рубрикой "Эмигрантские писатели о себе": К.Чхеидзе (1933. - 23-25 дек.), секретарь Союза русских писателей и журналистов Л.Н.Гомолицкий, М.Алданов, К.Д.Бальмонт (1934. - 6 янв.); Вас.Немирович-Данченко, А.В.Амфитеатров (14 янв.); В.Г.Федоров, Г.Д.Гребенщиков (26 янв.); Н.Н.Новоковская (31 янв.) и др.

Газета "Молва", как и ее предшественница "За Свободу!", из-за материальных трудностей прекратила свое существование; вместо нее в Варшаве стал выходить журнал (впоследствии - газета) "Меч", Место главного редактора нового издания сохранил за собой Д.Философов.

М.Г.Павловец

"НАКАНУНЕ" (Берлин, 1922. - 26 Марта. - № 1 - 1924. - 15 июня. - № 651) - ежедневная газета под редакцией Ю.В.Ключникова и Г.Л.Кирдецова, при ближайшем участии С.С.Лукьянова, Б.В.Дюшена, Ю.Н.Потехина; продолжение журнала "Смена вех". Характеризуя общественную ситуацию и призывая определиться в нынешних условиях, редколлегия газеты в передовой статье первого номера объясняла свое название следующим образом: "Хочется верить, что мы накануне дня всеобщего примирения. Необходимо работать, чтобы вопреки всем препятствиям быть накануне этого дня".

14 апреля 1922 в газете было опубликовано "Открытое письмо Н.В.Чайковскому графа А.Н.Толстого", в котором последний писал: "В существующем ныне большевистском правительстве газета "Накануне" видит ту реальную - единственную в реальном плане - власть, которая одна сейчас защищает русские границы от покушения на них соседей, поддерживает единство русского государства и на Генуэзской конференции одна выступает в защиту России от возможного порабощения и разграбления ее иными странами". В ответ А.Н.Толстому и еще двум сотрудникам газеты (И.М.Василевскому (Не-Буква) и А.Ветлугину) были посланы письма за подписью Председателя Союза русских литераторов и журналистов в Париже П.Н.Милюкова, требующие прямого ответа на вопрос: "Считаете ли Вы Ваше участие в этой газете совместимым с духом Союза и с Вашим дальнейшим пребыванием в составе его членов?" (1922. - 27 апр.). 25 апреля А.Н.Толстой отправил письмо П.Н.Милюкову, в котором заявлял: "Прошу не считать меня больше членом Союза русских литераторов и журналистов в Париже" (1922. - 27 апр.). Предпринятый А.Н.Толстым шаг, по своей сути, стал не только переломным в судьбе самого писателя, но и в судьбах ряда русских литераторов, находящихся в Берлине. Так, незадолго до своего отъезда в Россию А.Н.Толстой писал литературному редактору издательства "Детинец", писателю И.Ф.Наживину: "Я думаю, что самое разумное для эмиграции - это возвращаться домой и принимать Россию такую, какая она есть. Людям творческим работать на величие нашего отечества, ныне РСФСР" (Переписка А.Н.Толстого. - М., 1989. - Т.1. - С.332-333). Действенным фактором, повлиявшим на переход А.Н.Толстого в "сменовеховство", являлся приезд весной 1922 в Берлин Б.Пильняка и проводимая им активная пропаганда образа жизни в советской России среди эмигрантов (см.: Воронцова Г.Н. Об

одной командировке Бориса Пильняка// Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения. - М., 1995. - С.117-125).

"Сменовеховство" А.Н.Толстого вызвало противоречивые чувства в литературных кругах. И если для К.Чуковского "Открытое письмо" А.Н.Толстого было "прекрасным" (Переписка. - Т.1 - С.310), то у М.Алданова поступок Толстого вызвал резкое неприятие: "Ему, разумеется, очень хочется придать своему переходу к большевикам характер сенсационного, потрясающего исторического события. Мне более менее понятны и мотивы его литературной слащавщины: он собирается съездить в Россию и там, за полным отсутствием конкуренции, выставить свою кандидатуру на звание "первого русского писателя, который сердцем почувствовал и осмыслил происшедшее" и т.д. как полагается" (Новый журнал. - 1965. - № 80. - С.261).

А.Н.Толстой, будучи редактором "Литературного приложения" к газете "Накануне", сделал много для диалога культур в русском Берлине. Г.Струве отмечал: "Особенностью жизни русского литературного Берлина в этот период было не повторявшееся уже после общения между писателями эмигрантскими и советскими, своего рода осмос между эмигрантской и советской литературой" (Струве. - С.25-26).

С первого номера "Литературного приложения", вышедшего 30 апреля 1922, в нем печатались произведения авторов как эмиграции, так и России: стихи П.Орешина, О.Мандельштама, А.Мариенгофа, Г.Шенгели, Н.Асеева, М.Волошина, Р.Ивнева, С.Клычкова, и др.; рассказы, повести, очерки М.Булгакова, В.Катаева, А.Н.Толстого, Б.Пильняка, И.Соколова-Микитова, М.Пришвина, Л.Никулина, Н.Петровской, М.Козырева, Р.Гуля, Ю.Слезкина, А.Дроздова, Вс.Иванова, А.Ветлугина и др.

Отдел критики "Литературного приложения" предлагал своим читателям литературно-критические статьи А.А.Кусикова ("Битюг: О Клюеве". 1922. 7 мая), О.Мандельштама ("Гуманизм и современность". 1923. 21 января), Э.Голлербаха ("Андрей Белый как мыслитель". 1922. 14 мая; "Последние дни Розанова". 1923. 11 февраля), З.Венгеровой ("Молодая немецкая поэзия". 1922. 21 мая); "Обзор американской литературы". 1922. 12 ноября), И.М.Василевского (Не-Буква) ("Тургеневская девушка: О З.Гиппиус". 1922. 11 июня; "Фельетонист на троне: Литературные произведения

Николая II". 1922. 16 июля; "Тартарен из Таганрога". 1922. 29 октября и др.), А.Ветлугина ("Нежная болезнь: О С.Есенине". 1923. 4 июня), Н.Русова ("Розанов и Достоевский", 1922. 17 июля; "Критика - это я". 1922. 24 сентября), а также обзоры по вопросам культуры И.Василевского (Не-Буква), Г.Гауптмана, Бр.Гетца, Э.Голлербахса, А.Чумакова и др.

В некоторых случаях "Литературное приложение" становилось номером одного автора. Так, 13 августа 1922 оно было посвящено памяти А.Блока; а "Литературное приложение" от 8 июня 1923 содержало перевод статьи Г.Манна "Европа".

В разделе "Библиографии" публиковали отзывы на поступающие в редакцию газеты книги Е.Лундберг, Н.Петровская, Э.Миндлин, Э.Венгерова, А.Дроздов и др. Хроника "выдвинулась в русской литературной журналистике начала двадцатых годов на одно из самых почетных мест" (Русский Берлин. - С.21). "Литературное приложение" первым из эмигрантских изданий стало давать хроникальные факты из жизни (литературной, культурной, издательской) советской России. В своем желании довести до сознания русских эмигрантов мысль о необходимости сделать свой выбор в пользу советской России А.Н.Толстой публикует 4 июня 1922 посланное ему письмо К.И.Чуковского, которое буквально "взорвало" литературные круги Петрограда. Осознав ситуацию, в которую был поставлен К.И.Чуковский, А.Н.Толстой напечатал два опровержения: в "Литературных приложениях" от 11 июня 1922 и от 23 июля 1922. Спустя месяц конфликт между писателями был улажен. Но тем не менее, этот скандал в совокупности с измененным статусом газеты "Накануне" (1 июня 1922 в Москве открылась контора редакции; руководитель - М.Ю.Левидов; Литературный редактор - Э.Миндлин) повлек за собой негативное отношение к этому печатному органу как в литературных кругах русского Берлина, так и среди советских литераторов. А дальнейшее решение газетной поставленной перед собой задачи - "сорвать с эмиграции маску и показать русской трудовой интеллигенции подлинное лицо эмиграции" (1924. - 15 июля) только усугубляло положение.

Б.Пастернак в своем письме В.Полонскому (1922) сообщал, что "отказался наотрез участвовать" в "Накануне" и о своем огорчении по поводу участия в нем Маяковского и Асеева (Флейшман Л.Борис Пастернак в 20-е годы. - Мюнхен, [1980]. - С.22). В петроградском

журнале "Литературные записки" (1922. - № 3) Анна Ахматова напечатала "Письмо в редакцию" по поводу публикации ее стихов в газете "Накануне" без ведома автора. В ответ на неблагоприятную реакцию газеты на движение рабочих партий Европы, объединившихся для защиты левых эсеров от сфабрикованного суда, проходившего в Москве, Б.Пильняк опубликовал в "Новой русской книге" (№ 5) письмо, в котором просил не считать его больше сотрудником этого печатного органа. Э.Миндлин в своих литературных воспоминаниях писал об отказе А.Неверова сотрудничать в "Накануне" из-за боязни быть исключенным из "Кузицы".

В августе 1922 из состава редакции "Накануне" вышел Ю.В.Ключников. В этой весьма неблагоприятно складывающейся для газеты обстановке новым составом редколлегии (Б.В.Дюшен, Г.Л.Кирдцов, С.С.Лукьянов, П.А.Садыкер, С.С.Чахотин) были предприняты шаги, способные заинтересовать читателя: с сентября 1922 еженедельно выходит "Экономическое обозрение" под редакцией профессора Г.Г.Швиттау; с начала 1923 - "Кино-обозрение" под редакцией О.С.Мельника и отдел "Социальной медицины, социальной гигиены и социального обеспечения" под редакцией Я.А.Бродского. Но самым крупным достижением по праву считается книгоиздательская деятельность "Накануне".

В октябре 1922 при газете был организован книгоиздательский отдел "Накануне", который предполагал развивать свою деятельность в следующих направлениях: издание на русском языке новинок иностранной литературы, оригинальных русских авторов, а также издание "Библиотеки практических знаний", включающей в себя научно-популярные руководства, справочники и учебники для школьников. Литературно-художественным отделом книгоиздательства руководил А.Н.Толстой, иностранным - З.А.Венгерова; технической частью всего книгоиздательства - Н.Е.Лынтунский.

За период с 1922 по 1924 издательством были выпущены книги русских авторов: Маяковский В. Вещи этого года. До 1 августа 1923 года (1923), Избранный Маяковский: Сборник стихотворений (1923); Северянин И. Соловей: Поэзы 1918 года (1923); Северянин И. Трагедия Титана. - Космос: Изборник первый (1923); Никулин Л. Хмель: Повесть (1924); Дроздов А. Тупая борозда: Рассказы (1924);

Василевский И.М. Генерал А.И.Деникин и его мемуары (1924); Кусиков А. Аль-Баррак: Октябрьские поэмы (1923, 2-е изд.) и иностранных: Маран Р. Батуала: Подлинный негритянский роман/Пер. З.Венгеровой (1923); Лагерлеф С. Троллы и люди: Сборник новелл/Пер. Р.Тираспольской (1923).

Стремясь довести до сведения взрослого читателя новинки литературы, издательство не забывало и маленьких читателей, предлагая им красочно иллюстрированные книги серии "Детская библиотека": Крандиевская Н. Сказки про Нику, Джека и Феофана (1923), ее же "Книжка про веселое житьишко" (1923). Коллоди К. Приключения Пиноккио. Обработал А.Н.Толстой (1922) и др.

К началу 1923 общественно-политические противоречия в русском Берлине обострились. Вспыхнувший в ноябре 1922 скандал, связанный с публикацией в "Литературном приложении" фельетона Не-Буквы (И.Василевского) "Гартарен из Таганрога", посвященного творчеству И.Эренбурга, подчеркнул происходящую в литературном лагере поляризацию сил. По воспоминаниям Э.Миндлина, "расслоение эмигрантов происходило внутри редакции "Накануне". Оттого-то и раздирали газету противоречия в среде сотрудников" (Миндлин Э. Необыкновенные собеседники: Литературные воспоминания. - М., 1979. - С.158-159). Но ярче всего об обстановке в редакции свидетельствует Н.А.Ухтомский в своем письме Н.В.Устрялову: "С грустью должен Вам сообщить, что моральный престиж "Накануне" в Берлине и особенно в Москве (да-да) весьма низок. Меня даже "советчики", люди близкие к Крестинскому, уговаривали не связываться с "наканунниками", в то время как правые круги мне прямо говорили (Ал.Яблоновский), что лучше уж сходитья с советскими официальными кругами, нежели с "Накануне". Даже Ключников, и тот нашел нужным мне с брезгливым видом говорить о "Накануне", упрекая газету в излишнем раболепстве" (Русский Берлин. - С.45-46).

Летом 1923 из Берлина в советскую Россию уехали многие литераторы, сотрудничавшие с "Накануне": Ю.Н.Потехин, Г.Алексеев, А.Н.Толстой, А.Дроздов, И.Соколов-Микитов, И.М.Василевский, А.В.Бобришев-Пушкин и др. Перед возвращением на родину А.Н.Толстой опубликовал в газете свои размышления, подводившие итог его эмигрантской жизни: "Я возвращаюсь домой на трудную жизнь. Но победа будет за теми, в ком пафос правды и

справедливости, - за Россией, за народами и классами, которые пойдут с ней, поверят в зарю новой жизни" (1923. - 27 июля). Для многих вернувшихся "заря новой жизни" обернулась трагедией в годы сталинского режима.

Официально преемником на посту редактора "Литературного приложения" никто назначен не был. А.Н.Толстой, уехав в Россию, номинально продолжал оставаться редактором берлинского издания. С его уходом "Литературное приложение" изменилось: 29 июля 1923 оно вышло под названием "Литературная неделя"; изменился формат - до 16 декабря 1923 "Литературная неделя" выходила размером с газетный лист; изменилось содержание "Литературной недели". На это повлияли сотрудничавшие с литературным приложением Р.Гуль и А.Ященко (последний стал редактировать "Иностранное обозрение", выходявшее приложением к "Накануне" в 1924). Благодаря им "Литературная неделя" стала именно литературоведческим приложением. Наряду с продолжающейся публикацией художественных произведений в "Литературной неделе" был увеличен объем предлагаемых обзоров по вопросам литературы и культуры. В целом, разделы прежнего литературного приложения сохранились, но претерпели частичное видоизменение: раздел "Хроники" стал именоваться рубрикой "Искусство и наука", "Библиография" - "Отзывы о книгах".

Авторы художественных произведений, публикуемых "Литературной неделей", в большинстве своем - писатели из России: М.Булгаков ("Самогонное озеро" 1923. 29 июля; "День нашей жизни" 1923. 2 сентября; "Псалом" 1923. 23 сентября и др.), К.Большаков, Евг. Петров, В.Катаев и др.; печатаются стихи О.Мандельштама, Вл.Пиотровского, Г.Шенгели, В.Шершеневича, Г.Венуса и др. Часто на страницах "Литературной недели" появляются новинки современной иностранной литературы: Ан.Бальдини, Паоло Буцци, Эрнст Толлер и др. Публиковались рецензии на книги, поступающие из советской России (рецензенты С.Либерман, Р.Гуль, Н.Петровская, Г.Венус, Э.Миндлин, С.Гехт, Э.Голлербах, К.Спасский, Н.Русов и др.¹).

Для "Литературной недели" становится характерной публикация циклов литературных произведений: "Письма с Родины" И.Василевского (Не-Буква), "Литературная Москва" Ю.Слезкина и критических обзоров Р.Гуля ("Молодая проза": Ник.Никитин,

Валентин Катаев, Михаил Зощенко и др.). На страницах Литературной недели" зачастую сталкивались позиции, мнения: 9 марта 1924 были опубликованы две статьи (Миндлин Э. Фонтанка, угол Аничкова моста; Гуль Р. Дамские каблочки), отражающие противоположные точки зрения на советскую литературу.

Выходившее с завидной регулярностью "Накануне" тем не менее в 1924 прекратило свое существование. В передовой статье к последнему номеру - "Всегда вперед!" - редколлегия сообщала читателям о выполнении своей основной задачи: "Все, что можно было вырвать из ее <эмиграции> обезьяньих лап, - вырвано и возвращено Родине. То, что осталось, - отброс, до которого России нет дела". Советское правительство сочло цель выполненной (отбытие в 1923 году ведущих сотрудников в советскую Россию) и прекратило субсидирование.

О.В. Быстрова

"НОВАЯ ГАЗЕТА" (Париж, 1931.- 1 марта - 1 мая. - № 1-5) - двухнедельник литературы и искусства. Издатель - М.Л.Слоним. Издание было задумано как связующее звено между русской эмигрантской литературой и литературой советской России: "Сохранить самих себя, не раствориться в других народах мы можем только при помощи этой крепкой связи с русской культурой" (Слоним М. Литература в эмиграции. - 1931. - 1 мая). Разобщенность географическая и идейная усиливает разрыв литературных связей, и для их развития, по мнению М.Слонима, писатели-эмигранты должны обращаться к сегодняшней русской жизни со всеми ее сложными идейными и социальными коллизиями, а не уходить в историческое прошлое, в изображение иностранной среды. Автор статьи сетует на то, что в эмигрантском мире нет "литературного движения, той подлинной литературной жизни, которая проявляется в исканиях, обсуждениях, борьбе художественных течений, поисках новых путей, спорах об основных вопросах искусства, во всем том, что является первым показателем культурного развития" (там же). М.Слоним заявляет, что его газета будет всячески способствовать укреплению культурных связей и развитию великих традиций русской литературы за рубежом.

Каждый номер газеты открывался редакционными статьями М.Слонима ("О "Числах" - № 2; "Литературные поколения" - № 3; "О современности и злободневности" - № 4; "О простоте и понятности" - № 5). Основная направленность газеты - сопоставление литературного процесса в России с литературой русского зарубежья. В газете были выделены две рубрики: 1) Русская литература за рубежом; 2) В России. В первой рецензировались новинки русских зарубежных писателей. Опубликованы рецензии на книги (Алданов М. Портреты. - Берлин, 1931; Сиринов В. Защита Лужина. - Берлин, 1930; Ладинский А. Черное и голубое. - Берлин, 1931; Федоров В. Суд Вареника. - Прага, 1930; Поплавский Б. Флаги. - Париж, 1931; Иванов Г. Розы. - Париж, 1931; Милуков П. Очерки по истории русской культуры. - Т. 2 Ч. 1. - Париж, 1931; Рошин Н. Журавли. - Париж, 1931; Ходасевич В. Державин. - Париж, 1931; Тэффи. - Книга Июнь. - Белград, 1931; Осоргин М. Чудо на озере. - Париж, 1931; Бунин И. Божье древо. - Париж, 1931; Мережковский Д. Тайна Запада: Атлантида - Европа. - Белград, 1931; Кнорринг И. Стихи о себе. - Париж, 1931 и др).

Перечень книжных новинок писателей-эмигрантов сопровождался краткими аннотациями, сообщались сведения о событиях в литературно-общественной жизни русской эмиграции: о деятельности литературных объединений: "Скит поэтов" (Прага), "Молодая Чураевка" (Харбин), "Кочевье" (Париж), "Далиборка" (Прага), "Чугунное кольцо" (Ревель), "Цех поэтов" (Юрьев), "Полевые цветы" (Нарва) и др. В разделе "Хроника" - о литературных мероприятиях, проводимых в Париже: творческие вечера А.Ремизова (март 1931), М.Цветаевой (май 1931), юбилей П.Пильского (май 1931), публичные лекции М.Слонима и др.

Материалы о советской литературе занимали в газете большое место. Были опубликованы рецензии на книги М.Зощенко, Н.Тихонова, Ю.Олеши, Б.Пильняка, В.Гиляровского и др.

Газета сообщала о вечерах, посвященных памяти В.В.Маяковского, Д.А.Фурманова, о Всероссийской конференции российских писателей (доклад М.Козакова "Писатель и социалистическое строительство"), об обсуждении поэмы Б.Пастернака "Спекторский", принятии к постановке в театре В.Э.Мейерхольда пьесы Ю.Олеши "Список благодетелей", подготовке к приезду М.Горького в СССР, развернувшейся кампании против

журналов "Огонек", "Прожектор", "Красная нива" за недостаточно четкую классовую позицию, о конфликте в РАППе, разгоревшемся вокруг А.И.Безыменского, обвинявшего своих коллег в политической неблагонадежности и т.п.

Популярностью пользовалась "Литературная анкета", обращенная к русским писателям, живущим в Париже. Одна из анкет содержала вопрос: "Где, когда и при каких условиях состоялось Ваше первое литературное выступление?" На анкету отвечали М.А.Алданов, И.А.Бунин, Б.К.Зайцев, А.И.Куприн, М.А.Осоргин, А.М.Ремизов, В.Ф.Ходасевич, М.И.Цветаева, И.С.Шмелев. Большой интерес представлял другой вопрос "Литературной анкеты": "Самое значительное произведение русской литературы последнего пятилетия?" М.Алданов, И.А.Бунин, Б.К.Зайцев, Г.Иванов отказались отвечать на этот вопрос, зато любопытны ответы других писателей старшего и младшего поколений: А.И.Куприн - "Солнечный удар" И.А.Бунина, "Растратчики" В.П.Катаева; А.П.Ладинский - "Вор" Л.М.Леонова, "Петр I" А.Н.Толстого; М.А.Осоргин - "Взвихренная Русь" А.М.Ремизова; В.Ф.Ходасевич - "Жизнь Арсеньева" И.А.Бунина, "Защита Лужина" В.Сириня. Примечательно, что младшее поколение писателей - Б.Поплавский, Ю.Фельзен, М.Цветаева предпочли творчество своих сверстников - С.И.Шаруна или поэтов, близких им по эстетическим позициям (Б.Пастернак, О.Мандельштам).

Стремясь наладить живой обмен мнениями, газета организует литературную дискуссию. Начало положила статья С.Л.Полякова-Литовцева "О мистицизме", в которой он утверждает, что мистика, культ смерти несвойственны русской литературе. Его поддержал М.Слоним, выступив с критикой журнала "Числа" за поэтизацию смерти. В полемику вступили молодые писатели В.Андреев, Б.Поплавский. Последний утверждал: "Вопрос о смерти, в сущности, борьба со смертью и повышение чувства жизни" (1931. - 1 апр.).

В газете значительное внимание уделялось теоретическим статьям-размышлениям о судьбах русской литературы: статьи Д.Резникова "Что будет с нашей литературой?", Ю.Терапиано "О критике и литературном поведении", А.Новика "Мысли по касательной", Г.Адамовича "Темы", М.Осоргина "О простоте", Г.Газданова "Мысли о литературе" и др. Зная о большом интересе читателя к мемуарной литературе, газета помещает воспоминания

М.Руммеля "Мои встречи с Есениным", Б.Пастернака "Встречи с Маяковским". В газете напечатаны интервью с французскими писателями Андре Моруа и Франсуа Мориаксом, об их взглядах на русскую литературу и на ее будущее.

Газета печатала стихи В.Андреева, Б.Божнева, А.Берлин, рассказы Г.Газданова, А.Ремизова, А.Ладинского и др. Публиковались произведения советских писателей. Среди них рассказ Л.М.Леонова "Возвращение Копылева", В.Я.Шишкова "Бродячий цирк", отрывки из романа А.А.Фадеева "Последний из Удэге", Н.С.Тихонова "Керим-хан" (из книги "Кочевники").

В каждом номере двухнедельника давались обзоры новинок французской, английской, итальянской и других литератур. В рубрике "Театр" сообщалось о театральной жизни Москвы, о новых спектаклях ("Хлеб" В.М.Киришона, "1905 год" К.Д.Гандурина). Давалась информация о художественных выставках в Париже (о персональной выставке М.Ларионова, о вернисаже, организованном редакцией журнала "Числа"). Юмор был представлен двумя разделами: "Паноптикум" высмеивал графоманство, "Щуп и цапля" - языковые погрешности, встречающиеся и у маститых писателей.

Л.Г.Голубева

"НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА" (Русская книга. - Берлин, 1921. - № 1-9; Новая русская книга. - Берлин, 1922. - № 1-12; 1923. - № 1-6) - первый критико-библиографический журнал русского зарубежья, издавался при крупнейшем в Берлине книжном магазине "Москва", переименовав название в 1922 и сменив издателя, которым стал И.П.Ладыжников.

По замыслу его создателя - А.С.Яшенко, журнал был призван объединить русскую литературу в условиях политической раздробленности нации, принять на себя функцию организационного объединения волею судеб разбросанных по разным уголкам земного шара русских литераторов, ученых, - всех имеющих отношение к созданию и изданию книг. Программа журнала предполагалась принципиально беспартийной и намеренно аполитичной. В ней

провозглашалось неразрывное единство культурной работы, где бы она ни происходила. Во вступительной заметке от редакции к первому номеру журнала А.С.Ященко сформулировал позицию журнала: "Для нас нет, в области книги, разделения на Советскую Россию и эмиграцию. Русская книга, русская литература едины на обоих берегах. И мы будем стремиться к тому, чтобы наш журнал получил доступ и в Россию. Для того чтобы наилучшим образом достигнуть этой цели, мы будем оставаться вне всякой политической борьбы и вне каких бы то ни было политических партий". Эта же нейтральная позиция сформулирована им вновь в "Новой русской книге" в январе 1922: "Мы смотрим на русскую литературу, где бы она ни создавалась, здесь или там, как на единую и не противопоставляем эмиграцию Советской России... Служить объединению и восстановлению русской литературы ставит себе задачей и "Новая русская книга" (с.1). Но независимо от намерения рассматривать советскую и эмигрантскую литературу как два русла одного потока и содействовать их слиянию, журнал выявлял различные точки зрения на одни и те же литературные явления со стороны советских и эмигрантских писателей.

Организатором и активным участником журнала был Александр Сергеевич Ященко (1877-1934). Наиболее яркой и интересной стороной его биографии стала деятельность, связанная с основанием и изданием "Новой русской книги". Сведения для журнала он получал от ученых и писателей-эмигрантов, ставших берлинцами, от писателей, приезжавших из советской России на время, от огромной переписки организованной редакцией журнала и самим А.С.Ященко с литераторами России, Европы, Америки (к примеру: К.А.Федин, работавший в ленинградском отделении Госиздата с конца 1921 и будучи сотрудником и секретарем журнала "Книга и революция", посылал в Берлин комплекты издания этого журнала и снабжал Ященко доступными ему сведениями о литераторах, работающих в России). Важным источником сведений служили книгоиздательские и книготорговые каталоги. Со временем советские и зарубежные книгоиздательства стали присылать свои издания в журнал на отзыв. Журнал имел следующую структуру:

I. Общие статьи; II. Критика и рецензии; III. Хроника и разные заметки; IV. Писатели: судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1920 гг. V. Пресса: Русские газеты за пределами Советской России; VI. Книжная летопись.

В первом разделе публиковались обзорные статьи самого редактора: "Русская поэзия за последние три года" (1921. - № 3), "Книга и возрождение России" (1921. - № 4), "Русская политическая литература за границей" (1921. - № 5/6), "О новых путях и новом искусстве" (1922. - № 3), "Литература за пять последних лет" (1922. - № 11/12), в которых просматривается взгляд на литературу в России и за рубежом, как на единое целое, огорчение по поводу ущерба, наносимого литературе активной деятельностью цензуры в России, боль за тяжелое положение писателей и досада на препятствия, чинимые проникновению в Россию книг из-за рубежа. Несколько статей опубликовал в журнале приехавший в Берлин в 1921 И.Эренбург, пытавшийся в статье "Au-dessus de la mêlée" (1921. - № 7/8) беспристрастно, с позиции "над схваткой" рассмотреть вопрос о скептическом отношении в зарубежных литературных кругах к писателям, оставшимся в России. В статье "О некоторых признаках расцвета российской поэзии" (1921. - № 9) он утверждал, что несмотря на тяжелейшее положение, в котором находятся писатели в России, "именно теперь русская поэзия переживает период высокого подъема". Новое содержание потребовало новые формы, обусловив новые ритмы - быстрые, неистовые, эволюцию языка в сторону ясности и лаконичности. Высказанное в этой статье о поэзии Эренбург относил и к изобразительному искусству (статья "Новое искусство в России". - 1922. - № 1). В статье "Новая проза" (1922. - № 9) он в основном говорит о "Серапионовых братьях", пришедших на смену символизму и импрессионизму. С его точки зрения, творчество писателей-"серапионов" связано с новым, "конструктивным" искусством; появление "Серапионовых братьев" - симптом возрождения русской прозы, на новой основе. К творчеству "Серапионовых братьев" обращена и статья Н.Ашукина "Современность в литературе" (1922. - № 6). Отмечая, что современная проза отражает фантазмагорию времени, он улавливал в ней динамичность, фабульность при отсутствии психологизма.

В этом разделе журнала опубликованы две работы А.Белого. В статье "Культура в современной России" (1922. - № 1) он отмечал пеструю смесь противоречий и крайностей в искусстве. В статье "К юбилею Максима Горького" (1922. - № 8) он утверждал, что Горький, порою противоречивый от многогранности, есть воистину Чело Века своего времени. Раздвинув внешние перегорелки благополучно

усвоенных схем, он привлек внимание к "темным" истокам человеческого сознания, полного противоречий. В деятельности Горького в защиту культуры, "порой косолапо" и неумело, Белый усматривал "крупный жест крупного человека".

А.Ремизов в статье "Крюк: Память петербургская" (1922. - № 1) утверждал, что в России есть одно большое литературное гнездо Петербург-Москва, от которого по всей стране идут малые гнезда. Б.Пильняк в статье "Заказ наш", рассуждая о писательском искусстве, пришел к выводу, что в России наступил период мужицкой литературы с мужицкой формой и содержанием, отражающей заказ простого мужика. Г.Лукомский, видя в современной живописи сладкую мечту о прошлом и радость разделения трудной судьбы своего народа, в статье "Итоги и задачи русской художественной деятельности: (1919-1921)" (1922. - № 2) дал общую картину современного состояния русской школы живописи, подчеркнув искание в ней новых творческих путей.

Содержательна и помещенная в этом разделе статья Э.Голлербаха "Старое и новое: заметки о литературе Петербурга" (1922. - № 7), прослеживающая сочетание старого и нового в произведениях А.Белого, М.Кузмина, Вс.Рожественского, Ф.Сологуба, Г.Иванова, А.Ахматовой, А.Радловой.

Значительная роль отводилась в журнале разделу "Критика и рецензии". Ближайшими сотрудниками этого раздела были: секретарь журнала Роман Гуль, молодой писатель Александр Дроздов, одновременно редактировавший журнал "Сполохи", сотрудничавший в журнале "Накануне" и вслед за А.Н.Толстым уехавший в Москву, Глеб Алексеев, тоже вскоре ставший возвращенцем; Юрий Офросимов, писавший стихи под псевдонимом Г.Росимов, сотрудник "Руля"; Федор Иванов, автор книги очерков о советской литературе под названием "Красный Парнас": Литературно-критические очерки" (Берлин, 1922) и рассказов "Узор старинный" (Берлин, 1921); печаталась в разделе Вера Лурье, молодая поэтесса, до своего переселения в Берлин принимавшая участие в кружке "Звучащая раковина" в Петербурге, которым руководил Н.Гумилев, М.Осоргин. А.Н.Толстой, приехавший в Берлин в октябре 1921, был привлечен к участию в работе "Новой русской книги". В № 1 за 1922 опубликованы рецензии А.Н.Толстого и И.Эренбурга на книги С.Есенина "Трерядница", "Исповедь хулигана" (М., 1921) с разными во многом

точками зрения на его творчество. Ими рецензировались наиболее интересные книги русских писателей, выходявшие в Москве, Петербурге, Берлине, Париже, Гельсингфорсе, Стокгольме, Риге, Вене, Софии, а также художественные сборники и альманахи.

В разделе критики помещались рецензии не только на художественную литературу, но и на исторические произведения: В.Станкевич рецензировал книги В.Шульгина "1920 год" (1922. - № 3), А.И.Деникина "Очерки русской смуты" Т. 2 (1922. - № 2), на книги по экономике А.Чаянов написал рецензию "Из области новых течений русской экономической мысли" (1922. - № 5). Книги по философии рецензировал С.И.Гёссен (под псевдонимом Sergius).

Программа Яшенко - обеспечить "единение" русской литературы - осуществлялась и берлинским "Домом искусств", в числе инициаторов создания которого был и Яшенко. В начальный период существования этого клуба "Новая русская книга" была его печатным органом.

Материалы раздела "Писатели: Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1920 гг." - своего рода продолжающийся био-библиографический словарь и сейчас служит незаменимым источником сведений о судьбе, перемещениях, работе и замыслах не только крупных, прославленных литераторов, но и второстепенных, бесследно исчезнувших впоследствии из русской литературной жизни. В этом же разделе приводились сведения о высланных из советской России ученых (1922. - № 9), опубликован "Список ученых и литераторов, находящихся в Крыму и нуждающихся в помощи" (1923. - № 2), среди которых М.А.Волошин, К.А.Тренев, М.П.Чехова и др. - всего 63 человека. За весь период существования журнала опубликовано около 2900 биографических справок и сведений, в том числе свыше 1700 сведений об ученых и литераторах, находившихся в России.

Со 2-го номера за 1922 в рубрике "Писатели" появилась подрубрика "Писатели о себе", в которой, откликаясь на вопрос редакции "Как вы пережили войну и революцию? и каковы Ваши дальнейшие литературные планы", писатели рассказывали о своей жизни в период бурных лет гражданской войны и революции. В этом разделе выступали писатели: Б.Пильняк, И.С.Соколов-Микитов, А.Ветлугин, А.Дроздов, Е.Замятин, А.Кусиков, А.Н.Толстой, И.Эренбург, С.Есенин, И.Наживин, А.Соболь, А.Яковлев, С.А.Гусев-

Оренбургский, К.Федин, В.Ходасевич, В.Лидин, Н.М.Минский, В.Маяковский, Д.Крачковский, И.Оксенов, В.Немирович-Данченко, Н.Оцуп.

В разделе "Пресса" публиковался список газет, выходящих на русском языке за пределами советской России. В нем учтено 317 названий газет, издававшихся в 23 странах. В № 7/8 за 1921 напечатан список "Пресса на территории Дальневосточной республики в настоящее время" (69 названий) и обзор "Пресса на Дальнем Востоке в 1920 г.". Обзоры периодической печати на Дальнем Востоке нерегулярно появлялись и в последующих номерах. В первых четырех номерах "Новой русской книги" за 1922 в этом разделе учтены и 126 русских зарубежных журналов. С пятого номера за 1922 в этой рубрике появились два подраздела: "Периодическая печать в эмиграции" и "Периодическая печать в Советской России". За период издания журнала даны сведения о 443 газетах и журналах русской эмиграции, приведены 465 библиографических заметок об отдельных номерах русской советской и зарубежной периодики. Этот раздел стал уникальным источником сведений о русской зарубежной периодике первых лет советской власти.

Ященко считал важной задачей ознакомление русских эмигрантов с литературой, выходившей в то время в советской России, что осуществлялось в рубрике журнала "Книжная летопись". В ней публиковались тематические подборки. В отдельных номерах присутствует подраздел "Книги о России, изданные на иностранных языках". С № 8 за 1922 появился постоянный подраздел "Книги, присланные в редакцию для отзыва". Примерно 2/3 книг этого подраздела - литература русской эмиграции.

Начиная с пятого номера журнала "Русская книга" в нем стал активно сотрудничать приехавший в Берлин И.Эренбург, последовательно пропагандировавший русское молодое искусство в его наиболее радикальных "конструктивистских" проявлениях. Между Эренбургом и Ященко с самого начала обозначились резкие расхождения в отношении к новым явлениям художественной жизни России. Ященко остался глух к главным фаворитам Эренбурга в поэзии - Маяковскому, Пастернаку, Цветаевой и отрицательно отнесся к симпатиям Эренбурга в области изобразительного искусства. Тот и другой имели сторонников, разделяющих их взгляды. На страницах журнала развернулась полемика. Тон ей задал

один из ведущих представителей русского авангарда, автор книги "Современная живопись" (Берлин, 1923) Иван Пуни, опровергавший основные постулаты эстетической концепции Эренбурга (1922. - № 2). К концу 1922 резко обострились общественно-политические противоречия в среде русской литературной эмиграции в Берлине, произошла резкая поляризация литературных лагерей. Позиция Ященко и его журнала, направленная на "наведение мостов" и "сближение полюсов", - оказывалась все более анахроничной. К концу 1922 выяснилась невозможность объединения идеологических разнопорядковых явлений, даже принадлежащих к одной, берлинской эмиграции. Стремление к сохранению "нейтралитета" оборачивалось тенденцией к нивелировке, к сглаживанию противоречий литературной жизни. С начала 1923 прекратил существование раздел "Писатели о себе". Стремление к компромиссу, к нейтралитету оборачивалось нивелировкой политической борьбы, в результате от сотрудничества отказались ранее активно участвовавшие в журнале писатели А.Белый, А.Толстой, А.Ремизов, И.Эренбург.

Публикацией нелегально переправленного через границу цикла стихотворений М.Волошина "Усобица" (1923. - № 2) о разгуле большевистского террора в Крыму Ященко как бы признавал иллюзорность прежней программы и старых чаяний.

Журнал закрылся осенью 1923. В редакционной статье последнего номера (1923. - № 5/6) Ященко делает отчаянную попытку предотвратить развитие событий, через несколько месяцев ставших реальностью. Он стремится "угovorить" враждующие стороны видеть в культурной работе, где бы она ни совершалась, общерусское дело, призывает сохранить национальное единство, хотя бы в сфере книжного производства, наладить нормальные книжные отношения между всеми центрами русской книгоиздательской деятельности.

В 9 номере "Русской книги" за 1921 было напечатано письмо А.Ремизова от имени живущих в России "книжников", "благодарность за берлинскую "Русскую книгу" - память любовную к застенной России, измученной и темной, но в которой огоньки горят - и слово и дух творческий живы и любовь книжная" (с. 22). Из письма К.Чуковского, адресованного А.Ященко (Русский Берлин. - С. 84), известно об отношении А.Блока к журналу: "Знаете ли вы, как любил Ваш журнал покойный Блок. Он читал мне вслух однажды вечером -

каждую строчку из первого номера". И.Эренбург называл журнал клочком "ничьей земли", где могли и встречались советские писатели с эмигрантскими ("Люди, годы, жизнь". - М.; Л., 1963. - Кн. 3. - С. 121). В рецензии на 11/12 номер "Новой русской книги" за 1922 газета "Дни" писала: "В течение 1921 г. в России, куда "Русская книга" доходит в большом количестве, только по ней могли судить о том, что делается в области литературы и искусства на Западе" (1923. - 18 февр.).

Критико-библиографические и литературно-критические журналы советской России тех лет реагировали буквально на каждый выходящий номер журнала. Первая в советской печати рецензия появилась в журнале "Книга и революция". В ней В.Десницкий характеризовал "Русскую книгу" как "чрезвычайно любопытное и ценное издание" (1921. - № 12. - С. 26). Краткие обзоры очередных номеров помещались в журналах "Печать и революция", "Новая книга", "Летопись Дома литераторов", "Литературные записки", "Вестник литературы" и др., отмечавших точную и объективную информацию издания.

Благодаря видному деятелю русской социал-демократии Б.И.Николаевскому сохранилась часть архива журнала, содержащая материал, ценный для изучения русской зарубежной литературы этого периода. Архивные материалы журнала, в частности, письма, адресованные А.С.Яшенко, частично опубликованы в сборнике "Русский Берлин". В настоящее время архив находится в Гуверовском институте в Станфорде (Калифорния).

А.М.Гуткина

"НОВОЕ ВРЕМЯ" (Белград, 1921. - 22 апреля. - № 1 - 1930. - 26 окт. - № 2853) - ежедневная газета, редактор-издатель - М.А. Суворин. В программной статье первого номера редакция заявила о продолжении традиций, заложенных А.С.Сувориным. "Мы получили вновь возможность продолжать работу, прерванную мятежом 17-го года. Мы возобновляем ее не на родине... Малые осколки Великой России нашли теперь убежище на сербской земле". В первые, трудные для русской эмиграции годы редакция газеты апеллировала к опыту

своего издания, переживавшего аналогичное: "Новое время" закрывали три раза (1909 - по распоряжению министра внутренних дел Д.С.Сипягина; летом 1917 - по распоряжению министра юстиции А.Ф.Керенского; в октябре 1917 - по распоряжению большевиков). К чести издания, оно не забывало своего создателя, публикуя исторические материалы ("Из записок А.С.Суворина: К 10-летней годовщине со дня смерти". - 1922. - 24 авг.; "Из неизданного дневника А.С.Суворина". - 1928. - 10 янв.; Рыбинский Н. Большой человек: Об А.С.Суворине. - 1928. - 6 марта и др.):

Предлагаемый изданием материал располагался по разделам: "Передовые статьи", "В Сербии", "Последние известия", "Вести из Галлиполи" (до 1922; позже периодически публиковались материалы из жизни галлипольских братств, рассеянных в эмиграции), "Из России", "Из газет и журналов", "Оповещения", "Хроника", "Справочный отдел" и др. Раздел "Внутренние дела" освещал жизнь многочисленных русских колоний в сербских городах: Белграде, Загребе, Ерцигнови, Митровице Сремской, Панчеве, Новом Саде, Чуприи, Вршаце, Кральево и др. Рубрики газеты и публикуемые в них статьи аналитического и историко-политического характера таких авторов, как Ю.Дмитриев, Б.Суворин, А.Погодин, А.Столыпин, Т.Локоть, Н.Рыбинский, В.Даватц, позволяли говорить о "Новом времени", как издании, уделяющем основное внимание политическим и идеологическим проблемам современности. "Минет и большевистская смута, как минули и другие беды. Россия вновь восстанет из развалин, как это бывало столько раз до нас. И не придется сожалеть тем, кто сохранил веру в нее в дни ее тягостных испытаний" (1922. - 22 апр.).

Проблемам культуры и литературы в газете уделялось много меньше внимания. Но тем не менее с деятельностью "Нового времени" неразрывно связано творчество литераторов, которые вызывали интерес к изданию. Здесь печатались стихи русских авторов - А.Балашова, Б.Собинова, К.Шумлевича, П.Евграфова, кн. Ф.Касаткина-Ростовского, Н.Карабчевского, А.Евреинова и других, а также стихи сербских авторов: Воислава Илича, Джуры Якшича (в переводе кн. Ф.Касаткина-Ростовского), И.Дучича, М.Ракича (в переводе Е.Вадимова) и др.

Газета предлагала своим читателям и прозу: рассказы и повести А.Погодина ("По Сербии: Путевые очерки". - сент. 1922), В.Хесина

("Из записок беженца". - дек. 1925 - янв. 1926), Ю.Ракитина ("Весеннее наводнение: Из Петербургской старины". - 26 апр. 1924), Н.Рыбинского ("Под небом Африки: О легионерах". - март 1926); он же "Володя: Галлиполийская повесть". - июль-авг. 1926) и др., а также произведения иностранных авторов - "Принц, или Паяц" М.Декобра (январь-февраль 1928 г.), "Мари-Пьер у руля, или Удивительные приключения" Т.Трильби (март-май 1928), "Возвращение" его же (май-июнь 1930) и др.

Интерес вызывали и статьи на историко-литературные и философские темы: Н.Чебышева ("И.С.Аксаков: Сорокалетие его смерти". - 9 февр. 1926), А.Погодина ("Достоевский и наша современность". - 6 янв. 1924; "Проблема личности и народа у Достоевского". - 24 апр. 1924; "От Фурье к св. Серафиму Саровскому: Эволюция Достоевского". - 11 февр. 1926; "Толстой и Достоевский, как мыслители: (отрывки из книги)". - июль - авг. 1926), кн Ф.Касаткина-Ростовского ("Русские в Сербии в XII веке". - 15 февр. 1923).

С первого номера одним из постоянных разделов газеты был литературно-политический "Маленький фельетон", откликавшийся на происходящие в мире события. Редактором этой рубрики, а также постоянным автором многочисленных фельетонов, написанных на "злобу дня", был А.Ренников, сотрудник суворинской газеты до революции. Лаконичность, точность даваемых характеристик и выразительность языка фельетонов Ренникова снискали заслуженное уважение читателей. Помимо публицистики, в газете печатались и другие литературные произведения этого автора: "Мы - русские" (22 апр. 1921), "Крестный ход: Стихотворение в прозе" (25 апр. 1922), "Конец Бронштейна: Рассказ" (3 сент. 1922), "Ложь машины: Из рукописи неизвестного автора" (февр. 1923), "Вальс в бесконечности: А.Ренникова "За тридевять земель", посвященный судьбам русских эмигрантов.

Имя А.Ренникова связывалось в газете еще с одним направлением: библиографическое описание поступающих в редакцию книжных новинок. Раздел "Библиография" отражал деятельность Русского отдела Общества славянской взаимности, ставящего перед собой вопросы "будущего строительства России" (равно как и "идейную борьбу с разорившим и опозорившим нашу Родину большевизмом". - 1923. - 25 янв.). Именно Русский отдел

предложил эмигрантам, проживающим в Сербии, почтовую рассылку библиотечных книг для чтения или иных практических нужд. Особенностью разбора литературных новинок являлось то, что часто рецензируемые книги являлись лишь поводом для разговора, их авторы и сами литературные тексты рассматривались под углом зрения описываемых или происходящих политических событий. Таковы статьи публициста А.Столыпина (брата убитого председателя Совета министров) о соотносимости литературного мира в творчестве Ж.-Р.Блока и действительности (31 авг. 1921), А.Ренникова "Письма императрицы" (отзыв на книгу "Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II". - 5 авг. 1922), "Могучий русский язык" (отзыв на книгу "Дневник Нелли Пташкиной". Предисл. С.Сватикова. - 26 авг. 1922) и др.; М.С. "Максим Горький и крестьяне" (отзыв на книгу М.Горького "О русском крестьянстве". - 1 окт. 1922), К.Шумлевича "Санкт-Петербург" (отзыв на книгу С.Горного "Санкт-Петербург: Видения". - 24 июля 1926) и др.

Особый вопрос, поднимавшийся в газете, - отношение к советской литературе; мнения о литературе новой России были полярными. С одной стороны, статьи Б.Суворина "Всероссийский бедлам" (отзыв о "Заговоре дураков" А.Мариенгофа), А.Ренникова "Коммунистическое искусство" (отзыв о пьесах А.Луначарского), "Советские рыжие" (статья о творчестве И.Северянина, В.Маяковского, А.Кусикова), отказывавшие советской литературе называться искусством, а с другой стороны, восхищение русским талантом: "Из писателей новых, живущих в России, примечаю двух любопытных: Замятина и Зощенко. Из здешних (кроме Ремизова и Белого) верю лишь в Толстого. Из поэтов по-прежнему предпочитаю Ахматову" (Шумлевич К. Артисты и писатели в советской России. - 15 сент. 1922).

В 1929 в Белграде Союзом русских писателей и журналистов обсуждалась проблема постановки на белградской сцене пьесы М.Булгакова "Дни Турбиных". Первое чтение пьесы состоялось 11 февраля 1929. Пьеса вызвала бурную дискуссию, нашлись защитники и противники. Е.Жуков в статье "По поводу "Дней Турбиных" писал: "Нам, стоящим за постановку "Дней Турбиных" исключительно в целях показательных, кажется, что не нужно бояться выявления промахов в прошлом. А главное - это даже долг наш - выносить перед лицом всех всякое малейшее подтверждение общности нашей

антибольшевистской правды и настроений с теми, которые живут под спудом, в тайниках живут, в подлинной России" (1929. - 17 фев.). Ярый противник постановки В.Даватца настаивал на том, что "иностранцы воспримут это не как эпизод, к тому же очень своеобразный, на фоне гражданской войны. Они неизменно обобщат это на все белое движение. На белое движение перенесут они всю грязь "киевского действия" и белое дело свяжут с немецкой ориентацией" (1929. - 14 фев.). Состоявшийся 18 февраля в Союзе русских писателей и журналистов доклад А.Ксюнина о пьесе "Дни Турбиных" вызвал желание продолжить разговор о исторической правде пьесы Михаила Булгакова. Полемика вокруг пьесы нашла отражение на страницах газеты: речь В.Даватца на диспуте (1929. - 5 марта), Рыбинский Н. Суд над "Днями Турбиных" (5 марта) и др.

Рождественский и Пасхальные номера открывались поздравлениями русским людям, оказавшимся вдали от России, митрополита Киевского и Галицкого Антония. В этих номерах публиковались стихи В.Гордовского, К.Шумлевица, проза А.Ренникова, В.Даватца, интервью с Аркадием Аверченко, статьи о русском театре, балете, музыке (1924), стихи Е.Вадимова, кн. Ф.Касаткина-Ростовского, проза А.Бурнакина, Н.Рыбинского, воспоминания С.Палеолога (1928), стихи Е.Журавской, А.Никольского, проза П.Краснова, Е.Глуховцевой, Е.Вадимова и др. (1929).

В 1924 в кругах русской эмиграции Югославии активно обсуждалась роль и предназначение русской эмиграции. Статья В.Даватца "Миссия эмиграции" подводила своеобразный итог размышлениям многих, которые в большинстве своем были военными людьми: "Сознание миссии русской эмиграции как в фокусе концентрировалось в рядах Русской армии. ...Белое воинство объединяет то ощущение великой и тяжелой миссии, которую несет оно в первых рядах русской эмиграции". Статья рассматривалась как программный документ, что было важно перед проведением Зарубежного съезда представителей русской эмиграции.

В 1925 на типографской базе газеты было создано книгоиздательство "М.Суворин и К^о", специализировавшееся на выпуске книг общественно-политического содержания и художественной литературы. В течение 1925-26 были выпущены произведения А.Ренникова "Диктатор мира: Роман будущего" (1925),

Души живые: Роман" (1925), "За тридевять земель" (1926), "Галлиполи: Пьеса в 4 д." (1926); В.Даватца "Годы: Очерки пятилетней борьбы" (1926), А.Величковского "Песни изгнания"(1926), В.В.Шульгина "Дни" (2-е изд. 1926).

7-9 июня 1925 в Югославии впервые отмечались "Дни Русской культуры", приуроченные ко дню рождения А.С.Пушкина. Ежегодно в "Новом времени" публиковались программы проведения этих празднеств, а также приурочивались статьи о творчестве А.С.Пушкина и его окружения: Плетнев А. Пушкин и П.А.Плетнев (1928. - 3 июня); Савченко П. Пушкин (1930. - 13 июня); Н.З.Р. [Н.З.Рыбинский]. Пушкин: Памятник (1930. - 14 июня).

В марте 1926 редакция отмечала 50-летний юбилей своего детища. 13 марта был проведен молебен и торжественная манифестация сотрудников и читателей. Редакция газеты с гордостью отмечала необходимость своей работы - "многочисленные выражения симпатий и внимания со стороны русских людей весьма различных политических оттенков лучше всего доказали, что наша газета, отстаивающая русскую национальную идею, служила для многих объединяющим духовным центром" (16 марта 1926).

Повсеместная инфляция создавала сложности в работе газеты (на ее страницах публикуются списки жертвователей в пользу газеты). Летом 1926 газетой была предпринята попытка перевестись в Париж; она окончилась неудачей.

О.В.Быстрова

“НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО” (Нью-Йорк, 1910. - Апрель. - № 1 - 1940) - старейшая в Америке русская газета, издание которой продолжается и по сей день. Хотя фактически датой начала ее выпуска является апрель 1910, некоторые источники (Новое русское слово. - 1942. - 15 янв.) не без оснований указывают другую дату: ноябрь 1907, когда русским политэмигрантом И.К.Окунцовым и военным инженером Ф.А. Постниковым, собравшими 500 долларов при поддержке другого эмигранта А.А.Бравина, стала издаваться газета «Русский голос». Несмотря на то что эти издания впоследствии разошлись и даже стали идейными антагонистами

(«Русский голос» был органом коммунистов, а «Новое русское слово» поддерживало послереволюционную эмиграцию, выступая против советской власти), между двумя изданиями обнаруживается определенная преемственность: их издавал один и тот же человек - Иван Кузьмич Окунцов (1874-1939), руководивший в своих начинаниях «верой в дело» издания русской периодической печати в Америке и «интересом к русской малограмотной колонии» (Окунцов И. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. - Буэнос-Айрес, 1967. - С.314). По воспоминаниям очевидцев (Ефимович М. // Новое русское слово. - 1925. - 12 апр.), а также по собственным признаниям Окунцова, он был «един во многих лицах» при издании обеих газет, совмещая должности редактора, разносчика газет, наборщика и уборщицы. В 1907 линоотпечатки не имели русского шрифта, и Окунцов сам составил шрифт для типографии Моргенталлер К°, где печатался «Русский голос».

Первоначально редакция «Русского слова» (именно так называлась газета в период ее создания) размещалась в Нью-Йорке на 4-й улице, «в районе бывших людей, хлебных очередей и миссий для спасения человеческих душ» (Ефимович М. - Там же). Первым издателем газеты стал Михаил Леонтьевич Пасвольский. При нем финансовое положение газеты несколько улучшилось, редакция переехала их комнаты в просторную квартиру, стало более совершенным техническое оснащение газеты. На «Русском слове» учились грамоте, однако уровень издания был невысоким. Зачастую Окунцов, сам набиравший номера, помещал заголовки и объявления в перевернутом виде, объясняя недовольным рекламодателям, что якобы такие объявления привлекают больше внимания.

В годы первой мировой войны в газету пришел работать Марк Ефимович Вейнбаум (1890-1973), приехавший из России в 1913. Ставший вместе с М.И.Шимкиным ее издателем, Вейнбаум оставался им вплоть до своей смерти. О деятельности Вейнбаума в качестве издателя-редактора газеты отозвался в своей книге о русской эмиграции Г.П.Струве, заметив, что газета под его редакцией заняла «видное место не только в истории эмиграции вообще, но и в истории русской литературы и журналистики» (Струве Г. - С.387).

В 1921 редактором снова становится Окунцов, реэмигрировавший из России, где он побывал сразу после революции. (Во время его отсутствия редактором газеты некоторое время был Лев

Михайлович Пасвольский, впоследствии работавший в американской прессе). Именно в этот период газета получила название «Новое русское слово». Издателями оставались В.Шимкин и М.Вейнбуам. Очевидно, что финансовое положение газеты стабилизируется, о чем свидетельствует тот факт, что издатели приобретают обанкротившееся Первое русское издательство в Америке, созданное в 1918 М.Вильчуром, Н.Сергиевским и Л.Пасвольским, и открывают книжный магазин «Нового русского слова» (Новое русское слово. - 1921. - 26 июня). Состав редакции также обновляется в связи с начавшимся приездом из России новых, послереволюционных эмигрантов, среди которых было немало профессиональных литераторов, журналистов и критиков. В их числе был и прибывший из Одессы в 1923 журналист и беллетрист Л.М.Камышников. Среди его публикаций, имевших определенный резонанс в эмигрантских кругах, - полемические статьи, направленные, во-первых, против А.В.Амфитеатрова, призывавшего активизировать действия против большевиков (1926. - 27 февр.), во-вторых, против О.Дымова, путившего в обиход презрительное обозначение «эмигрантщина» по отношению к эмигрантской литературе.

Литературный и театральный критик А.Л.Фовицкий (Альфа), являвшийся заметной фигурой в русском литературном Нью-Йорке, стал после приезда в Америку штатным сотрудником газеты, регулярно помещая в воскресных литературных приложениях рецензии, статьи, в частности, о современном восприятии творчества А.С.Пушкина («Вечный современник». - 1925. - 25 янв.), о творчестве А.М.Ремизова («Птица Ремез». - 1925. - 1 марта), об О.Уайльде и Америке («Американские впечатления О.Уайльда». - 1925. - 15 февр.) и многие другие вплоть до своей смерти в 1931.

На страницах газеты помещались произведения малоизвестных писателей и поэтов, прибывших в Америку в начале 1920-х, чьи имена впоследствии прославились не только в русской Америке, но и за ее пределами, что свидетельствует об эстетическом чутье редакторов газеты. Так, в середине 1920-х были опубликованы стихи Т.Остроумовой (1925. - 15 февр.), Николая Алла (наст. фам. Н.Н.Дворжицкий) (там же), Михаила Чехонина (1925. - 2 янв.), рассказы бывшей актрисы Малого театра Т.Тарыдиной (Маркс) (1925. - 4 янв.), стихи поэта-футуриста Н.Смагина (1926. - 28 февр.), произведения поэтессы Л.Нелидовой-Фиверской (1926. - 28 февр.) и

др. Печатались и произведения крупных писателей, прибывших в Америку после революции, в том числе Г.Гребенщикова, в частности, его воспоминания, написанные в связи с широко отмечавшимся в русской колонии США 20-летним юбилеем литературной деятельности, воспоминания, в которых писатель, вступая в полемику с Вас.И.Немировичем-Данченко, упрекнувшим Гребенщикова во время их встречи в Нью-Йорке в старомодности манеры письма, отстаивает свое право на «строгое, неторопливое, подчас эпическое слово» (1925. - 3 апр.). Впервые был опубликован отрывок («По первому снегу» (1925. - 4 янв.) из эпопеи Гребенщикова «Чураевы». Широко представлен в газете в 1920-е и проживавший в Америке писатель Г.Брейтман.

Отличительной чертой издательской политики газеты было привлечение к сотрудничеству писателей и журналистов, живущих в других местах российского рассеяния, в частности, в Европе и Китае. Постоянным сотрудником и автором был живший в Англии очеркист и беллетрист И.Шкловский (псевд. Дионео).

В своей корреспонденции «Назовите 12 лучших романов» от 1 мая 1927 Дионео приводит мнение одного из ведущих английских писателей и критиков А.Беннета о том, что романы русских писателей Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева и Н.В.Гоголя возглавляют список лучших мировых произведений, и комментирует: «Россия, даже стертая с карты большевиками, создала нечто великое, бессмертное и неувядающее, венчаемое теперь в Англии, где все русское ныне на ущербе, так как англичане вообще ценят только победителя, «взявшего горку». Андрей Седых (наст. фам. Я.М.Цвибак) был внештатным корреспондентом газеты в Париже в течение многих лет. И сразу же после переезда в Америку 19 февр. 1942 он пришел в редакцию газеты и оставался ее сотрудником до самой смерти (1994), став с 1973 ее владельцем-редактором. В литературном разделе газеты печатались также статьи и рецензии ведущих критиков русского зарубежья, в том числе П.Пильского, в частности об А.И.Куприне (1925. - 21 февр.), отрывки из воспоминаний «Угарные дни» (1926. - 21 февр.). В своей статье от 1 мая 1927, посвященной выходу в Париже книги А.И.Куприна «Новые повести и рассказы», П.Пильский пишет об изменившемся стиле писателя: «Все так же властно, сильно и ослепительно ярко блистает и звенит его песнь восторженного поклонения перед миром, языческая

молитва солнцу, звездам и земле. Но краски стали прозрачней, изысканней и строже». Статьи П.Пильского о советской литературе и литературе русского зарубежья регулярно помещались в воскресных выпусках газеты. Иногда это были заметки, рецензии, иногда объемные портреты современников, в частности, И.Бабеля: «Он тянется к гиперболе, ему нужна необычайность. Бабель - импрессионист: у него нет фигур, одни силуэты... Он швыряет в свою лепку пуды глины, в пучину слов бросается наобум... В его фразе идет междоусобная война. Он жертва нервной нетерпимости» (1927. - 13 февр.). Ю.Айхенвальд представлен многочисленными статьями и рецензиями, включая рецензию на книгу О.Форш (1926. - 14 марта), статью, посвященную юбилею М.Е.Салтыкова-Щедрина (1926. - 14 февр.). Г.Адамович постоянно печатался в воскресных литературных приложениях газеты. В 1925-27 в каждом номере были помещены фельетоны или стихотворения Дон-Аминадо (А.П.Шполянский). Характерно, что произведениям последнего было отведено место не только в литературном разделе, но и на 2-й странице в разделе хроники.

В газете были широко представлены как поэты-эмигранты «старшего поколения» - И.Северянин (1925. - 2 февр., 7 марта и т.д.), З.Гиппиус (1926. - 25 марта), так и «молодые» - В.Сирин (1925. - 4 марта), Н.Берберова (там же) и др. Для привлечения внимания читателей в газете был введен юмористический раздел, где постоянно печатали рассказы А.Аверченко (1925. - 18 янв., 1, 15 февр.).

На восьмой, литературной странице газеты часто публиковались воспоминания литераторов, относящиеся преимущественно к периоду революционных и послереволюционных событий в России. 30 января 1927 были помещены воспоминания поэта и критика Н.Оцупа «Великая литература и Роза», проливающие свет на происхождение шуточных стихов поэта В.Зоргенфрея о лоточнице Розе: «И что нам былая свобода,/И что нам Берлин и Париж,/Когда ты налево от входа/Насупротив кассы стоишь», или таких окказиональных стихов О.Мандельштама, как «Если я должен тебе 18 тысяч, о Роза, - /Помни, что двадцать одну мог я тебе задолжать».

Русская литература представлена в газете не только эмигрантами, но и перепечатками советских писателей, круг которых был ограничен соответственно эстетическими пристрастиями

издателей и читателей газеты - именами преимущественно А.А.Блока, С.А.Есенина и М.М.Зощенко. Регулярно помещались обзоры советской литературы.

О газете см. также: Цынкова О. «Новое русское слово» - феномен долголетия// Евреи в культуре русского зарубежья. - Иерусалим, 1996. - Т.5. - С.162-181.

Т.В.Селезнева

"НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ" (Берлин, 1922. - № 1-2. - Август - Октябрь) - критико-библиографический журнал, выходивший в издательстве "Грани" под редакцией М.С.Слонима.

Первый номер журнала поместил программную статью М.Слонима "Литература наших дней". Автор объяснял сложившуюся ситуацию в русской литературе: "Русская литература последних лет подверглась тяжелому физическому разгрому. На войне и на бесчисленных фронтах гражданской распри погибло множество юных сил, несозревших и нерасцветших талантов. Часть русских писателей ушла за границу, потеряла связь с родной почвой и оторвалась от русской литературной жизни. В эмиграции трудно творить. А оставшиеся в России должны были соблюдать молчание в течение трех лет. Одни, потому что психически не были в состоянии говорить. Другие, потому что негде было говорить до 1921 года, при отсутствии свободной прессы, не было и книгоиздательств, кроме государственных. Умственная жизнь была монополизирована властью. И хозяевами в ней были случайные прихвостни, приспособившиеся карьеристы или без лести преданные партийные фанатики. Путем искусственного отбора - печаталось, издавалось, распространялось не то, что было ценно художественно, а то, что казалось целесообразным политически. Литература превращалась в один из многочисленных департаментов коммунистического управления" (с.5). Но несмотря на трагическую ситуацию, автор статьи оптимистически смотрел в будущее: "Искания переходного периода закончатся мощным творческим порывом, и живое слово искусства разомкнет тугие кольца, заключившие в своем тройном охвате русскую литературу" (с.6). Отмечалась цель издания: знакомить русского читателя, равно как и всякого, интересующегося русской

литературой, с состоянием дел в литературе, литературоведении и библиографии как в русской эмиграции, так и в советской России.

В разделе "Русская литература" печатались статьи Е.Аничкова "Акмея русского художества", Е.Ляцкого "Пушкиноведение в России", В.Тукалевского "На гранях революции: Заметки о русской литературе"; желая заинтересовать своих читателей, редакция журнала помещала на страницах литературоведческие обзоры (Бем А. Работы по теории литературы) и полемические статьи. Во втором номере было опубликовано "Письмо о России и в Россию" В.Шкловского, являющееся возражением пролетарским писателям о роли литературы в обществе. Твердо стоя на 'позиции - "искусство не там, где идеология, а там, где мастерство", - автор письма тем не менее протягивал руку "через горы трупов" советским писателям и предлагал "не упрекать друг друга" (с.99). В разделе "Иностранная литература" давались обзоры эстонской, украинской, латышской литературы. В разделе "Rossica" печатались обзоры русских книг, вышедших в Англии с января по май 1922; чешской литературы о России и другие материалы. Раздел "Новые книги" представлял книги, вышедшие как в России, так и за ее пределами.

О.В.Быстрова

"НОВЫЙ ГРАД" (Париж, 1931 - 1939. - № 1-14) - религиозно-философский журнал. Издание было задумано в 1926 одним из редакторов "Современных записок" И.И.Бунаковым (Фондоминским), которого не удовлетворила философски-мировоззренческая индифферентность "Современных записок" в их осмыслении русских событий. Разделявшие его соображения сотрудники "Современных записок" Г.П.Федотов, а затем Ф.А.Степун также признавали, что целостному социально-активному материалистически-атеистическому мировоззрению большевиков необходимо противопоставить столь же целостное социально активное христианское мировоззрение.

"НГ" заявлял, что ни редакция, ни авторы не составляют партии или политической группы ("От редакции". - № 3), но привержены известному духовному единству, "вечной правде, правде личности и ее свободе", "воле к новой организации жизни", "правде

общежития". Более отчетливо принципы этого единства были названы Ф.А.Степуном: 1) либеральная идея политической свободы; 2) социалистическая идея общественно-хозяйственной справедливости; 3) христианская идея абсолютной личности ("Пути творческой революции". - № 1).

В таком характерном для русской журналистики "направленческом" духе "НГ" выходила под редакцией И.И.Бунакова (Фондаминского), Ф.А.Степуна и Г.П.Федотова. С № 7 (1933) имя Степуна было снято с титульного листа в связи с приходом гитлеровцев к власти в Германии, где жил тогда философ. Из 14 номеров журнала один вышел в 1931, четыре - в 1932, по два номера - в 1933 и 1934 и по одному - в последующие годы. Тираж журнала составлял около 800 экземпляров.

В журнале приняли участие более 40 авторов, опубликовано 138 статей (включая 11 редакционных статей и выступлений), 38 рецензий и краткие отчеты о заседаниях литературной группы "Круг" (в 10 и 11 номерах).

Наибольшее количество статей опубликовали Г.П.Федотов (18 подписанных статей и 10 рецензий), Ф.А.Степун (соответственно 13 и 1), Н.А.Бердяев (10 и 1), П.М.Бицилли (8 и 9), М.Ю.Скобцова (Мать Мария, 8 статей), И.И.Бунаков (Фондаминский) - 5 статей, С.И.Гессен (5 статей), С.Н.Булгаков (3 статьи в пяти номерах), Н.О.Лосский (3 статьи и 4 рецензии), а также литературные критики и литераторы В.В.Вейдле, Ю.П.Иваск, К.В.Мочульский, М.И.Цветаева, В.С.Яновский.

"НГ" представлял то направление "послереволюционного сознания", которое надеялось на "самоизживание" коммунизма (Федотов Г.П. О национальном покаянии. - № 6). Свою борьбу с духовным кризисом "НГ" видел в выработке целостного мировоззрения, которым признается абсолютная (религиозная) ценность свободы личности, и в воспитании социально-активного человека "НГ", руководствующегося христианским мировоззрением. Для "НГ" свойствен поиск социально-экономического и культурного облика будущего. Отталкиваясь от социальной практики и капитализма и социализма (Г.П.Федотов говорил о "двуедином враге "НГ": "Россия, Европа и мы". - № 2), журнал проявляет большой интерес к социально-экономическому реформаторству в различных странах.

Оппоненты "НГ" (М.Вишняк, И.Гессен, В.Руднев) упрекали его авторов в просоветизме демократии, что действительно имело место в выступлениях Н.А.Бердяева и, частью, Ф.А.Степуна. Позиция авторов "НГ" в известной степени объяснима действительной беспомощностью западных демократий решать социальные вопросы в условиях глубокого экономического кризиса, что невольно способствовало установлению тоталитарных режимов в Европе. Однако такие реальности "новоградского сознания" не отменили его главного содержания - защиты свободы на Западе и в России.

"НГ" рассматривал вопросы литературы, выдвинув на первый план проблему взаимоотношения художника и общества, свободы и социальной ответственности литературы. В.Вейдле, констатируя одиночество личности в насквозь социализированном обществе, оценивает его особенным образом: художник отстаивает свою собственную свободу, но расплачивается за это субъективизацией содержания искусства и формализмом ("Одиночество художника". - № 8). Общая установка "НГ" на религиозное искусство подчинена не столько обществу, сколько полноте жизни духа, и художник, как непосредственный носитель творческого дара, несет ответственность перед Богом (Федотов Г. Борьба за искусство. - № 10; Булгаков С.Н. Жребий Пушкина. - № 11). Процессы гуманистической секуляризации привели к тому, что место религии было занято искусством и в нем люди стали искать разгадку своих вопросов. Искусство приобретает крипто-теологический характер и постоянно саморазрушается. В связи с таким пониманием искусства постоянные авторы "НГ" (особенно Ф.А.Степун и Г.П.Федотов) рассматривают динамику разложения реализма и рождения современных форм и направлений литературы, связывая их с характером конфликта личности и общества. Определенный резонанс вызвала статья Ф.А.Степуна "Пореволюционное сознание и задачи эмигрантской литературы" (№ 10), в которой автор настаивал на служении литературы пореволюционному сознанию, полагая, что никакого большого и подлинного искусства, не связанного с целостным мировоззрением и социально-политическим движением, никогда и нигде не существовало. Общественное предназначение искусства - неотъемлемый закон его жизни, и даже теория чистого искусства сама является выражением определенной

мировоззренческой установки относительно реального положения дел в обществе. Литература, заключает Ф.А.Степун, "не соловьиная трель на вечерней заре, а ответственное служение и умное делание: духовное домостроительство национальной и общечеловеческой культуры" (там же). Это - главное в подходе ведущих авторов "НГ" к литературе. Обличая практику "социального заказа" в тоталитарных режимах, "НГ" требует от художника "социального служения" (Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции. - № 13; Он же. О пророческой миссии мысли и слова. - № 14), предполагая, что христианская свобода есть обязанность художника.

Об отношении писателей к новоградским требованиям дают представление отчеты о заседаниях литературного общества "Круг", печатавшиеся в 10 и 11 номерах журнала. По сообщению В.С.Яновского, их вел А.Соловьев (С.Г.Шерман). Общий характер возражений на выступления Г.П.Федотова (протоколы первой и седьмой бесед), Ф.А.Степуна (второй), К.В.Мочульского (четвертой) и др. сводился к проблематичности художественного успеха при религиозном "подхлестывании" искусства, сложности отношений между религией и жизнью и, в частности, между мировоззрением художника и его творческой практикой. П.Бицилли ("Несколько замечаний о современной зарубежной литературе". - № 11) отмечал схематизм идеологов "НГ" в их суждениях о конкретных явлениях русской эмигрантской литературы. Тем не менее В.С.Яновский отмечал, что "результате этих бесконечных встреч мы <участники собраний "Круга"> начали ощущать себя как некое интеллектуальное или духовное целое. Вокруг наших разговоров, самонадеянных и порой трескучих, все же иногда носились искры оригинальной мысли, свидетельствующие о подлинной жажде не только понять жизнь, но и служить ей" (Яновский В. Поля Елисейские. - СПб., 1993. - С.88).

Из произведений собственно литераторов "НГ" были напечатаны статья М.Цветаевой "Лирика и эпос в Советской России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак" (№ 6 и 7) и отрывок из романа В.С.Яновского "Портативное бессмертие" - под названием "Доклад Свифтсона", в котором отражена основная идея "НГ" о необходимости воспитания "человека Нового града", унаследовавшего традиции Ордена (выражение И.И.Бунакова) русской интеллигенции, всегда устремленной к устройению Царствия Божьего на земле.

Влияние "НГ" на умонастроение, нравственные и политические оценки русского зарубежья несомненно. Оно объяснимо широким идейным родством с христианско-гуманистическим журналом Н.А.Бердяева "Путь", с деятельностью "Православного дела" матери Марии.

См. также: Варшавский В. Перечитывая "Новый град" // Мосты. - 1965. - № 11.

А.А.Ермичев

"НОВЫЙ ДОМ" (Париж, 1926 - 1927. - № 1-3). Во введении "От редакции" к первому номеру журнала, вышедшему в октябре 1926, его редакторы - Нина Берберова, Довид Кнут, Юрий Терапиано и Всеволод Фохт - изложили платформу нового издания: "Пора литературе и критике вновь стать идейными, отбросив как нигилизм, так и эстетизм. На этих основаниях и строится "Новый дом". Основанный молодыми силами, он зовет всех, кто хочет вернуться к подлинному искусству духа: в единении поколений возникает непрерывная преемственность идей. Живя на чужбине и не забывая России, мы, однако, не тоскуем по ее "березкам" и "ручейкам". Она с нами, в нас самих, - поскольку ее язык, ее литература, ее культура навсегда унесены нами и живы в нас, где бы мы ни были. Но и Европа - старая сокровищница мировой духовности дорога нам. Исповедуя оптимизм как мировоззрение, оптимизм, дающий "Новому дому" право на существование, мы счастливы в нынешних трудных условиях русской жизни делать пусть малое, но достойное дело. На скрещении прошлого и будущего возникает настоящее. Направляясь к будущему, мы несем с собой из прошлого то, что нам кажется непреходящим и ценным" (с.3). Журнал был задуман как ежемесячный.

Структура всех номеров была сходной: первым стоял отдел поэзии, затем шла проза, далее - критика, завершающим был библиографический раздел. Редакция журнала принципиально придерживалась старой орфографии. В конце помещались объявления "от конторы издательства "Новый дом".

Первый номер открывался стихотворением В.Ходасевича "Бедные рифмы" - грустное размышление о "заповедном смирении".

о тусклой жизни обывателя, которого поэт уподобил "пузырьку в сифоне". Между Г.Адамовичем и З.Гиппиус возникла поэтическая схватка вокруг образа Дон Жуана: у Адамовича "Дон Жуан, патрон и покровитель..." он предстает сластолюбцем, а З.Гиппиус в своем "Ответе Дон Жуана" утверждала: "Дон Жуан всегда любил одну" - кармелитку донну Анну. Тут же напечатаны "Любовь" Д.Кнута и "Три стихотворения" Ф.Сологуба, составившие некий цикл на тему рока в человеческой судьбе. Во втором номере (1926) поэзия представлена именами Ю.Терапиано, Амари (псевдоним М.Цетлина) - стихи его были достаточно пессимистичны, несмотря на заявленную редакцией установку на оптимизм ("Иль глаза мои слабее/Иль бесцветней Божий мир") и "Троей" Н.Оцуа. Два стихотворения опубликовал в третьем номере (1927) Г.Иванов, также не одаряющих читателя светлыми надеждами ("Так и надо - навсегда уснуть/Больше ничего не надо"); изящную пейзажную зарисовку представляет собой короткое стихотворение Г.Струве. Большая часть поэтического отдела была отдана "Африке" Вс.Фохта (второй части его поэмы "Поприще").

Отдел прозы во всех номерах журнала составляли рассказы. Это - грустные истории. У Н.Берберовой помолвленные еще в России жених и невеста встречаются в эмиграции через одиннадцать лет, обнищавшие, постаревшие, - и расстаются ("Жених". - № 1). Герой Б.Буткевича, знающий латынь, музыку Сибелиуса и мечтающий учиться рисованию, русский дворянин, в Париже стал портовым грузчиком и за счастье считает попасть в работники к фермеру ("О любви к жизни". - № 2). Если же действие происходит в России, протагонистом оказывается девушка, испытывающая к матери любовь-ненависть и страдающая от безысходности их отношений (Песков Г. Шурик. - № 2), или гимназист, вызвавшийся застрелить больную собаку, но только ранивший ее и вдруг осознавший собственное ничтожество (Рощин К. Первая ягода. - № 3), или опять же подросток, у которого первая любовная связь рождает ощущение гадливости и отчаяние (Одоевцева И. Сухая солома. - № 3), или совсем юная девушка, которую грубое вмешательство матери разлучает с предметом ее первого любовного увлечения (Кузнецова Г. Зыгмусь. - № 3).

Плацдармом для утверждения своей позиции редакция выбрала отдел критики. Тон задала напечатанная в № 1 статья Антона Крайнего (псевдоним З.Гиппиус) "Прописи". Пафос статьи

составляет полемика не столько с критиками, сколько с теми поэтами, которым "поэзия представляется "высшей сферой", а поэт - "первым чином"... Забыта азбука: человек - сначала, поэт - после" (с.17). Неприязнь поэтов очень часто объясняется "отсутствием общих идей... Это немалая беда нашей современности и современных "служителей искусства". Среди них существует даже тенденция (до сих пор!) возвести названное отсутствие в принцип" (с.18). А.Крайний утверждал, что это прежде всего - боязнь порядка, и уж если делают из поэзии идола, то нужно уметь устроить ему крепкий пьедестал. "Порядок или, иначе говоря, твердая внутренняя иерархия ценностей так важна, что лучше иметь ее ложную, чем никакой" (с.18). Страх перед "идеологией" автор статьи объясняет "атавизмом", идеология приравнивается к "тенденции" "тенденция - рассудочность, умышленность, поучение и т.д., а поучение - посягательство на свободу "свободного искусства", которое... ну и пошла писать старая губерния" (с.18). Рассуждая о влиянии времени на поступки и психологию людей, А.Крайний высказывает мысль, что современное искусство, "насилъственно оторванное от полноты жизни, от истории, от действительности, принуждаемое служить только самому себе, как бы стать змеей, кусающей свой хвост, - оно не может не захиреть и не завянуть, в конце концов" (с.20). Ссылаясь на авторитет Вл.Соловьева, автор статьи утверждает, что искусство должно не только отображать жизнь, но и улучшать ее. "Прямое дело - или по принятому неточному выражению - задача искусства - действительно улучшать действительность, подталкивать ее вперед, содействовать изменению реальности" (с.20).

Логическим развитием заявленной редакцией позиции явилась статья Ю.Терапиано "Два начала в современной русской поэзии", стоящая сразу же вслед за "Прописями" А.Крайнего. Во вступительной заметке Ю.Терапиано уведомляет читателей, что это - тезисы к его докладу, прочитанному 8 июля 1926 на собрании Союза молодых поэтов и писателей. Тема доклада: "Поэзия Пастернака и Ходасевича как противопоставление двух начал в современной русской поэзии - Хаоса и Космоса". Своей целью Ю.Терапиано ставил не критический разбор их произведений, "но лишь определение представляемых ими систем, анализ механизма их творчества, и их реальное и возможное в будущем воздействие на работу следующих поэтических поколений" (с.21).

Противопоставление Хаосу Космоса просматривается и в развернутой до размеров статьи рецензии Вл.Злобина на книгу Д.Мережковского "Тайна трех: Египет и Вавилон" (Прага, 1925), написанной в полемике с оценками этой книги М.Цетлиным и И.Демидовым, которых Злобин упрекает в непонимании главной мысли автора книги: самое ценное, что дала русская культура, это - религиозное сознание. "Полнота религиозного сознания' и есть то, что делает эту книгу одним из самых замечательных религиозно-философских произведений не только русских, но и европейских авторов" (с.32). В этой рецензии обнаружился еще один важнейший пункт в программе журнала - его полное неприятие большевизма. Захват власти большевиками в России трактовался Мережковским как наступление "Антихристового царства", как начало мировой катастрофы. "Мережковский один из немногих, если не единственный, понял, что для предотвращения катастрофы необходимо развернуть фронт по всей линии человеческой истории. Он понял, что большевизм, стремящийся уничтожить даже прошлое (*Du passé faisons table rase*, как поется в "Интернационале"), победим лишь совокупным усилием всего человечества, всей его историей. Но для создания такого единого фронта необходимо раскрытие внутреннего единства человечества, преодоление противоречия между миром христианским и дохристианским. Вот почему "Тайна трех", соединяющая эти два мира, два завета - в третьем, в неразложимом синтезе духа, - одна из самых актуальных книг" (с.33).

В разделе "Библиография" опубликована и чрезвычайно резкая статья Вл.Злобина о журнале "Версты", который он критиковал за примиренческую позицию по отношению к большевикам, за связь с "растлителями России" (с.35), за неразборчивость в вопросах морали. "Следовало бы вместо поднятого над журналом красного флага повесить красный фонарь" (с.36). Высказав осудительные слова в адрес А.Ремизова, печатавшегося в "Верстах", Злобин обрушил оскорбительные реплики на М.Цветаеву: "О Марине Цветаевой нечего говорить. Она-то во всяком случае на своем месте" (с.36). Выражая недоумение по поводу сотрудничества в "Верстах" Л.Шестова, автор статьи предостерегает: "Как ни велики его личные заслуги и добродетели, дальнейшее участие в "Верстах" было бы уже "соучастием" в том постыдном деле, которому журнал служит" (с.37).

Вс.Фохт в рецензии на № 8-9 журнала "Воля России" ведет

спор с одним из редакторов журнала М.Слонимом, выступившим в статье "Литературные отклики" в защиту пражских молодых поэтов и журнала "Версты" против И.Бунина и А.Крайнего, которые сурово критиковали еще недавно "своих" - А.Ремизова и М.Цветаеву за "обращение лица к советской России" (с.38). Отвечая Слониму, Фохт писал: "Разочарование И.Бунина и А.Крайнего в некоторых "своих" понятно: может ли быть отрадно вдруг открыть в своем собрании и спутнике - сообщника врагов, которых те сами обличали еще накануне, воспевая Белое движение" (с.38). Как и в статье Злобина, основной мишенью критики стала М.Цветаева, стихи которой были опубликованы на страницах "Воли России" и высоко оценены Слонимом. Фохт отказывает ей в самом поэтическом даре: "Чем одаренней художник, тем легче и строже подчиняется он законам речи. Связь и логическая, и эмоциональная, все время обрывается в стихах Цветаевой (в последний период ее творчества), и естественно, что у читателя остается только тягостное ощущение не то мистификации, не то просто бессилия" (с.39).

Критический отдел второго номера открывала рубрика "Письма в "Новый дом". "Первое письмо: О мудром жале" было написано Д.Мережковским. Оно было обращено "к строителям "Нового дома", его смысл автор формулировал так: "Воля к мысли - вот мои два слова, и, я надеюсь, вы меня поймете с этих двух слов... Воля к мысли скована сейчас в России такими цепями, каких мир еще не видал. Верно поняли ковавшие цепь, что, не сковав мысли, не скуешь и России" (с.31). Но воля к мысли, по Мережковскому, скована и в эмигрантских кругах, хотя трудно понять, чем это обусловлено. "Ясно одно: с волею к мысли борется тайная, темная, но очень упорная и жадная воля к безмыслию" (с.31). Мысль о пророческом служении литературы лежит в основе статьи В.Ходасевича "Цитаты", составившей вместе с "Письмом..." Мережковского весь критический отдел второго номера. "История литературы есть история нашего рода" в известном смысле - история каждого из нас" (с.33).

Несмотря на обширный список предполагаемых участников журнала, круг авторов критического отдела был весьма узок. Третий номер представлен вновь именами А.Крайнего, Ю.Терапиано, Вл.Злобина, Л.Пушина (также псевдоним З.Гиппиус). Открывался номер статьей А.Крайнего "Да - нет". Исходная позиция критика та

же, что в первой его статье: уважение заслуживает только идея, под которой есть "крепкий пьедестал", будь то отрицание или утверждение, только "огненное", а не "кисленькое" "да" или такое же "нет". Полемика шла с теми, кто готов был хотя бы отчасти "принять" большевизм. Соглашаясь со своими неназванными оппонентами, что нельзя жить ненавистью, отрицанием, А.Крайний пишет: "Дело чрезвычайно просто: всякое истинное отрицание - "огненное нет", как я говорю, - только отражение соответствующего "огненного да", которое живет в человеке и которым он живет. А вернее - живет он обоим вместе" (с.30). Поводом для выступления А.Крайнего послужила статья Н.Бахтина "Похвала смерти" (Звено. - 1926. - 14 нояб.). Приветствуя "великую Смерть, великое уничтожение", Бахтин, по мысли А.Крайнего, логически должен сказать "да" и всем видам уничтожения, а значит и большевизму. "Мы против них, потому что мы против Нее. А кто возносит хвалу Ей, кто с Ней, - тот обязан быть и с ними" (с.33).

В фокусе критики Ю.Терапиано (статья "Окольные пути") оказываются современные ему поэты, уделяющие исключительное внимание форме в ущерб содержанию, что свидетельствует об их безответственности. В такой поэзии центр тяжести перенесен на один из вторичных признаков - на "звуковое очарование, игру равнозвучающих слов". Они готовы отдаться "дикой музыке Хаоса, необузданной пляске образов, с такой трагической пустотой вскрывавшихся в творчестве Пастернака и его последователей" (с.35). Терапиано утверждает, что время подобной поэзии прошло, начинается "новая литературная революция", точнее контрреволюция, так как ко всему, что в поэзии считалось до сих пор революционным, "она будет беспощадна" (с.35).

В разделе "Библиография" третьего номера были опубликованы размышления Льва Пушина о журнале "Борьба за Россию", по замыслу редакторов, "свободного журнала для несвободных людей" (с.37), который должен был получить распространение в советской России. Л.Пушин указывал, что журнал не имеет точного адреса, непонятно, на какие круги он рассчитан, а потому обречен на неудачу. Завершают номер полемика Вл.Злобина с Г.Ивановым о будущем "Нового дома" и развернутый некролог Б.Власьевского на смерть Р.Э.М.Рильке.

На третьем номере выход "Нового дома" прекратился. Один из

основателей, Н.Берберова, дала свое объяснение недолговременности его существования: "Кнут был инициатором журнала, куда он и я вошли редакторами, но уже после первого номера (1926) "Новый дом" оказался нам не под силу: Мережковские, которых мы позвали туда (был позван, конечно, и Бунин), сейчас же задавили нас сведением литературных и политических счетов с Ремизовым и Цветаевой, и журнал очень скоро перешел в их руки под новым названием ("Новый корабль")" (Берберова Н. Курсив мой. - Нью-Йорк, 1983. - Т.1. - С.317).

Е.С.Померанцева

"НОВЫЙ КОРАБЛЬ" (Париж, 1927 - 1928. - № 1-4) - литературный журнал, выходивший под редакцией В.Злобина, Ю.Терапиано и Л.Энгельгардта; доминирующее положение в нем занимали Д.Мережковской и З.Гиппиус. В предисловии "От редакции" формулировались намерения издателей: "Хотя мы... не включаемся ни в какие "установленные" рубрики литературы ("идеалисты", "реалисты", "символисты", "нигилисты", "эстеты" и т.д.), - мы имеем свою родословную в истории русского духа и мысли. Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Вл.Соловьев - вот имена в прошлом, с которыми для нас связывается будущее... Для трудного пути ночью, в море, - всякому кораблю, и большому, и малому, как наш, нужно одно: нужно понимать язык звезд" (№ 1 - С.3).

Эта своего рода метафора ("язык звезд") не раз возникает на страницах журнала, как корабль, прокладывающий свой "маршрут" по звездам, продираясь сквозь завесу тумана. Стихи З.Гиппиус открывали первую книжку: "Святое Имя, среди тумана,/Звездой далекой горит в ночи.../Мы в катакомбах. И не случайно/Зовет нас тайна и тишина./Все будет явно, что ныне тайно/Тому, в ком тайне душа верна" ("Имя." - № 1. - С.5). В журнале публиковались стихи Н.Берберовой, Д.Кнута, Ю.Терапиано, объединяемые в какой-то степени мыслями о трудной судьбе тех, кто пытался сберечь память о прошлом, отыскивая "в каком-то мусоре классический цветок": "Он сам не ведает, какой томим печалью,/Какою красотой безгибельной высок" (Берберова Н. Сквозь пошлость надписей... № 1. - С.7).

Подборкой стихов нескольких авторов открывался каждый номер журнала. Во втором напечатано стихотворение Г.Адамовича: "Один сказал: "Нам этой жизни мало",/Другой сказал: "Недостижима цель".../А женщина привычно и устало,/Не слушая качала колыбель..." (№ 2. - С.3). В той же философской тональности написаны стихи Л.Энгельгардта, В.Витовтова, Вл.Злобина. В третьем номере подборка стихов наиболее содержательна: З.Гиппиус, А.Ладинский, Ю.Терапиано, А.Штейгер, Д.Мережковский. В четвертом номере ностальгические мотивы варьировались, усиливались в стихах Г.Адамовича, Г.Иванова, Н.Оцупа, Г.Раевского.

Из художественной прозы в журнале публиковались рассказы Б.Буткевича - "Классон и его друзья", "План одного путешествия". В морскую тематику и корабельный быт (условные, вневременные) вписаны герои-эмигранты; их жизнь и ощущения таковы, что трудно сказать, "где здесь настоящая правда" (№ 1. - С.14). Все мысли героев - о свободе, влекущей, как мираж. В основе рассказа Ю.Фельзена "Две судьбы" (№ 4) - трагедия "расколотой", "безнадёжно распавшейся" жизни русских эмигрантов в Париже.

В статье "О Гумилеве" ее автор - Ю.Терапиано назвал поэта "самым заметным после Блока" (№ 3. - С.52). "Теорию" Гумилева (прежде всего - его "Анатомию стихотворения") автор ставит выше деятельности поэта как создателя "школы". Статья "О свободе России" Д.Мережковского - его выступление на заседании "Зеленой лампы". Материалы "НК" тесно соприкасались с проблематикой докладов, обсуждавшихся участниками этого общества. В статье Мережковского в связи с проблемой свободы ставился вопрос об ответственности России за выбор: "Мы ведь сейчас, может быть, отвечаем не только за Россию, но и за мир, нами отравленный", - подчеркивал Мережковский (№ 1. - С.22). Он был убежден, что, только повернувшись лицом от России к миру, можно "вернуться лицом к свободе".

Близкие мысли развивала З.Гиппиус: "Мы не боялись и не боимся сказать прямо: да, надо забыть Россию, надо потерять ее; вольно принять потерю России. И тогда мы ее приобретем" (№ 3. - С.59). Так звучат заключительные слова третьего номера журнала (статья "Душу потерять", опубликованная под псевдонимом Лев Пущин). В статье "Невоспитанность" (под псевдонимом Антон Крайний) Гиппиус писала о том, почему эмиграция не справляется с

данной ей неограниченной свободой. Причину она видела в следующем: "Ведь сверху донизу Россия не воспитана - в том, в чем воспитание необходимо, - в свободе" (№ 3. - С.49). Уметь жить в свободе - "это значит, прежде всего, уметь самому ее ограничивать. Тут-то и сказывается наша общественная невоспитанность, ибо - кто у нас выучился этому самоограничению?.. Мы никогда не жили как "граждане", а лишь как "подданные". И продолжаем чувствовать себя подданными, только вдруг очутившимися... не на свободе, а на вольной волюшке"... Главного секрета свободы не открыли, - самоограничения. А оно так глубоко идет, что касается даже... свободы правды" (№ 3. - С.50). Ибо стремясь сделать свою "правду" общим достоянием, "непременно будем мы искать ей меру, ради нее же самой, чтобы она могла быть воспринята" (№ 3. - С.51).

В своих статьях Гиппиус часто использовала прием парадоксального заострения поставленной проблемы. "Никакого "человечества" нет" (№ 2. - С.20), - вот начало ее статьи (под псевдонимом Антон Крайний) "Заметки о "человечестве". "Страшное впечатление производит заметка Антона Крайнего о "человечестве", - писал Ф.Степун, откликаясь на выход второго номера "НК", который и весь в целом критик воспринял как "злбный шип": "...статьи "Нового корабля" шипят; талантливо, страстно, но все-таки шипят - и это очень грустно. Ведь это... статьи людей, сыгравших в истории развития русской духовной жизни очень большую роль" (Современные записки. - 1928. - № 34. - С.430, 429).

Резкую отповедь Ф.Степуна вызвала и статья Д.Мережковского "Рыжая крыса", аллегорическое философско-публицистическое эссе. Русская эмиграция здесь сравнивается с ковчегом Ноя, а сам он ("мудрый кормчий... правящий путь ковчега по вечным звездам") назван "великим духом" России: "Как выходит дух их человека, когда он умирает, чтобы снова войти в него, когда он воскреснет, так вышел из России дух и носится в ковчеге по волнам, ожидая конца потопа. Долго ли ждать?" (№ 2. - С.29). С символом крысы связаны раздор, разложение, предательство. "Только тогда, когда рыжая крыса будет выкинута, дохлая, за борт ковчега, - принесет нам голубь масличный лист", т.е. весть о конце потопа (№ 2. - С.31).

Метафоры Мережковского в контексте символики, пронизывающей материалы журнала, как бы намекали на особую миссию "НК" - некоего аналога Ноева ковчега. В интерпретации Ф.Степуна эта мысль получила резко негативное заострение: "Ной

ковчег вовсе не великий дух России, а всего только дух Д.С.Мережковского. Дух России вряд ли бы стал строить ковчег для спасения одной только команды "Нового корабля". Он безусловно задался бы более широкими планами и проявил бы более любви к созданной им эмигрантской твари" (Современные записки. - № 34. - С.433).

Инвективы в адрес журнала со стороны Ф.Степуна объяснялись в значительной мере нападками З.Гиппиус на "Современные записки", где тот сотрудничал. Во втором номере "НК" Гиппиус (под псевдонимом Лев Пушкин), рецензируя две статьи, опубликованные в "Современных записках" ("Пути России" И.И.Бунакова и "Мысли о России" Ф.Степуна), - одну со знаком "плюс", другую со знаком "минус", коснулась и журнала в целом. С ее точки зрения, главная ошибка журнала на том этапе - "отсталость от требований современности", что и сделало журнал "Записками несовременными" (№ 2. - С.52).

Ф.Степун, отталкиваясь от этих слов, не только выступил в защиту журнала, но и обрушил на "НК" резкую критику: "Идейное бессилие публицистики "Нового корабля" улавливается и без анализа, просто на слух"; журнал с наслаждением топит всех "в мутных водах своей шумной, злой, талантливой, но слепой и духовно немощной полемики" (Современные записки. - № 34. - С.430, 433).

"НК" был задуман как журнал (в отличие от "Современных записок"), обладающий "единомыслием" сотрудников, ибо "теперь такая пора, - утверждала Гиппиус, - что лучше сказать неверное "да", неверное "нет", чем мямлить: "с одной стороны нельзя не признаться, с другой не сознаться"... Это требование определенности относится как к отдельному человеку, так и к единству коллективному, например - к журналу: ведь и у него свой "лик"...Если в журнале один говорит "не два", другой "не полтора", то в единстве своем журнал и будет "ни два, ни полтора" (№ 2. - С.50).

Эта позиция З.Гиппиус нашла отражение и в ее выступлениях на заседаниях общества "Зеленая лампа". В трех номерах "НК" печатались стенографические отчеты о его "беседах". В первом номере - Беседы I и II (вступительные речи В.Ходасевича и Д.Мережковского, доклад М.О.Цетлина "О литературной критике" - в первой "беседе"; доклад Гиппиус "Русская литература в изгнании" и его обсуждение - во второй "беседе"). Во втором номере - Беседа III (продолжение прений по докладу Гиппиус). В четвертом номере -

Беседа IV (на тему "Русская интеллигенция как духовный орден") и Беседа V (доклад Г.Адамовича "Есть ли цель у поэзии?" с последующим обсуждением). Кроме того, в четвертом номере "НК" печатались материалы, имеющие отношение к проходившей 10 апреля 1928 беседе "Зеленой лампы" на тему: "Апокалипсис нашего времени" В.В.Розанова (о Ветхом Завете и христианстве)".

Во вступительной речи Мережковского (Беседа I), в частности, подчеркивалось, что в условиях эмиграции на литературу возлагается высочайшая миссия - "строение идеологии": "Русская литература - наше священное писание, наша Библия, - не книги, а Книга, не слова, а Слово, Логос народного духа. Слово есть дело... Строение идеологии, кование оружия, нахождение противоядия - единственное реальное сейчас дело, не слова, а Слово, слово и дело вместе" (№ 1. - С.34). Этот своеобразный тезис по-своему интерпретировал в докладе "О литературной критике" М.О.Цетлин. "Русская критика, - отмечал он, - всегда была трибунской, водительской, человеческой. Она была представительницей личности, хотя чересчур поглощенной общественными целями. Но уводя читателя от искусства в общественность, она все же обходным путем приводила его обратно к искусству" (№ 1. - С.35). Вместе с тем у критика есть страшное право - суда и осуждения. Отсюда вытекают и обязанности - беспристрастия и осторожности" (там же).

Докладу З.Гиппиус "Русская литература в изгнании" вместе с его обсуждением уделено весьма значительное место. Рассматривая эмигрантскую прессу - "наше слово обо всем" (№ 1. - С.36), докладчица была, по своему обыкновению, едко критична, что и продиктовало полемический накал последующих выступлений - В.Ходасевича, И.Бунина, Ст.Ивановича, В.Вишняка, Г.Адамовича, Д.Кнута, Н.Берберовой, И.Бунакова и др.

Ходасевич взял под защиту "Современные записки", подчеркнув, что они создали "некоторый единый литературный фронт эмиграции, и это есть "блок, а не союз". Беда не в том, что "мы печатаемся все вместе, отчасти обезличивая журнал" (это и дало повод Гиппиус говорить о его "оппортунизме"), но беда в том, что эмигрантская литература оказывается представленной такими "образцами", за которые "становится стыдно перед злорадствующими критиками советских журналов" (№ 1. - С.40). М.В.Вишняк, как редактор "Современных записок", откликаясь на выпады Гиппиус и отметив важное значение редакторской "цензуры", вместе с тем

подчеркнул: "Нельзя принципиально - и практически вредно - сводить волю журнала к воле какой-нибудь одной единицы, к двум-трем наиболее видным сотрудникам. Наоборот, - чем больше воля вклинивается в журнал, и более или менее согласовано соучаствуют в нем, тем значительнее смысл журнала и его действенность" (№ 1. - С.44).

Наиболее резким оппонентом докладчицы выступил Ст.Иванович. Главный нерв его выступления - тревога за литературу в России: "Если даже подходить к советской литературе с чисто утилитарно-политическим мериллом, то... она представляет громадный, выдающийся интерес. Но даже с этой точки зрения у нас в эмиграции к русской литературе не подходят... В этом я вижу одно из доказательств того, что мы здесь занимаемся пустяками" (№ 1. - С.43).

Рецензируя первый номер "НК", газета "Возрождение" так обобщила эту часть полемики с Гиппиус: "Доклад был подвергнут суровой критике. Бунин выразил недоумение по поводу большого числа затронутых тем и назвал доклад собранием булавок. Ходасевич упрекнул г-жу Гиппиус за неосновательность разосланных по разным адресам обвинений. В том же духе высказались и другие. До конца заострил прения Иванович. Он находил, что по мелким поводам не стоит забираться в философские дебри..." (Возрождение. - 1927. - 12 сент.).

Выступления И.И.Бунакова и его обсуждение выделилось в отдельную тему четвертой беседы "Зеленой лампы", в которой приняли участие Д.Мережковский, З.Гиппиус, Г.Адамович, Ф.Степун, В.Злобин, М.Цетлин, Н.Оцуп (см. № 4). Подхватив начатый Гиппиус разговор о "духовном состоянии" русской эмиграции как поиске "новой линии" общности, Бунаков выдвинул понятие "орденское мирозерцание", присущее русской интеллигенции как "замкнутому ордену со своим строго выработанным духовным статусом" (№ 2. - С.43-44). "Духовное вооружение - новое целостное мирозерцание - должно быть выковано для интеллигентского ордена... в основание его должна быть положена духовная свобода" (№ 2. - С.64). В этом и заключается миссия эмиграции.

В последовавшем обсуждении выступления Бунакова наиболее острыми представляются два вопроса: возможно ли включение

большевиков в орден русской интеллигенции; является ли евразийство целостным мировоззрением или только "похоже" на таковое (№ 4. - С.44, 46).

Критический настрой в отношении к различным периодическим изданиям (как бы заданный суждениями Гиппиус) характерен и для статьи В.Злобина "Третье искушение" (№ 2), где говорилось о журнале "Путь" (орган русской религиозной мысли). Автор увидел в материалах журнала "путь к примирению": "Он уже явно верит в эволюцию большевизма, в возможность превращения "Царства Антихриста" в "Святую Русь". Это, конечно, вера в чудо, ибо (№ 2. - С.36). Негативно воспринял Злобин и некоторые формулировки, близкие к "евразийству".

Помещенная в первом номере статья Ю.Терапиано "Журнал и читатель" по содержанию тоже как бы примыкает к спорам, развернувшимся на заседаниях "Зеленой лампы". Главный вопрос автор статьи формулирует так: "Верно ли понята в эмиграции сама идея культурной миссии печатного слова?" Большинство журналов, стремясь "охранять традиции, в том числе традиции прежних журналов, не могли не превратиться в тенденцию, разъединяющую журнал и читателя, связывающую по рукам и ногам писателя" (№ 1. - С.24). Выход один - найти форму своего выражения; "надлежит задуматься над формой не только политического, национального, но и всеобъемлющего духовно-общественного движения", - обобщал Ю.Терапиано (№ 1. - С.26).

Публикуемый в том же номере Н.Фрейдентштейн ("Французская эмиграция и литература") полемизирует с Терапиано, утверждавшим тормозящее, сковывающее действие традиций. Н.Фрейдентштейн (псевдоним Ю.Фельзен) на примере французской культуры подчеркивал, что "новая публика без старой культурной преемственности - плохой воздух для искусства" (№ 1. - С.27). Вывод автора таков: "Сильная, несгибающаяся личность могла сохраниться только в эмиграции... В ней была память о родной земле - живой, а не умерщвленной тираническим строем. В ней была гордость неподчинения и правоты" (№ 1. - С.30).

Во втором номере В.Ходасевич в статье "Подземные родники" выступил с отповедью промелькнувшему в печати обвинению, будто в "Новом корабле" чувствуется "неприятный оттенок семейной мелочности" (Возрождение. - 1927. - 12 сент.). Суть "защиты,

представленной Ходасевичем, сводится к следующему: "Там, где лишь намечается новая литературная группа, почти всегда можно безошибочно угадать существование подземного идейного родника" (№2. - С.27). В "Новом корабле" он увидел зачатки образования такой "новой группы", или "кучки", по его определению. Приветствуя образование новых групп, Ходасевич предупреждал, что каждая "всегда вступает в борьбу... ибо только идеи обладают способностью глубоко соединять и глубоко разъединять. Каждая идея приносит меч" (№ 2 . - С.27). Мир же господствует лишь среди тех, кто ничего не хочет: "Нет ничего легче, как объединиться в комфортабельном общем гробу - ради ничегонеделания или для запоздалого делания того, что давно сделано другими" (там же).

О стремлении журнала подходить к проблемам культуры объемно и многоаспектно свидетельствовала также статья Н.М.Бахтина "Антиномия культуры" (перепечатка: Независимая газета. - 1994. - 30 марта). Основная исходная мысль состояла в утверждении, что "культура не мирное и благополучное общежитие... она - пламенный конфликт, неустанное соревнование, неукротимая творческая вражда всех против всех... Культура цветет лишь под пламенным дуновением Эриды-Вражды. И она останется такой, пока будет в ней жив древний огонь Прометея" (№ 3. - С.41. 42).

В четвертом номере, посвященном религиозной тематике, над высказываниями В.В.Розанова размышляют Д.Мережковский (статья "Который же из нас? Иудаизм и христианство") и З.Гиппиус (ее статья "Не нравится - нравится" стала откликом на прошедший в Париже диспут "Об антисемитизме в советской России"). Вопросы подлинного православия составляют содержание двух статей В.Злобина ("Спасение от иудеев", "Дух соглашательства") и статьи "Где тихоновская церковь?", подписанной криптонимом А.Д.М. В последней из названных, в частности, утверждается, что в эмиграции душа русских верующих людей полна религиозным стремлением - часто полусознательным - "быть соединенными с верующими в России. Единым сердцем стоять за то же, быть в той же Церкви..." (№ 4. - С.39).

На страницах журнала печатались выдержки из книги Мережковского "Наполеон" под названием "Судьи Наполеона" (№ 2), а также отрывки из "Петербургского дневника: (Синяя книга)" З.Гиппиус под названием "Дело Корнилова" (№ 3).

"ОБЩЕЕ ДЕЛО" (Париж, 1918. - 17 сент. - № 24 - 1922. - 23 июня. - № 565; 1928. - 10 нояб. - № 1. - 1934. - 18 марта. - № 11) - газета, издававшаяся В.Л.Бурцевым (1862-1942), известным своими разоблачениями агентов царской охранки. Первые попытки выпускать "Общее дело" как издание нескрываемо антибольшевистской направленности были предприняты Бурцевым еще в Петрограде (1917. - 26 сент. - № 1 - 7 нояб. - № 23). Эмигрировав, он вернулся к своему замыслу и, вопреки многочисленным препятствиям, сумел его воплотить в жизнь, создав газету, занимавшую четко выраженную собственную позицию: по политическим вопросам она не раз вступала в полемику и с "Последними новостями" П.Н.Милюкова, и с пражской "Волей России", и с другими изданиями, а круг постоянных авторов, создавших "Общему делу" репутацию одного из главных печатных органов эмиграции, отличался широтой, как бы исключая предположения о партийной пристрастности, а значит, однобокости суждений и оценок. Единственное, что объединяло тех, кто постоянно печатался в газете, - категорическое неприятие большевизма, подчас побуждавшее к чрезмерной резкости высказываний по адресу всех заподозренных хотя бы в частных и случайных компромиссах с коммунистической идеей и практикой. Выпады против Милюкова и П.Б.Струве имели под собой эту мотивацию, сколь бы фантастической она ни оказалась, если вникнуть в суть дела.

Стремясь в эмиграции держаться "над схваткой" и провозглашая своей основной задачей сплочение всех антибольшевистских сил (это отвечало и общественной деятельности Бурцева как одного из организаторов и руководителей Русского национального комитета, созданного в 1921), "Общее дело" тем не менее обладало собственной четко выраженной позицией, которая не могла устраивать монархические и правые круги. Уже название газеты указывало на ее преемственность от одноименного издания русской политической эмиграции конца XIX в.: женеvское "Общее дело", издаваемое А.Х.Христофоровым, выходило в 1877-1890 и ставило своей целью создание единого фронта в борьбе с самодержавием. Для Бурцева, в прошлом народовольца, прошедшего в изгнании более четверти века еще до Октябрьского переворота и проделавшего сложную политическую эволюцию, включавшую годы близости к эсерам, традиции добольшевистского оппозиционного

движения были близкими, и он их сохранил, даже когда его воззрения стали объективно близки кадетским. "Общее дело" уже в Петрограде, где попытки издавать газету были сразу пресечены властью, задумывалось как рупор независимой демократии, обращенный против большевиков, которых Бурцев считал узурпаторами революции. Это направление газета сохранила и в Париже, став изданием резкой антикоммунистической направленности, но с первых же номеров отвергнув саму идею возможной реставрации: ни следа монархических симпатий, а вместе с тем непрерывные обличения Керенского и его правительства, на которое возлагалась едва ли не главная вина за Октябрьскую катастрофу. Подчас оказываясь в явном противоречии с фактами, "Общее дело" даже в 30-е пророчило очень близкое исчезновение большевистского режима, но практически не обсуждало политические и социальные перспективы будущей освободившейся России.

Платформа газеты даже яснее, чем самим редактором, была сформулирована Д.Мережковским в статье "О белой и красной нечисти" (1921. - 8 янв.), написанной в связи с откликами на его доклад "Большевизм, Европа и Россия". Оппоненты Мережковского возражали ему, доказывая, что "в тайне сердца своего народ все еще верен двум вековым святыням своим - царю самодержавному и церкви православной, рано или поздно вернется к ним, покается, страхнет чугунное иго большевиков, как легкое перышко, и восстановит "Святую Русь". Однако эти ожидания, на взгляд Мережковского, бесплодны и являются лишь результатом противоестественного "сращения политики с религией": любовь к России не отделяется от любви к царю и церкви, а в итоге "русскою революцией свергнуто самодержавие как политический строй, но как религиозная ложь не опровергнуто... Факт исчез в действительности; но идея не погасла в умах... Все, что в самодержавии было, в большевизме есть, хотя в иной категории, но в высшей степени... Самодержавие - цвет, большевизм - плод; белые цветочки - красные яблочки".

Эта мысль о "двух теократиях" ("одна - во имя ложного Христа, другая - во имя подлинного Антихриста") оставалась доминирующей и в редакционных статьях Бурцева, открывавших едва ли не каждый номер газеты. Со временем чрезвычайно прямолинейное и тесное сближение самодержавия с большевизмом привело к тому, что газета потеряла некоторых важных для нее авторов, справедливо

усмотревших в такой позиции явную тенденциозность. Однако в первые месяцы, а особенно в наиболее яркий для "Общего дела" 1921, четыре его полосы украшали имена первого ряда: здесь постоянно печатались Мережковский, Гиппиус, Бунин, Куприн. Среди штатных сотрудников были А.Ветлугин, А.Яблонский, Diopéo (И.Шкловский, выполнявший функции лондонского корреспондента), Р.Словцов (Н.Калишевич), время от времени публиковался Г.Гребенщиков, чаще - Б.Лазаревский. После бегства из России А.Амфитеатрова анонсировались его статьи, так, впрочем, и не появившиеся ввиду временного (оказалось - многолетнего) перерыва в издании из-за материальных трудностей. Несколько раз Бурцев начинал параллельный выпуск французского издания своей газеты ("La cause comtune"), однако безуспешно: для этого не было средств, да и аудитория оказывалась слишком малочисленной.

В газете было несколько постоянных рубрик: политическое обозрение, вести из советской России, а нередко и пространные материалы о ней и из нее, получаемые самыми разными способами, хроника русского зарубежья, исторический раздел, в основном заполнявшийся комментариями и мемуарами, относящимися к гражданской войне, родословной большевизма, прошлому русского освободительного движения. Литературная и художественная жизнь занимали в газете скромное место: практически этот раздел сводился к хроникальным заметкам и случайным публикациям (рассказы Евг.Чирикова, стихи Тэффи и т.п.) в первые парижские годы газеты и совсем исчез в последних 11 выпусках - после возобновления в 1928. Лишь 1921 год был для "Общего дела" примечательным, подразумевая литературный отдел, хотя серьезно поставленной критики по-прежнему не было, как не было и продуманной эстетической позиции. Материалы, относящиеся к художественной жизни, выглядят, по большей части, только приложением или иллюстрацией, дополняющей основные выступления газеты, - в 1921 они были связаны прежде всего с Кронштадтом и с голодом в России.

Налет более или менее откровенной политизации присущ даже статьям, непосредственно касающимся фактов и крупных явлений литературы. Так, № 188 (1921 - 19 янв.) содержит пространную публикацию Мережковского о Толстом, но характерно уже ее заглавие - "Толстой и большевизм". Статья доказывает общность ряда положений толстовской этики ("метафизическая воля к дикости") и той русской традиции, которая ведет от Разина к Ленину ("восторг

разрушения", отождествляемый с "восторгом созидания"). Толстой осмыслен под знаком "возвращения от культуры к дикости", каким явился и большевизм, хотя уже в следующем номере Мережковский существенно корректирует свой же тезис, заявив, что для Толстого "высшая мера - религия", и если в своей "метафизике" он готов низвергнуть культуру, от которой останется лишь "бездонный провал", то религия Толстого - это "конец культуры старой, начало новой".

Столь же нескрываемо злободневный характер носит статья "О Достоевском (К сорокалетию со дня его смерти)", написанная Л.Бернштейном (31 янв.). Автор останавливается исключительно на "Бесах", не рассматривая роман, а рассуждая о "срыве", который "произошел именно в том пункте, где его опасался Достоевский: в том, как интеллигенция пошла к народу и как народ откликнулся". Ту же тему продолжил в своем "Свободном слове о Достоевском" П.Боборыкин (14 февр.). Правда, необходимость читать "Бесов" как "пророческое предвидение" для него - только вынужденная дань времени. Созвучие "Бесов" происходившему в России с 1917 бесспорно, "но разве это одно может служить исключительным или главным мерилем значения Достоевского как одного из столпов русской художественной литературы XIX века?"

Такие вопросы, однако, были не приняты на страницах "Общего дела", где связь культуры и политики представляла как самоочевидная и не нуждающаяся в уточняющих оговорках. Усиливали это впечатление публикации отрывков из петербургского дневника Гиппиус, записных книжек Мережковского, относящихся к периоду гражданской войны и заполненных размышлениями о массовом одичании, озверении, об угрозе превращения русского народа в "идиота, жирного, "белоглазого", чей зловещий образ так пугал знатока русской деревни Ив.Бунина" (27 марта). Дневники Гиппиус, содержащие и крайне резкие оценки конформизма интеллигентов, решивших сотрудничать с новой властью, особенно укрепляли впечатление тотальной политизации художественной сферы, на чем настаивало "Общее дело". В отклике Л.Борисовича на возобновление в Софии издания "Русской мысли" (4 апр.) как важнейший материал журнала отмечался "Дневник" Гиппиус и тут же давалась отповедь П.Струве за его трактовку революции "как великой исторической стихии".

Политических тем напрямую касался на страницах газеты

Бурцева и Куприн, напечатавший очерк о своей встрече с Лениным, у которого он тщетно добивался разрешения издавать вполне аполитичную газету (Ленин поразил писателя: "Полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности... нечто вроде камня... который... стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути... Нет у него ни чувств, ни желаний, ни инстинктов". - 21 февр.). Бунин, не печатавший в "Общем деле" своих художественных текстов, за исключением трех стихов в № 304, с негодованием отверг высказанные Василевским-Не-Буквой в "Последних новостях" обвинения Мережковскому и Куприну в сгушении красок, в том, что "мы пишем неправду о Совдепии, преувеличиваем ее ужасы" (1 апр.; столь же энергично протестовал Куприн, на упреки Василевского в отходе от творчества ответивший, что сейчас "как-то не тянет увивать в изящные слова красивые образы, когда душа оскудела" - 11 апр.). Из бунинских статей в "Общем деле" особое значение имела появившаяся в номере от 21 июля отповедь "советскому псалмопевцу" Горькому - "Об Эйфелевой башне"; она написана в связи с транслировавшимся парижским радио выступлением Горького, призвавшего помочь России, где начался голод.

Горький называл причиной бедствия засуху, и это возмутило Бунина: "А всяческое кровопролитие, уже четыре года вами учиняемое во славу "третьего интернационала", а величайшее в мире ограбление, вами произведенное в России" "на цели" этого самого "интернационала"? Опровергая "лживую, высокопарную иеримиаду", Бунин не сдерживается и в оценках Горького: "Певец самого грубейшего из всех человеческих учений и самого подлого строя из всех существовавших на земле". Такие высказывания о Горьком на страницах "Общего дела" достаточно обычны. Куприн в номере от 10 февр. опубликовал очерк "Максим Горький", где провел аналогию между писателем и Ильей Грачевым из его же повести "Трое", нищепанцем и аморалистом, вышедшим из низов (он убивает "больше ради жеста, ради того, чтобы, придя на кладбище, плюнуть на могилу своей жертвы-ростовщика"). Мережковский (27 марта) пошел и дальше, утверждая: "Ленин - самодержец, Горький - первосвященник... В Москве изобрели новую смертную казнь: сажают человека на мешок, наполненный вшами, и вши заедают его до смерти. В такой мешок посадил Горький душу России". В связи с обращением Горького к Г.Гауптману для организации кампании

помощи голодающим Мережковский напечатал собственное обращение к немецкому писателю, призывая его не вступать ни в какие контакты с московскими представителями: "Не свергнув советской власти, ничем нельзя помочь миллионам гибнущих людей, так же как удавленному петлей ничем нельзя помочь, не вынув шею из петли" (13 авг.).

Голод расценивался в "Общем деле" как возмездие и большевизму, и Европе, недостаточно активно помогавшей белому движению, а теперь вынужденной помогать своим заклятым врагам из Кремля. Гиппиус (25 июля) предупреждала, что помощь теперь - втуне, поскольку будет разворована, но вместе с тем признавала моральной обязанностью Запада не оставаться в стороне от постигшего Россию кошмара. Л.Бернштейн (28 июля) отказывал Горькому, ставшему "глашатаем... правительственно-террористического хамства большевиков", в моральном праве "звать о помощи голодающим", противопоставляя ему в этом отношении Короленко, и писал о политических спекуляциях, которыми будет сопровождаться распределение продовольствия. Перепечатанные из советских изданий очерки С.Подъячева, посвященные голоду, создавали особенно гнетущую картину происходившего на родине.

Комментарии "Общего дела", относившиеся к культурной и интеллектуальной жизни оставленной России, отличались едва ли не такой же мрачностью. Тот же Л.Бернштейн, откликаясь на публикации петроградского "Дома искусств" (30 мая), иронически замечал, что Луначарский, читающий "доклады о свободном творческом труде художника... проповедует свободу, а Дзержинский ее охраняет". Луначарского и прямо именовали "певцом Чека" (заглавие статьи о нем за подписью А.Р. - 13 сент.), а выход первого номера редактируемой им "Печати и революции" в том же материале оценивался как свидетельство полного творческого бесплодия, воцарившегося в России. В связи со слухами о смерти в Баку от эпидемии С.Городецкого А.Ветлугин (8 сент.) характеризовал былого акмеиста как "законченного Молчалина... предавшего всех (себя и свою душу раньше всех)", давая понять, что эта неизбежная судьба всех согласившихся на сотрудничество с советским режимом. Статья называлась "Две смерти" и была приурочена к достоверному известию о расстреле Гумилева: он "пал жертвой очередного безумия... Гумилев - жертва политики - останется символом

величайшего недоразумения", - писал Ветлугин, сопоставляя судьбы двух некогда близких поэтов для напрашивающихся политических выводов.

Статья была напечатана в номере от 8 сентября, хотя известия о "деле Таганцева" появились в газете еще месяцем ранее. Номер от 13 августа содержал материалы памяти Блока, среди них - статью А.Яблонского, писавшего: "В сущности, это не смерть, а убийство. Блок умер не от цинги, а от большевизма. И это надо сказать прямо и просто". Месяц спустя Ю.Никольский ("Пророк". - 19 сент.) продолжил тему, избегая столь прямолинейных заключений. "Блок чувствовал недаром историю как возмездие... Многие говорят: почему он с красным флангом? и обманываются... Флаг не красный, а кровавый, намокший в человеческой крови, флаг страданий... Блок верил, что "выйдут бесы" и в т.наз. "коммунисте" - русском красноармейце, если он русский, проснется когда-нибудь его крестьянская, христианская природа".

Памяти Гумилева Ю.Никольский тоже посвятил статью ("Поэты-рыцарь" 26 сент.), смысл которой сводился к тому, что "Гумилев - чистая красота", чуждая миру "идей". Правда, стихи периода первой мировой войны, признаваемые критиком как едва ли не лучшее из написанного Гумилевым, не подтверждали такого взгляда на его творчество, но противоречие не смутило автора, стремившегося высказать прежде всего ту мысль, что большевизм губителен для красоты, и доказал это, умертвив Блока, а затем и Гумилева.

Заметки о новинках западной литературы, довольно регулярно появлявшиеся за подписью Л.Вальтер, носили крайне поверхностный характер, а когда авторами раздела "Библиография" становились Бунин или Куприн, их выступления были чисто писательскими, интересными для понимания настроений их самих. Так, Куприн (27 июля) опубликовал тонкий очерк от Тэффи в связи с выходом ее книги "Тихая заводь", в которой его привлекала "натуральность, но без натурализма. Правда - без реализма. Трогательность - без сентиментальности. Теплота - без пафоса. Светлая грусть - без мировой скорби". Все это выразительно характеризует прозу самого Куприна. Бунин, откликаясь на "Дым без отечества" Дон-Аминадо и книгу А.Ветлугина "Авантюристы гражданской войны" (27 июня), отмечает в этих текстах "горечь, едкость - следы того, что пережили мы", воздерживаясь от критического разбора. На этом фоне резко

выделяются лишь две статьи Гиппиус, посвященные Бунину. Они также не были литературной критикой в точном значении слова, но все-таки в них чувствуется перо литератора, для которого критика - привычная сфера.

Первая из них "Тайна зеркала" (16 мая) посвящена бунинской "остроте зрения", которая "почти магична", однако в сущности осмысляется не эстетическое качество, а характер мироощущения писателя, всегда упорно избегавшего "тенденции" ради того, чтобы добиться безусловной и конечной правды о жизни - той правды, которая, на взгляд Гиппиус, особенно необходима после катастрофы, пережитой русским обществом. "Бунин, русский человек и русский писатель, чувствующий русскую жизнь и природу изнутри, составляющий как бы часть ее... шире России. Ему мало России, ему нужен мир". Последнее слово у Гиппиус обладает, конечно, не географическим смыслом, но означает универсум жизни, тайну которой, и особенно загадку смерти, неустанно пытается постичь Бунин. Его чуждость любого рода иллюзиям, по оценке Гиппиус, самое необходимое качество для современного писателя.

"Бунин был одним из немногих, кто всем существом, изнутри, задолго до несчастья своей земли чувствовал его приближение. Зная что-то о тайне жизни и "причастной ей" тайне смерти - он видел тень смерти на земле, на людях. Мы видели то же, с ним - но не понимали... Дело в том, что Бунин знал и видел то, что шире России. А лишь видя и любя это всемирное, вечное, жизнь в ее тайнах можно понимать и жизнь своей земли".

Гиппиус (23 окт.) продолжила свои размышления, опубликовав статью "Бесстрашная любовь (Русский народ и Ив.Бунин)". Констатируя, что "погибла обманная мечта о "богоносце". Гиппиус подвергла сомнению и достоверность полученного после катастрофы 1917 "нового "знания" о лице - харе - русского народа": и тот и другой взгляд на русскую национальную сущность лживы "в своей безмерности". Бунин - художник "меры", ему понятна некорректность вопроса: "Кто - русский мужик? Человек или зверь?" Сам вопрос, по Гиппиус, возможен лишь в минуту отчаяния, а на деле "пора понять: народ русский неспособен к культуре в ее чисто западном, европейском виде, т.е. культуре технической, механической, только внешней. Народ не понимает ее, не принимает ее. Шагу не может сделать по ее пути, - если это не есть,

в то же время, и путь просвещения, культуры внутренней. А условия жизни в России были таковы, так складывались, что именно просвещения народу неоткуда было достать... Перед Россией и русским народом, каков он был, - и есть, - лежало два пути. Первый: "спать, спать, умирая во сне", ждать, что "через пять годов" - пять веков - "съест вошь". Второй: разрушить "страшную обыденщину", вырвать корни. Без выворота корней, или без "шлеи под хвостом", без взрыва народного безумия... могла ли Россия пойти по второму пути?.. Припадок был неизбежен, и неизбежно он проходит. За ним - ждет такое страдание, какого не видели, может быть, и народы более грешные. Но страданье новое, ибо не тупое - а режущее. Оно не даст уснуть русскому народу. Не даст умереть во сне".

Бунин для Гиппиус - "бесстрашен в правде", им сказано и о "сне", и о муках "пробуждения". Поэтому он художник "надежды", за которой стоит "принятие русского народа, - с его безумием, с его соблазном и падением, с мукой, разрешающей от уз смертного сна".

Как публицист Гиппиус выступала в "Общем деле" постоянно, и одной из ее ярких статей была "Антисемитизм?" (19 июня), в которой дана отповедь обвинявшим русскую интеллигенцию в юдофобии. Пореволюционная ситуация окончательно сняла все вопросы, дав "ощущение в полноте и внешнего нашего равенства с евреями, одинаковости нашей в несчастье... Мы и евреи - не одинаково ли угнетенный народ? И не наш ли это общий - ленинский, всероссийский - погром?.. Избиваемые русские, избиваемые евреи - по одной стороне, и одно. Избивающие русские, избивающие евреи - по другой, и тоже одно".

Об актуальности этой темы для "Общего дела" свидетельствует и статья Куприна "Гуслицкая фабрика" (30 сент.; старообрядческое село Гуслицы было известно печатаньем фальшивых кредиток). В статье разобраны "Протоколы сионских мудрецов" и прочие публикации Нилуса, и уже наблюдения над стилистикой этих текстов, не говоря о вопиющих исторических несообразностях, приводят Куприна к твердому выводу, что перед читателем фальшивка, которую мог изготовить "только неизобретательный заурядный жидоед... Мудрецы так болтливы, так толкутся на одном месте, а главное, так неудержимо, несносно падки к общим местам, к засиженным мухами общим фразам. что, право, можно подумать, что мудрецов выбирали из русских интеллигентов... Становится очевидной вся неловкая придуманность пресловутых протоколов Гуслицкой фабрики".

Культурологическая и философская проблематика на страницах "Общего дела" практически не затрагивалась. Исключением были лишь две статьи, посвященные зарождавшемуся евразийству. Д.Пасманик, один из самых деятельных авторов газеты, писал об этом в номере от 6 июля ("Примиренчество профессора Н.Устрялов"): "Он <Устрялов> не теряет веры в то, что большевики против их воли воссоздадут Великую Россию. Здесь наши пути решительно расходятся. И не потому, что я в реальном большевизме не могу узреть иное, чем восстание взбунтовавшегося хама, но прежде всего потому, что большевизм уничтожает не то что Великую Россию, а просто Россию".

Подробный критический разбор концепций евразийства был сделан К.Мочульским (26 сент.), рецензировавшим сборник "Исход к Востоку". Для него евразийство - свидетельство, что "из туманности эмигрантской психологии начинают вырисовываться очертания нового самосознания". Обоснование "самобытности русской европейско-азиатской культуры дает выражение новому типу русской души", и оно пробуждает сочувствие, хотя остается, по мнению Мочульского, иррациональным по характеру аргументации. "Как поверить, что сейчас, в агонизирующей России крепнет самобытная культура?" Невозможно серьезно доказывать, что в русской культуре "азиатских элементов больше, чем европейских", как невозможно "полагать церковь в основу культуры" и одновременно заявлять о приобщении "целого круга восточноевропейских и азиатских народов к мыслимой сфере мировой культуры Российской" на основании проблематического "сродства душ", "общности экономического интереса" и "хозяйственной взаимообращенности этих народов".

Столь же неубедительны для Мочульского пророчества евразийцев о грядущем единении интеллигенции с народом: "Никакой народной воли, никакой народной души интеллигенция не выражает, ни на какие заявления от имени народа не уполномочена". Грезящийся Н.Трубецкому мост над пропастью между интеллигенцией и народом, по Мочульскому, - не более чем беспочвенное самообольщение вместо "горького питья правды".

Статья Мочульского, появившаяся 26 сентября 1921, могла бы стать началом серьезной дискуссии, однако к этому времени положение "Общего дела" уже становилось критическим. Газетный год был доведен до конца, возобновление последовало лишь почти

семь лет спустя, и это было уже чисто политическое издание. В эмигрантской периодике газета Бурцева только очень непродолжительное время находилась на главных ролях, и все же свое назначение она в целом выполнила.

Об этом назначении всего лучше сказано в статье Куприна "Страшный суд" (17 июля), посвященной опровержению широко распространенных взглядов, в согласии с которыми есть много родственного между французской и русской революцией. Куприн не принимает таких аналогий, отказывая Октябрьскому перевороту в историческом оправдании, а тем более - в каком бы то ни было величии. Для него большевизм - преступление перед Россией и русским народом, он мечтает о том дне, когда совершившие это преступление окажутся под судом. Это произойдет, как ему кажется, лет через сто, когда "от большевиков останутся печатные декреты. Их противоречивость и часто - глупость легко извинят лихорадочной спешкой. Но есть в них громкие фразы, пышные обещания, краденые утопические мысли, слова лицемерной любви к народу, наигранный демагогический пафос. Никто через сто лет не докажет, какой ложью, каким сугубым надувательством была эта шутовская, бесплодная, проклятая болтовня, которой большевики коншунственно облекали крестные муки великого народа... И беспристрастный историк не найдет ни одного серьезного источника, откуда он мог бы почерпнуть правду". "Общее дело" стремилось - во многом и смогло - стать одним из таких источников.

А.М.Зверев

ОБЩЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО (Прага, 1925-1933).

Осенью 1925 при Русском народном университете в Праге по инициативе А.Бема был основан "Семинарий по изучению Достоевского". По своему характеру Семинарий был скорее научным обществом: главными направлениями его деятельности была научная работа, завершавшаяся чтением докладов, напечатанных затем в различных научных изданиях, и привлечение к изучению Достоевского молодых научных сил. За время своего существования (1925-1933) на заседаниях Семинария было прочитано 58 докладов (во

2-м т. сборников "О Достоевском" приводится перечень докладов с указаниями на их издание). За пределами России в то время Прага стояла в центре научных исследований, посвященных писателю. Результатом деятельности Семинария явился выход в свет упомянутых сборников. Уже первый сб. статей "О Достоевском" под ред. А.Бема (Прага, 1929) стал важным этапом в изучении творчества писателя, представив вниманию читателей разнообразие исследовательских точек зрения на проблему двойника (ст. Д.И.Чижевского и Н.Е.Осипова) и др. В нем была напечатана и ст. А.Л.Бема "Драматизация бреда" ("Хозяйка" Достоевского), которая затем вошла в его кн. (Bem A. Tajemství osobnosti Dostojevského. - Praha, 1928). Второй сб., посвященный творчеству писателя, в который, кроме статей А.Бема, П.Бицилли, И.Лапшина, Д.Чижевского, Р.Плетнева, В.Зеньковского и И.Горака, был включен в качестве приложения "Словарь личных имен у Достоевского. Ч. 1: Произведения художественные" (сост. А.Бем, С.Завадский, Р.Плетнев, Д.Чижевский), вышел в свет в 1933.

В 1929 чеш. проф. О.Фишер, после разговора с А.Бемом, написал большую статью о необходимости создания общества по изучению Достоевского по образцу уже существующих обществ Данте, Шекспира и Гете (Сin. - Praha, 1929. - N 1/5. - S. 100-102). Об организации общества было объявлено 15 января 1930 на вечере, устроенном под покровительством Славянского института в Праге, где с докладом о "Бесах" выступил проф. И.Горак. "Общество им. Достоевского" было основано 23 марта 1930 на учредительном собрании, проходившем в здании философского факультета Карлова университета. Од по характеру членства было международным: рядом с чехословацкими учеными и представителями культуры в него входили русские ученые-эмигранты. После вступительного слова проф. Яна Махала с докладом о воздействии Достоевского на философское мировоззрение Т.Г.Масарика выступил проф. И.Громадка. На собрании было избрано правление из 30 человек, в которое вместе с представителями чешской научной и культурной общественности вошли доц. А.Л.Бем; доц. Д.И.Чижевский, проф. Е.А.Ляцкий, Н.Ф.Мельникова-Папоушкова. Председателем был избран Я.Махал. Среди членов правления были писатель Макс Брод, издатели Й.Лайхтер и О.Шторх-Мариен, Анна Тескова, реж. Я.Бор, дипломат, один из организаторов чехословацкого легиона в России -

П.Макса, чешские профессора, деятели культуры. На учредительном собрании присутствовали представители всех чехословацких университетов и большинства культурных организаций.

Целью ОД, согласно его уставу, было "содействие изучению жизни и творчества Достоевского и распространение знания его произведений".

В 1931 ОД широко отметило 50-летие со дня смерти писателя. Торжественные вечера прошли 3 февраля (совместно со Славянским институтом) и в день смерти Достоевского - 9 февраля в зале пражской Старой Ратуши. Вечер открылся реквиемом Н.Черепнина в исполнении русского хора. Затем прозвучали выступления представителей ОД и Чешской академии наук (Я.Махал), Славянского института (проф. И.Поливка), Общества чешских писателей (поэт и драматург В.Дык), Союза русских писателей и журналистов в ЧСР (В.И.Немирович-Данченко) и др. ОД также содействовало постановке в Национальном театре инсценировки "Идиота" (премьера - 13 февраля 1931). В передачах пражского радио, посвященных Достоевскому, выступили Д.Вергун и Э.Свобода. В связи с этой датой Обществом был издан сб. статей (Dostojevský, Sborník statí k padesátému výročí jeho smrti 1881-1931. - Praha, 1931). Отдельной брошюрой вышла работа Й.Горака о Достоевском в чехословацкой литературе. При содействии Славянской библиотеки было выпущено новое издание работы Т.Г.Масарика о Достоевском. Члены ОД участвовали также в международных конференциях. В 1929 на 1-м Конгрессе филологов-славистов выступили с докладами А.Бем ("Достоевский в художественной полемике с Толстым") и Р.Плетнев ("О необходимости исследования влияния св. Писания в новой литературе", с разбором евангельских сюжетов в творчестве Достоевского).

В 1932 ОД вступило в период кризиса, вызванного изменениями политического и общественного климата в стране. 23 мая 1932 на годовом общем собрании речь уже открыто шла о закрытии ОД по причине "полного равнодушия общественности". Однако лишь в конце следующего года общее собрание 14 ноября 1933 приняло решение о переименовании ОД в "Содружество по изучению жизни и творчества Ф.М.Достоевского" и присоединении его к Славянскому институту. Председателем был избран проф. Э.Свобода, делопроизводителем - А.Тескова, секретарем - А.Бем.

Проф. Я.Махал оставался почетным членом. Эти формальные изменения мало отразились на характере деятельности организации, которая оставалась одновременно научной и просветительской. Ее издательская активность продолжалась публикацией отдельных брошюр.

Содружество продолжало традиции ОД, устраивая открытые беседы с обменом мнениями по различным вопросам, связанным с творчеством Достоевского. 30 января 1934 состоялась беседа о театральных инсценировках произведений Достоевского. В связи с постановкой "Идиота" (в новой обработке) в пражском Национальном театре Содружество организовало обмен мнениями на эту тему, который открылся чтением отрывка из произведения актерами пражских театров. В том же году совместно с Русским свободным университетом Содружество организовало доклад приехавшего из Женевы С.Карцевского о жизненном пути Достоевского. 22 января 1935 состоялся дискуссионный вечер "Максим Горький и Ф.М.Достоевский", поводом для которого послужила речь М.Горького с выпадами против Достоевского, прозвучавшая на 1-м Съезде советских писателей. Бурная дискуссия нашла отражение и в чешской печати (*Lidove noviny*. - 24.I.1935). 16 апреля 1935 с докладом "Достоевский в Италии" выступил проф. университета в Падуе, известный славянист Этторе Ло Гатто. Активно сотрудничало Содружество и с чешским Литературно-историческим об-вом. На одном из совместных вечеров А.Бем прочел доклад, изданный в Праге в 1937: "Фауст" в творчестве Достоевского". В 1936 состоялась одна из наиболее интересных встреч, которая была посвящена "Легенде о Великом инквизиторе". В том же году вышел в свет 3-й том сборников "О Достоевском", состоявший из работ самого А.Бема, которые были прочитаны в "Семинарии по изучению Достоевского" при Русском народном (свободном) университете в Праге. Готовившийся в то время к печати 4-й том работ, посвященный преимущественно "Дневнику писателя", так и не вышел в свет. Одной из последних научных встреч в 1938, организованных Содружеством, была дискуссионная беседа на тему "Масарик и Достоевский".

Постоянную личную и материальную поддержку Содружеству оказывал президент ЧСР Т.Г.Масарик. В мае 1937 он был избран его почетным членом. Издательскую деятельность Содружества завершила публикация книги А.Бема "Достоевский".

Психоаналитические этюды" (Прага: Петрополис, 1938). На своем последнем собрании 23 мая 1939 Содружество приняло решение о прекращении деятельности Содружества как самостоятельной организации и преобразовании его в отделение Славянского института.

См. также: Морковин В. Общество Достоевского в Праге // *Československá rusistika*. - 1971. - N 4; Плетнев Р. Воспоминания о первом Международном обществе имени Ф.Достоевского // ЗРАГ. - 1981. - Т. 14.

Л.Н.Белошевская (Чехия)

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КНИГИ И "ВРЕМЕННИК ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КНИГИ" (Париж, 1925-1938. Вып. 1-4). В начале своей деятельности Общество состояло из председателя П.П.Гронского; товарищей председателя - П.Н.Апостола, Я.Е.Поводоцкого, секретаря - Я.Б.Полонского; членов правления - М.А.Алданова, Г.Л.Лозинского, А.Н.Мандельштама, А.Л.Метцля, Б.С.Миркин-Гецевича, А.М.Михельсона, Б.Э.Нольдэ. В первом выпуске "Временника общества", увидевшего свет в 1925, сообщалось: "Редакция "Временника" ставит своей основной задачей разработку и соби́рание материалов по истории русской книги и ее библиографии, по вопросам библиофилии, библиологии и библиотековедения - иными словами: Редакция посвящает страницы "Временника" не только книге, как орудию работы - научной и литературной, - но и книге как самоценности. В частности, Редакция полагает существенно необходимым произвести описание тех русских книжных богатств, которые находятся за рубежом в многочисленных частных и государственных книгохранилищах" (Вводная страница без номера). Первый номер, богато иллюстрированный, с изящно набранным шрифтом и обложкой работы Б.Гроссера, соответствовал поставленным задачам.

Альманах открывали статьи С.К.Маковского "Четверть века русской графики" и М.А.Алданова "Издания русских классиков за границей", где в основном описывалась деятельность по печатанию

русской классики в берлинских издательствах Гржебина и Ладыжникова, а также статья В.М.Зензинова о Славянском отделе Национальной библиотеки Конгресса в США. Большой резонанс имела публикация в этом номере "Синодика библиотек, архивов и художественных коллекций, погибших в России во время войны и революции", подготовленного С.Р.Минцловым. "Видел я в помещичьих собраниях и редчайшие инкунабулы, и увесистые тома средневековой латыни и даже рукописи на пергаменте с миниатюрами догуттенберговских времен. Собиралось все это настоящими знатоками и любителями. Разорение этих гнезд во время гражданской войны - потеря не вознагражимая", - писал Минцлов в предисловии (с. 43). Сам список представлял собой составленный в алфавитном порядке по фамилии владельцев перечень библиотек и художественных собраний, погибших в годы революции и гражданской войны, например: "Голицын А.Б. Имение "Сима", Юрьев-Польского уезда, Владимирской губ. Имение это было подарено Петром I князю Голицыну. Библиотека состояла из французских книг. Все книги были в художественных переплетах с гербами Голицыных. Библиотеку растащили большей частью пришлые крестьяне на растопку в 1919" (с. 45). Впоследствии на страницах "Альманаха библиофила", вышедшего в Ленинграде в 1929, Минцлову возразил известный книжник Ф.Г.Шилов: "С.Р.Минцлов приводит в первом номере "Временника общества друзей русской книги", изданного в Париже в 1925 году (с. 43-51) "Синодик" погибших, по преимуществу помещичьих, библиотек. Перечень этот во многих случаях неверен" (с. 168). Каких-либо конкретных возражений, однако, приведено здесь не было. Каталог библиотеки самого С.Р.Минцлова посвящена в этом же номере "Временника" статья П.Пильского (под псевдонимом П-ий) "Памяти одного книгохранилища". Памяти замечательных библиофилов А.Ф.Онегина и А.И.Браудо посвящены некрологи. В I-й выпуск "Временника" вошли также материалы о Тургеневской библиотеке в Париже, статья Я.Полонского "Библиография зарубежной библиографии" о библиографических обзорах и каталогах литературы за рубежом. Выпуск завершился подготовленной тем же Я.Полонским "Книжной летописью", перечислявшей каталоги, журналы и книги по самым различным областям знаний, вышедшим во второй половине 1924 за пределами России.

М.О.Цетлин, выступивший под псевдонимом М.Ц., писал о

первой книге "Временника": "Нельзя не порадоваться тому культурному делу, которое делает "Временник"... Во "Временнике" читатель найдет и ряд интересных и полезных обзоров, а многое и в содержании, и во внешности книги порадует библиофила. Характерно для "Временника" именно это соединение двух задач, библиографической и библиофильской" (СЗ. - 1925. - № 25. - С. 574).

За 1926-1927 на заседаниях Общества было прочитано несколько докладов, в том числе П.Апостола о Первом международном съезде библиофилов, А.П.Струве о редкой *Rossica*, ряд других, тексты которых в основном вошли во вторую книгу "Временника". Одним из достижений Общества стала организация книжного отдела на выставке русского искусства в мае-июне 1928 в Брюсселе, где была представлена книжная графика художников "Мира искусства".

В 1928 увидел свет второй номер "Временника". Его открывал новый список правления. Председатель Общества - В.А.Верещагин, председатель правления - П.Н.Апостол, товарищ председателя - Г.Л.Лозинский, генеральный секретарь - Я.Б.Полонский, казначей - Л.А.Гринберг. Членами правления значились И.Я.Билибин, В.П.Катенев, Ж.Порше, А.П.Струве. Как и первый, номер открывала статья С.К.Маковского, посвященная книжной графике - иллюстрациям Д.С.Стеллецкого к "Слову о полку Игореве". Беды писателей Москвы в годы революции и гражданской войны и объединение их вокруг книжной лавки писателей нарисовал в своем очерке "Книжная лавка писателей" М.А.Осоргин, а Г.Лозинский рассказал о другом свободном книжном предприятии того времени, Петроградском кооперативе "Petropolis". Очерк по истории русского фонда Национальной библиотеки Франции представил Ж.Порше, а статью о книгохранилище русских иезуитов, основанном в 1842 князем И.С.Гагариным, перешедшим в католическую веру и бросившем работу в русском посольстве в Париже - Я.Б.Полонский. Описывая это собрание, более известное под названием "Славянская библиотека", Полонский впервые опубликовал неизвестное письмо П.Я.Чаадаева И.С.Гагарину и приложил его фотокопию. Факсимиле письма Пушкина на французском от 11-23 декабря 1836 к французскому послу в Петербурге барону Баранту было приложено к статье Г.Л.Лозинского об этой находке. О гибели, но и о спасении некоторых уникальных книг в советской России написал в очерке

Судьба старой русской книги" А.П.Изюмов, рубрику о новинках библиографии "Книги о книгах" представил Я.Полонский. Статья П.Апостола об альбоме блестящей светской красавицы О.А.Козловой была украшена факсимиле автографов А.Апухтина и Ф.М.Достоевского. Заметку памяти библиотекаря и педагога А.И.Калишевского написал В.Розенберг.

М.О.Цетлин писал об этом номере "Временника": "Мы уже отмечали на страницах "Современных записок" появление первого выпуска этого прекрасного издания. После довольно долгого перерыва вышел второй выпуск, составленный столь же интересно и разнообразно. Библиография - утонченный и хрупкий цветок культуры, жизнеспособнее и упорнее, чем можно было опасаться" (СЗ. - 1929. - № 38. - С: 532).

В период с 1929 по 1931 в Обществе были заслушаны доклады. Среди них - сообщение Н.К Кульмана об издательской деятельности Н.И.Новикова, публикация которого вошла в 3-й выпуск "Временника", изданного в 1932. Номер открывала статья А.Н.Бенуа, посвященная памяти председателя Общества "Воспоминания о В.А.Верещагине". К неизданным материалам из архива князя И.С.Гагарина вновь обратился Я.Полонский. Он опубликовал неизвестные письма Герцена, наиболее значительной находкой было письмо Дантеса к Гагарину, написанное в 1847. Работа Г.Л.Лозинского "Романтический альбом П.А.Бартеневой" иллюстрирована факсимиле автографа стихотворения А.С.Пушкина "Нет, нет: не должен я, не смею, не могу...". В статье Лозинского рассказывается и о других уникальных записях, украшавших альбом популярной московской певицы в 30-х. В статье Я.Полонского "Неизданные автографы писем Пушкина в Париже" сообщалось о письмах Пушкина к Гончаровой, сохранившихся в собрании Дягилева после смерти владельца. О коллекции уникальных русских книг в библиотеке Гельсингфорского университета говорилось в работе Б.Сильверсвана. П.Н.Милюков поделился библиографическими находками, связанными с пребыванием Н.И.Тургенева в Лондоне. К воспоминаниям о московской Лавке писателей снова обратился М.А.Осоргин. Он написал о рукописных книгах, которые сами авторы составляли и продавали в те трудные годы и приложил к статье список этих уникальных сборников. "Временник" уделил много внимания книжной графике. Статья

А.Лютера "Немецкие иллюстраторы русских авторов" сопровождалась воспроизведениями гравюр немецких художников, сделанных ими к произведениям русской классики. Постоянным автором "Временника" был библиотекарь парижской Национальной библиотеки Ж.Порше. Большой материал по истории коллекции русских книг, вывезенных Дидро из России, был опубликован им вместе с факсимиле нескольких уникальных автографов и полным списком книг, привезенных великим мыслителем из России. 3-й выпуск "Временника" венчал полный список членов Общества друзей русской книги. В правлении значились некоторые новые имена: А.П.Струве, Ж.Порше, М.Л.Кантор, Б.А.Дуров. В списке членов общества можно найти немало известных имен: М.В.Добужинский, А.А.Кизеветтер, С.К.Маковский, М.О.Цетлин.

И об этом номере очень хорошо отзывалась критика. Автор, под псевдонимом М.А., писал: "Эта книга прежде всего делает большую честь русской издательской технике за границей. По внешности она совершенно безупречна. Обложка, иллюстрации, шрифты, бумага, все в ней превосходно... Добавим, что и по содержанию "Временник общества друзей русской книги" является в настоящее время единственным изданием подобного рода на русском языке" (СЗ. - 1932. - № 50. - С. 466).

Четвертый выпуск "Временника" увидел свет в 1938. Его открывали текст и факсимиле баллады Пушкина "Гусар" со статьей Анри Монго об истории этой находки и цветной фронтиспис, подготовленный А.Н.Бенуа. Далее следовала статья А.М.Ремизова "Рисунки писателей", заглавие которой было выполнено его вязью. К статье приложены воспроизведения рисунков Пушкина, Достоевского, Гоголя, Лермонтова. П.Н.Милуков представлен материалом "Первопечатник Иван Федоров". Проблеме русских уникальных книг и документов в иностранных собраниях посвящены работы этого номера. Ж.Порше описал неизвестные свидетельства о посещении Петром Великим парижской Национальной библиотеки в 1717, английский ученый Д.Барникот - старопечатные русские книги, найденные в Англии, в том числе и "Острожскую Библию" второй половины XVI в. П.Апостол остановился на коллекции эстампов Национальной библиотеки Франции применительно к русской иконографии. О новонайденных материалах из архива княгини Зинаиды Волконской, в том числе автографе послания к Волконской

Пушкина, автографах Баратынского, Александра I, Жуковского, сообщил Я.Полонский. Обширное описание сокровищ Дягилевского собрания представил его ближайший друг и ученик С.М.Лифарь. Среди экземпляров дягилевского собрания Лифарь упомянул и "Апостол" Ивана Федорова. Казачий поэт Н.Н.Турочеров описал книжное собрание бывшего заместителя атташе во Франции Д.И.Ознобишина, особенно выделив редчайшие книги, гравюры и архивные материалы, связанные с военной историей России. Деятельности И.Д.Сытина посвятил статью А.В.Руманов.

В конце выпуска снова был представлен список Общества друзей русской книги и правления. Председатель - П.Н.Апостол. Сообщалось, что Общество приняло участие в организации книжного отдела на Выставке русского искусства в Лондоне в июне-июле 1935.

В.В.Леонидов

ОБЩЕСТВО РУССКИХ СТУДЕНТОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И УПРОЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ОРСИУСК) (Париж, 1922-1929) - организовано 10 декабря 1922. Программа деятельности Общества заключена в самом его названии. Общество ставило своей задачей вести культурно-просветительную работу среди студенчества и других слоев русского населения Парижа, направленную на пропаганду русской науки, культуры, литературы. Первоначально Общество насчитывало в своем составе около 150 членов. Его почетными членами были избраны И.А.Бунин, И.С.Шмелев, А.И.Куприн, проф. В.Б.Ельяшевич и др. В 1924-25 издавалась газета "Годы изгнания - Листок Общества русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры". Вышло 8 номеров.

Большое место в работе Общества занимала литературная тематика. Организовывались литературные вечера с участием К.Д.Бальмонта, И.А.Бунина, И.С.Шмелева, Б.К.Зайцева, А.М.Ремизова, Саши Черного, Н.А.Тэффи, Н.Я.Рошина, А.П.Ладинского, А.А.Яблоновского, В.Н.Ладыженского, Б.А.Лазаревского и др. И.С.Шмелев впервые ознакомил слушателей Общества с отдельными главами из романа "Солнце мертвых",

Б.К.Зайцев читал отрывки из повести "Золотой узор", рассказ "Алексей, Божий человек", Саша Черный - новую поэму "Дом на Великой". Была прочитана серия лекций о русских классиках: Ф.М.Достоевском, Л.Н.Толстом, А.С.Пушкине. К 125-летию со дня рождения А.С.Пушкина состоялся юбилейный вечер с большой литературно-художественной программой (июнь 1924), были проведены вечера памяти А.К.Толстого, Вл.С.Соловьева. Проводились вечера с читкой произведений советских писателей (М.М.Зощенко - 28 янв. 1928).

Проводились персональные творческие вечера писателей: И.С.Шмелева (19 марта 1927), А.П.Ладинского (31 марта 1928), А.А.Яблоновского (26 апр. 1927) и др. При Обществе работала театральная студия, ставившая спектакли по произведениям русской классики.

Большое внимание уделялось студенческой тематике: вечер, посвященный Московскому университету, вечер воспоминаний о жизни харьковских студентов, лекция "Положение русского студенчества в эмиграции" и др. Широко отмечался студенческий праздник "Татьянин день". В ноябре 1924 было проведено объединенное собрание русских студенческих организаций в Париже: Союза русских студентов во Франции, Общества взаимопомощи студентов донских казаков, ОРСИУСК, Национального студенческого союза, Союза студентов-техников с целью выяснить возможность создания центрального объединяющего органа, обеспечивающего представительство и защиту интересов русского эмигрантского студенчества во Франции.

Просветительная работа осуществлялась не только в области литературы и искусства. Читались также лекции по философии, экономике, праву, на политические темы с участием Н.А.Бердяева, экономиста С.Н.Прокоповича, юриста Е.Б.Ельяшевича и др. Особый интерес у слушателей вызывали лекции и доклады о жизни в Советской России (доклады проф. С.Н.Прокоповича "Что дал России НЭП", М.В.Бернацкого "Современное экономическое положение СССР" и др.). Почетным членом ОРСИУСК аббатом Г.Кенэ были прочитаны лекции: "Возникновение франко-русской дружбы", "История Парижа", "Маркиз де Кюстин о России в 1839 году"; проф. Сорбонны Э.Оманом "Будущее франко-русских отношений" и др. Устраивались балы по случаю юбилейных дат клуба ОРСИУСК (на

одном из балов его почетным распорядителем был И.А.Бунин - дек. 1926), концерты с приглашением известных музыкантов, певцов, актеров. С благотворительной целью организовывались детские литературно-музыкальные утренники, в которых неизменно участвовали А.И.Куприн, Саша Черный.

В июле 1929 ОРСИУСК прекратил свою деятельность.

Л.Г.Голубева

"ОГНИ" - под этим названием в Праге издавались две разные газеты.

1)"ОГНИ" (Прага, 1921. - 8 авг. - 10 нояб. - № 1-14) - еженедельная "внепартийная" газета. Ее редактор-издатель Г.А.Алексинский - бывший социал-демократ, один из видных деятелей РСДПР, депутат 2-й Государственной Думы по рабочей курии от Петербурга. В эмиграции он сначала обосновался в Париже, где принимал ближайшее участие в бурцевском "Общем деле", а затем переехал в Прагу с тем, чтобы организовать там группу противников "соглашательства" с большевизмом.

В первом номере в статье "Наши задачи" редакция провозглашала лозунг национального объединения, отказа от партийной идеологии во имя спасения России. Статья Г.Алексинского "Да здравствует борьба!" являлась одновременно и политической программой нового издания и своего рода декларацией непримиримых противников большевиков. "Мы не прекратим борьбы, - заявлял редактор "Огней". - И нет и не может быть спасения для России, пока не сброшена большевистская власть, кровавым игм тяготеющая над нею" (№ 1).

"Огни" задумывались как периодическое издание, противостоящее эсеровской агитации в Праге, о чем недвусмысленно заявлялось уже в передовой статье первого номера. Издатели рассчитывали, что "Огни" сумеют завоевать ту часть пражской читательской аудитории, что не разделяет эсеровских воззрений, и с преобразованием газеты в ежедневную - будут успешно противостоять

"просоветской" позиции "Воли России". Именно поэтому ставка была сделана на привлечение к сотрудничеству в чисто политическом издании крупных русских писателей, разделявших программные установки нового периодического органа. По подбору имен "Огни", несмотря на свою недолговечность, явно выделяются в ряду эмигрантских газет "второго ряда". Здесь были напечатаны художественные и публицистические произведения А.В.Амфитеатрова, И.А.Бунина, А.И.Куприна, Б.А.Лазаревского, И.Д.Сургучева, Н.А.Тэффи, А.А.Яблоновского.

И.Бунин в статье "Страна неограниченных возможностей" (№ 1) писал об общей ответственности всех русских людей за происшедшее, о нашем азиатском дикарстве и уникальной способности все окарикатурить до последней возможности, об "архисеминарской серьезности" и неумемном стремлении к "книжным разглагольствованиям, к речению схоластических пошлостей", о неспособности к практической деятельности: "большевики большевиками, а все-таки только в России можно дерзнуть на бесстыдство "планетарное", на глупость, повергающую в столбняк"; "у нас все сойдет с рук"; "у нас почва для всяческой чепухи и гнусности большевицкой была давно готова". Обратившись к Ключевскому и Костомарову, Бунин находит в русской истории "полное подобие" нынешним временам; он вспоминает восторги по поводу декадентов, футуристов, Горького, Блока, и приходит к выводу, что "подготавливали" революцию "мы все, а не одни Керенские и Ленины". Об ответственности интеллигенции, сознательно готовившей революцию, но не знавшей ни русского народа, ни русской истории, размышляет Бунин в статье "О писательских обязанностях" (№ 6). Он цитирует Герцена: "Не зная народ, можно его покорять, угнетать, но освобождать нельзя". Если в статьях Бунина звучит прежде всего негодование, то "Письмо в редакцию", предваряющее публикацию "Призыва русских матерей" (№ 1), и "Записная книжка" (№ 7) показывают другого Бунина - страдающего и сострадающего. Ненависть и страдание слышатся и в произведениях А.И.Куприна ("Холощенные души". - № 3; "Ретирада". - № 4). У Бунина и Куприна уже нет надежд на скорое падение коммунистов. Казалось бы, верит в близкое выздоровление России Александр Яблоновский ("Выбор смерти". - № 3; "Матушка-старушка". - № 4; "Бегут..." - № 5), но и он становится пессимистичен, когда пишет не на злобу дня, а пытается

осмыслить весь терновый путь России. Взгляды его во многом совпадают с точкой зрения Бунина: "Мы одни во всем мире обречены на "огненную пещь". История уже сорвала с нас не только нашу старую одежду, но вместе с одеждой и кожу. И нет конца ни русскому палачеству, ни русской муке, - пишет Яблоновский в статье "Страна отцов" (№ 6). - И кто знает, пошлет ли нам Господь еще и еще этой силы терпения, или действительно уже "вечереют дни нашей жизни и скоро наступит ночь?"

Несмотря на то, что "Огни" издавались в Праге, большинство сотрудников газеты проживало за пределами Чехословакии. Из "пражан" в "Огнях" много писал И.Д.Сургучев. В третьем номере газеты сообщалось о переезде Сургучева из Константинополя в Прагу и о согласии его стать "ближайшим сотрудником "Огней", а уже в четвертом номере появляется первая часть его очерка "Город трех праздников" (продолжение - в № 5). При этом Сургучев печатает как написанное еще до эмиграции (статья "Три логики" (№ 7) представляет собой переделанный фрагмент из книги "Большевики в Ставрополе", изданной в 1919 в Ростове), так и материалы, созданные "на злобу дня" ("В четвертую годовщину". - № 12). Выступает Сургучев и в роли театрального рецензента, публикуя свои размышления по поводу спектаклей гастролировавшего в Праге МХТ ("О сером и синем глазе Чехова". - № 6; "Гамлет" в Художественном театре". - № 9).

Алексинскому удалось привлечь к сотрудничеству и только что бежавшего из советской России А.В. Амфитеатрова, который прислал из териокского карантина серию очерков под названием "Красный Петроград: Типы и картинки" (№ 7-10). Среди художественных произведений, опубликованных в газете, - рассказ Б.Лазаревского "M-lle Desiree" (№ 2), стихотворения И.А.Бунина (№ 4, 9) и Н.А.Тэффи (№ 1, 3).

В "Огнях" освещалась деятельность русских эмигрантов в Праге, печатались сообщения их других беженских центров - Галлиполи, Гельсингфорса, но в центре внимания во всех вышедших номерах был "голод в России". Ответом на письмо М.Горького с призывом о помощи голодающей России стала статья А.Куприна, обвинившего "буревестника революции" в "развязности, фамильярности, лжи и высокопарности". По мнению Куприна, "никогда еще его золотое перо не достигало таких высот голого бесстыдства, как в письме, обращенном к целому миру вообще и к

Гауптману в частности... Письмо это не только глупо. Оно еще и безграмотно, и нагло, и трусливо, и подло... Это письмо трусливо, потому что Горький не смеет открыто назвать истинную причину страшного российского бедствия - неспособность большевиков ни к чему, кроме разрушения" ("Друг человечества". - № 1).

Как бы "противовесом" обращению Горького являлось и открытое письмо Д.С.Мережковского Г.Гауптману, перепечатанное из "Deutsche allgemeine Zeitung" в третьем номере "Огней". "М.Горький - не друг русского народа, но враг, враг тайный, хитрый, лицемерный, злейший враг его, - утверждал Мережковский. - Надо сказать еще другую правду: пока не сброшена сов. власть, в такой же степени невозможно помочь миллионам гибнущих людей, как невозможно помочь повешенному, пока он не освобожден от петли".

Полемика с "Волей России", "Последними новостями", гельсингфорским "Путем" занимала важное место на страницах газеты. Значительная часть десятого номера посвящена опровержению информации "Последних новостей" о прекращении "Огней" и ответам на обвинения в черносотенстве. "Участие в нашей газете И.А.Булнина, А.Куприна, А.Яблоновского, А.Амфитеатрова, И.Сургучева, Тэффи лучше всего могут опровергнуть все обвинения нашей газеты, что она антидемократична и антинациональна, - говорилось в редакционной статье. - Наша непродолжительная работа увенчалась таким успехом, который оказался выше наших ожиданий... Наши "Огни" будут гореть и дальше". Однако на самом деле положение было не столь радужным, издание столкнулось с организационными и финансовыми трудностями, а с объявлением о грядущем приостановлении "Воли России" "в виду перенесения в одну из стран, находящихся ближе к России", газета лишалась и идеологического противника, для борьбы с которым была создана. Как это произошло со многими еженедельными газетами эмиграции, изначально предполагалось выпускать вместо "Огней" историко-литературный журнал "Славянские травы" - "первый русский журнал за границей старого дореволюционного типа", ставящий своей задачей "осветить бытовую сторону переживаемого Россией и русскими "Смутного времени", но идея эта так и не была реализована.

2) ОГНИ (Прага, 1924. - 7 янв. - 16 июня. - № 1-22) - еженедельная газета культуры, науки, искусства и литературы. В

первом номере "Огней" появились две "программные" статьи - "Славянство и Запад" и "Россия". По мнению редакции, славянство и Запад, тесно соприкасаясь, еще не преодолели внутренней отчужденности.

Важнейшей задачей газеты становится пропаганда и распространение русской культуры, но, помимо "высоких" целей, создатели "Огней" преследовали и чисто утилитарные. Газета создавалась при издательстве "Пламя" и во многом выполняла "рекламные" функции, знакомя читателей с книжными новинками, публикуя рецензии на только что вышедшие книги, небольшие фрагменты из рукописей, готовящихся к публикации.

Ответственным редактором и издателем "Огней" значился Ф.В.Рихтер. 10 января 1924 "Последние новости", сообщая о появлении первого номера новой пражской еженедельной газеты "Огни", издаваемой "Пламенем", указывали, что в состав редакции входят М.Л.Слоним, Е.А.Сталинский, В.Н.Тукалевский, Вас.И.Немирович-Данченко и Е.А.Ляцкий. Первые двое хорошо известны как соредакторы и ведущие сотрудники журнала "Воля России", Е.А.Ляцкий являлся руководителем издательства "Пламя" (фактически контролировавшего газету) и стокгольмского издательства "Северные Огни", переключку с названием которого нетрудно увидеть и в выбранном для газеты заглавии. Имя Вас.И.Немировича-Данченко - старейшего русского писателя-эмигранта - использовалось в основном для привлечения читательского внимания. Произведения старейших русской беллетристики Вас.И.Немировича-Данченко регулярно помещались в газете: рассказ "В бурю" (№ 5-6) и обработка легенды "Слезы Мириам" (№ 16), мемуарные очерки ("Рождественский гусь (Как - мы начинали когда-то)" (№ 1-2); "Маленький случай (Интимная страничка из воспоминаний о Н.А.Некрасове, М.М.Стасюлевиче и Г.Е.Благосветлове)" (№ 15); "Преданья старины глубокой" (№ 19, 22), наброски ("Из "Облетевших листьев" (шутки, шаржи, маленькие поэмы)" - № 8). Часто печаталась в "Огнях" проза Гребенщикова. Он напечатал несколько фрагментов из своих "эпических" полотен: "Возращение Любавы" - эпилог к повести "Любава" (№ 3); "Атаман Лихой забирает князя Бебута (Из сказаний о Микуле Буяновиче)" (№ 8); "Веления земли (отрывки из эпопеи "Василий Чураев)" (№ 16). Стилизованные под народный эпос, прозаические отрывки Гребенщикова были насыщены этнографическими подробностями.

Из поэтов в "Огнях" печатались М.И.Цветаева, К.Д.Бальмонт, В.Ф.Ходасевич, Тэффи. В первых номерах "Огней" в разделе "Маленький фельетон" появлялись произведения П.П.Потемкина и Г.Пронины.

Если Марк Слоним давал в "Огни" в основном публицистические, а также историко-литературные ("Судьба Байрона. 1824-1924" № 16) статьи, предпочитая подписывать свои заметки о конкретных изданиях псевдонимом, то Е.Ляцкий активно участвовал и в критическом отделе. В № 3 опубликована его рецензия на новую книгу Л.Шестова "Potestas clavium" (Берлин, 1923). Е.Ляцкий обращал внимание читателей прежде всего на форму - на его манеру изложения. Очерки Шестова отличаются "извилистостью мысли", "мысль эта словно ищет путей наименьшего сопротивления своему движению, обходя те препятствия и до известной степени "громоздкие" затруднения, на которых до сих пор испытывала себя метафизика"; "Шестов отводит внимание читателя от строгих метафизических построений, рассеивая его в многообразных и удачно подмеченных житейских, подчас обывательских преломлениях существующих проблем". Собственно книга остается на втором плане и в рассуждениях Е.А.Ляцкого о "Силуэтах русских писателей" Ю.Айхенвальда (Берлин, 1923). Для него Айхенвальд - "писатель о литературе", а не ее историк и не ее критик. В очерках Айхенвальда главное - личное впечатление критика, те чувства, что пробудились в душе его под влиянием чтения художественного произведения. Айхенвальд как бы "заражается сам красотой их поэтического гения" (№ 7). В очерке "О Тэффи" (№ 8) Ляцкий почти ничего не говорит о сборнике стихотворений Тэффи "Passiflora". Он пишет о даровании Тэффи "вообще", характеризуя писательницу не только "как неподражаемую и в настоящее время единственную писательницу-юмористку", но и как поэтессу, голос которой "гармоничен, нежен, хрустален и поет о том, что есть на свете и любовь и счастье, но больше страдания и горя".

Рецензируя книгу А.Ремизова "Кукха: Розановы письма", изданную З.И.Гржебиным в Берлине в 1923, Д.Лутохин отмечал в четвертом номере "Огней": "Ремизов, написавший эту "Кукху", и Розанов, о котором она написана, - большие мастера письма, искусники великие: они преодолевают "словесность" и дают сконцентрированную, обостренную, но подлинную жизнь". Арсений Мериц (А.Ф.Даманская) в пятом номере представлял новую книгу

рисунков Б.Григорьева "(Boni-Boni)" (Берлин, 1924), текст к которой дал М.Осоргин. Сочетание замечательного живописного мастерства Б.Григорьева с очерками Осоргина даю, по мнению А.Мерича, неожиданный эффект органической целостности книги: "О портовых притонах Франции рассказывает своим волшебным карандашом Б.Григорьев, о портовых кабаках Италии пишет в своих очерках М.Осоргин".

Дважды "Огни" посвящали большие материалы журналу "Беседа". В первом номере была опубликована статья-фельетон "Киты, Ахинея и нечто о литературе (Беседа. № 1-3)", в которой автор, скрывавшийся за псевдонимом Ник.Лунин, писал: "Есть (или был - теперь не знаешь, как сказать) журнал "Литературы и науки", созданный тремя - Максимом Горьким, Андреем Белым и В.Ходасевичем. Имена серьезные, своего рода три кита, на которых литература должна держаться в равновесии между старым и новым. Корни в старом, "устремления", как выражаются ныне люди, не чужкие к языку, в новом. Таков видимый девиз журнала". Стараясь не затрагивать В.Ходасевича, вошедшего в число сотрудников "Огней", критик сосредоточивает свое внимание на М.Горьком и А.Белом. У Горького - "великая воля творческой похоти залила лучами очаровательной поэзии изнанку мужицкой души, осмеяла и заплевала все, что в ней темно и недоступно сознанию". Его рассказ "Отшельник", написанный "по точному рецепту комсомольского хорошего тона", где "все отвратительно, все грязно, и все блестит, словно загнивающие лужи на солнце", "дочитываешь до конца, не отрываясь, с нездоровым любопытством, не опьяняющим, но засасывающим, как тина, с вопросом: до чего еще может дойти даровитый писатель в борьбе великих, хотя и слепых возможностей своего гения с цинизмом какой-то неотмытой души?"

Рассказывая о новых эмигрантских изданиях, "Огни" приветствовали появление периодических органов демократической ориентации - журнала Общеказацкого сельскохозяйственного союза в Праге "Казачий путь", ежемесячника "Свободный Восток", органа Студенческого объединения народов Востока Европы, издания Русского кооперативного института в Праге "Кооперация и сельское хозяйство". В поле зрения редакции была и советская периодика - "Звезда", "Былое", "Анналы", "Красный архив" и др.

ОДНОДНЕВНЫЕ ГАЗЕТЫ (1918-1940). В эмиграции получила продолжение давняя традиция российской прессы - однодневные газетные издания, а также специальные и "почетные" номера газет. Выпуск их был приурочен к какому-либо памяtnому событию истории, общественной и культурной жизни, а содержание ограничено определенной темой. Другая функция подобных разовых изданий - благотворительная, т.е. сбор средств в пользу нуждающихся соотечественников.

Учет однодневных газет сопряжен с немалыми трудностями. Даже такое основательное библиографическое издание, как сводный каталог периодических изданий "Русская эмиграция в Европе" (Париж, 1990), дает весьма неполные и обрывочные сведения по данному вопросу.

I. Издания, посвященные *культуре* и, в частности, *литературе*. "День русской культуры" - наиболее заметное начинание русской общности на чужбине, праздник, получивший признание во всех странах русского рассеяния за границей.

В 1924 в Эстонии по почину "Русских просветительных и благотворительных обществ" было организовано культурное мероприятие под названием "День русского просвещения", приуроченное к 26 мая (8 июня) - дню рождения А.С.Пушкина. В Эстонии имелись районы с коренным русским населением. Никуда не уезжая из отчего дома, русские люди оказались отделенными границей от России, что не могло не привести к обострению национального чувства, к стремлению сохранить вживе наследие народного духа. Этот праздник стал отмечаться в Эстонии ежегодно - не только в городах, но в деревнях, где жили русские. В передовой статье однодневной газеты "День русского просвещения", вышедшей в следующую годовщину праздника - 31 мая 1925, местные авторы - искусствоведы, ученые, историки, педагоги - рассказывали о достижениях отечественной литературы, живописи, архитектуры, музыки, о славных именах русской истории и культуры. В разделе "Хроника" дан отчет о том, как в разных местах отмечался праздник в предыдущем году. В дальнейшем этот принцип подбора материалов сохранялся во всех выпусках однодневной газеты "День русского просвещения". Выходила ли она в Ревеле каждый год - остается неясным, так как номер выпуска не указывался. Известно лишь, что на последнем выпуске проставлена дата: май-август 1940. Особое

внимание уделялось практической стороне (организации курсов, лекций, собраний, кружков самодеятельности, клубов), что определяло отличие "Дня русского просвещения" от аналогичных изданий в других странах.

Почин Эстонии был поддержан на "Совещании по борьбе с денационализацией", состоявшемся в Праге в 1925. Было внесено предложение об устройстве в день рождения Пушкина ежегодного праздника "День русской культуры" (Д.Р.К.) во всех странах и во всех местах, где проживало большое количество выходцев из России. Были избраны президиум по празднованию; редакционная комиссия составила воззвание, обнародованное почти во всех эмигрантских газетах. Вскоре "Д.Р.К." стал воистину всеобщим праздником россиян, живущих за границей. Ибо суть его - в единении множества человеческих одиночеств, мыкающих судьбу во "мгле чужой и зарубежной". Объединяющим моментом было великое прошлое их общей отчизны - духовная опора россиян в нынешнем бедственном положении. Программа торжеств бывала обширна и характерной приметой являлся выпуск однодневной газеты, приуроченной к этому эмигрантскому празднеству.

В Праге 8 июня 1925 увидела свет однодневная газета "Русская культура", изданная Комитетом по устройству "Д.Р.К.". Средоточие в этом городе русской профессуры, видных партийных деятелей и писателей из России предопределило авторитетный состав выпуска. Это профессора А.Кизеветтер, Е.Шмурло, Е.Спекторский, А.Чупров, литераторы Вас. Немирович-Данченко, Е.Чириков, А.Бем, М.Цветаева. Приняли участие также видные представители чешской науки и общественности во главе с доктором А.Масариком.

Иная судьба была у однодневной газеты "Русский день", вышедшей в Риге. Первый выпуск по чисто организационным причинам несколько задержался и вышел в свет 20 сентября 1925. В дальнейшем устроители старались приурочить издание "Русского дня" к началу июня. В 1926 последовал № 2, а последний выпуск - № 9 за 1936 (не исключено, что имели место и более поздние выпуски). Рижская однодневная газета опиралась в основном на местные силы, среди которых - профессор К.Арабажин, философ Р.Виппер, искусствовед Н.Мишеев. Наряду с выступлениями о крупнейших деятелях русской культуры было уделено внимание краеведческим проблемам (сообщения об усадьбах А.К.Толстого и

А.М.Жемчужникова в Латвии, о старой Риге, материалы по истории местной печати). Русское народное творчество представлено фольклорными записями сказок и песен, а также публикацией апокрифа А.Куприна "Ходатай русского народа" - о Николае Угоднике. В литературной части газеты участвовали В.Третьяков, С.Кречетов, И.Лукаш, К.Минцлов, И.Шмелев, П.Пильский. Примечательна перепечатка стихотворения С.Есенина "Русь" (1927. - № 3).

Наибольший интерес представляют однодневные газеты, подготовленные к этому празднику в Париже. Однодневная газета "День русской культуры" появилась в Париже 8 июня 1926. Год спустя, под тем же названием вышел выпуск, оказавшийся последним. Платформа, на которой сошлись здесь люди разных политических взглядов, - любовь к России. Среди авторов П.Милюков, В.Зензинов, С.Прокопович, Е.Кускова, А.Карташев, Л.Шестов, Ф.Степун. В художественной части газеты собран цвет литературы изгнания: И.Бунин, А.Куприн, И.Шмелев, Б.Зайцев, М.Алданов, Д.Мережковский, А.Ремизов, М.Осоргин, М.Гофман, В.Ходасевич, Г.Адамович, Г.Иванов, М.Цветаева, А.Черный. Часть публикуемых текстов была предназначена специально для данного издания и впоследствии более нигде не повторена. Первый выпуск посвящен почти исключительно А.С.Пушкину. Во втором охват шире - Россия в памяти души и в сегодняшнем видении.

Из парижских изданий, выпущенных к "Д.Р.К.", следует назвать также приложение к № 736 газеты "Возрождение", увидевшее свет 8 июня 1927. Авторы этого листка - И.Шмелев (воспоминания о Л.Толстом), А.Черный, В.Ходасевич (статья).

Перечень однодневных изданий Европы, выходявших под знаком Пушкина, завершает однодневная газета "День русской культуры", выпущенная в Белграде в 1926 и 1928. На ее страницах материалы российских литераторов, обосновавшихся в Югославии: Е.Аничков, А.Ксюнин, В.Даватц, Е.Жуков. Из "гостей": А.Кизеветтер, П.Струве, В.Немирович-Данченко. Мыслями о русской культуре (в частности, о современных русских писателях) делятся сербы, профессора Белградского университета.

Имеются сведения еще о двух однодневных газетах, вышедших в 1926. Это "День русской культуры" (Варна, Болгария) и "Русский день" (Двинск, Латвия), но состав их неизвестен.

Известия об однодневных изданиях, приуроченных к "Д.Р.К.", на других континентах гораздо скуднее. В Харбине по случаю 128-й годовщины со дня рождения поэта 8 июня 1927 увидела свет однодневная академическая литературная газета "А.С.Пушкин". На ее страницах стихи и проза местных авторов на пушкинскую тему (в том числе Пушкин - по-китайски). Обращает внимание мемуар Скитальца "Современник Пушкина" - о встрече в Кишиневе в 1898 со стариком-евреем, помнившим живого Пушкина. Кроме того, начиная с 1930 в Харбине выпускались ежегодные сборники "День русской культуры" (см. статью "Альманахи").

Однодневная газета "Пушкин" была издана к 100-летию со дня смерти поэта в Париже в 1937 под редакцией проф. Н.К.Кульмана. Среди авторов К.Бальмонт, М.Алданов, Н.Тэффи, Н.Берберова, М.Гофман, С.Лифарь, А.Бем, В.Вейдле, Г.Струве, Л.Львов, А.Тыркова и др., а также видные специалисты Франции. Особо стоит отметить стихотворные переводы Пушкина на французский, сделанные М.Цветаевой.

Однодневная газета "Россия" от 17 ноября 1934 - специальный номер (№ 31) одноименной еженедельной газеты, вышедшей в Белграде. Выпуск этот подготовлен местным Союзом русских писателей и журналистов и посвящен памяти короля Югославии Александра I, погибшего в результате террористического акта. Это трагическое событие вызвало сильнейший резонанс в писательском мире русского зарубежья. Александр I (учившийся когда-то в Пажеском корпусе в России) сохранил нежные и восторженные чувства к нашей стране и нашей культуре. Взойдя на престол, он оказывал содействие, в том числе и финансовое, российским беженцам, в особенности литераторам. Эта однодневная газета - дань признательности, отданная ему пишущей Россией. Все публикации посвящены королю Александру. Среди участников - И.Бунин, И.Шмелев, З.Гиппиус, К.Бальмонт, И.Северянин, М.Алданов, С.Горный, И.Лукаш, А.Куприн, а также литераторы, жившие в Югославии. Почти все материалы сопровождаются фотографиями участников номера.

II. Издания *цехового* или *земляческого* характера. Литературно-профессиональная газета "Русский шоффер" - первый номер вышел в Париже в мае 1928 под ред. Ф.И.Верисоцкого и Евг.Тарусского, а № 3 и № 4 - в мае и октябре 1929 под ред. Н.В.Петровского (№ 2 не

обнаружен). В реквизитах нет указания на однодневность издания, однако по некоторым признакам мы вправе причислить ее к таковым. Помимо сугубо автомобилистских дел и проблем Союза русских шоферов немалое место в газете отдано чисто литературным материалам. Особенно богат на имена первый номер: проза А.Куприна, Б.Зайцева, Н.Рощина, стихи И.Бунина, И.Одоевцевой, Г.Кузнецовой.

"Русский медведь" - однодневная газета, выпущенная 25 января 1931 (к Татьянину дню) Русским национальным студенческим обществом в г. Берклеј (Калифорния). Это одно из немногих однодневных изданий Америки, дошедшее до нас. На его страницах выступления журналистов, профессоров и студентов университета в Беркли, посвященные учебе, американизации, деятельности русского центра; имеются также стихи местных поэтов (Б.Волкова, Ю.Перелетной).

"Волга матушка" - такое название получил "почетный номер" однодневной газеты, изданной правлением Самарского землячества в Харбине 12 июля 1938 тиражом 1500 экз. Уроженцы Самары в мемуарных очерках, обзорах, эссе воссоздают памятное им прошлое этого волжского города и его окрестностей (торговля, сельское хозяйство, архитектура, сады, дачи, театр, развлечения, охота и пр.). Не менее любопытны фотографии Самары, волжские виды. Стараниями авторов сохранены уникальные жизненные подробности, представляющие интерес для всех, кто изучает бытовой уклад былого.

III. Издания, исповедовавшие *Белую идею*. Первой ласточкой надо считать однодневную газету "День русской армии", вышедшую 14 октября 1918 в Харбине (издание Бюро по встрече русских и союзных войск). Возникшая в преддверьи гражданской усобицы и интервенции, газета поднимала вопрос о возрождении русской армии, без чего невозможна была Великая Россия. На вопрос анкеты об армии отвечали генералы (А.Брусиллов и др.). На ту же тему публицистические и стихотворные публикации выпуска.

Следующим по времени было издание общества галлиполийцев в Белграде "Галлиполи", увидевшее свет 15 февраля 1923. Наибольший интерес представляет анкета: "Какое значение имеет Галлиполи для русской армии и эмиграции?". Среди тех, кто откликнулся: И.Бунин, А.Куприн, И.Наживин, С.Горный,

Н.Брешко-Брешковский, видные государственные и политические деятели царской России, генералы. Из литературных материалов: стихи М.Цветаевой и эссе И.Лукаша.

В 1917 аналогичную инициативу предпринял Союз галлиполийцев во Франции, выпустивший однодневную газету, посвященную русскому воинству на чужбине - "Галлиполиец" (под редакцией В.В.Орехова, В.В.Полянского и Евг.Тарусского). Выступления вождей Белого движения дополняют произведения А.Куприна, И.Шмелева, И.Сургучева и др. Следует отметить критический обзор А.Амфитеатрова "Галлиполийская литература". Проанонсированы следующие выпуски (№ 2 и 3), но сведения об их выходе отсутствуют.

Российским общевоинским Союзом выпускалась в Харбине однодневная газета "На страже родины". Нами зафиксирован № 3, вышедший 8 апреля 1934 и приуроченный к Пасхальным праздникам (редактор В.К.Европейцев). Там же, в Харбине в ноябре 1934 появилось еще одно однодневное издание общевоинского Союза - "Непримиримость" (редактор В.К.Европейцев). На страницах обеих газет основное место уделено выступлениям военных и боевым мемуарам; помещены также стихи А.Ачаира и М.Колосовой.

Однодневное издание Союза добровольцев - "Доброволец" вышло в Париже в феврале 1936 (к 18-й годовщине первых походов Белой гвардии против большевиков). В феврале 1937 и 1938 появились очередные выпуски "Добровольца". Немалое место уделено в них боевому прошлому эпохи гражданской войны. Однако кардинальным вопросом, занимавшим умы участников этого издания, было не минувшее, а ближайшее будущее. Какова должна быть позиция и линия поведения эмигрантской России в надвигающейся мировой войне? Ответ сформулирован генералом А.Деникиным: "Всегда и при всех обстоятельствах свергать советскую власть. Всегда и при всех обстоятельствах защищать Россию". В "Добровольце" выступали также писатели М.Алданов, И.Шмелев, К.Бальмонт, Н.Турочеров.

Однодневная политическая и литературная газета "Голос казачества" вышла в Варшаве 7 августа 1921 (редактор-издатель А.Прохоров). Свою задачу газета видела в "объединении сил казачества на борьбу с "единонеделимцами" - коммунистами и

врангелевцами". (Далее в Варшаве стала выходить под тем же названием еженедельная газета под редакцией К.Мушинского).

IV. Издания *православно-монархической* ориентации. Местами их средоточия были Белград и Харбин. В годовщину крещения Руси 28 июня (15 июля) 1931 в Белграде вышла однодневная газета "День русской славы" - издание по устройству торжественного празднования дня Св. Равноапостольного князя Владимира. Затем аналогичные выпуски появлялись каждый год - вплоть до 1939 (№ 9 - последний нами зафиксированный). На страницах этой газеты выступали иерархи церкви и религиозные философы.

Однодневная газета "За веру, царя и отечество" вышла в Белграде 31 августа (13 сентября) 1934 по случаю десятилетней годовщины со дня принятия на себя Его императорским величеством Кириллом Владимировичем титула императора Всероссийского и в честь десятилетнего юбилея со дня учреждения корпуса императорских армий и флота. В 1939 в Белграде к 15-летней годовщине этого события было выпущено еще одно издание под тем же названием, где опубликован Высочайший рескрипт его сына - Великого князя Владимира Кирилловича, к которому по праву наследования перешел титул главы российского императорского дома. Дана историческая сводка по заграничному императорскому корпусу.

Ко дню тезоименитства Его императорского величества государя императора Кирилла Владимировича 22 мая (11 июня н.с.) 1932 была выпущена в Харбине однодневная газета "Штандарт". А 28 июля 1934 в день тезоименитства цесаревича Владимира Кирилловича в Харбине была отпечатана еще одна однодневная "легитимно-монархическая" газета под тем же названием.

"19-ое февраля" - такое название получила однодневная газета, посвященная 75-летию освобождения крестьян от крепостной зависимости. Это издание Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи появилось на свет 3 марта (19 февраля) 1936 в Харбине. Профессора и приват-доценты рассуждают о реформе царя-освободителя Александра II и о судьбе российского крестьянства. Тем же Бюро 15 марта 1938 был подготовлен "почетный номер" однодневной газеты "В день всероссийской национальной катастрофы". В названии подразумевается Февральская революция, послужившая, по мнению учредителей газеты, "фактическим началом

временного конца Российской империи". Все авторы, подводившие итоги социальной смуты (профессора, военные, религиозные деятели), находят, однако, положение небезнадежным и лелеют надежду на возрождение России в прежних формах.

Еще одно историческое событие было отмечено на этой дальневосточной окраине: утверждение Императрицей Екатериной II 26 ноября 1769 ордена Св. Великомученика Победоносца Георгия. В память этого события Дальневосточный Союз военных Маньчжурской империи выпустил в Харбине 26 ноября (9 декабря) 1938 однодневную газету "Георгиевский кавалер" (составитель В.А.Кислицын). Материалы посвящены выдающимся Георгиевским кавалерам, публикуются мемуарные рассказы Н.Байкова и А.Ачаира.

К группе национал-патриотических изданий может быть также отнесена однодневная газета 76-го Очага младорусской партии Чикаго - "К молодой России". Этот "Рождественский номер" (газета вышла 31 декабря 1935) посвящен младорусскому движению и ее вождю А.Л.Казем-Беку, призывавшему "утверждать бытие России и право ее на национальное возрождение". Приобщению молодого поколения делу служения отчизне и борьбе за освобождение была призвана послужить еще одна газета, вышедшая в Харбине 15 января 1937 - "Голос мушкетера" (тираж 3000). Наставником "мушкетеров" выступал атаман Г.МСеменов.

V. Однодневные издания *российских фашистов*. В качестве редактора такого рода изданий выступал организатор и вождь Российского фашистского союза - К.В.Родзаевский. К седьмой годовщине фашистской организации им была выпущена в Харбине 5 июня 1938 однодневная газета "Наша борьба". А к 20-й годовщине белого движения был подготовлен другой однодневный выпуск - "Наш стяг", помеченный 21 августа 1938. Издательская активность харбинского отдела фашистского Союза в тот год была на редкость интенсивна: из печатных сообщений известно, что в Харбине увидели свет еще две однодневные газеты фашистской организации "Наш путь" и "Наш долг". Из литераторов сотрудничал в этих изданиях поэт А.Несмелов, выступавший под псевдонимом Н.Дозоров.

Для полноты картины следует упомянуть также об однодневной газете "Крошка", выпущенной в Харбине 14 июля 1938 Союзом фашистских крошек (так взрослые фашисты нарекли юных последователей своего движения). Здесь читатели могли

ознакомиться с основами заповедей и обычаев крошек. Фашистский крошка: верит в Бога; любит Россию; ненавидит коммунистов; никогда не играет с евреями и ничего не берет от них. Приведены образцы поэзии крошек.

VI. Издания *благотворительного* характера. На чужой стороне туго приходилось большинству российских сограждан. Однако среди эмигрантской массы выделялись наиболее обездоленные, беззащитные, не способные выжить без посторонней помощи. Это, прежде всего, инвалиды и дети. Раньше в России инвалидами называли военнослужащих, сделавшихся неспособными к службе вследствие ран, увечий, а также по причине болезней и дряхлости. Таковых в эмиграции оказалось немало. По инициативе Комитета помощи инвалидам при главном управлении российского общества Красного Креста в Париже в ноябре 1924 была выпущена однодневная газета "Русский инвалид". Она не имела номера, ибо предполагалась поначалу как разовая акция. Однако в дальнейшем в русском зарубежье был учрежден праздник "День инвалида", приуроченный к 9 (22) мая. В связи с этим, начиная с 1926, традицией стал выпуск специально к этому Дню однодневной газеты "Русский инвалид". Так было в 1927 и в 1928; последний выпуск (№ 5) состоялся в 1929. В дальнейшие годы газета "Русский инвалид" начала выходить регулярно как ежемесячное издание.

Как правило, авторам благотворительных выпусков гонорар не выплачивался. Среди них военные: А.Деникин, П.Краснов, Н.Баратов, А.Гулевич, К.Попов. Писатели: И.Бунин, А.Куприн, И.Шмелев, А.Ремизов, Н.Тэффи, А.Черный, А.Яблоновский. Маститые авторы нередко предлагали в эти безгонорарные выпуски свои старые вещи, ранее уже печатавшиеся. Сотрудничали в этом парижском издании не только те, кто обосновался во Франции. К одной из публикаций было сделано примечание: "Это стихотворение прислано с острова Ява русским полковником Петрушевским, занимающим там должность "заведующего вулканами на острове". Наш корреспондент вот уже больше года производит сборы на о.Ява в пользу русских зарубежных инвалидов..."

Парижское издание следует считать безусловным лидером в данном благотворительном начинании. Почин был подхвачен русскими на Дальнем Востоке. В Шанхае 22 мая (9 июня) 1928 была издана однодневная газета "Русский инвалид". 31 декабря 1938 в

Харбине вышел однодневный выпуск "Инвалид". В обоих - материалы местных авторов (статьи, очерки, воспоминания, стихи, посвященные военным инвалидам).

Из однодневных изданий, предназначенных оказать помощь подрастающему поколению эмиграции, наибольший интерес заслуживает газета "Русскому мальчику", выпущенная в Париже 2 мая 1926 - в день Пасхи. Организована она Особым Комитетом по устройству общежития для русских мальчиков в Париже. Участие в этом издании приняли: Н.Тэффи, Б.Зайцев, А.Куприн, И.Шмелев, К.Бальмонт, А.Черный, А.Яблоновский, С.Яблоновский, А.Ремизов, Н.Рошин, В.Ладыженский. Следует отметить графические работы Ф.Рожанковского, выполненные специально для этого выпуска.

Среди благотворительных начинаний русского зарубежья было еще одно, не получившее, однако, широкого распространения. Это "День русского ребенка", учрежденный в 1930 и приуроченный к 25 марта (7 апреля) - ко дню Благовещения. Известен отклик на этот праздник: однодневная газета "День русского ребенка", выпущенная в 1931 харбинским Комитетом помощи русским беженцам. На ее страницах статьи, обращения, отчеты, посвященные положению и воспитанию маленьких эмигрантов. В отчете о предыдущем праздновании Дня русского ребенка сообщается, что в 1930 эта однодневка тоже выходила (продано 2500 экземпляров). Среди харбинских изданий следует упомянуть также "Маяк" - однодневную газету приюта-училища "Русский дом" в Харбине. Известно два выпуска: один помечен июнем 1930, другой - 15 мая 1932. Училище имело мореходный уклон, что объясняет название газеты и маринистскую тематику публикаций.

В Харбине каждый год "Комитетом по изысканию средств студентов Педагогического института" выпускалась однодневная газета "К свету". Просмотрены были выпуски № 12-15, выходившие в 1932-1935. Авторы: по преимуществу преподаватели института, обсуждавшие проблемы просвещения, культуры, истории, экономики.

В апреле 1933 в Харбине увидела свет "Однодневная газета Организации русских девушек", чистый сбор от которой предназначен на организацию бесплатных уроков и мастерской художественных рукоделий для неимущих. Помимо информационных

материалов Организации отведено место литературным опытам самодеятельных поэтов и прозаиков.

Еще одно харбинское издание - "Журналисты на помощь Русскому Клубу" - однодневная газета, вышедшая 4 января 1933. Как явствует из названия, сбор средств предназначен был на организацию "Русского Клуба" - места, где соотечественники из России могли встречаться, культурно отдыхать. Пожалуй, наибольший интерес вызывает страница "Круг поэтов" под редакцией Л.Андерсен. Обильно представлена проза и поэзия членов этого литературного кружка - Н.Щеглова, Г.Гранина, В.Яновской, М.Волина, Н.Петереца.

Проблема единения и общения возникла во всех местах скопления выходцев из России. Так в Сан-Франциско в январе 1939 была выпущена тиражом 1 тыс. экз. информационная однодневная газета "Русский центр", ратовавшая за создание русского клуба.

В № 5894 парижской газеты "Последние новости" от 15 мая 1937 сообщается об однодневной газете "Наше дело", выпущенной в Париже в 1937 Комитетом социальной помощи эмигрантам. В числе его участников значатся: М.Алданов, И.Бунин, Б.Зайцев, К.Коровин, А.Куприн, А.Ладинский, А.Лукин, М.Струве.

В однодневных газетах, в отличие от периодических изданий, тематически сконцентрированы главные умонастроения и чаяния русского зарубежья тех лет.

А.С.Иванов

"ОКНО" (Париж, 1923. - № 1-3) - "трехмесячник литературы", издававшийся Михаилом Осиповичем и Марией Самойловной Цетлиными. На титульном листе стояли фамилии авторов, составлявших цвет русской литературы в изгнании: Бунин, Гиппиус, Зайцев, Куприн, Ремизов и др. Вышел в издательстве "Я.Поволоцкий и Ко" (Париж).

Первый номер открывался рассказом И.А.Бунина "Безумный художник" о художнике, который хотел написать картину счастливого мира, а в результате получилось изображение ужасных и безобразных сил зла. Бунин опубликовал здесь и три своих стихотворения: "Вход в Иерусалим", "Сириус" и "В полночный час". Вслед за Буниным в

первом номере "Окна" представлен А.И.Куприн с его рассказом "Однорукий комендант" о генерале Скобелеве, герое Плевны и его деде, участнике Бородинской битвы, окончившем жизнь в должности коменданта Петропавловской крепости. Несколько стихотворений, посвященных Петербургу, опубликовала З.Н.Гиппиус. Однако наибольшую известность из ее произведений, напечатанных в первом выпуске "Окна", получило эссе об Александре Блоке "Мой лунный друг", подчеркивающее внутреннюю тайну, которая ею ощущалась в Блоке. "Можно было, конечно, говорить "мимо" друг друга, в двух разных линиях; многие, при мне, так и говорили с Блоком, - даже о "возвышенных вещах"; но у меня, при самом простом разговоре, невольно являлся особый язык: между словами и около них лежало гораздо больше, чем в самом слове и его прямом значении. Главное, важное, никогда не говорилось. Считалось, что оно - "несказанно" (с. 110). Здесь же опубликовал большую главу из книги "Странствия по душам" Л.И.Шестов. Начало своего труда "Тайна трех" о древнеегипетской религии под названием "Египет-Озирис" - Д.С.Мережковский. А.М.Ремизов напечатал своего рода поэму в прозе "Алазион" - легенду о жестоком князе Олонии, выстоявшем в покаянии ночь в церкви под напором нашествия бесов. На страницах этого же выпуска напечатаны стихотворения К.Бальмонта и М.Цетлина (под псевдонимом "Амари"), рассказ Б.К.Зайцева "Карл V".

Журнал получил хорошую прессу. "Первый номер трехмесячника "Окно" производит прекрасное впечатление разнообразием и богатством материала... Сборник составлялся, по-видимому, по персональному признаку, отбор в нем производился по крупным, знаменитым именам... На обложке читаю: "Париж, 1923 г.". Но если бы написано было: "Петербург, 1913 г.", все, думаю, поверили бы: не только не найти здесь, в этой книжке, прямого отражения событий последних лет революции и войны; но в самом тоне большинства рассказов, спокойном, основательном, не ощущается той возбужденности, той тревоги, той растерянности, которые столь характерны для русской послереволюционной мысли", - писал в рецензии Б.Шлецер (Современные записки. - 1923. - № 16. - С. 414). Здесь же он отметил и стремление З.Н.Гиппиус "разделаться" с Блоком, восхитился рассказом А.М.Ремизова и посчитал труд Д.С.Мережковского не совсем понятным.

Очень высоко ценила "Окно" и М.И.Цветаева, с которой М.С.Цетлина вела переговоры о публикации стихов в альманахе. "Ваше "Окно" великолепно... Больше всего я затронута Гиппиус и Мережковским... Гиппиус свои воспоминания написала из чистой злобы, не вижу ее в любви, - в ненависти она восхитительна... В Мережковском меня больше всего трогает интонация... Мило, сердечно, любовно - по-ремизовски - "Однорукий комендант" <Куприна>. - Вся книга хороша", - писала она Цетлиной 31 мая 1923 (Цветаева М. Собр. соч. - М., 1995. - Т. 6. - С. 549-550).

Во втором выпуске "Окна" появилось стихотворение Цветаевой "Рассвет на рельсах". "Из сырости и шпал / Россию восстанавливаю..." Поэзию в этом номере представляли также стихи Г.П.Струве, цикл К.Д.Бальмонта "Японские орхидеи" и отрывки из поэмы М.О.Цетлина (Амари) "Декабристы". Второй выпуск "Окна" вновь открывал И.А.Бунин сказкой "О дураке Емеле, какой вышел всех умнее". Затем - "Солнце мертвых" И.С.Шмелева - рассказ о страшных днях голода и расстрела в Крыму времен гражданской войны, откуда сам писатель не так давно вырвался и где похоронил сына, расстрелянного после победы Красной Армии. С новым эссе выступила З.Н.Гиппиус - на этот раз объектом ее внимания стал В.Я.Брюсов. Эссе называлось "Одержимый". Корень его перехода к большевикам Гиппиус увидела прежде всего в особенностях личности. "Дело в том, что Брюсов - человек абсолютного, совершенно бешеного честолюбия. Я говорю "честолюбия" лишь потому, что нет другого, более сильного слова для выражения той страстной "самости", самозавязанности в тугой узел, той напряженной жажды всевеличия и всевластия, которой одержим Брюсов. Тут иначе, как одержимым, его и назвать нельзя" (с. 207). Опубликованы статья "Два течения в русской музыке" Б.Шлецера, новые отрывки из книги Л.Шестова "Странствия по душам", продолжение философских раздумий Д.С.Мережковского "Тайна трех", материалы А.М.Ремизова о В.В.Розанове ("Розанова письма"). "Читатель, не посетуй, что, взявшись представлять Розанова через его письма к нам, рассказываю и о себе, о нашем житье-бытье. Иначе не могу: нельзя говорить о птице, не помяная леса и поля, и о рыбе, не говоря о море, речке или пруде". В 1923 в Берлине эти воспоминания о В.В.Розанове вышли под названием "Куха. Розановы письма".

Третий выпуск "Окна" вышел в начале 1924 (газета "Дни")

сообщила 9 марта 1924 о выходе № 3). По уже установившейся традиции открыл его рассказ И.А.Бунина "В ночном море", затем два его стихотворения, за которыми следовало продолжение эпоса И.С.Шмелева "Солнце мертвых". Раздел поэзии, кроме Бунина, представляли К.Д.Бальмонт со стихами из книги "Мое - ей", Марина Цветаева напечатала "Деревья" и "Листья", с отрывком из поэмы "Ангел" выступил Глеб Струве, несколько стихотворений Цетлина появилось под псевдонимом Амари. Цикл воспоминаний продолжила З.Н.Гиппиус, опубликовав очерк "Задумчивый странник (В..Розанов)". "Он был до такой степени не в ряду других людей, до такой степени стоял не между ними, а около них, что его скорее можно назвать "явлением", нежели человеком. И уж никак не "писателем" - что он за писатель! Писанье, или, по его слову, "выговариванье", было для него просто функцией. Организм дышит, и делает это необыкновенно хорошо, точно и постоянно. Так Розанов писал, - "выговаривал" - все, что ощущал, и все, что в себе видел, а глядел он в себя постоянно, пристально" (С. 273). Вспоминая о своих встречах с Розановым, Гиппиус подчеркивала уникальность личности и творчества писателя-мыслителя. В этом же номере "Окна" напечатана повесть Н.А.Тэффи "Предел" - монолог мужчины о своей любовной страсти, М.Л.Гофман свое исследование "Неизвестные рукописи Пушкина" посвятил описанию некоторых автографов великого поэта из собрания Пушкинского Дома. Менее восторженно, чем первый выпуск "Окна", оценил третью книгу Б.Шлецер. "Странное явление! Несомненно, русская литература в лице лучших представителей старшего поколения эмигрировала... Но вот, всякая попытка объединения писателей-эмигрантов и создания литературных сборников заканчивается неудачей... Наша проза больна!", - к такому выводу он пришел при оценке третьего сборника (Современные записки. - 1924. - № 20. - С. 432). Но дальше критик вполне высоко оценил и рассказ Бунина, и воспоминания Гиппиус, и "Солнце мертвых" И.С.Шмелева, отметив, правда, что боль писателя в конце произведения притупляется, "уступая место нетерпению и скуке" (там же. - С. 433).

"Журнал "Окно" существовал одновременно с "Современными записками". Создатели "Окна" решили прекратить издание, чтобы не создавать лишней конкуренции "Современным запискам". Практически он их дублировал и потому продолжение издания не

имело смысла. К тому же всем участникам "Окна" двери в "Современные записки" были широко открыты" (Сарников Н. Михаил Осипович Цетлин // Амари (М.Цетлин). Малый дар. - М., 1993. - С. 140-141).

Статья написана при поддержке Института "Открытое общество" (HESP № 238 / 1996).

В.В.Леонидов

"ПАЛАТА ПОЭТОВ" (Париж, 1921-1922) - литературно-художественное объединение, созданное поэтами А.Гингером, Г.Евангуловым, В.Парнахом, М.Струве, М.Таловым, С.Шаршуном. Целью объединения было собирание сил, рассеянных в изгнании, поиски новых путей творчества. Формой деятельности "Палаты поэтов" стали вечера, проходившие в кафе "Хамелеон" на Монпарнасе. Первый вечер состоялся 7 августа 1921. На нем выступали А.Гингер, Г.Евангулов, В.Парнах, М.Талов, С.Шаршун, художники Л.Гудиашвили, С.Судейкин, бывший руководитель "Летучей мыши" С.Вермель, музыкальный критик А.Левинсон, критик Е.Зноско-Боровский. В дальнейшем вечера проходили в кафе "Хамелеон" по воскресеньям, потом по четвергам. В них участвовали, кроме названных, Б.Божнев, Дон-Аминадо, Б.Поплавский, В.Познер, другие поэты, художники, режиссеры, актеры, музыканты. Всего было проведено 17 вечеров, последний из них прошел 5 января 1922.

Вечера "Палаты поэтов" были, в основном, поэтическими. Главной и неизменной их частью было чтение поэтами своих произведений. Устраивались и тематические вечера поэзии - посвященные А.Блоку (21 авг. 1921), неизданным стихам из советской России (27 окт. 1921), искусству дадаизма (21 дек. 1921). Вечера были посвящены творчеству участников объединения: вечер В.Парнаха (9 нояб. 1921), "торжественный выпуск книги Г.Евангулова "Белый духан" (16 нояб. 1921), вечер М.Талова (1 дек. 1921); вечер 21 декабря 1921, посвященный искусству дадаизма, был и вечером С.Шаршуна. Последний вечер (5 янв. 1922) был посвящен выходу в свет кн. В.Парнаха "Карабкается акробат".

На вечерах "Палаты поэтов" выступали с докладами как участники объединения, так и приглашенные деятели искусства, культуры: В.Парнах ("О новых формах поэзии". - 1 сент. 1921), М.Струве ("О творчестве Н.Гумилева". - 15 сент. 1921), П.Вейсбрем ("Голосовая инструментовка стиха". - 22 сент. 1921), Н.Бутковская ("Музыка". - 13 окт. 1921) и др. Порою программа вечеров включала в себя выступления представителей разных видов искусства, разных национальных культур. Так, на вечере В.Парнаха (9 нояб. 1921), кроме чтения стихов поэта, были и театральная постановка, и выступление испанской танцовщицы, и танцы самого В.Парнаха. В программу вечера, посвященного дадаизму (21 дек. 1921), кроме чтения стихов, были включены и исполнение музыки-дада, и выступления французских и американского дадаистов, и "графические танцы" В.Парнаха.

"Палата поэтов" имела свое издательство, в котором вышли сборники стихов А.Гингера "Свора верных" (Париж, 1922), и Г.Евангулова "Белый духан" (Париж, 1921).

С "Палаты поэтов" началась творческая дружба Б.Поплавского, А.Гингера и С.Шаршуна. Как одно из первых литературно-художественных объединений, "Палата поэтов" положила начало организации творческих групп в русском зарубежье. Члены объединения вместе с другими поэтами входили позднее в группы "Гатарапак", "Через", "Союз молодых писателей и поэтов".

А.И. Чагин

"ПАРИЖСКАЯ НОТА" - не оформленная организационно поэтическая школа, ориентирующаяся на требования, предъявляемые поэзии Г.Адамовичем. Противостояла другим школам в эмигрантской довоенной поэзии: "Перекрестку" (1928-1939), ориентирующемуся на творческие позиции В.Ходасевича, "Кочевью" (1928-1939), руководимому М.Слонимом, "Скиту поэтов" (1922-1940), руководимому А.Бемом.

Точного определения "парижской ноты" не дал ни сам Адамович, ни его приверженцы того времени, ни литературоведы, исследовавшие позднее поэзию эмиграции. Один из наиболее ярких

адептов и пропагандистов "парижской ноты" - Ю.Иваск - многократно писал, что это не была школа в обычном смысле, но "лирическая атмосфера", а главную заслугу Адамовича усматривал именно в том, что тот "сумел создать литературную атмосферу для зарубежной поэзии" (Иваск Ю. О послевоенной эмигрантской поэзии // Новый журнал. - 1950. - № 23. - С. 196). Столь же неустанно он повторял, что это была в первую очередь "нота Адамовича". Даже литературные недруги склонны были считать Адамовича "духовным отцом этого "парижского" направления" (Бем А. В тупике // Меч. - 1936. - 5 апреля).

В строгом смысле слова к "парижской ноте" можно отнести, кроме самого Адамовича, поэтов А.Штейгера и Л.Червинскую. Но реальное воздействие "ноты Адамовича" было гораздо шире, следы ее влияния можно найти у многих молодых поэтов эмиграции, в том числе и принадлежавших к оппозиционным лагерям. Расширяя круг, можно найти отсвет "парижской ноты" на стихах сверстников и соратников Адамовича Г.Иванова, Н.Оцуца, а также Д.Кнута, В.Смоленского, Б.Поплавского, Ю.Мандельштама, Ю.Терапиано, Ю.Иваска, И.Чиннова, А.Гингера и других поэтов. По мнению В.Яновского, без Адамовича "не было бы парижской школы русской литературы. Я говорю "школы литературы", хотя сам Георгий Викторович брал на себя ответственность (и то неохотно) только за "парижскую ноту" в поэзии. Это недоразумение. Его влияние, конечно, перерастало границы лирики. Новая проза, публицистика, философия, теология - все носило на себе следы благословенной "парижской ноты" (Яновский В. Ушел Адамович // Новое русское слово. - 1972. - 26 марта).

Адепты "ноты", в отличие от участников "Перекрестка" и "Скита поэтов", не выпускали коллективных сборников, не устраивали регулярных мероприятий и не имели своей прессы. Их литературный быт протекал преимущественно на Монпарнасе, оставаясь в разговорах, и писаной истории "парижская нота" не имеет. Все, что от нее осталось, помимо проповеди, неявно выраженной в многочисленных статьях Г.Адамовича, а еще больше в частных беседах - публикации в периодике и сборники стихов Адамовича, Штейгера и Червинской, а также многочисленные полемические отзывы в эмигрантской печати.

Автором термина обычно называют Б.Поплавского, и вполне вероятно, что авторство ему и принадлежит, но в печати слова

"парижская школа" впервые появились в статье Адамовича: "Мне недавно пришлось в первый раз слышать выражение: "парижская школа русской поэзии. Улыбку сдержать трудно. Но улыбаться, в сущности, нечему. Это верно, парижская школа существует, и если она по составу своему не целиком совпадает с Парижем, то все-таки географически ее иначе определить нельзя" (Звено. - 1927. - 23 января). Поплавский употребил эти слова в печати тремя годами позже: "Существует только одна парижская школа, одна метафизическая нота, все время растущая - торжественная, светлая и безнадежная. Я чувствую в этой эмиграции согласие с духом музыки" (Числа. - 1930. - № 2/3. - С. 310-311). Термин быстро прижился и уже в 30-е широко употреблялся в газетных полемиках.

Литературную борьбу с умонастроениями "парижской ноты" одновременно повели лидеры противостоящих ей поэтических групп в эмиграции, особенно серьезно возражали В.Ходасевич и А.Бем. Очень огрубленно это можно представить как спор с непроясненной метафизикой "парижской ноты", с одной стороны, приверженцев традиции, делавших упор на мастерство ("Перекресток"), а с другой стороны, приверженцев новизны (группа Бема).

Полемика вокруг "парижской ноты", продолжавшаяся все 30-е, была в центре эмигрантских литературных споров, так или иначе задевая многие животрепещущие для эмиграции вопросы и пересекаясь с другими полемиками: о "столичной" и "провинциальной" литературе, о молодой литературе в эмиграции, об авангарде и традиции. Постоянный оппонент Адамовича, руководитель пражского "Скита поэтов" А.Бем с негодованием писал о "парижском" умонастроении молодежи и недоумевал, "почему наиболее литературно-одаренная часть наших писателей подпадает именно этому "упадочному" настроению, а более здоровая и деятельная оказывается неспособной найти художественное оформление своим настроениям" (Меч. - 1936. - 19 янв.). Бем упрекал "парижан" в том, что они "почти не отразили в себе русского футуризма", в то время как "Прага прошла и через имажинизм, смягченный лирическим упором С.Есенина, и через В.Маяковского, и через Б.Пастернака" (Меч. - 1936. - 22 марта). Уже с середины 30-х он неоднократно писал о том, "что "общепарижский поэтический стиль" себя изжил, что выработался штамп, который грозит окончательно обезличить эмигрантскую поэзию" (Меч. - 1936. - 5

апреля) и надеялся, "что не на этом пути эмигрантская литература найдет свое оправдание" (Меч. - 1936. - 20 сентября).

У Ходасевича, постоянно полемизировавшего с Адамовичем на протяжении полутора десятков лет, наоборот, поэзия "ноты" вызывала упреки в неряшливости, неотделанности. "Человечность" в стихах в ущерб мастерству он считал заблуждением, а саму "ноту" - течением не столько литературным, сколько эмоциональным (Возрождение. - 1935. - 28 марта). Адамовича он упрекал в излишней снисходительности к Пастернаку (Возрождение. - 1927. - 11 апреля), а его сторонников - в том, что они стремятся поспевать за современной поэтической модой.

При подведении итогов полемики мнения разошлись. Г.Федотов был убежден, что "вся воспитательная работа Ходасевича, все его усилия обучить молодежь классическому мастерству и привить ей свой дух уверенного в своей самодостаточности пушкинского художества не приводили ни к чему. Молодежь шла за Адамовичем, зачарованная им" (Федотов Г. О парижской поэзии // Ковчег. - Нью-Йорк, 1942. - С. 193). С тем, что "Адамович, предписавший пиано-пианиссимо парижской поэзии и способствовавший созданию "школы", творчески победил своих противников - Ходасевича и Бема", соглашались Ю.Иваск, В.Яновский и многие другие свидетели событий. Г.Струве, В.Набоков, Н.Берберова утверждали обратное, приняв сторону Ходасевича.

Приемы, которыми пользовались поэты "парижской ноты", впервые попробовал суммировать А.Бем: "Приглушенные интонации, недоуменно-вопросительные обороты, неожиданный афоризм, точно уместающийся в одну-две строки, игра в "скобочки", нарочитая простота словаря и разорванный синтаксис (множество недоговоренных и оборванных строк, обилие вводных предложений - отсюда любимый знак - тире) - вот почти весь репертуар литературных приемов "дневниковой поэзии" (Бем А. Поэзия Л.Червинской // Меч. - 1938. - 1 мая). Позже о том же писал Ю.Иваск, добавляя необходимые "метафизические" акценты: "Простота в изложении, размышления о самом главном, тоска и порывы Анненского - вот слагаемые парижской ноты Адамовича и его друзей" (Иваск Ю. Поэзия "старой" эмиграции // Русская литература в эмиграции / Под ред. Полторацкого П.Н. - Питтсбург, 1972. - С. 46).

К этому можно добавить непрременную психологическую точность, невыдуманность чувств и нетерпение любой, даже малейшей фальши, что для приверженцев "парижской ноты" было одной из первых заповедей. Они скорее согласились бы простить некоторую неуклюжесть стиха, в котором выражалось подлинное чувство, чем неискренность. Как любил говорить Адамович: "Кто поверит словам, которым не совсем верю я сам?" (Адамович Г. Комментарии. - Вашингтон, 1967. - С. 185).

По мнению Адамовича, есть две опасности, уводящие с этого единственно верного пути: безоглядное подчинение вдохновенному, но безответственному потоку слов, напевности и мечтательности, не поверяемым подлинным поэтическим видением и не сдерживаемым трезвым знанием человеческой природы. Адамович называл этот соблазн "бальмонтовщиной". И вторая опасность: старательное сочинение стихов, тщательная их отделка, внешнее совершенство, игра словами, за которой легко спрятать отсутствие подлинных переживаний.

Основополагающий формообразующий принцип стихов, написанных поэтами "парижской ноты" - выразительный аскетизм. Аскетизм во всем: в выборе тем, размеров, в синтаксисе, в словаре. "Если поэзию нельзя сделать из материала элементарного, из "да" и "нет", из "белого" и "черного", из "стола" и "стула", без каких-либо украшений, то Бог с ней, обойдемся без поэзии!" (Адамович Г. Комментарии. - С. 78). Все остальные возможности отклонялись, как слишком легкие, либо ненужные.

Жесткую экономию средств Адамович считал "началом и концом всякого мастерства" (там же) и неуклонно поощрял стремление молодых парижских поэтов писать, "отказываясь от всего, от чего отказаться можно, оставшись лишь с тем, без чего нельзя было бы дышать. Отбрасывая все словесные украшения, отдавая их серной кислотой" (там же. - С. 105). Прежде всего это был отказ от метафор, ярких образов, изощренной инструментовки, вообще от стихов, в которых "настойчивая выразительность заменяет истинную человечность" (Адамович Г. Русская поэзия // Жизнь искусства. - 1923. - № 2. - С. 3).

Стихи "парижской ноты" писались без расчета на публику и предназначались не для эстрады и вообще не для чтения вслух, а для бормотания самому себе, они выполняли определенную медитативную функцию. Допускалась и даже приветствовалась

дневниковость поэзии, недоговоренность, которая "бывает неизбежной, потому что есть вещи, которые сложнее и тоньше человеческого языка" (Адамович Г. Литературные беседы // Звено. - 1925. - 3 августа). Но при этом стихотворение и каждое слово в нем должны были быть семантически полноценными, не превращаясь в ребус или в чистый символ: "Слово прежде всего должно значить то, что оно действительно значит, а не то, чем поэту хочется его значение заменить. Торжество поэзии над "здравым смыслом" должно быть таинственно и от "непосвященных" скрыто. Иначе оно слишком дешево" (Адамович Г. Литературные беседы // Звено. - 1927. - 29 мая). Последняя цель такой поэзии: "найти слова, которые как будто никогда еще не были произнесены и никогда уже не будут заменены другими" (Адамович Г. Комментарии. - С. 70).

Один из наиболее излюбленных поэтами "ноты" стихотворных размеров - пятистопный ямб, впервые в русской поэзии появившийся в таком изобилии и ставший основным размером поэтов "ноты", их фирменным знаком. Этот размер лучше всех других подходил целям "ноты", позволяя передавать все нюансы, выражать мельчайшие оттенки чувств этой дневниковой поэзии.

По аналогии с "парижской нотой" Ю.Иваск после второй мировой войны пытался выделять "американскую ноту" "в поэзии некоторых поэтов, переселившихся в Америку" (Иваск Ю. Поэзия "старой" эмиграции. - С. 68).

По позднему мнению Адамовича, "нота не удалась", однако, старания Ходасевича и Слонима в "Перекрестке" и "Кочевье" не удалась в еще большей степени. Уже после войны, в письме А.Гингеру 28 октября 1955 Адамович стыдливо признался: "Я думаю, что имел тлетворное влияние на некоторых парижских юношей лет 40 и больше. Не считите это за самомнение: "имел влияние". Кажется, что-то имел, но то, что во мне было чем-то вроде "суеты сует" и безразличьем ко всему - т.е. слабостью - они приняли за общий стиль для всех, и вышло глупо. Это, собственно говоря, отчасти объясняет "парижскую ноту" (Письма Георгия Адамовича // Новый журнал. - 1994. - № 194. - С. 276).

Объясниться Адамович попробовал позже, в статье "Поэзия в эмиграции" и в "Комментариях" (С. 75-79): "Был некий личный литературный аскетизм, а вокруг него, или иногда в ответ ему, некое коллективное лирическое уныние, едва ли заслуживающее названия

школы. Состав пишущих был в Париже случаен, отбор единомыслящих, одиночувствующих ограничен, и поэтическое содружество поневоле оказалось искусственным. В основе, в источнике было, конечно, гипнотически-неотвязное представление об окончательном, абсолютном, незаменимом, неустрашимом: нечто очень русское по природе, связанное с вечным нашим "все или ничего" и с отказом удовлетвориться чем-либо промежуточным". Там же он вполне четко определил точки притяжения и отталкивания: "влюбились они в Анненского и отвергли обольщение бальмонтовщины во всех ее видах", и, как обычно, противореча самому себе, заключил: "Думаю, что "нота" все-таки звучала - и прозвучала не совсем напрасно" (Адамович Г. - С. 184).

Сами участники "парижской ноты" позже затруднялись объяснить, в чем был ее смысл и значение. Ю.Иваск, писавший о ней несчетное количество раз в многочисленных статьях, так и не смог внятно изложить, причем тут Адамович. В.Яновский, пытаясь найти объяснение, заявил: "Если бы требовалось одним словом определить вклад Адамовича в жизнь нашей литературы, я бы сказал: "Свобода!" (Яновский В. Поля Елисейские. - Нью-Йорк, 1983. - С. 110).

Еще вернее отозвался об Адамовиче прот. А.Шмеман: "Был он - в некоем, очень высоком, плане, не политическом, конечно, и не злободневном - одним из носителей совести, как последнего мерил и оправдания литературы". По его мнению, и суть всей "парижской ноты" "была именно в этом и ни в чем другом" (Шмеман А. Прощаясь с Адамовичем // ВРСХД. - 1971. - № 101/102. - С. 326-327).

О.А.Коростелев

ПАРИЖСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Старейшим русским книгоиздательством, продолжившим работу в Париже в начале 20-х, являлось издательство Я.Поволоцкого и К^о, основанное в 1910 и до 1-й мировой войны имевшее свои отделения в Москве и Петербурге. До 1919 в работе книгоиздательства был перерыв, и возобновление деятельности было связано с целью "дать ясное представление французам о русской революции и о событиях в России" (Зноско-Боровский Е.А. Русская книга во Франции // Новая русская книга. -

1922. - № 3. - С. 23). Были выпущены книги Н.Н.Зворыкина ("К предстоящему земельному переустройству России". - 1920), Г.В.Плеханова ("Год на родине: Полное собрание статей и речей. 1917-1918 гг." - 1921. - Т. 1-2), "Современные проблемы: Сборник статей" (М.Алданова, М.Вишняка, Ю.Делевского и др.) (1922), А.Ф.Керенского ("Издалика: Сб. статей. 1920-1921 гг". - 1922), других авторов. Книгоиздательство приступает к изданию "Детской серии", в которую вошли сказки ("Как Лиса у Мужика рыбкой поживилась". - 1920; "Морозко: Русская народная сказка". - 1920; "Про Лису и Колобка: Русская сказка". - 1920), но печаталась и проза - "Дети - детям: Сб. детских произведений". - 1920. - Вып. 1-3. Особой популярностью у взрослого читателя пользовалась серия книгоиздательства "Миниатюрная библиотека", в которую вошли произведения И.Наживина ("Осени поздней цветы запоздалые". - 1920), К.Бальмонта ("Светлый час: стихи". - 1921), Б.Лазаревского ("Птицы ночные". - 1921).

Во второй половине 20-х книгоиздательство формирует серию "Библиотека современных писателей", в которую вошли произведения Ю.Фельзена ("Обман". - 1930), Дон-Аминадо ("Наша маленькая жизнь", 1927) и одновременно, продолжает работу по выпуску литературы на социально-политические темы: Деникин А.И. Очерки русской смуты (1921-1926. - Т.1-5), Седых А. Там, где была Россия (1930). Книгоиздательство прекратило свою деятельность после 1930.

В Париже был восстановлен Союз земств и городов (сокращ. - Земгор); к началу 1920 Союз был переименован в "Земское и городское объединение российских граждан за границей" (председатель - Н.Д.Авксентьев). Эта организация занималась вопросами оказания неотложной помощи русским беженцам в их размещении, в разрешении проблем образования и здравоохранения. Земгор имел свою полиграфическую базу, на основе которой было создано книгоиздательство с аналогичным названием (руководитель - Т.И.Полнер). Деятельность книгоиздательства Земгора была подчинена работе этой организации: в течение нескольких лет выходил "Бюллетень первого Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей", оказывающий информационную помощь. В 1921 издательством была предпринята попытка выпуска художественной литературы. Предполагался выход

десятитомного издания "Русские писатели" (под редакцией И.А.Бунина). Был выпущен только первый том - "Русские писатели: Д.И.Фонвизин. Бригадир; В.В.Капнист. Ябеда; А.С.Грибоедов. Горе от ума" (1921). В течение этого года выпущены: Александров П. Сон; Бутковская Н.И. Народные русские сказки, песни, шутки.

Типографией Земгора пользовались и другие организации; так в 1920 Комитет помощи русским литераторам и ученым издал "Русский сборник", в который вошли проза И.Бунина, А.Куприна, И.Шмелева, Д.Мережковского, М.Алданова, Л.Андреева, пьеса А.Н.Толстого, стихи З.Гиппиус, Н.Минского, Н.Тэффи, М.Цетлина, А.Черного, Л.Вилькиной.

С полиграфической базой Земгора было связано и другое книгоиздательство - "Русская земля", организованное как кооперативное предприятие группы русских писателей (И.А.Бунина, А.Н.Толстого, А.И.Куприна, К.Д.Бальмонта и других). Во главе издательского комитета "Русской земли" был Т.И.Полнер. Это книгоиздательство поставило себе целью выпускать современные произведения художественной литературы. В течение 1920-1922 вышли книги И.А.Бунина ("Господин из Сан-Франциско". - 1920; "Деревня. - Суходол". - 1921; "Чаша жизни". - 1922), Д.С.Мережковского ("14 декабря: Роман о декабристах". - 1921), Б.Зайцева ("Путники". - 1921), К.Д.Бальмонта ("Дар Земле: Сборник новых стихов". - 1921), А.И.Куприна ("Суламифь". - 1921; "Гамбринус и другие рассказы". - 1921), А.Н.Толстого ("Наваждение: Сборник рассказов". - 1921; "Хромой барин: Роман" (изд. 5-е, перераб.). - 1921), З.Н.Гиппиус ("Небесные слова". - 1921). "Русская земля" предпринимала попытку издания литературы по общественно-политическим вопросам: Маклаков В.А. Толстой и большевизм (1921).

Созданное осенью 1920 книгоиздательство "Север" специализировалось на выпуске художественной литературы для детей. Работа издательства шла в двух направлениях: издание журнала "Зеленая палочка" и издание серии "Библиотека журнала "Зеленая палочка", в которую вошли "Необыкновенные приключения Никиты Рощина" А.Н.Толстого, "Рассказы для детей" А.И.Куприна, "Рассказы для детей" А.Яблоновского, "Песнь о Гайавате" Г.Лонгфелло (в переводе И.А.Бунина; 8-е изд.). Интересы взрослого читателя издательство тоже пыталось учитывать и предлагало - "Авантюристы

Гражданской войны" А.Ветлугина (1921), "Дым без Отечества" Дон-Аминадо (1921).

Иные из книгоиздательств в первой половине 20-х сумели заявить о себе лишь одним-двумя изданиями. Среди них политические организации, имеющие свои типографии. Так, издательством Российского общества лиги народов была выпущена брошюра "Российское общество лиги народов: Устав и программа" (1920); издательством Русского совета - "Русский Совет: Положение, задачи и обзор деятельности" (1921); издательством Русского национального студенческого объединения - "Черная книга: Сборник документов, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей" (1925); издательством Республиканско-Демократического объединения: Милюков П.Н. Три платформы республиканско-демократических объединений. 1922-1924 (1925).

Среди книгоиздательств, ориентированных на выпуск художественной литературы, - "Орфей", выпустивший книгу М.Талова "Париж и голод: Книга лирики" (1920); издательство газеты "Русский солдат - гражданин во Франции" - "На чужбине: Сборник произведений русских воинов" (1921); издательство "Зерна" - Амари "Прозрачные тени: Образы" (1920); издательство "Палата поэтов": А.С.Гингера "Свора верных" (1922), Г.Евангулова "Белый духан" (1921); издательство "Унион" - Н.Н.Брешко-Брешковского "Белые и красные. Т. 1. Дочь великого князя" (1921).

Французские печатники обращались к изданию книг на русском языке. Издательством "Bibliothèque Universelle" выпущена книга А.Аверченко "Дюжина ножей в спину революции" (1921); издательством "Pour la Russie" - книга Д.Ракова "В застенках Колчака: Голос из Сибири" (1920).

В конце 1921 О.Г.Зелюком было создано книгоиздательство "Франко-русская печать", но вскоре оно было приобретено французской издательской фирмой "Société de presse du publicité et d'édition" (директор-распорядитель - И.А.Кириллов). Издательство было ориентировано на выпуск книг как на русском, так и на французском языках; в основном выпускало книги на общественно-политические темы: Ветлугин А. Третья Россия (1922). Из произведений художественной литературы вышли книги К.Бальмонта ("Марев". - 1922), М.Алданова ("Огонь и дым". - 1922).

Для истории русского книгоиздательства в Париже характерной особенностью становилось совместное издание книжной продукции: иллюстрированный журнал А.Когана "Жар-птица" (книгоиздательство "Русское творчество") выходил под совместным грифом "Берлин-Париж" (1921-1925); берлинское книгоиздательство Е.Сияльской печатало в некоторых случаях книги в Париже (Краснов П. С Ермаком на Сибирь. - 1929); книга А.Аверченко "Двенадцать портретов" вышла в издательстве "Internationale commerciale revue" с указанием места издания: Париж-Берлин-Прага-Санкт-Петербург (1923).

В 1925 в журнале "Воля России" (№ 2) П.Милославский в статье "Русская книга за рубежом" подводил итоги деятельности русских книгоиздательств в Европе: Париж, выпустивший в 1924 всего 53 тома, в большинстве своем книги общеполитического и прикладного характера, не попал в список лидирующих (с точки зрения книгоиздания) городов. Дороговизна бумаги, типографских услуг и материала обуславливали высокие цены на книжную продукцию вообще, а русская книга становилась еще дороже. Складывалась парадоксальная ситуация: берлинские и пражские издания в Париже расходились лучше и быстрее, нежели парижские книги.

В 1925 в Париже были зарегистрированы книгоиздательства, заявившие о себе несколькими изданиями: "Канарейка" выпустила книгу А.С.Гингера "Преданность: Второй сборник стихов"; издательство "Общества взаимопомощи студентов Донских казаков во Франции" - "Казачий быт: Литературный сборник", в который вошли проза и стихи Ф.Крюкова, П.Краснова, Б.Незлобина, Н.Туровой, Ц.Полякова и др.; типография "А.Сниткин и К°" - Л.Гроссе "Мысли сердца".

Начиная с 1925 в Париже действует книгоиздательство "УМСА-Press" (см. статью о нем в I части настоящего издания).

Попытки создания своего книгоиздательства в Париже были предприняты и З.И.Гржебиным, переехавшим сюда после 1924 из Берлина. Но все они кончаются неудачей; можно упомянуть лишь удачное издание совместно с "Геликоном" книги А.Левинсона о русской балерине Анне Павловой в 1928 (см.: Юниверг Л.И. З.И.Гржебин и его издательская деятельность // Книга: Материалы и исслед. - М., 1994. - Т. 69; Гржебина Е. З.И.Гржебин - издатель: По документам и воспоминаниям его дочери // Евреи в культуре русского

зарубежья. - Иерусалим, 1992. - Вып. I; Вайнберг И. "Все будет оценено - не может быть иначе" // Там же).

В 1926 в Париже начинает свою работу "Евразийское книгоиздательство". Выпускаемые ими книги носили религиозно-философский и историко-политический характер: Франк С.Л. Основы марксизма (1926), Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (1926); Алексеев Н.Н. Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства (1928), Трубецкой Н. К проблеме русского самопознания: Сб. статей (1927), Вернадский Г.В. Начертание русской истории: Часть I (1927). Книгоиздательство выпускало журнал "Евразийская хроника" (1925-1937).

Книгоиздательство "Возрождение" начало свою работу в 1926 и выпустило художественную литературу: Шмелев И. Солнце мертвых: Эпопея (1926), Зайцев Б. Странное путешествие (1927), Ходасевич В. Собрание стихов (1927), Амфитеатров А. Знакомые музы (1928).

В 1927 о себе заявили еще несколько книгоиздательств: "Родник", "Таир" и другие. Книгоиздательство "Родник" специализировалось на выпуске произведений современных авторов как прозаиков (Бунин И. Солнечный удар. - 1927; Даманская А. Жены: Рассказы. - 1929; Даманская А. Радость тихая: Путевые заметки. - 1929), так и поэтов (Кнут Д. Парижские ночи: Стихи. - 1932; Блок А. Стихотворения. - 1927; Бальмонт К.Д. Северное сияние: Стихи о Литве и Руси. - 1931; Бакунина Е. Стихи. - 1931). Книгоиздательство выпускало также книги публицистические: Гиппиус З.Н., Кочаровский К.Р. Что делать русской эмиграции: Статьи / Предисл. Бунакова И. (1930); Деникин А. Старая армия. 1929-1931. - Т. 1-2; Савинков Б. Книга стихов: Посмертное издание / Предисл. Гиппиус З.Н. (1931). Книгоиздательство прекратило свою деятельность после 1932.

Книгоиздательство "Таир" дополняло книжный рынок Франции современной русской художественной литературой: Ремизов А. Взвихренная Русь (1927); Ремизов А. Московские любимые легенды: Три серпа (1929); Шмелев И. Про одну старуху: Новые рассказы о России (1925). С начала 1930 книгоиздательство стало предлагать читателям книги по вопросам музыкального образования: Сабанеев Л. С.И.Танеев: Мысли о творчестве и воспоминания о жизни (1930), Метнер Н. Муза и мода: Защита основ музыкального искусства (1935).

Среди книгоиздательств второй половины 20-х, заявивших о себе несколькими книгами, специализировались на выпуске художественной литературы: "Конкорд" издавал книги З.Ю.Арбатова "Таня Ветрова" (1928), В.Д.Гарднера "Под далекими звездами: Лирическая полифония" (1929); издательство "Нескучный сад" - Дон-Аминадо "Накинув плащ: Сб. лирической сатиры" (1928); издательство "Вол" - В.А.Перцова "Человек и дух: Стихи и проза" (1927); В.В.Диксона "Стихи и проза" / Предисл. Ремизова А. (1930); издательство "Стихотворение" - В.Л.Андреева "Недуг бытия: Вторая книга стихов" (1928), С.Луцкого "Служение" (1929).

Одним из самых сильных книгоиздательств конца 20-х справедливо считается издательство журнала "Современные записки", действовавшее с 1929 по 1940. Оно публиковало, в основном, "своих" авторов, печатавшихся в журнале, и потому серию издательства "Библиотека журнала "Современные записки" читатели рассматривали как книжное дополнение к периодическому изданию. Здесь были опубликованы книги И.А.Бунина ("Избранные стихи. 1900-1925". - 1929, "Жизнь Арсеньева". Часть I. - 1930, "Божье древо". - 1931), В.Зензинова ("Беспризорные". - 1929), А.Ладинского ("Черное и голубое: Стихи". - 1931), М.Алданова ("Десятая симфония. - Азеф". - 1931, "Ключ". - 1939), С.Прегель ("Солнечный произвол: Стихи". - 1937), В.Смоленского ("Наедине: Вторая книга стихов". - 1938), А.С.Гингер ("Жалоба и торжество: Третья книга стихов". - 1939), а также книги Л.Шестова, Н.А.Бердяева, Н.Лосского и других авторов на религиозно-философские темы.

Тенденция создания библиотеки журнала прослеживается и в издательстве при журнале "Иллюстрированная Россия". В серии "Библиотека - бесплатное приложение к журналу "Иллюстрированная Россия" вышли книги Н.Н.Брешко-Брешковского ("Ставиский, король чехов: Роман из современной жизни". - 1934), вел. князя А.М.Романова ("Книга воспоминаний". - 1933), А.Аверченко ("Подходцев и двое других: Повесть". - 1935; "Чудеса в решете: Рассказы". - 1935), М.Алданова ("Портреты". - Т. 2. - 1936; "Десятая симфония. - Азеф". - 2-е изд., 1936), А.Бурова "Господи... Твоя Россия, жизнь окаянная: Роман-летопись". - 1938).

В 1929 было организовано книгоиздательство "Новые писатели", руководителем и редактором которого являлся М.Осоргин. Объявляя о своей цели, издательство писало: "Общеизвестно, что, по условиям зарубежного книжного рынка, писателям, еще не

составившим себе литературного имени и не обладающим личными средствами, почти невозможно издавать свои произведения. Неохотно печатают их также и существующие за рубежом журналы, отдающие предпочтение писательским именам. Между тем уже достаточно остро стоит вопрос о "молодой смене", о том, чтобы новые таланты могли себя проявить, имели поощрение и выступили на суд литературной критики и читателей... Никаких ограничений со стороны политической или в смысле литературной школы редакция издательства не устанавливает" (Струве Г. - С. 295). Были выпущены книги И.Болдырева "Мальчи́ки и девочки" (1929) и В.С.Яновского "Колесо" (1930).

В этом же году французская типография "Паскаль" начинает выпускать книги молодых литераторов: Городецкая Н.Д. Несквозная нить: Роман (1929), Браславский А. Стихотворения. Т. 2 (1929), Дзанти Д. Изгнанник Кавказа (1931), Станюкович Н. Из пепла: Стихи (1929), Иванов Вл. Концы и начала: Попытка эпоса (1930), Кусков Д.П. Прометей: Стихотворения (1932), Ставров П. Без последствий: Стихи (1933), Гойер Л.В. Запретный хлеб (1930).

Издательство "Водолей" выпустило "Русские былины в свете тайноведения" Д. Барлена (1932); издательство "Мишень" специализировалось на выпуске литературы социально-политического содержания - "На путях к термидору: Из воспоминаний бывшего советского дипломата" Г.З.Беседовского (1930-1931), "Среди красных вождей: Лично пережитое и виденное на советской службе" Г.А.Соломона (1930). Издательство "Путь жизни" выпустило "Умирание искусства: Размышление о судьбе литературного и художественного творчества" В.В.Вейдле (1937); издательство "Свеча" - "Знаменитые русские масоны" Т.А.Бакуниной (1935) и "Русские вольные каменщики" Т.А.Бакуниной (1934).

В 1931 было организовано издательство "Парабола", имеющее два центра: в Париже и Берлине. Парижская "Парабола" печатала, в основном, молодых авторов: Берберова Н. Повелительница (1932), Артуа Д. Песенный лад: Стихи (1935), Великовский И. Тридцать дней и ночей Диего Пиреса на мосту Св. Ангела (1935), Бакунина Е.В. Тело: Роман (1933), Дешевой Н.М. Листопад: Воспоминания. Цикл стихов (1934), Гронский Н. Стихи и поэмы (1936).

Интерес русского читателя вызывала специализированная серия "Русская морская библиотека", издававшаяся книгоиздательством Военно-Морского союза. В нее вошли книги

А.А.Гефтера "В море корабли: Девятнадцать морских рассказов" (1932), Г.К.Графа "Моряки: очерки из жизни морских офицеров" (1930), В.В.Берга "Последние гардемарины" (1931).

Говоря о книгоиздательствах второй половины 30-х, нельзя обойти вниманием издательство при книжном магазине "Дом книги", специализировавшемся на выпуске современной литературы: Гомолицкий Л. Арион: О новой русской поэзии (1939), Лифарь С. Дягилев и с Дягилевым (1939); Литературный смотр: Свободный сб. / Ред. Гиппиус З.Н., Мережковский Д.С. (1939), Берберова Н. Без заката (1938). Особой популярностью пользовалась серия "Русские поэты", выходявшая в 1938-1939: в нее вошли сборники стихов Ю.Терапиано "На ветру", Б.Поплавского "В венке из воска", А.Гингера "Жалоба и торжество: Третий сборник стихов", С.Прегель "Полдень", И.Кнорринг "Окна на север", Г.Адамовича "На Западе". В 1939 это книгоиздательство предприняло издания совместно с издательством журнала "Современные записки": Алданов М. Пуншевая водка: Сказка о пяти счастьях. - Могила воина: Сказка о мудрости. - Философские сказки (1940). Из предпринятой ими серии "Русская научная библиотека" вышел только первый том - Франк С.Л. Непостижимое(1939).

Характерным явлением второй половины 30-х в издании книжной продукции становится переход типографий в разряд издающих организаций: типография "Этуаль" выпускает книги Б.Божнева "Альфа с пеной омеги: Двадцать семь стихотворений" (1936); типография "Вал" (Val) - А.А.Плещеева "Под сенью кулис..." (1936), О.О.Грузенберга "Вчера: Воспоминания" (1938); типография "Крозатьер" - "Стихотворения" А.Я.Браславского. Т. 3. (1937). Зачастую тиражи этих изданий были ничтожно малы - так, книги С.Шаршуна "Подать: Лирическое повествование" (1938) и "Небо-колокол: Поэзия в прозе. 1919-1929" (1938) были отпечатаны на ротаторе в Бюро С.Павлова тиражами: первая - 50 экз. и вторая - 200 экз.

Издательская Коллегия Парижского объединения писателей выпустила книги: Агеев М. Роман с кокаином: По запискам больного (1936) и Вишняк М.В. Доктор Вейцман: Биография (1939)

Парижский период в истории русского книгопечатания не менее плодотворен, чем берлинский. Г.Струве считал парижское десятилетие 1925-1935 книгоиздательской деятельностью "золотым".

О.В.Быстрова

ПЕРВЫЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ - 25 сентября 1928 в

Белграде торжественно открылся Первый зарубежный съезд русских писателей и журналистов. Участниками Съезда стали члены пяти Союзов: Парижского, Пражского, Берлинского, Белградского, Варшавского. Парижская делегация была представлена А.И.Куприным, Б.К.Зайцевым, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковским, М.В.Вишняком, А.А.Яблоновским, В.В.Рудневым, В.Ф.Зеелером, К.К.Парчевским, К.И.Зайцевым. (Приглашенные П.Н.Милуков, Н.А.Тэффи, И.С.Шмелев по различным обстоятельствам не смогли приехать на Съезд.) Делегаты из Праги - Вас. И. Немирович-Данченко, Е.Н.Чириков, А.А.Кизеветтер, В.А.Розенберг, С.И.Варшавский, В.Г.Федоров; из Берлина - А.А.Боголепов, В.Е.Татаринов, Н.М.Волковьский. и др. Белградских писателей представляли В.И.Ксюнин, Ф.В.Тарановский, В.Х.Даватц, А.В.Маклецов, В.Н.Челищев, Л.М.Сухотин, М.П.Чубинский, Е.В.Жуков. В работе съезда участвовало около 600 делегатов. В день приезда в Белград русские писатели были встречены югославской общественностью с истинно славянским радушием. По распоряжению городского самоуправления на улицах Белграда были развешены плакаты с просьбой к горожанам оказывать особое внимание и предупредительность "дорогим русским гостям". Делегатам Съезда был обеспечен бесплатный проезд в городском транспорте, предоставлена гостиница.

Торжественное открытие Съезда состоялось в актовом зале университета. Был избран почетный Президиум во главе со старейшим писателем В.И.Немировичем-Данченко, которому предоставили честь открыть форум русских писателей-изгнанников. А.А.Яблоновский произнес речь: "Мы все знаем, все чувствуем, что за нашей спиной стоит тень великой России и что мы должны отвечать перед ней не только за наше слово, но и за наше молчание. Когда-то наш знаменитый духовный оратор митрополит московский Филарет так говорил о долге пишущего человека: "Да благословит Господь Бог и слово и молчание. Да не будет слово праздно и молчание бессловесно"... Россия распалась на две половины. Одна половина молчит, а другая еще говорит. Это нам, русским эмигрантам выпала страшная задача - говорить за Россию и требовать прав для нашей обездоленной Родины. Это нам судьба указала сохранить в чистоте

великие традиции русской литературы и честные заветы свободного русского слова" (Возрождение. - 1928. - 1 окт.).

Поздравительной телеграммой Съезд приветствовал король Александр. Первое заседание было отведено докладам о деятельности местных Союзов писателей и журналистов. От Парижского союза сообщение сделал В.Ф.Зеелер, от Берлинского - Н.М.Волковвыский, от Пражского - Н.М.Могилянский, от Белградского - А.И.Ксюнин, от Варшавского - С.М.Кельнич; о положении русской печати в Подкарпатской Руси - д-р Фенцик.

Основной разговор на Съезде развернулся вокруг вопроса о создании Объединения всех существующих зарубежных организаций русских писателей и журналистов, которое бы входило в международную федерацию журналистов (Доклады А.А.Боголепова, М.В.Вишняка). Были заслушаны представленные в письменной форме доклады П.И.Звездича "О мерах улучшения правового положения русских зарубежных писателей и журналистов", И.С.Шмелева "О зарубежном литературном фонде". Шмелев предлагал объединить все Союзы зарубежных русских литераторов и создать общий литературный фонд; в который должен отчисляться определенный процент с заработка всех его участников.

Широкие прения вызвало выступление С.П.Мельгунова "О газетной этике", говорившего о недопустимости оскорбительных полемических приемов, бытующих на страницах некоторых печатных изданий. Он предложил создать суды чести и третейские суды, как органы защиты журнальной этики. Съезд принял резолюцию по этому вопросу: "Признать, что защита профессиональной чести и добрых нравов входит в задачу профессиональных организаций. Предложить центральным органам Союза изыскать способы охраны профессиональной чести" (Возрождение. - 1928. - 3 окт.).

Поднимался на Съезде вопрос о военной тематике на страницах русской периодической печати. По докладу генерала Б.А.Штейфона вынесено следующее решение: "Считать жизненно необходимым, чтобы зарубежная русская печать представлением своих страниц военным авторам пришла бы на помощь русской военной научно-технической мысли" (Возрождение. - 1928. - 3 окт.).

По докладу С.И.Варшавского "О состоянии печати в советской России" Съезд предложил резолюцию: "Учитывая подцензурное положение печати в советской России, Съезд считает долгом русской

зарубежной печати систематическое осведомление заграничной печати об истинном положении вещей в России и противодействие распространению ложных о ней сведений. Съезд признает насущную необходимость проникновения свободного печатного слова в пределы России" (Возрождение. - 1928. - 5 окт.).

Съезд русских писателей и журналистов совпал с международным конгрессом по защите авторского права, открывшемся в Белграде 27 сент. 1928. На Съезде была создана комиссия в составе С.И.Варшавского, В.Ф.Зеелера, С.В.Завадского, В.Н.Челишева и др., разработавшая основные положения по защите авторских прав с учетом особого статуса русских писателей-эмигрантов. Этот документ был представлен международному конгрессу по защите авторского права.

В промежутках между деловыми заседаниями делегаты Съезда участвовали в различных мероприятиях. Для них был устроен обед у министра просвещения Югославии Милана Гроля, встречи с сербскими женскими обществами, с русской и югославской студенческой молодежью. В актовом зале университета участники Съезда организовали Толстовский вечер под председательством Е.Н.Чирикова. Сербскими литературоведами были прочитаны доклады: Милицей Богданович - "Толстой и слава", Душаном Николаевичем - "Фатализм в творчестве Толстого". От русских литераторов выступали С.В.Завадский, А.А.Кизеветтер.

27 сентября в королевском дворце состоялся прием участников Съезда русских писателей и журналистов и международного конгресса по защите авторского права. Королю Александру был представлен президиум Съезда. Как вспоминал А.А.Яблоновский, король начал обходить делегацию с В.И.Немировича-Данченко. Обращаясь к старейшему писателю, король сказал: "Вы живая история Сербии. Ведь вы были добровольцем в сербско-турецкую войну". Куприн поздоровался с королем по-военному: "Здравия желаю Ваше королевское Величество"... Король знает и любит Куприна. Когда король обошел всех и всех обласкал, со всеми обменялся словом и рукопожатием, нас пригласили во внутренние покои пить чай" (Возрождение. - 1928. - 5 окт.). В заключение состоялся большой концерт в присутствии королевской семьи.

30 сентября на Съезде был утвержден проект организации Зарубежного Союза русских писателей и журналистов, состоящего из

местных Союзов (Берлинского, Парижского, Варшавского, Белградского, Пражского). Последние управляются Съездом Союза, Советом Союза, Президиумом Совета и Правлением Союза. Председатели Совета и Правления и его члены избираются Съездом. В Совет входят делегаты от местных писательских Союзов. Президиум Совета составляют его председатель и делегаты от Парижского Союза писателей. Местопребывание Президиума - Париж, Правления - Белград. Председателем Совета на Съезде был избран А.А.Яблоновский, председателем Правления - Ф.В.Тарановский. Члены Правления: А.А.Боголепов, Е.В.Жуков, С.В.Завадский, К.И.Зайцев, В.Ф.Зеелер, А.И.Ксюнин, А.В.Маклецов, П.Б.Струве, В.Н.Челищев, Н.М.Могиланский. Заместители: А.А.Аргунов, С.И.Варшавский, Н.М.Волковский, В.Х.Даватц, В.В.Руднев, М.П.Чубинский, Л.М.Сухотин, К.К.Парчевский.

В этот же день прошли литературные чтения. В.И.Немирович-Данченко прочел рассказ "Счастливый лев", Б.К.Зайцев - "Богородица - Умиление сердец", "Борис и Глеб", А.И.Куприн - "Лесенка голубая", Е.Н.Чириков - "Снегурочка", "Мой чемодан", А.А.Яблоновский - рассказы, посвященные детям ("Фенька", "Детская"), З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковский - стихи.

1 октября состоялось закрытие Съезда. Последнее заседание открыл В.И.Немирович-Данченко, обратившийся к евангельскому тексту: "Где трое соберутся во имя Мое - там и Я с ними". Здесь пять Союзов собрались во имя России - и она была с ними. Люди самых разнообразных убеждений сошлись в братском единении и дали всей эмиграции яркий пример того, что мечта об объединении может воплотиться в действительность: мы имеем теперь, можно сказать, "вселенский" союз русской заграничной печати" (Возрождение. - 1928. - 5 окт.). Он заключает свою речь словами благодарности за оказанный прием королю Александру, патриарху Димитрию, югославскому правительству, общественности, народу. Съезд избирает В.И.Немировича-Данченко почетным членом Союза русских писателей и журналистов.

В заключение в актовом зале университета состоялся вечер русской литературы, где выступили В.И.Немирович-Данченко, А.И.Куприн, Е.Н.Чириков, З.Н.Гиппиус. На вечере присутствовал министр просвещения Милан Гроль. Академик А.Белич огласил королевский указ о награждении русских писателей югославскими

орденами. Орденом Св. Саввы I-й степени были награждены В.И.Немирович-Данченко и Д.С.Мережковский; орденом Св. Саввы 2-й степени - А.И.Куприн, Б.К.Зайцев, Е.Н.Чириков, З.Н.Гиппиус, Е.В.Спекторский; орденом Св. Саввы 3-й степени - А.А.Яблоновский, В.Б.Руднев, А.А.Боголепов, Н.М.Могиланский, С.И.Варшавский, С.М.Кельнич, А.И.Ксюнин; орденом Св. Саввы 5-й степени - Н.М.Волковыский, Е.В.Жуков.

Газета "Возрождение" назвала эти сентябрьские дни "русскими днями в Сербии". "Прием, оказанный нам королем Александром и его правительством, соучастие в работе съезда Академии наук и университета, прием и содействие со стороны патриарха Дмитрия, небывалое радушие сербской печати - все это листы нерукотворного венца, возложенного корнеединым народом на главу истерзанной России, в лице ее сынов, приехавших в Белград" (Шмурло Е., Ковалевский Е.П. Сербская неделя: Письмо с дороги // Возрождение. - 1928. - 30 сент.).

Конкретным результатом Съезда стало создание при Сербской Академии наук специальной издательской комиссии, развернувшей активную деятельность по выпуску неизданных произведений наиболее известных русских писателей-эмигрантов. В серии "Русская библиотека" вышли сочинения И.С.Шмелева, И.А.Булгина, А.И.Куприна, Б.К.Зайцева, Н.А.Тэффи, Е.Н.Чирикова, Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус, К.Д.Бальмонта, И.Северянина, А.М.Ремизова.

Л.Г.Голубева

"ПЕРЕЗВОНЫ" (Рига, 1925-1929. - № 1-43) - литературно-художественный иллюстрированный журнал, под ред. С.А.Белоцветова. Был задуман как иллюстрированный еженедельник для семейного чтения в традициях дореволюционного иллюстрированного журнала. Первый номер вышел 8 ноября 1925 и, не считая одного сдвоенного номера, до февраля 1926 издание оставалось еженедельным. Начиная с № 14 журнал выходит дважды в месяц, а в течение всего 1927 - ежемесячно. В 1928 и 1929 вышло только по два номера. В ряде источников даты существования

журнала указаны неточно (Булгаков, Струве, Фостер). В журнале было несколько постоянных отделов и рубрик: отдел искусства и старины, который вел проф. Н.И.Мишеев, печатавшийся буквально в каждом номере; "Детский уголок" под руководством священника о. М.Бурнашева; литературный отдел, порученный Б.Зайцеву, вышедшему в январе 1927 из состава редакции. Под рубрикой "По белу свету" давалась фотоинформация (о выставке русских периодических антибольшевицких изданий и др.). Объем журнала менялся в пределах 24-36 стр., также и число цветных вклеек, обычно хорошего качества. Пагинация была сплошная, полный комплект насчитывает 1380 стр. Редакция имела представителей в Эстонии, Литве, Финляндии, Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Франции, Германии, Турции, Египте, Китае, в США (на восточном берегу и в Калифорнии). О становлении журнала см. письма Б.Зайцева к И.Бунину (НЖ. - 1980. - № 139).

Особое внимание придавалось художественному облику журнала. Среди постоянных сотрудников было несколько художников - Добужинский, С.Виноградов, Богданов-Бельский и др. Цветную стилизованную обложку, символизирующую "перезвоны" русской культуры в изгнании (дерево с колоколами на ветвях, растущее из чужой почвы, а на ближнем фоне - панорама сорока сороков) нарисовал М.Добужинский. Более трети всех номеров были посвящены одному или двум русским художникам - С.Виноградову, Богданову-Бельскому, Нестерову, К.Коровину, Васнецову, Добужинскому, Левитану, Верещагину, Рериху, Кустодиеву, Сурикову, Перову, Куинджи, Репину, Серову, Билибину, Б.Григорьеву, Анненкову. Несколько номеров связаны с широкой историко-культурной темой (Киев, Москва, Санкт-Петербург, Псков и Новгород, деревянное зодчество, Эрмитаж, икона, подмосковные усадьбы, казачество). Один из номеров посвящен Дню Русской Культуры (№ 32). Был объявлен специальный выпуск (№ 44) на тему о русской провинции, но на № 43 издание прекратилось.

Редакция стремилась представить журнал как орган русского художественного слова, искусства и старины. Он действительно воспринимался читателями как "русский голос". Политические разногласия авторов на страницах журнала были полностью стерты, объединение разнообразных творческих сил вокруг идеи русскости было практически достигнуто. Об этом писал в П. философ И.Ильин.

Г.Струве в книге "Русская литература в изгнании" говорит о провинциальности журнала. Действительно, в подаче и тоне некоторых материалов заметна популяризаторская линия. Но если говорить об авторах, публиковавшихся в "Перезвонах", то ни о какой провинциальности не может быть и речи. Даже если бы речь шла только об отделе поэзии, который несколько уступал отделу прозы и в котором чувствовалась случайность отбора, то и тогда было бы трудно противопоставить "провинциальности" журнала какие-то более "столичные" образцы. В журнале печатались поэты, жившие во Франции (большинство - в Париже): М.Цветаева, Г.Адамович, Д.Мережковский, Н.Туровец, Г.Кузнецова, И.Кнорринг, В.Горянский, А.Ладинский, А.Черный и др. Находим в журнале и стихи участников пражского "Скита поэтов" - А.Фотинского, С.Рафальского, Х.Кротковой. Болгарская эмиграция представлена Л.Столицей и А.Федоровым; Латвия - А.Формаковым, А.Перфильевым (Александр Ли), О.Далматовой, написавшей, в частности, стихотворение "Перезвоны", которым открывается первый номер. Публиковались стихи Л.Тулпы из Америки, И.Умова из Африки, Д.Шаховского, в ту пору брюссельца, Н.Белоцветова - берлинца. Нередко стихотворения подбирались так, чтобы они "вписывались" в тематические номера. Так в номере, посвященном иконе (№ 43), находим стихотворение Л.Столицы "Благодатный богомаз" об Андрее Рублеве, а в "казачьем" номере (№ 31) - казачьего поэта Н.Туровецовой вместе с Бальмонтом, написавшим специально для этого номера стихотворение "К казакам". Бальмонта печатали (стихотворения, поэмы, переводы и прозу) особенно часто и с энтузиазмом отметили юбилей поэта.

Критика представлена лаконичными рецензиями, печатавшимися под постоянной рубрикой "Русская книга", систематически появлявшейся до № 22. Авторами рецензии были В.Ладыженский, Н.Белоцветов, Б.Зайцев, И.Нолькен и др., а также сотрудник редакции проф. Н.Мишеев. Книги, отмеченные критиками, - это сборник стихов О.Далматовой "Черные грозди", "Временник Общества друзей русской книги", дающий описание русских книжных богатств в зарубежье; "Сборник статей, посвященный П.Б.Струве"; альманах "Москва"; пражский альманах "Ковчег"; сборник статей "Дети эмиграции". Из книг, переживших свою эпоху, оставшихся в литературе, журнал отметил сказку

Цветаевой "Молодец", исторический роман Алданова "Чертов мост", "Преподобного Сергия Радонежского" Б.Зайцева, бунинскую "Митину любовь", рецензия на которую начиналась словами: "Каждая новая книга Ив.Бунина - это праздник". Появлялись отзывы на монографии о русских художниках, а также рецензии на книги эмигрантских мыслителей и ученых (Ильина, Степуна, Бицилли). Давались отзывы и на журналы - на парижские "Современные записки", нью-йоркскую "Зарницу", пражский журнал молодежи "Своими путями", на философско-религиозный "Путь". Помимо рецензий, было напечатано несколько статей о писателях - о Б.Зайцеве, Е.Чирикове и др. Весь критико-библиографический отдел носил характер, говоря словами Б.Зайцева, "хорошего отношения ко всему русскому (любовь, но не кичливость)". За все время напечатано было только три статьи философского характера - одна Бердяева и две И.Ильина.

В "Перезвонах" сотрудничало большинство оказавшихся в эмиграции видных прозаиков старшего поколения. Поскольку художественная проза в той же степени определяла лицо журнала, что и отдел искусства, и намного больше, чем поэзия или критика, то в целом "Перезвоны" можно назвать "журналом старших". Младшее поколение было представлено реалистами бунинского типа да еще начинающим Георгием Песковым (Елена Дейша). Бунин, Шмелев, Осоргин, Куприн, Алданов, Зайцев, Ремизов, Тэффи, П.Краснов, Чириков, А.Федоров, Лукаш, Зуров, Рошин, Песков, Гребенщиков, Арцыбашев, Минцлов, Амфитеатров, Ладыженский - с этими двадцатью именами был связан облик журнала. Упомянуть следует еще прозу поэтов - Бальмонта и А.Черного. Раз или два напечатались П.Кожевников, С.Волконский, А.Даманская. Но их проза, как и рассказы еще двух-трех других авторов, мало что прибавила к определившемуся лицу журнала, "выражение" которого можно, в частности, определить словами Бердяева "о церковном одолении гуманизма изнутри". Подобная тональность слышится в рассказе Бунина "Поруганный Спас" (№ 20), в котором "несказанно прекрасны очертания церквей над сумраком земли". В том же роде и очерк Гребенщикова "Письма с Памперага": "Отважился написать это первое послание во имя духовного строителя Русской Земли". Даже Тэффи опубликовала рассказ "Непрощенное дерево" не в обычном для себя юмористическом роде, а легенду-апокриф. Часто печатались

в журнале произведения на тему русского культурного пантеона и русской старины: рассказ И.Лукаша "Дурной арапченюк" (о Пушкине), его же "Вертоград затаенный" с подзаголовком "Образы старой Руси" и мемуарный очерк Зайцева "Крестный" (о Чехове), посмертная публикация "Подвальных очерков" Аделаиды Герцык, поэтессы, пережившей в Крыму ужасы голода и революции и сидевшей в подвале чека. Эти полные трагизма очерки были помещены с предисловием Б.Зайцева и не под именем автора, а под инициалами А.Г.

Главным жанром в журнале был короткий рассказ и очерк (мемуарный и путевой). Нередко печатались отрывки из готовящихся к печати книг. Отрывки публиковали Алданов (из романа "Чертов мост"), Ремизов (из книг "Русские женщины", "Плетешок", "Страды мира", "Взвихренная Русь"), Амфитеатров (из романа "Вчерашние предки"), Гребеншиков (из эпопеи "Чураевы"). Описание путешествий видим в очерках "Афонские дни" Б.Зайцева, в его же "Провансе" и др. Печатались и сказки, причем не только в отделе "Детский уголок": "Хан Алтай" Гребеншикова, "Жеребенок - золотое копытце" Арцыбашева. В рассказах обычно звучит ностальгическая нота. В произведениях, написанных в ретроспективном духе, нередко стираются жанровые границы между мемуаристикой и новеллистикой. В рассказе С.Минцлова "На Иссык-Куле" видим мотивы путешествия и воспоминаний и рядом с этим образы Святой Руси. В целом же в рассказах, печатавшихся в журнале, наметились три темы: дореволюционная Россия (переживаемая почти как "Святая Русь"), кровавые годы революции и эмигрантская повседневность.

Вадим Крейд (США)

"ПЕРЕКРЕСТОК" - литературная группа (1928-1937), объединяющая в себе поэтов, живших в Париже (П.Бобринский, Д.Кнут, Ю.Мандельштам, Г.Раевский, В.Смоленский, Ю.Терапиано) и в Белграде (И.Голенищев-Кутузов, А.Дураков, Е.Таубер, К.Халафов). Е.Таубер позднее переехала во Францию. Группа ориентировалась на творческие позиции В.Ходасевича, на неоклассицизм, внимание к поэтической форме. В.Ходасевич и

Н.Берберова, не принадлежа к "Перекрестку", активно участвовали в деятельности группы; "перекресточники бывали у Ходасевича, который входил в их поэтические, а порой и личные дела, и участвовал не только в литературных беседах "Перекрестка", но и в некоторых эскападах" (Терапиано Ю. Встречи. - Нью-Йорк, 1953. - С. 105). Название для группы предложил Д.Кнут.

Одной из главных форм деятельности "Перекрестка" были литературные вечера с докладами и чтением стихов (часто с последующим их обсуждением). На вечерах "Перекрестка" доклады делались, помимо участников группы, крупнейшими писателями, критиками русского зарубежья: С.Маковским, В.Вейдле (не раз выступавшим в "Перекрестке"), В.Ходасевичем, З.Гиппиус, М.Цветаевой, В.Сириным. Часто доклады, звучащие на вечерах "Перекрестка", были посвящены общим проблемам литературы: "О простоте в поэзии" (В.Вейдле, 18 июля 1930), "Пафос и патетичность в поэзии" (И.Голенищев-Кутузов, 5 нояб. 1930), "О личности и об искренности" (Ю.Терапиано, 31 окт. 1931), "Гете и всемирность" (В.Вейдле, 19 марта 1932), "Поэзия и политика" (З.Гиппиус, 17 марта 1934). Порою доклады и вечера "Перекрестка" были обращены к важным проблемам эмигрантской литературы. На вечерах 14 и 20 июня 1930 С.Маковский выступал с докладом "О молодых поэтах". 21 мая 1932 состоялось собеседование о положении молодых эмигрантских писателей (по поводу статьи В.Ходасевича "Подвиг"). 22 апреля 1933 на вечере "Перекрестка" выступил В.Ходасевич с докладом "Отчего мы погибаем?", легший в основу его статьи "Литература в изгнании" (Возрождение. - 1933. - 27 апр., 4 мая). Ряд вечеров "Перекрестка" был посвящен памяти поэтов: А.Белого (3 февр. 1934), А.Блока (2 февр. 1935), А.С.Пушкина (11 февр. 1937). Некоторые из вечеров "Перекрестка" были посвящены творчеству участников группы: Д.Кнута (9 дек. 1931), В.Смоленского (2 янв. 1932), Ю.Мандельштама (25 февр. 1933).

В вечерах "Перекрестка" участвовали с чтением своих произведений не только члены группы, но и литераторы, далекие от творческих позиций "Перекрестка". На вечере 28 ноября 1931, посвященном прозе, кроме Н.Берберовой, читавшей отрывки из романа "Повелительница", выступали Б.Поплавский с главами из романа "Аполлон Безобразов" и Ю.Фельзен с отрывками из "Писем о Лермонтове". 17 марта 1934 в "Перекрестке" с чтением стихов

выступали, помимо участников группы, Г.Адамович, З.Гиппиус, В.Злобин, Г.Иванов, А.Ладинский, Б.Поплавский, Ю.Софиев, Л.Червинская.

Будучи одной из наиболее активных литературных групп русского зарубежья, "Перекресток" отстаивал свои эстетические позиции и в полемике с другими литературными объединениями, и публикацией поэтических сборников "Перекресток" (вышло в свет в 1930 два сб-ка). Отношение к "Перекрестку" было одним из важных моментов полемики между В.Ходасевичем, видевшим в творчестве участников этой группы устремленность к продолжению классической традиции русского стиха (Возрождение. - 1930. - 10 июля), и Г.Адамовичем, упрекавшим "перекресточников" в ограничении своих творческих поисков областью поэтической формы (Числа. - 1930. - № 2/3).

Немалую известность среди литераторов русского Парижа 30-х получила рукописная "Перекресточная тетрадь". Идея такой тетради, "в которую бы вписывалось все, достойное внимания", принадлежала, по-видимому, Г.Раевскому, а вели ее чаще других Ю.Терапиано и Ю.Мандельштам (Терапиано Ю. Встречи. - Нью-Йорк, 1953. - С. 105). В тетрадь вписывались всевозможные курьезы из литературной жизни русского Парижа, эпиграммы, пародии. В воспоминаниях современников сохранились записанные в "Перекресточную тетрадь" шутивное стихотворение З.Гиппиус "Стихотворный вечер в "Зеленой Лампе" и сочиненная участниками группы пародия на В.Ходасевича "Арион русской эмиграции". Записи в "Перекресточной тетради" порою становились предметом публикаций. Так, собранная в тетради коллекция "гениально-плохих" (Терапиано Ю.) стихотворений - "Собрание стихов ниже нуля" - послужила основой для статьи В.Ходасевича "Ниже нуля" (Возрождение. - 1936. - 23 янв.).

Последний вечер "Перекрестка" (торжественное заседание с докладом В.Сирина о А.С.Пушкине) состоялся 11 февраля 1937. По свидетельству участника группы, "Перекресток" распался "по человеческим", а не по идеологическим причинам" (Терапиано Ю. - С. 132).

А.И. Чагин

ПОЛЬСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Одним из первых русских книгоиздательств, действовавших на территории Польши, было книгоиздательство Культурного просветительного комитета при Русском политическом комитете, специализировавшемся на выпуске литературы политического характера: Савинков Б.В. Борьба с большевиками (1920); он же. За свободу и Родину: Сб. статей с предисловием и краткой биографией автора (1920) и др. В книгоиздательстве также выходили произведения русских классиков: Кольцов А. Избранные стихотворения (1920), Крылов И. Избранные басни (1920), Некрасов Н. Кому на Руси жить хорошо (1920) и др. В 1921 Русский политический комитет был преобразован в Русский эвакуационный комитет, продолживший издание книг, в основном, политических: Савинков Б. Русская народная добровольческая армия в походе (1921) и др. В 1921 были зарегистрированы еще два книгоиздательства: "Слово" - Жакмон П. Письма русского эмигранта (1921) и др.; Польско-Русское книгоиздательство "Россика", печатавшее книги политические (Савинков Б. Накануне новой революции: Сб. статей. 1921) и художественные (Дикгоф-Деренталь А. Рассказы. 1921; Гомолицкий Л.Н. Миниатюры: Стихи 1919-1921 годов. 1921).

В 1923 зарегистрировано книгоиздательство "Таверна поэтов", выпустившее книгу "Шестеро: Малый альманах поэзии и прозы". В 1924 развернуло свою работу книгоиздательство "Добро", специализировавшееся на выпуске художественной литературы: Аверченко А. Отдых на крапиве (1924), Арцыбашев М.П. Под солнцем: Книга рассказов (1924), Каспрович Я. Книга смиренных / Пер. с польск. Бальмонта К. (1928), Брешко-Брешковский Н. Жидкое золото: Нефтяной роман (1930); он же. Роман Великого князя (1931), Шене В. Княжья месть: Эмигрантская быль. Повесть в стихах (1930) и др. Это книжное предприятие практиковало совместные издания (как правило, это были книги философско-политического содержания): так, книга Н.Бердяева "Марксизм и религия: Религия как орудие господства и эксплуатации" имела совместный гриф с парижским издательством "УМСА-press" (1929); аналогично - книга Вышеславцева Б.Н. "Христианство и социальный вопрос" (1929) и др. С 1924 по 1936 в Варшаве выходил еженедельный церковно-народный иллюстрированный журнал "Воскресное чтение". При журнале работало книгоиздательство, выпускавшее "Библиотеку журнала

"Воскресное чтение": Брешко-Брешковский Н.Н. Ряса и кровь: Роман (1925) и др. Книгоиздательство "За свободу" действовало на базе газеты с аналогичным названием, выпустившее в 1925 книги М.Арцыбашева ("Дьявол: Трагико-комический фарс в 4 д. в прозе"; "Записки писателя". Часть 1).

В 20-е в Варшаве существовала Литературная секция "Союза русских писателей и журналистов", в конце двадцатых преобразованная в "Литературное содружество". Первоначально деятельность "Литературного содружества" проявлялась в лекциях и собраниях-чтениях. В начале 30-х было организовано книгоиздательство "Литературное содружество", выпустившее: Бранд В. Сборник стихов (1932), Гомолицкий Л. Дом: Поэма (1932), Войцеховский С.Л. Стихи (1932) и др.

В 30-е в Варшаве действовало книгоиздательство "Священная лира", специализировавшееся на выпуске поэтических произведений современных авторов: Гомолицкий Л. Ода смерти: Баллада (1937), Э.Чегринцева. Строфы (1938), а также на выпуске поэтической серии "Священная лира"; в четырех выпусках этой серии напечатаны стихи Г.Клингера "Небесный плуг", А.Кондратьева "Вертоград небесный", Л.Гомолицкого "Сотом вечности", Ю.Иваска "Северный берег" и др. (Бём А. Письма о литературе. - Прага, 1996. - С. 323).

Во второй половине 30-х существовало книгоиздательство при газете "Меч", выпустившее в 1936 книгу А.Бёма "Судьба двух поэтов: Блок и Гумилев".

О.В.Быстрова

"ПОНЕДЕЛЬНИК" (Шанхай, 1930-1934. - № 1-3/4) - издание шанхайского "Содружества русских работников искусства", попытка создать силами русской дальневосточной диаспоры "толстый" литературно-художественный журнал, чтобы объединить усилия литературной общности русского дальневосточного зарубежья. По мнению редакции журнала, на Дальнем Востоке сложилась иная направленность и в культурной жизни вообще, и в творчестве местных литераторов, чем на Западе. Здесь литераторы не только стремились к изучению культуры, быта и реалий Востока, но и

больше ориентировались на Россию, как прежнюю, так и современную. Такая "азиатская" линия журнала вызвала в русской эмигрантской печати тех лет самые разные отклики: и восторженные отзывы, и критику за "пренебрежение к Западу", и даже упреки за "тяготение к Москве", - что опротестовывалось редакцией в № 2. Восточная тема в первом выпуске журнала была представлена, главным образом, очерком М.Щербакова "По древним каналам"; во втором номере она была значительно расширена (статья Е.Федорова "Хань Чжоу"), переводы с китайского Ф.Даниленко, М.Щербакова. В рассказах К.Батурина "Шаньдунь" и А.Несмелова ("Le Sourire") немало интересных реалий китайской жизни тех лет.

В числе главных действующих лиц литературной секции "Содружества" и редакции "Понедельника" были: М.В.Щербаков, А.Д.Лаврентьев, К.В.Батурин, В.С.Валь (Присяжников). Проза в журнале была представлена В.Логоиновым, Вс.Н.Ивановым присылавшими свои произведения из Харбина; поэзия - А.Несмеловым, Л.Гроссе, Т.Андреевой, Н.Щеголевым, М.Спурготом, В.Янковской и др. В журнале впервые вышла поэма А.Несмелова "Через океан", позже изданная отдельной книгой в Шанхае в 1934; были напечатаны рассказы Вс.Н.Иванова из серии "Любовь и служба Касьянова".

Разделы "Художественная хроника" и "Жизнь Содружества" давали представление о культурной жизни русских жителей Шанхая, Тяньцзина и в определенной степени - Харбина. О творчестве русских художников читатель мог судить не только по отчетам о выставках, но и репродукциям их картин, представленных на специальных вкладках. Воспроизведение работ художников, выполненных маслом, тушью, сепией было большим достижением журнала на фоне скромных полиграфических возможностей русской прессы в Китае тех лет. Вклейки с репродукциями на плотной бумаге способствовали художественному восприятию интересных работ, представлявших Восток сквозь призму европейской школы живописи.

После выпуска двух номеров в результате внутренних разногласий, приведших к расколу среди членов "Содружества", основная группа литераторов и художников вышла из его состава и образовала другое литературно-художественное объединение - "Восток". Его название как-бы подтвердило прежний курс "Понедельника": ориентацию на изучение и популяризацию культур стран Востока, объединение творческих сил русской дальневосточной

эмиграции. Новым объединением в период 1934-35 были выпущены две книги альманаха "Врата", где продолжали печататься все ведущие авторы "Понедельника".

Хотя ни в "Понедельнике", ни во "Вратах" не указана фамилия главного редактора, известно, что вдохновителем и организатором этих изданий был Михаил Васильевич Щербаков. Физик по образованию, владевший несколькими иностранными языками, военный летчик в первую мировую войну, он проявил себя в эмиграции и как видный деятель русской культуры, к тому же обладавший литературными способностями. Принимая участие во многих изданиях как поэт, прозаик и переводчик, он стал автором трех небольших книг: повести "Черная серия" (Шанхай, 1931), сборника рассказов "Корень жизни" (Шанхай, 1931) и поэтического сборника "Отгул" (Шанхай, 1944).

После ухода М.В.Щербакова и других членов "Содружества" из "Понедельника", журнал вскоре прекратил свое существование. В № 3/4 уже был утрачен широкий диапазон содержания, характерный для двух предыдущих номеров. Журнал стал больше освещать местную шанхайскую жизнь.

Журнал был одним из первых шагов в культурной жизни дальневосточного русского зарубежья, направленных на консолидацию творческих сил эмиграции. Рецензии на сборники и книги, отчеты о литературных конкурсах и художественных выставках, некрологи, посвященные видным деятелям культуры зарубежья, представляют собой хронику жизни дальневосточной ветви русской диаспоры начала 30-х.

Е.П.Таскина

"ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ" (Ревель, 1920. - 13 авг. - 1927) - ежедневная газета русского национального меньшинства в Эстонской республике. Ответственные редакторы: М.Г.Ратке (1920-1921), Р.С.Ляхницкий (1921-1925), С.В.Штейн и О.А.Гюдженева (1926-1927). Определяла себя как "внепартийную газету прогрессивно-демократического направления". Литературным отделом заведовал поэт и драматург Ярослав Владимирович Вокнов,

печатавший в газете свои рассказы, стихи, а также критические статьи и рецензии ("Белое сердце" <О Ремизове>. - 1921. - 22 окт.; "Его глаза" <Памяти Л.Андреева>. - 1924. - 16 сент.; "Комариный нос" <О В.Маяковском>. - 1923. - 12 мая; "На новый путь" <Об Игоре Северянине>. - 1925. - 11/12 апр.; "Три книги Н.Гумилева". - 1922. - 3 июня.; некролог Е.Вахтангова. - 1923. - 31 мая). В газете печатались местные авторы: поэты В.Ф.Александровский-Адамс (1898-1993), В.Е.Гущик (1882-1947), Игорь Северянин (библиографию его публикаций в "ПИ" см.: De Visu. - 1993. - № 2), Б.В.Правдин (1887-1960); прозаики В.И.Кржыжановская-Рочестер (1871-1924), В.В.Никифоров-Волгин (1901-1941), Г.И.Тарасов, А.В.Чернявский, С.В. фон Штейн (1882-1955) был ведущим литературным критиком газеты ("Воспоминания об А.Блоке". - 1921. - 21 и 24 авг.; "Литературные встречи". - 1925. - 24 янв., 26 февр., 11/12 апр.; "Ницше и Россия". - 1925. - 26 авг.; "Погиб поэт: К убийству Н.С.Гумилева". - 1921. - 16 сент.). Из писателей, живших в других странах русского рассеяния, в газете сотрудничали А.Г.Аверченко, М.П.Арцыбашев, К.Д.Бальмонт ("Оттого". - 1921. - 13 мая.; "С кем". - 1921. - 20 июня), А.А.Кондратьев (рассказ "История о воскресшем Иоэзере". - 1927. - 5, 6, 7 мая и цикл "Из литературных воспоминаний". - 1927. - 6 янв., 19, 20 февр., 21 апр.), И.Ф.Наживин (роман "Поцелуй королевы" - 1926. - 15 авг. - 3 окт.), В.И.Немирович-Данченко (повесть "Смертники". - 1925. - 12-28 апр.), П.М.Пильский. Из советских авторов газета перепечатывала произведения М.Зощенко, М.Козырева, П.Романова. Полный комплект газеты хранится в научной библиотеке Тартуского университета.

О.С. Фигурнова

"ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ" (Париж, 1920. - 27 апр. - 1940. - 11 июня. - № 1-7015) - ежедневная газета. Первым редактором был бывший киевский присяжный поверенный М.Л.Гольдштейн, учредителем общества, издающего газету, являлся М.С.Залшупин. В передовой статье первого номера редактор наметил программу: "Девиз газеты - служение объективной правде, участие в работе по созданию

фундамента для новой России", где "не может быть места ни угнетению, ни насилию". Редакция ставила своей задачей беспартийность, информативность, ориентацию на факт. В первом номере были опубликованы статьи помощника редактора С.О.Загорского и барона Б.Э.Нольде, а кроме этого фельетоны Дон-Аминадо "Париж" и Н.А.Тэффи "Кэ фер?".

На страницах "ПН" было отмечено 10-летие со дня смерти Л.Н.Толстого - в статье "Толстой и Гете" (1921. - 5 янв.) Мих.Цетлин заметил, что оба писателя были "великими язычниками": Гете сознательным поклонником классической древности, Толстой - бессознательным, более "древним". Однако, если у Гете вся его лирика, драмы и романы "это история души, жаждущей абсолютной полноты познания и переживания", то основа толстовского творчества такая же по напряженности и силе жажда, но не познания, а "абсолютной праведности, царства Божия на земле". Статьей Дионео "Великий Патрокл" (1921. - 10 февр.) газета откликнулась на смерть П.А.Кропоткина. "ПН" отметили выход "Современных записок" (кн. 2): М.Алданов писал в своей рецензии, что этот журнал "в области культуры легко и просто осуществляет ту самую коалицию, которую, по-видимому, так трудно создать в сфере чисто политической" (1921. - 3 февр.). Б.Мирский в статье "Собирание духа" (1921. - 2 янв.), обнаружив в русской эмиграции "признаки зарождения политического духа, обращенного к демократической вере", признал, что на исходе 1920 русская интеллигенция начинает "собираться" и в начинающемся году этот процесс должен "осуществиться, ибо вне его - бессмысленная отвратительная духовная гибель". "ПН" стали первой серьезной эмигрантской газетой, однако, меньше чем через год после появления первого номера, издатель вынужден был продать газету. Прощаясь с читателями, М.Л.Гольдштейн констатировал успех своего издания, но отметил, что теперь газете необходимо опереться "на определенные общественные и политические круги", ибо "читательская масса собрана" и "настал второй период: ее надо повести" (1921. - 27 февр.).

"ПН" перешли в руки республиканско-демократической группы партии Народной Свободы, и став органом Республиканско-демократического объединения, с 1 марта 1921 начали выходить под ред. П.Н.Милокова (гл. ред.), М.М.Винавера, А.И.Коновалова, В.А.Харламова. Большинство сотрудников вошли в новую редакцию,

сразу заявившую на страницах газеты о ее политической направленности. "Новая тактика", явившаяся основанием всей дальнейшей политической линии "ПН", заключалась в следующем: 1) анализ причин неудачи, постигшей Белое движение; 2) демократическая политическая программа (демократическая республика, федерация, признание собственности крестьян на безвозмездно перешедшие к ним земли помещиков); 3) отказ от дальнейшей вооруженной борьбы, от иностранной интервенции и обращении к активным общественным силам внутри самой России, которые могли бы быть противопоставлены большевикам; 4) объединение демократических элементов и отмежевание от реставраторских и монархических групп и тенденций, возобладавших в конце белой борьбы. Новая редакция приступила к работе в тот момент, когда вооруженная борьба только что закончилась поражением антибольшевистских армий и их эвакуацией. Противники республиканско-демократической позиции газеты и ее "новой тактики" в обостренной газетной полемике обвиняли "ПН" в "измене национальному делу", в "оскорблении армии", в "сближении с социалистами-революционерами, ответственными за провал Февральской революции", даже в "готовности пойти на соглашение с большевиками". Резко враждебно был встречен и один из основных тезисов о том, что спасение России зависит не от эмиграции, а от самой России. Редакцией газеты, во главе с П.Н.Милюковым, велась активная полемика с противниками в собственных рядах и с представлявшим их взгляды "Рулем" И.В.Гессена и В.Д.Набокова, полемика слева была со стороны берлинского "Голоса России" (редакции В.Чернова), и, наконец, справа - со стороны органа монархической ориентации, возникшей позднее, в 1925, газеты "Возрождение" (ред. П.Б.Струве). Однако в области межпартийных отношений "ПН" проводили идею объединения демократической части эмиграции.

С конца 1923 газета стала выходить два раза в неделю - по воскресеньям и четвергам - на 6 страницах, а с 1931 появились и 8-страничные номера. Четверговый выпуск по традиции уделял особенно большое внимание новостям литературы. Сумев привлечь крупнейшие литературные и журналистские силы, "ПН", "несмотря на то, что политическая линия их проходила значительно левее политической равнодействующей эмиграции в целом, быстро стали

не только самой читаемой русской газетой во Франции, но и завоевали себе подписчиков и читателей в других странах Европы и даже в Новом Свете и на Дальнем Востоке - везде, где были русские эмигранты" (Струве. - С. 20). Став современной европейской газетой, "ПН" продолжали за рубежом традицию русской печати - не только ежедневно сообщать новости, но и давать "пищу для души", уделяя большое внимание вопросам публицистическим и просветительским. И здесь роль газеты, как всегда было в России, до некоторой степени совмещалась с ролью, обычно выполняемой журналами. Ведь для многих тысяч читателей "ПН", "волею печальной судьбы", составляли часто главную "духовную пищу", "важнейший источник связи с родной культурой и даже языком" (Словцов Р. 10 лет "ПН". - 1930. - 26 апр.). В сообщениях о советской России издание являлось для читателей источником осведомления о том, что происходит на родине. Такой информацией, заимствованной из советской прессы и оригинальной, постоянно пользовалась и иностранная пресса. Не одна лишь информация "ПН", но и ее оценки находили путь к европейскому обществу. Эта "роль свободной русской печати в правильном освещении мирового общественного мнения о том, что делается в советской России, - поистине огромна, и она одна объясняет ту острую ненависть, которую чувствуют к "эмигрантским листкам" большевики" (там же). Газета не только осведомляла читателей о России, но и была источником сведений о мировой жизни, в том числе и о жизни Франции, заменяя русским изгнанникам французскую газету. "ПН" оказывали своим читателям и чисто практическую, бытовую помощь: это и денежные, благотворительные сборы, начиная с "Голодной пятницы" или заметки на четвертой странице в несколько строк "Нужна срочная помощь", и раздел "вопросов и ответов", и бесплатные консультации в помещении редакции газеты по вопросам паспортов, виз, налогов и проч.

Для тысяч эмигрантов только через газету открывалась советская литература, отражающая как художественные поиски, так и жизнь на оставленной родине; главным образом через газету знакомился зарубежный российский читатель и с теми многочисленными материалами и исследованиями о прошлом, которые выходили в России, в газетных статьях регулярно рассказывалось их содержание. "ПН" уделяли много места прошлому - не только отчетам об исторических книгах и мемуарах, но и

современным очеркам и воспоминаниям, впервые появившимся за границей, они также старались держать своих читателей в курсе иностранной литературы: и художественных новинок, и ежедневно печатая продолжение зарубежного романа (главным образом, переводы с английского), и важнейших научных исследований. В газете регулярно публиковались научные обозрения - своеобразный "университет на расстоянии", своего рода страницы из самых современных учебников по физике, астрономии, химии, геологии, психологии.

Один из сотрудников газеты, А.Седых, отметил, что "ПН" "в течение двадцати лет играли руководящую роль в жизни русской эмиграции", а Милюков "стал тем центром, вокруг которого собрались все лучшие литературные и публицистические силы зарубежья" (Седых А. Далекие, близкие. - М., 1995. - С. 153). В отделе публицистики регулярно появлялись статьи лондонского корреспондента Дионео, В.Е.Жаботинского, Ст.Ивановича (В.Талина), А.М.Кулишера (Юниуса), Е.Д.Кусковой, Антона Крайнего (З.Н.Гиппиус), Б.Мирского, В.Мякотина, Л.М.Неманова, В.А.Оболенского, С.Л.Полякова-Литовцева, С.Н.Прокоповича. На литературной странице по четвергам печатались беллетристика И.А.Бунина, Б.К.Зайцева, А.И.Куприна, отрывки из романов и очерки М.А.Алданова, произведения С.Р.Минцлова, Вас. И. Немировича-Данченко, М.А.Осоргина, А.А.Плещеева, А.М.Ремизова, В.Сирина (Набокова), Н.А.Тэффи, Семена Юшкевича; поэзия была представлена именами К.Бальмонта, Г.Иванова, И.Одоевцевой, П.Потемкина, М.Цетлина, Саши Черного. В "ПН" печатались и молодые прозаики и поэты: Н.Берберова, Л.Ф.Зуров, И.Кнорринг, Д.Кнут, Г.Кузнецова, А.Ладинский, Г.Песков, М.А.Струве. Фельетонистами были Дон-Аминадо и Вл. Азов, дважды в неделю появлялись статьи Р.Словцова (Н.В.Калишевича), со статьями на научные темы регулярно выступал Ю.Делевский, разнообразную шахматную информацию давал А.Алехин. О литературе писали Г.В.Адамович, В.Вейдле, Г.Лозинский, М.Осоргин, В.Ф.Ходасевич (до его перехода в газету "Возрождение"). К литературному и литературно-критическому отделу примыкали театральный, кинематографический и живописный. Художественную критику вел А.Н.Бенуа, печатавший здесь свои знаменитые "Художественные письма". Музыкальную критику вел Б.Ф.Шлецер ("Музыкальные заметки"), балетную -

А.Левинсон, театральные рецензии писал бывший директор Императорских театров кн. С.М.Волконский (рубрика "Театральные заметки"). Читатели находили здесь отчеты о новинках парижской сцены и экрана, о выставках иностранного и особенно русского искусства в пределах и за пределами Франции.

Постоянное внимание на страницах "ПН" уделялось классическому наследию русской литературы. Это, прежде всего, юбилеи и дни памяти: статьи Г.Адамовича "Восьмая годовщина" (со дня смерти Блока) (1929. - 15 авг.) и "Памяти Блока" (1930. - 13 нояб.), к 10-летию со дня кончины, поэта были опубликованы статьи А.Ремизова и Н.Берберовой "Памяти Блока" (1931. - 6 авг.). 50-летию со дня смерти Ф.М.Достоевского, широко отмечавшемуся русской эмиграцией, посвящена статья Г.Адамовича "Памяти Достоевского" (1931. - 8 февр.), к 90-летию со дня кончины Лермонтова им же написана статья "Лермонтов" (1931. - 1 авг.); к 50-летию со дня смерти И.С.Тургенева написаны статьи К.Бальмонта "Тургенев как поэт" (1933. - 15 июня), Г.Адамовича "О Тургеневе" (1933. - 3 сент.) и П.Милюкова "Русский европеец" (1933. - 3 сент.). Материалы чествования А.С.Пушкина русской эмиграцией (100-летие со дня смерти) были отражены в статье С.Полякова-Литовцева "В пушкинские дни" (1937. - 9 февр.), а на следующий день вышел Пушкинский номер "ПН" с передовой статьей "Воскрешенный Пушкин" и статьями Г.Адамовича, М.Алданова, М.Осоргина, А.Ремизова, П.Милюкова, Р.Словцова, Я.Полонского, А.Семенченкова и др. По случаю 125-летия со дня рождения Н.В.Гоголя и в связи с кончиной А.Белого была написана статья Г.Адамовича "Андрей Белый и Гоголь" (1934. - 14 июня); 100-летию со дня рождения Н.С.Лескова была посвящена статья П.Ковалевского "Н.С.Лесков" (1931. - 17 янв.); 125-летнему юбилею М.Ю.Лермонтова - Г.Адамовича "Лермонтов" (1939. - 19 дек.).

Писатели и критики многократно обращались к творчеству А.П.Чехова (Адамович Г. Чехов // 1929. - 14 июля; Бунин И. О Чехове // там же; Адамович Г. О Чехове // 1934. - 19 июля). Секрет обаяния писателя Г.Адамович усматривал в сердечном подходе Чехова к человеку, с которым он "оставался наедине" и "как бы пожал ему руку, ничему его не уча, ничем не терзая", но лишь объяснив, что человек, этот "неповторимый в своей скромной единственности Иванов", очень несчастен. Чехов взял "самую верную и чистую ноту" в русской

литературе, такую же, как Толстой, но притом "звонящую и лирическую". Писатель "свободен от роковой печати эпохи и даже среды: у него под руками оказался как бы вечный материал, - т.е. человеческая душа, предоставленная самой себе" (1934. - 19 июля). Чехов выразил "дух времени", его очарование и ничтожество, судьбу: "он уловил веяние той эпохи в ее тончайших "обертонах", читая его "мы не только узнаем исчезнувший быт... мы в это существование проникаем изнутри. Чехов - кусок русской истории" (1929. - 14 июля). "Слабее, чем Пушкин, выразив дух России, Чехов теснее его сплелся со своей эпохой. Привкус "сумеречности" есть в каждой его строке" (там же).

Самой природой, "зеркально глядящей через человеческую душу", назвал поэзию Фета К.Бальмонт, писавший о том, что Фета и Баратынского он считает своими учителями в поэзии ("О поэзии Фета" // 1934. - 29 июля). Бальмонт писал о "внутренней пантеистической музыкальности поэзии Фета "в восприятии природы и в изображении различных состояний человеческого сердца", отметив, что "весь залитый светом, солнечный, первозданно влюбленный в небо и землю", Фет был любимым поэтом Тургенева и Л.Толстого.

Статья Г.Адамовича "Святые мечты" (1934. - 30 авг.) посвящена В.А.Жуковскому, у которого "как намек, как предчувствие, - слышатся в стихах те интонации любви-страдания и готовности к жертве, которые позднее, у Тютчева, зазвучат с неотразимой, неповторимой силой". Однако критик не приемлет размышления Жуковского о смертной казни. Г.Адамович обращался к творчеству Пушкина и Лермонтова не только в юбилейные дни ("Пушкин и Лермонтов" // 1931. - 1 окт.; "Пушкин и Чайковский" // 1940. - 6 февр.). Отталкиваясь от известной фразы "Пушкин - это наше все", Г.Адамович соглашается: "все", потому что в нем соль, вытяжка России. Иногда русский художник... совершенно забывает о нем, надолго уходит в свой замысел: однако, если замысел этот национально обоснован, т.е. не вздорен и призрачен, а чему-то реальному отвечает, художник где-нибудь, порой на самом неожиданном перекрестке, встречает Пушкина и чувствует, что нельзя его обойти" (1940. - 6 февр.). Эту вездесущность Пушкина испытал на себе и Чайковский. "Некрасов и Тютчев" (1938. - 31 марта), "Тютчев" (1938. - 6, 13 окт.) - темы статей Г.Адамовича, "Тютчев и Соловьев" - В.Вейдле (1938. - 28 июля). О Веневитинове,

Шевыреве и Хомякове речь идет в статье В.Вейдле "Три поэта" (1939. - 3 авг.).

Один из ведущих критиков русского зарубежья, Г.Адамович, в своих статьях, опубликованных на страницах газеты под общим названием "Литературные заметки", обращал пристальное внимание на весь поток русской литературы, издававшейся как в эмиграции, так и в советской России. Он откликнулся на творчество крупнейших мастеров слова старшего поколения: И.А.Бунина - роман "Жизнь Арсеньева". Ч. 2. "Лица" (1939. - 4 мая), "Освобождение Толстого" (1937. - 23 сент.); Б.К.Зайцева - книги "Валаам" (1936. - 15 окт.), "Жизнь Тургенева" (1932. - 7 янв.), воспоминания "Москва" (1939. - 8 июня), тетралогия "Путешествие Глеба". Ч. 1. "Заря" (1937. - 5 авг.); Д.С.Мережковского - книги "Жанна д'Арк" (1938. - 8 дек.), "Павел. Августин" (1937. - 10 июня), "Франциск Ассизский" (1938. - 30 июня); И.Шмелева - роман "Пути небесные" (1937. - 13 мая). О И.Шмелеве он писал, что в своих произведениях писатель как бы подводит "какую-то духовную "базу" под бытовые нагромождения", и в этом смысле "мир, который он восстанавливает, в точности отвечает распространенным у нас мечтаниям, порой сознательным, порой смутным и безотчетным". Однако: "Нет у нас сейчас писателя более страстного" (1937. - 13 мая). Назвав Д.Мережковского писателем "одиноким", Г.Адамович утверждал, что ему "трудно найти другое слово, которое отчетливее выразило бы существеннейшие черты Мережковского и положение его в русской литературе" (1937. - 10 июня). Писатель, всю жизнь занятый христианством, "демонстративно противопоставляет себя "плоской" нашей современности", неустанно обличает, увещевает, апеллирует к тому, "что должны бы, по его убеждению, расслышать и понять мы, его современники" (там же).

Критик высоко оценивал творчество М.А.Алданова: рецензировал его романы "Ключ" (1930. - 2 янв.), "Пещера" (1936. - 28 мая), книгу "Начало конца" (1939. - 2 марта). Г.Адамович сочувственно следил за прозой Н.Берберовой: "Без заката" (1938. - 11 авг.) и "Повелительница" (1932. - 16 нояб.), "Бородин" (1938. - 2 июня) и "Чайковский: История одинокой жизни" (1936. - 14 мая) и прозой И.Одоевцевой: роман "Зеркало" (1939. - 23 февр.); наблюдал за произведениями писателей и поэтов младшего поколения.

При определении путей литературы зарубежья на страницах

газеты возник спор Бунина с Адамовичем, призвавшим выйти за рамки привычных традиций, и в том числе изобразительной традиции Толстого. "Пора бросить идти по следам Толстого? А по чьим следам надо идти?" - возражал Бунин в статье "На поучение молодым писателям" (1928. - 20 дек.). Если Адамович ощущал сильнейшее воздействие культурных традиций Европы, то Бунин был консервативен и традиционен в своих эстетических пристрастиях.

Одним из важнейших событий литературной жизни русского зарубежья стала полемика о преемственности традиций, о сущности поэзии, прозы и критики, о судьбах литературы в эмиграции, продолжавшаяся до конца 30-х. Наиболее активно ее вели два ведущих критика зарубежья - Г.Адамович, использовавший трибуну "ПН", и В.Ф.Ходасевич на страницах газеты "Возрождение" (материалы полемики см.: Российский литературоведческий журнал. - М., 1994. - № 4). В своей программной статье "О литературе в эмиграции" (1931. - 11, 25 июня) Адамович высказал мысль о том, что литература не может питаться только воспоминанием и воображением, - ей нужна "помощь жизни". Писатель, по мысли критика, "опирается на общество" и додумывает, "договаривает полумысли и полуслова, без него оставшиеся бы в зародыше". Литература в эмиграции свободна и должна противостоять всему тому, что происходит в России и о чем страна молчит. Однако в России, "там, в каждом приходящем оттуда слове, которое не было продиктовано трусостью или угодничеством, есть веяние общности, - т.е. совместного творчества, связи всех в одном деле и торжества над одиночеством". Без этого сознания общего дела, которому эмигрантская литература должна научиться, она обречена, полагает Адамович. Если литература эмиграции, заключает критик, "передаст будущему лучшие свои духовные ценности, подлинные, т.е. не мешающие объединению людей, - и, прежде всего, свое очищенное всеми испытаниями представление о личности, - Россия будет ей благодарна".

Включившись в полемику о взаимоотношениях литературы и политики, возникшую в литературных кругах русского зарубежья ("Литература и политика" // 1931. - 26 марта), Адамович утверждал, что творение духа, если оно достойно этого имени, непременно отражает основную идею эпохи. "Есть одно искусство - "чистое", независимое, в себе самом находящее оправдание и смысл",

следовательно, служебного искусства быть не может, ибо искусство перестает быть искусством, как только намерено чему-нибудь служить. Но искусство есть в то же время "обязательное вместилище духа, - иначе оно... мертво". А поскольку искусство "вмещает дух", - оно непременно и политика - политика свободы, делает вывод критик.

В статьях Адамовича, регулярно появлявшихся в газете "ПН", сложились приемы критического анализа, присущие его более поздней книге "Комментарии" (Вашингтон, 1967). Критик внимательно наблюдал за литературным процессом советской России: давал обзоры советской литературной периодики, писал о творчестве И.Бабеля и М.Зощенко, А.Толстого и Л.Леонова, А.Фадеева и Ф.Панферова, М.Шагинян и М.Шолохова, Б.Пильняка и А.Платонова, Ю.Олеши и М.Горького. В своих регулярных "Литературных заметках", рассматривая сборник журнала "На литературном посту" - "С кем и почему мы боремся?" (М., 1930) и повествуя о перебранке литературной критики в советской России, Адамович демонстрировал, говоря словами героя романа М.Алданова "Ключ", - "до каких геркулесовых столпов цинизма дошли наши рептилии" (1930. - 3 апр.).

Г.Адамович откликнулся на поэтическое творчество К.Бальмонта (1930. - 27 марта; 1935. - 19 дек.), И.Северянина (1931. - 17 сент.), Б.Поплавского (1931. - 16 апр.), И.Кнорринг (1931. - 30 апр.), Е.Шаха и Ю.Мандельштама (1930. - 3 апр.), В.Брюсова (1933. - 7 дек.), Б.Пастернака (1931. - 5 нояб.), В.Хлебникова (1936. - 6 февр.), А.Ахматовой (1934. - 18 янв.), М.Кузмина (1936. - 8 марта), О.Мандельштама (1937. - 28 янв.), Э.Багрицкого (1936. - 5, 12 янв.), С.Есенина (1935. - 26 дек.), В.Маяковского (1930. - 24 апр.) и многих др. Бальмонт, по мысли критика, блеском своих видений и новизной ощущений зачаровал современников, восстав против пуританства, воскликнул, что цель жизни в том, чтобы "видеть солнце". Все книги поэта Бальмонта "похожи, все продолжают одна другую", их общее содержание - пантеистическое: растворение божества в мире. "Но не только Бог и природа - одно. Поэт и природа - тоже одно. Бальмонт пишет о зорях и закатах, о луже и звездах, о ветре и море, как о самом себе". Поэтому Россия для него - одна из частей прекрасного мира (1930. - 27 марта).

Назвав Маяковского "наименее "интимным" из всех когда-либо

живших русских поэтов", исключавшим из своего творчества "все лично-человеческое", критик при этом все же причисляет его к подлинным и крупным поэтам. Сравнивая Маяковского с Есениным, Г.Адамович утверждает, что дарование Маяковского было сильнее, но у Есенина "была в стихах прелесть", был свой, "очень грустный, очень русский напев". В статье "Поэзия здесь и там" (1934. - 25 окт.) Г.Адамович отметил в России более высокий культурный уровень поэзии, по сравнению с прозой. Если в России поэзия "реалистична и рационалистична в самом ощущении жизни", то в эмиграции она романтична, а ее кризис, полагает автор, есть наследие символизма. Размышляя о том, где красота и в чем она, он пишет: "Поэзия ищет невыразимой, неразложимой сладости", оборачивающейся магией; всякое "человеческое дело ей не только не родственно, но почти враждебно", и в лучшем случае она "возвышается над ним, как упрек". Путь в будущее и выход к творчеству, по мнению критика, лежит через методы Гумилева или советских поэтов, независимо "от их "идеологии" или ребяческих крайностей в увлечении техникой. Как и вообще - путь в жизнь. По сердцу ли он нам - вопрос особый".

Постоянно сотрудничал в "ПН" М.А.Осоргин, имевший репутацию анархиста и насмешника, блещущего метким юмором. Сам Осоргин назвал себя "беспартийным анархистом, портящим "партийный ритуал" левой прессы ("О Пелагее Брюэр и Гретхен Мещерской". - 1932. - 4 сент.). На страницах газеты он опубликовал отрывки из романов о русских террористах начала века - "Свидетель истории" (1931. - 17 нояб.; отд. изд.: Париж, 1932) и "Книга о концах" (1932. - 29 сент.; отд. изд.: Париж, 1935). Одна из главных мыслей этих произведений заключается в том, что победившая революция всегда искажает идеи, во имя которых она происходит. Регулярно появлялись его очерки, критические статьи, рассказы, а порой фельетоны. В очерке "Мудрый" М.Осоргин дал портрет русского эмигранта-изгнанника, которого всегда можно узнать по его глазам: "Он идет, слегка подбрав локти, а глаза его устремлены вдаль, один в прошлое, а другой в будущее, ибо настоящее ничтожно: переход по жердочке между вечностями" (1930. - 30 марта). Лирические очерки М.Осоргина, пронизанные любовью к природе и всему живущему на земле, публиковались в "ПН" за подписью "Обыватель". Из них сложилась книга "Происшествия зеленого мира" (София, 1938). Очерки писателя из цикла "Встречи" регулярно печатались в газете с

1928 по 1934. В эти же годы М.Осоргин, страстный библиофил, в цикле "Записки старого книгоеда" знакомил читателей "ПН" с находками и приобретениями своей библиотеки. Он рассказывал и о знаменитой библиотеке им. И.С.Тургенева в Париже (1935. - 25 нояб.), и о судьбе эмигрантской книги (1933. - 27 июля), говорил о русском языке (1936. - 25 нояб.), и о молодых эмигрантских писателях (1936. - 19 марта), печатал цикл заметок "Листки из блокнота".

В своих рецензиях он проникновенно писал о рассказах А.И.Куприна "Елань" (1929. - 3 окт.), о романах писателя "Жанета: Принцесса четырех улиц" (1934. - 30 авг.), "Юнкера", отмечая "художественное очарование" последнего романа, "подарившего старые и дорогие картины - Москву и молодость" (1933. - 20 окт.). Книгу В.М.Зензинова "Нена: Повесть о собаке" М.Осоргин сравнил со "Снами Чанга" Бунина, ибо это "два прекрасных памятника лучшему другу человека" (1925. - 30 июля.).

Критик высоко оценил "Белую гвардию" М.Булгакова, т.к. идея этого романа "лежит вне партий и программ", "в плоскости человеческой правды и совести" (Осоргин М. Дни Турбиных. - 1929. - 11 апр.). Откликнувшись на смерть В.Маяковского, М.Осоргин в статье "Владимир Маяковский" отметил, что Маяковский был "не просто футуристом, стихотворцем и литературным советским воином, но был и подлинным поэтом", который "никогда и ни в чем не выступал в роли эпитона и подражателя". Однако его "шумливость делала ему рекламу, но искажала его настоящее человеческое лицо" (1930. - 17 апр.).

Отзываясь в статье "Советская литература" (1930. - 24 апр.) на развернувшуюся в эмигрантской прессе полемику о литературе и политике, Осоргин высказал мысль о том, что русская литература не может не быть единой. Мало того, - написанному "там" критик был готов придавать больше значения, поскольку "литература местная, российская, более способна отражать дух страны и новые течения ее жизни". Отметив страшные симптомы в существовании советской литературы, он верит в то, что творчество в России не умерло, оно создается "в частных лабораториях" и ждет своего времени. Требование "актуальности" привело на практике к "художественной пустыне", к тому, что хороший художник слова сделался плохим корреспондентом. Поэтому Осоргин определяет как "убийственное" требование "политичности" для художественной литературы: "Всякая

художественная работа совершенно и окончательно парализуется, когда судьба писателя и его творчества ставятся в прямую зависимость от одобрения или указа политических надзирателей, которых почему-то называют критиками".

"Листы блокнота" Осоргина военного времени проникнуты сознанием, что литература и наука не должны служить делу ненависти - войне, ибо русская литература в своих лучших образцах "пронизана высокой человечностью". Принимая войну, как неизбежность, нельзя преуменьшать ее "гибельности для человеческого духа, для творческого духа в особенности" (1940. - 7 янв.). Защита "маленького человека"; "маленького своей незащищенностью против насилия", много раз становилась основным сюжетом художественной литературы. И снова перед художественным словом "встает задача защиты прав человеческой единицы", жертвы массового подсчета и округления цифр (1940. - 19 февр.). "Нет государства, а есть гражданин", "не ряды бесплотных теней, а имярек", - утверждает писатель-гуманист.

Все 20 лет издания газеты на ее страницах регулярно выступал М.А.Алданов. Здесь были опубликованы отрывки из романов "Бегство" (1931. - 25 янв., 10 мая и 2 окт.; отд. изд.: Берлин, 1932) и "Пещера" (1932. - 6 сент.; отд. изд.: Берлин, 1934, 1936), повести "Десятая симфония" (1930. - 28 сент., 2 окт.; 1931. - 1 и 7 янв.; отд. изд.: Париж, 1931). Алданов - мастер очерков, написанных на исторические темы. С любовью к афористическому способу выражения, он дает краткие и острые характеристики знаменитых людей: Ганди (1931. - 8 и 19 дек.), Аристиди Бриана (1931. - 21 мая), испанского короля Альфонса XIII (1931. - 13, 20 сент. и 11 окт.), Гитлера (1932. - 12, 13, 17 янв.); о последнем он пророчески сказал, что "не сегодня-завтра он, чего доброго, подожжет мир". В очерках, как и в романах Алданова, просматривается его взгляд на историю: писатель верит в повторяемость исторического процесса. Многие годы он печатал зарисовки под названием "Actualites", писал публицистические и критические статьи.

В течение 16 лет была литературным сотрудником "ПН" Н.Н.Берберова. В своей книге "Люди и ложи: Рус. масоны XX столетия" (Нью-Йорк, 1986; "Вопросы литературы" - М., 1990. - № 1) она писала: "Печатала рассказы и даже стихи, кинокритику, хронику советской литературы, иногда - репортажи, а летом заменяла

уехавшую в отпуск машинистку" (Вопросы литературы. - С. 142). С 1928 по 1940 на страницах газеты появлялись ее рассказы из серии "Брянкурские праздники", отрывки из книги "Бородин" (1937. - 2 мая; отд. изд.: Берлин, 1938).

Долгие годы были связаны с газетой судьбы юмористов-сатириков: Саши Черного, Н.Тэффи, Дон Аминадо, В.Азова. Нелегкий эмигрантский быт, обывательщина - объекты осмеяния В.Азова (В.А.Ашкинази), регулярно печатавшего фельетоны, обзоры советских газет, рождественские рассказы, иронические и полемические заметки на разные темы. Это и условия жизни в советской России ("Бытовая коммуна". - 1931. - 21 февр.), и повышенный интерес к гороскопам ("Астрология". - 1931. - 12 окт.), и бедственное положение молодых художников в Париже во время инфляции, некоторые из которых кончают жизнь самоубийством ("В буфете "бешеной коровы". - 1931. - 24 окт.), и советские картинки (1931. - 3 авг., 14 окт., 14 дек.), и литература ("О Бернарде Шоу". - 1931. - 2 мая), и жизнь интеллигенции ("Хождение интеллигенции по мукам". - 1931. - 13 июля), и иронические заметки, то о спорте, которому, как любви, все возрасты покорны ("Спорт". - 1931. - 11 июля), то о том, читают ли на "Олимпе" советские газеты ("На Олимпе". - 1931. - 15 июля), то о нравах на французской Ривьере ("Голь, шмоль, ноль и Ко". - 1931. - 22 авг.).

С 1924 по 1932 в "ПН" сотрудничал Саша Черный, публиковавший стихи, рассказы, фельетоны. В газете были напечатаны его "Несерьезные рассказы" (Париж, 1928), остроумные и остросюжетные "Солдатские сказки" (Париж, 1933). К.Парчевский в статье к 25-летию литературной деятельности С.Черного (1930. - 4 марта) отметил, что стихи и рассказы писателя для детей имеют совершенно исключительный успех не только среди маленьких, но и среди взрослых читателей, ибо явились чем-то новым в литературе и "по-особому свежими и жизнерадостными". Бытовые сатиры для взрослых ("Любовь не картошка", "В редакции толстого журнала", "Всероссийское горе") - не мрачная пародия на быт, "тут нет предвзятой злобности и раздраженности принципиального пессимизма", автор "ко многому в жизни склонен отнестись с легкой усмешкой, и только глупость, уродство, пошлость вызывают в его сатире ноты негодования". Сатирик не столько "клеябит быт, сколько вышучивает его, т.к. "мелочи скучной и грубой жизни не стоят злобы", - утверждает критик.

С первого и до последних номеров в газете печатали свои сатирические произведения Дон Аминадо и Н.Тэффи. Ностальгическими мотивами, а также состраданием к "маленькому человеку" пронизано все их творчество: "Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда", в эмиграции "вянет душа - душа, обращенная на восток" (Тэффи Н. Ностальгия. - 1920. - 15 мая); рассказы и стихи из сборников Дон Аминадо "Наша маленькая жизнь" (Париж, 1927) и "Накинув плащ: Лирические сатиры" (Париж, 1928) регулярно появлялись в "ПН". Если в Дон Аминадо "сатирик всегда был сильнее юмориста", то у Тэффи, писавшей "об очень усталых, незаметно стареющих людях", смешное неизменно переплеталось с грустным, да так, что "не всегда разберешься - плакать хочется или смеяться", - заметил А.Седых ("Далекое, близкое". - Нью-Йорк, 1962. - С. 87). "Саша Черный подсмеивался, Дон Аминадо издевался, Тэффи вскрывала пошлость эмигрантских будней, - а все же нельзя побороть в себе жалость к людям, о которых они пишут", потому что их персонажи "овеяны каким-то теплым и снисходительным чувством", они "близки нам, мы их любим", т.к. все три юмориста, "тайно любившие своих героев", "принадлежали к тому поколению русских писателей, которое продолжало классическую традицию русского юмора, пропитанную гуманностью и жалостью к человеку", - делает вывод критик (с. 99, 87).

Почти с первых лет эмиграции возникает потребность обратиться к мемуарному жанру, при этом не просто вспоминать о былом, но и проанализировать произошедшее, понять его истоки. "Нам нужно: не праздно "вспоминать", пережевывая прошлое, а думать о нем, и по-новому, для будущего, осмысливать его", - сформулировала задачу мемуаристики русского зарубежья З.Гиппиус в очерке о петербургской молодежи предвоенного и военного времени "Мальчики и девочки" (1926. - 17 сент.). Большинство мемуаров русского зарубежья предварительно прошло через периодику. В газетах печатал свои "Петербургские зимы" (отд. изд.: Париж, 1928) Г.Иванов, на страницах "ПН" он опубликовал также очерки "Поэты", "Туман", "Арзамас", - герои их начинающие литераторы, зачастую одаренные неудачники. Портреты друзей юности - Муни и В.Гофмана представляют собой очерки В.Ходасевича.

Вопрос о том, где будет продолжаться русская культура - в России или за ее рубежами, - волновал всю эмиграцию. Он лежит в

основе мемуарного цикла, появившегося на страницах "ПН" осенью 1926, З.Н.Гиппиус "Мальчики и девочки" (1926. - 17 сент.), "Чего не было и что было" (1926. - 15 окт.) и В.И.Талина "Предгрозовье" (1926. - 24 сент.), "Племенные и бесплеменные" (1926. - 1 окт.). "Мы решительно все, как и Талин, верим, что Россия жива, и надеемся на ее молодые силы, - пишет Гиппиус. - Я не могу и не буду надеяться на силы тех, из кого уже вынута душа или исковеркана, только потому, что они находятся около "аржаного поля" (1926. - 15 окт.). А далее она продолжает: "И надеюсь я, - и надеяться можно, - лишь на тех - молодых, старых, в России живущих и в Европе, одинаково, на всех тех, кто хранит память и свободную душу" (там же). В.Талин обвинил "крайних" в литературе, и в искусстве вообще, в том, что они духовно подготавливали "крайних" в политике и в революции. З.Гиппиус снимает эту вину с интеллигенции эпохи декаданса, ибо в так хорошо знакомой ею среде "идеологическая борьба с крайним марксизмом велась довольно интенсивно" (там же). (Материалы полемики см.: "Мальчики и девочки": Зинаида Гиппиус и В.Талин в парижской газете "Последние новости" // Октябрь. - 1991. - № 9. - С. 160-178).

На страницах газеты печатались мемуары З.Гиппиус "Первая встреча (К истории Петербургских религиозно-философских собраний 1901-1903 гг.)" (1931. - 2 и 4 авг.) и "Старый Керженец" - о поездке за Волгу, к "невидимому граду Китежу" (1931. - 20, 22 нояб., 1 и 4 дек.); воспоминания И.Бунина "Еще о Толстом" (1931. - 9 авг.). "Освобождение Толстого" (1937. - 14, 21, 28 марта и 11 апр.), "Чехов" (1928. - 7 июня; 1929. - 14 июля); "А.И.Куприн" (1937. - 5 июня) и "О Волошине" (1932. - 8 сент.); воспоминания А.Бенуа "О Максимилиане Волошине" (1932. - 28 авг.) и Н.Берберовой "Три года с Горьким" (1936. - 21, 24 и 28 июня). С 1929 по 1932 публиковались воспоминания кн. В.Барятинского "Догоревшие огни", отрывки "Из книги воспоминаний" Ф.И.Шаляпина (1932. - 10, 13, 16, 18, 21, 23 и 30 окт.), воспоминания о К.А.Коровине (1932. - 24 янв.), мемуары Ф.Кони "Старый Петербург" (1929. - 27, 28 июля), воспоминания Н.А.Герцен "Нечаев и дети А.И.Герцена" (1931. - 13 февр.).

Весь 1932 в "ПН" печатались воспоминания бывшего начальника контрразведки и генерал-квартирмейстера Б.Никитина "В дни революции". Многие годы публиковал свои многочисленные воспоминания о флоте капитан 2-го ранга А.Лукин ("Из воспоминаний морского офицера", 1929; "Накануне событий", 1932 и др.).

В газете регулярно помещались материалы, рассказывающие и об иностранной литературе. Г.Адамович откликнулся на 2000-летний юбилей Вергилия (1930. - 10 апр.) и 150-летие со дня рождения Байрона (1938. - 6 февр.), писал о Д'Аннунцио (1938. - 3 марта). "ПН" отметили и 125-летие со дня рождения Г.Х.Андерсена (С.К. - 1930. - 10 апр.), и 100-летие со дня кончины Вальтера Скотта (В.Вейдле. - 1932. - 22 сент), и 65-летие со дня смерти Бодлера (В.Вейдле. - 1932. - 2 сент.). В.В.Вейдле, писавший о западном искусстве, о зарубежной литературе, о литературных взаимосвязях, регулярно печатался в газете. Им опубликованы материалы: "В мастерской Бальзака" (1931. - 26 нояб.), "Письма и стихи Китса" (1931. - 31 дек.), "Гете и всемирность" (1932. - 22 марта), "Стендаль" (1933. - 12 дек.), "О Жюль Верне" (1935. - 15 мая), о Флобере - "Демон совершенства" (1935. - 18 янв.), о Верхарне и Метерлинке - "Бельгийские поэты" (1932. - 15 сент.), об О.Хаксли - "Путь Ольдуса Гаксли" (1937. - 26 марта), о Р.Киплинге (1936. - 19 янв.), "Лессинг и Германия" (1935. - 5 сент.), о последнем периоде творчества Шекспира - "Старость Шекспира" (1933. - 9 апр.), о восприятии творчества Чехова в Англии и Тургенева во Франции - "Россия на Западе" (1932. - 29 окт.), "Мериме о Пушкине" (1939. - 1 июня), "Россия, Европа и XIX век" (1933. - 8 июня) и др.

В "ПН" о зарубежной литературе также писали М.Алданов - "Джон Голсуорси" (1933. - 2 февр.), "Гете и война" (1940. - 7 янв.); М.Осоргин - "Пушкин в Италии" (1937. - 8 июля); Ю.Сазонова - "О Данте" (1934. - 10 марта), "Ромен Роллан" (1930. - 28 марта), "Комедиант по имени Мольер" (1936. - 20 февр.); кн. С.Волконский - "Молер" (1929. - 28 июля); К.Мочульский и др. Отношение к творчеству современных зарубежных писателей было далеко от комплиментарности: так, Ю.Сазонова, рассматривая творчество Романа Роллана, утверждает, что, "обладая всеми элементами первоклассного писателя, он не имеет... собственной личности" и потому трудно представить себе человека, который назвал бы его любимым писателем, ибо он - "лишь прекрасно отполированное зеркало, в которое смотрятся чужие идеи, чужие души" (1930. - 28 марта).

В газете отмечались все основные литературные события русского зарубежья. По случаю присуждения И.А.Бунину Нобелевской премии в "ПН" выступили П.Милюков, М.Осоргин,

Г.Адамович, В.Вейдле, З.Гиппиус, М.Алданов, А.Седых, Л.Зуров (1933. - 16 нояб.); были отмечены 90-летие старейшего писателя русского зарубежья Вас. Ив. Немировича-Данченко (1935. - 6 янв.), 60-летие И.С.Шмелева (статья К.Бальмонта "И.С.Шмелев" // 1933. - 5 окт.), 70-летие Д.С.Мережковского (статья Г.Адамовича "Мережковский" // 1935. - 5 дек.) и др. юбилеи. В статье "Владислав Ходасевич" (1930. - 3 апр.) к 25-летию литературной деятельности М.Цетлин утверждал, что, став одним из лучших знатоков поэтов и писателей пушкинской плеяды, "на этом знании, как на прочном фундаменте, мог он построить впоследствии здание своей литературно-критической работы". В стихах поэта "поражает странное, но органичное сочетание "классической формы" "с несомненной и сугубой их современностью", как будто "от всей горечи и ужасов жизни тщетно хочет спастись он, чертя вокруг себя магический круг классического стиха". Параллельно всегда шла работа критика, "не склонного к восторгам, не слишком мягкого к авторам, но всегда преданного интересам литературы". М.Цетлин рассказывает, каким "непрерывным трудом были наполнены 25 лет жизни, в которой ясно видна цельность и строгая логика, отличающая выдающегося мастера".

2 июня 1937 в газете появилась подборка материалов "Как А.И.Куприн вернулся в Москву" и заявления эмигрантских писателей по этому поводу, исполненные пониманием, сочувствием и грустью. Бунин заметил, что "перед тем, как решиться на это", Куприну пришлось многое пережить... Старого, больного человека судить нельзя". Тэффи обратила внимание на то, что уход писателя не является политическим шагом: "Не к ним он ушел, а от нас, потому что ему здесь места не было... Ушел как благородный зверь, - умирать в свою берлогу". Алданов писал: "Могу только пожелать ему счастья. Возможно, что его решение будет соблазном для других эмигрантов, находящихся в ином положении", но "не о каждом можно будет сказать то же, что о нем". Бесконечно жаль, что Куприн, проживший большую, честную жизнь, заканчивает ее так грустно", - заключил Мережковский.

В 1929 П.Н.Милюкову исполнилось 70 лет, и его юбилей стал своеобразным смотрам демократических сил эмиграции. Комитет, образовавшийся в Париже с целью организации чествования юбиляра, объединил в своем составе представителей искусства,

науки, различных течений политической мысли. Кроме Парижа комитеты возникли в главных центрах русского эмигрантского рассеяния: в Берлине, Праге, Варшаве, Лондоне, юбилейные собрания прошли в Праге, Варшаве, Риге, Софии. Юбиляру был посвящен специальный сборник - "П.Н.Милюков: Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859-1929 (Париж, 1929), со статьями М.Алданова, В.Мякотина, А.Кизеветтера, В.Португалова, П.Бицилли, В.Оболенского, Е.Д.Кусковой, А.Ф.Керенского, В.М.Зензинова, В.М.Вишняка, И.Гессена и др. Газета регулярно информировала об этом событии. В марте 1939 было отпраздновано 80-летие Милюкова, и 22 марта вышел юбилейный номер "ПН".

Сама газета также отмечала свои юбилеи: в 1925 было отпраздновано пятилетие существования (27 апр.) и отмечены достигнутые успехи - "перемена окружающей атмосферы", которая стала менее враждебной, чем была вначале, когда газета провозгласила свой "основной тезис, что спасение России зависит не от эмиграции, а от самой России"; 27 апреля 1930 вышел юбилейный номер - 1920-1930, где были помещены портреты сотрудников и статьи Милюкова, Р.Словцова, В.Могилевского, А.Кулишера, высказавшего стремление газеты идти навстречу "той, третьей силе", которая не может пока высказаться в России не только в силу системы зажимания рта, но и по отсутствию навыка к сознательной формулировке своих требований", стараться говорить за эту "пока безгласную силу". 27 апреля 1940 в редакционной статье утверждалось, что хотя сейчас не время для юбилеев, но все же нельзя обойти молчанием 20-летнюю дату русского демократического эмигрантского органа. "В этой борьбе, как и в течение всех минувших 20 лет в нашей русской борьбе, перед нами лежит прежний, никогда не менявшийся путь: в меру своих сил и возможностей бороться за конечное торжество демократических начал в народной и международной мировой жизни. С той же непоколебимой верой, что и 20 лет назад, в полное торжество этой нашей правды мы и вступаем в третье десятилетие нашей публицистической работы". Однако дни газеты были уже сочтены, ее последний номер вышел с сообщением: "Подобно прочим парижским газетам, "Последние новости" вынуждены прервать свой выход. В ближайшее время издание газеты возобновится в одном из провинциальных городов Франции" (1940. -

11 июня). Этот номер "ПН" заканчивался извещением: "В пятницу 14 июня в 4 часа в годовщину смерти В.Ф.Ходасевича будет отслужена панихида на Биянкурском кладбище, ав. Исси ле Мулино, Булонь - Биянкур". Но 14 июня немецкие войска вошли в Париж. С исчезновением газеты, как отмечал позднее А.Седых, в русском Париже образовалась громадная пустота, которая уже никогда не была заполнена.

Т.Г.Петрова

ПРАЖСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Весной 1919 было основано в Праге Чешско-русское объединение. В 1919 создано издательство "Наша речь". Его основателем был лектор Пражского университета Борис Владимирович Морковин (1882-1968), который издал совместно с Чешско-русским объединением Русский букварь. В 1919-1923 издательство выпустило серию книг Библиотеки "Наша речь", в том числе сборники русских народных сказок, произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Гаршина, Чехова, появилось несколько книг по искусству и политике, сборник "Артисты Московского художественного театра за рубежом", "Силуэты русских художников" С.К.Маковского, сборник статей Т.Г.Масарика "О большевизме".

Преемником издательства "Наша речь" стало в 1923 общество "Пламя", в состав правления которого вошел и Морковин. Издательство и книжная торговля "Пламя", руководимое профессором Карлова университета Евгением Александровичем Ляцким (1868-1942), в первые три года своего существования выполняло обширную и разностороннюю издательскую программу и представляла собой важное явление не только пражской эмиграции, но и всего русского рассеяния. Коммерческой деятельностью издательства руководил с 1924 Федор Северьянович Мансветов. Были открыты отделения в Варшаве и Прешове (Словакия), представительства в Харбине, Лондоне, Риге, Каунасе, Париже. В целях пропаганды своих изданий и русской книги вообще "Пламя" предприняло выпуск еженедельной библиографической газеты "Огни" (1924). В 1925 выходил библиографический журнал

'Славянская книга', посвященный вопросам всеславянской библиографии. Совместно с Комитетом русской книги в 1924 издан сборник "Русская зарубежная книга", содержащий обзоры русской зарубежной литературы по различным областям науки и библиографический указатель русской зарубежной литературы с 1918 по июль 1924. Издательство выпустило в 1923-1926 свыше ста названий как художественной, так и научной литературы, в том числе произведения Бальмонта ("Где мой дом?", "Мое - Ей. Поэма о России"), Аверченко, Мережковского ("Рождение богов", "Тайна трех"), Гиппиус ("Живые лица"), Ремизова ("Зга"), Зайцева ("Золотой узор"), Цветаевой ("Молодец"), Тэффи ("Вечерний день"), Чирикова ("Зверь из бездны"), Шмелева ("Неупиваемая чаша"), Дюамеля, Чапека и пр. Среди изданий по гуманитарным наукам "Сборник статей, посвященных Петру В. Струве" (1925), книги П.М.Бицилли "Очерки по теории исторической науки" (1925), Е.В.Аничкова "Западные литературы и славянство" (1926), В.Ф.Булгакова "Толстой - моралист" (1923), В.А.Мякотина "А.С.Пушкин и декабристы" (1923), В.А.Францева "Державин у славян" (1924), П.М.Бицилли "Этюды о русской поэзии" (1926). Е.А.Зноско-Боровского "Русский театр начала XX века" (1924), А.А.Кизеветтера "М.С.Щепкин" (1925), И.И.Лапшина "Философия изобретения и изобретение в философии" (1924), Н.О.Лосского "Сборник задач по логике" (1924). Издавались книги по сельскому хозяйству и пищевой промышленности, биологии, химии и астрономии. Неблагоприятные условия зарубежного русского книжного рынка и затруднения, с которыми встречались книги на пути в СССР, привели к сокращению и затем к приостановке издательской деятельности по выпуску русских книг, хотя фирма "Пламя" просуществовала до самой гитлеровской оккупации в 1939.

По инициативе издателя пражской газеты "Русское дело" Георгия Иосифовича Тилля (1891-?) в 1920 возникло "Славянское издательство". Тилль начал при газете выпускать небольшие книжки Библиотеки "Русское дело", которые представляли собой избранные произведения русских классиков. Оборудовав собственную типографию, он расширил дело, создав "Славянское издательство". Параллельно с выпуском книг русских писателей (Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Тургенев, Л.Н.Толстой, Лесков, Данилевский, Гарин-Михайловский, Мамин-Сибиряк, Помяловский, Г.И.Успенский, Короленко, Бунин, Куприн)

выпускались и переводные (Киплинг, Брет-Гарт, Лондон, Уэллс, Гамсун, Франс, Вазов). В 1924 "Славянское издательство" было ликвидировано из-за конкуренции русских издательств, возникших в Берлине в период инфляции, так как по сравнению с изданными в Германии книгами книги "Славянского издательства" оказались дорогими.

При журнале "Воля России" (1920-1932) существовало одноименное издательство, деятельность которого особенно проявилась в 1920-1921 и 1924-1925. В состав его участников кроме редакторов журнала входили В.М.Чернов, В.Я.Гуревич, Ф.С.Мансветов, С.П.Постников и пр. Издательство выпускало книги, освещающие революционные события и гражданскую войну в России.

Издательством "Крестьянская Россия", основанным в 1922, руководило до конца 1927 Центральное бюро заграничных групп Крестьянской партии. После ее преобразования в Трудовую крестьянскую партию руководство издательством перешло к ее Центральному комитету. Деятельность издательства выражалась в выпуске трех повременных изданий: неперIODических сборников "Крестьянская война", в состав редакции которых входили А.А.Аргунов, А.Л.Бем, С.С.Маслов и временно П.А.Сорокин; "Вестника Крестьянской России"; "Бюллетеня Крестьянской России", распространяемого исключительно среди членов партии.

Издательство "Хутор" (1922-1949), руководимое Алексеем Григорьевичем Винничуком (1887-1982), выпускало литературу по агрономии и организации сельского хозяйства, а в период второй мировой войны издавало произведения русской классической литературы.

Издательскую деятельность вели также научные учреждения и общества, учебные заведения, общественные, культурные и студенческие организации, профессиональные и корпоративные объединения, из числа которых заслуживают внимания следующие:

Институт им. Н.П.Кондакова, издававший с 1926 по 1938 труды по византиноведению, истории искусства, археологии Восточной Европы, выпускал не только работы своих членов, но также исследования западных европейских, советских и американских ученых.

Сборники научных трудов выпускали Экономический кабинет проф. С.Н.Прокоповича, Русский институт, Русское историческое

общество, Русский народный (с 1934 Русский свободный) университет; издательскую деятельность вели Русский юридический факультет, Русский педагогический институт им. Я.А.Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русское высшее училище техников путей сообщения, Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, Комитет по обеспечению образования русских студентов, Земгор и пр.

Издательская деятельность в области религиозной литературы осуществлялась в северо-восточной Словакии, в селе Ладомирова, которое стало одним из центров русской зарубежной церкви в Европе, из которого православное печатное слово распространилось по всей русской эмиграции. Православная миссия в Ладомировой издавала ежегодно с 1924 по 1944 Русский календарь, с 1928 газету "Православная Карпатская Русь", с 1935 журнал для молодежи "Детство в Христе", с 1939 журнал "Православный путь", богослужбные книги и культурно-просветительные публикации. Деятельность Православной миссии прекратилась вследствие боевых действий во время войны в восточной Словакии осенью 1944, когда ее местопребывание было разрушено.

Йиржи Вацек (Чехия)

"ПУТЬ" (Париж, 1925. - Сентябрь - 1940. - Март. - № 1-61) - орган русской религиозной мысли, издававшийся Религиозно-философской академией, организованной Н.А.Бердяевым. В журнале проявились веяния новой эпохи расцвета творческой мысли в богословии и религиозной философии, а также статьи по проблемам литературы и искусства. Статья Н.А.Бердяева "Литературное направление и "социальный заказ" (К вопросу о религиозном смысле искусства)" (1931. - № 29) написана по докладу в литературном объединении "Кочевье" и касается поисков творческой интеллигенцией своего "общего дела" и социальной значимости своей работы. Тема развивается в терминах "одиночества и общения", одиночества и социальности и в рамках антиномии свободы и социального заказа, который требовалось диалектически снять на большей глубине или на большей высоте, то есть - разрешить (в

позволяющим и преодолевающим смысле одновременно). Н. Бердяев выделяет четыре типа отношений между одиночеством и общением, имеющие свои литературные эквиваленты. Первый тип характеризуется отношением "не одинок и социален". Это средненормальный тип, характерный для классика и эпических повествований, эпический тип, не интересный и не характерный для эпохи распавшейся системы ценностей, "разжиженного состояния общества" и ожиданий "нового средневековья". Второй тип характеризуется отношением "одинок и не социален". Это лирический тип, замыкающийся на элитарное сознание, ищущий спасения от одиночества в элите (характерное состояние современного, потерянного человека). Третий тип характеризуется отношением "не одинок и не социален". Это литургический тип, ищущий спасения только своей собственной души, укрывающийся в монастыре столь же не социальных людей, но не одиноких в силу своей непосредственной связи с чем-то более высоким. Такое укрытие можно находить и в литературном кружке, в литературном направлении, которое формируется раньше ответа на непосредственно жизненные вопросы, ответа, который и должен бы в нормальных условиях формировать то или иное направление. Но всего более характерен и необходим для эпохи четвертый тип. Он характеризуется отношением "одинок и социален". Это тип пророческий, пророческий и трагический. Именно его "побивают камнями". Но именно он реализует "казнь" не от общества, а для общества. Именно он обнаруживает неправду классового сознания и классовой ориентации. Именно в нем разрешается антиномия свободы и социальности. Разрешается обнаружением жизни человека сразу в двух мирах, в "двух градах", что и передается более адекватно религиозной символикой.

Из подобной постановки вопроса вытекают и "текущие задачи". "Новое в литературе может родиться лишь в связи с художественным переживанием опыта рождения новой жизни, с художественным видением образов грядущего... "Будущее принадлежит реализму полному и цельному, реализму мистическому, открывающему жизнь духовную, душевную и телесную, жизнь личную и социальную". Это требует связи искусства с происходящими в мире потрясениями жизни, с великим историческим кризисом и переломом, который подлежит и художественному претворению.

Если искусство имеет религиозный смысл, то смысл этот может быть только в художественном упреждении преобразования жизни, в открытии глубины жизни и создании из этой глубины образов, которых нет еще на поверхности жизни". Но образы эти живут и действуют. Они изменяют жизнь. И они должны быть причислены к совсем особой сфере действительности, должны быть признаны реальностями. "Преобразование жизни и есть высшая форма социального заказа искусству, не внешнего заказа общества, а внутреннего заказа духовной общности" (с. 92). Н.Бердяеву принадлежит также статья "В защиту А.Блока" (1931. - № 26).

Группа религиозных философов, объединенная "полифонической гармонией" журнала "Путь", не переставала интересоваться духовным состоянием России. Отсюда систематический (с религиозно-философских позиций) обзор литературной жизни России в 20-е. Такому обзору посвящена статья Ю.Сазоновой "Религиозные искания в отражении советской литературы" (1930. - № 21). "Несмотря на официальную борьбу со священниками ни один из писателей-коммунистов не посвящает ей цельной повести. Уступая, по-видимому, какому-то внутреннему чувству, авторы, любящие реалистически изображать сцены гражданской войны, никогда не описывают казни священника. По-видимому, они уверены в том, что чувство читателя будет против них" (с. 80). У Фадеева в "Разгроме" священника, причастного к гибели красноармейца, отпускают, несмотря на выразительное предложение красноармейца - повесить. В изображениях бунтов по поводу изъятия церковных ценностей (у Д.Фибиха в "Святыни") выведен приговоренный к смерти священник, до того отрекшийся от Бога.

Русский атеизм, в отличие от беззаботно-иронического западного, всегда полон отчаяния. И "значение советской литературы для русской религиозной мысли заключается главным образом в том, что она до конца раскрывает состояние души атеиста. Отказавшись от Бога, писатели отказываются и от его творения - человека. Жизнь кажется им источником уродства и злобы без всякой надежды на изменение" (с. 81). Не было более страшного описания человека, чем те, которые давались молодыми советскими писателями, призванными строить "новый мир". В этом ключе воспринимался тогда и молодой Зощенко, а мир его - как изображение безжалостной схватки случайностей, где люди, пробуя свои силы в жизненной

борьбе, борются с собакой, пытаются руками разорвать ей пасть. Собака судорожно хрипит, раскидывая и царапая землю ногами (из повести "Люди"). Верили раньше в любовь, говорили о существовании Бога, как необъяснимое явление существовал царь, а теперь "маломальский философ с необычайной легкостью доказывает обратное". Обстоятельно "мука безбожия оказалась рассмотренной у религиозно мыслившего писателя - у Леонова. Свет во тьме связывается Леоновым с ценностями христианской культуры. Атеизм предстает жалким, злобным и харкающим кровью в образе Дудина из романа "Барсуки". Развивается тема в романе "Бор".

Вся литературная часть журнала "Путь" тесно связана с темой Достоевского, с движением его идей. Непосредственным поводом к поднятию темы послужили 50-летняя годовщина смерти писателя и публикация его наследия в Германии. Характерны в этом плане статьи С.Л.Франка "Достоевский и кризис гуманизма (К 50-летию со дня смерти Ф.Достоевского)" (1931. - № 27), Л.Шестова "Киркегард и Достоевский: Голоса вопиющих в пустыне" (1935. - № 48), В.В.Зеньковского "Проблема красоты в миросозерцании Достоевского" (1963. - № 37). Глава из книги Р.Плетнева "Достоевский и духовная литература" напечатана в № 58 за 1938/39. С проблематикой философии Достоевского связана и статья Л.Шестова о В.В.Розанове (1930. - № 22).

Указатель журнала "Путь" составлен А.П.Оболенским и издан в качестве приложения к 19 тому "Записок русской академической группы в США" (Нью-Йорк, 1986). В 1992 в Москве начато переиздание журнала "Путь".

А.И.Маилов

"РОССИЯ" (Париж, 1927. - 28 августа - 1928. - 26 мая. - № 1-37) - еженедельная газета, "орган национальной и освободительной борьбы", под редакцией Петра Струве; сотрудничали В.Шульгин, Б.Э.Нольде, С.С.Ольденбург, К.А.Зайцев, Г.П.Струве, Б.Зайцев, Н.Кульман и др. Как общественно-политическое издание газета освещала события истории и текущей жизни в России и за рубежом. В течение 1927 печатались воспоминания-очерки Н.А.Цурикова о

Тухачевском. Целевой тематический номер газеты был посвящен генералу Врангелю (1928. - 5 мая). С 10 сентября 1927 в качестве субботнего приложения к "России" выходила "Литературная газета" с постоянными рубриками: "В мире литературы и искусства", "Книжная полка", "Критические наброски" (К.Зайцев), "Художественные заметки" (Лоллий Львов). П.Струве опубликовал на страницах "Литературной газеты" размышления, воспоминания и заметки на литературные темы - о писателях, взаимодействии русской и зарубежной литературы, вышедших новых книгах, как в России, так и за ее пределами. Целый цикл составили его работы о Пушкине (часть из них вошла затем в книгу "Дух и слово". - Париж, 1981). В газете "Россия" печатались его статьи "Пушкин и французские романтики (К юбилею французского романтизма)" (1927. - 17 сент.); "Радищев и Пушкин" (1927. - 1 окт.); "Пушкин о Стендале и Бальзаке" (1928. - 7 янв.); "От Пушкина к Бальзаку" (1927. - 26 нояб.). В статье "Шарль Нодье и Пушкин" (1927. - 24 сент.) Струве развивал тему связей Пушкина и французских романтиков, сопоставлял в ней роман Ш.Нодье "Жан Сбогар" и повесть Пушкина "Дубровский", выявляя параллели и оригинальность пушкинского повествования. В статье "Соболевский и Мериме" - размышление о литературном взаимовлиянии Пушкина и французского писателя (1928. - 24 марта). В "Заметках писателя" П.Струве печатал свои воспоминания о Ф.Сологубе (1927. - 10 дек.), о встречах у него с Л.Андреевым, М.Горьким. Постоянным обозревателем газеты был К.Зайцев, выступавший как публицист и литературный критик. В статье "Художественная правда о деревенской контрреволюции. "Барсуки" - роман Л.Леонова" (1927. - 3 дек.) он дал произведению молодого тогда автора высокую оценку: "Без обиняков, "Барсуки" - одно из самых значительных произведений русской литературы за последние годы". Обстоятельно анализируя содержание романа, К.Зайцев приходил к заключению: "Крестьяне духовно не приемлют советскую власть". Однако "активно бороться с большевизмом крестьянство не способно".

Н.Кульман в статье "Судьба русской народной поэзии и искусства" (1927. - 10 сент.) назвал книгу "Крестьянское искусство СССР" (Л., 1927) "очень интересной", оценил ее богатство, подчеркивая, что в крестьянском искусстве, "конечно, нет ничего ни советского, ни социалистического", - это настоящее народное

искусство, непосредственный хранитель и продолжатель того, что веками создавалось в русском народе. Все советское в области искусства "может лишь опошлять, разрушать, исказить, уничтожать". Газету привлёк утопический политический роман Н.А.Павлова "Бред. Россия в 19... г." (Париж, 1928). По оценке рецензента (О.С.Трахтерева), это - книга о России периода после падения коммунистической "сатанинской власти" (1928. - 3 марта).

Наиболее значительный познавательный интерес представляют материалы газеты о творческой деятельности старшего и молодого поколения прозаиков и поэтов русского зарубежья. В ответе на письмо П.Струве, предложившему дать оценку истекшему десятилетию, Бунин писал: "Что я могу сказать? Все слова давно сказаны и мое отношение не только к большевикам, но и ко всей "великой и бескровной" хорошо известны. Я лишь могу еще раз всеми силами души присоединиться к великому хору проклятий" ("Проклятое десятилетие". - 1927. - 5 нояб.).

Газета напечатала фрагменты из начальных двух глав романа Бунина "Жизнь Арсеньева" (1927. - 29 окт., 24 дек.), стихотворения, рассказ "Смерть" (1928. - 14 апр.). В рубрике "Критические наброски" выступил К.Зайцев с этюдом "Детство печального счастливчика" (1928. - 26 мая), отметив "изначальный пессимизм бунинской музыки" и высокое мастерство в описании природы в "Жизни Арсеньева": "Это описание принадлежит к тем редчайшим перлам художественной прозы, при чтении которых думаешь, подобно пушкинскому Сальери: "Стоило жить, чтобы вновь упиться такой дивной гармонией". Сообщалось о лекции проф. Н.К.Кульмана "И.А.Бунин в Сорбонне" (1928. - 24 марта). Были опубликованы полемические "Заметки" Ив.Бунина (1928. - 7 янв.), явившиеся репликой на статью З.Н.Гиппиус "Третий путь" в газете "Возрождение" (1927. - 4 дек.), утверждавшей, что "левые и правые пути изжиты" и что "нужен некий третий путь".

"Жива ли русская литература за рубежом?" - ставил вопрос в "Критических набросках" К.Зайцев (1928. - 24 марта). "Старики живы, - писал он. - Даже Куприн своим долгим и, можно было бояться, чуть не безнадежным молчанием, навел грусть на друзей русской литературы, "выбросил на литературный прилавок щедрую горсть чистого золота" (отрывок из повести "Юнкера"). Но растут ли новые таланты? На этот вопрос его ответ был ободряющим. В

писательскую семью вошел Георгий Песков, привлекает внимание Николай Еленев. "Это все люди новые в литературе, здесь, за рубежом... и несомненно даровитые". Критик характеризовал творческий дар каждого из них, не обходя слабостей натуры и недостатков творческого опыта. Г.Песков, отмечал Зайцев, склонен к фантастике. Шедевром Н.Еленева критик назвал рассказ "Mizzi", который "сразу выводит автора на видное место", хотя и "пугают признаки его духовной опустошенности". Фантастика названного рассказа "разительна и свидетельствует о крупном литературном даровании".

С молодой поэзией русского зарубежья знакомил Глеб Струве в "Заметках о стихах" (1928. - 14 апр.). Рассматривая сборник стихотворений Н.Туроверова "Путь" (Париж, 1926), он отмечал, что небольшая более чем скромно изданная книжка, выявляет свежесть и упругость стиха. И хотя ощутимы "блоковские воздействия", важно, что у молодого поэта есть что сказать и что он ищет свои ритмы. Туроверов "испил яда наших дней" и об этом не забывает. У поэта зоркая память, и он умеет передать виденное. Газета напечатала 17 декабря 1927 поэму Н.Туроверова "Новочеркасск" - о его родном городе. Местный колорит, заметил Г.Струве, придает его стихам особое очарование. Отмечался выход в Берлине романа М.Алданова "Заговор", об убийстве Павла I, издание в Париже 1 и 2 части "Оли" А.Ремизова, книги "Петр Великий, личность и деятельность" С.Ф.Платонова (Париж, 1927). Автора книги "Эпиграфы" Г.А.Ландау (Берлин, 1927) П.Струве назвал выдающимся публицистом (1927. - 10 сент.). Газета публиковала работы на историко-литературные темы: "Два русских ясновидца. Гоголь и А.А.Иванов" (1927. - 19 нояб.), "Н.М.Карамзин и его государственная идея" И.И.Лаппо (1927. - 26 нояб.) и др.

В освещении и отображении явлений литературы газета выходила за пределы русской тематики. П.Струве привлек внимание к книге французского слависта А.Мазона "Лексика войны и революции в России (1914-1920)" (1928. - 18 февр.). Сообщалось об издании заключительных томов цикла М.Пруста "В поисках утраченного времени", о книгах М.Барреса. Наряду со стихами В.Сирина, Г.Струве и др. широко была представлена французская поэзия циклами стихотворений в переводе Ив.Тхоржевского (Сюлли Прюдом, Шарля Морраса, Франсиса Гийома, Артура Рембо и др.). Особо говорилось о стихах Альбера Самена, "странно забытого

русскими переводчиками" (1928. - 4 февр.). Г.Струве выступил со статьей "Поэт и авантюрист. Судьба Артура Рембо" в связи с проводившимися во Франции мероприятиями в память поэта (1927. - 29 окт.). Из английских авторов внимание газеты привлек Томас Харди. Публиковалась глава из его романа "Безвестный Джуд". В отзыве о романе за подписью Г.С. (Глеб Струве?) приводились впечатления французского художника Ж.-Э.Бланша о Харди как человеке, простоте писателя в общении и вместе с тем простоте его стиля, в отличие от "жеманности Генри Джеймса" и "изысканности Оскара Уайлда" (1928. - 28 янв.).

В рубрике "Художественные заметки", публиковались информационные и аналитические статьи о событиях в мире изобразительного искусства. Газета отмечала крупные юбилейные даты выдающихся писателей - столетие Ибсена (1928. - 31 марта).

О газете см. также статью Г.Струве "Из истории русской зарубежной печати. Издания П.Б.Струве" в сборнике "Русская литература в эмиграции" под редакцией Н.Полторацкого (Питтсбург, 1972).

Е. Ф. Трущенко

"РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО" (Париж, 1928. - 1 декабря. - № 1 - 1934. - Июнь. - № 233) - еженедельная газета при ближайшем участии Петра Струве, орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Редактор К.И.Зайцев (1887-1975) (в монашестве архимандрит Константин), литературный критик, богослов, профессор, автор "Курса истории русской литературы" (1969) и книги об И.А.Бунине (1934); с 1 марта 1930 (№ 66) - редакционный комитет в составе К.И.Зайцева, Лоллия Львова, С.С.Ольденбурга, Глеба Струве, Н.А.Цурикова (Прага). Преемница газеты "Россия", выходявшей под редакцией П.Б.Струве в 1927-28, ставила своей целью объединение славянства как особого мира под началом сильной национальной России - великой державы. Газета видела в евразийстве "православный большевизм" (П.Струве. - 1929. - 6 июля), стремящийся в своем отторжении от Запада ввергнуть Россию в пучину "азиатчины" и "татарщины", вернуть страну к

допетровским временам. Не меньше зла находила газета и в религиозном неоромантизме Н.Бердяева, работы которого, в силу их "нездоровой напряженности и выпренности", отличаются "несостоятельностью" и вместе с тем обладают большой притягательностью и соблазнительностью для ищущих умов. Россия нуждается в сильной власти - носительнице патриотизма и выразительнице национальных устремлений. "Будущее России, - писал П.Струве, - невозможно без военной диктатуры, в сущности, единственного по существу здорового вида диктатуры, но оно не может быть, даже в решающий переходный момент, построено только на такой диктатуре", не облагороженной православием и здоровой национальной культурой (1929. - 24 авг.). Героями "Р. и с." были великий князь Николай Николаевич, Верховный Главнокомандующий в годы первой мировой войны (до его кончины в 1929), и генерал А.Кутепов, председатель русского общевойскового союза в эмиграции (до его похищения в 1930), а из писателей - расстрелянный ЧК по обвинению в заговоре против советской власти Н.Гумилев. Этот круг идей "обрекал" на поиск положительного примера в русской литературе - героя ярко выраженного национального самосознания и цельного мировоззрения, человека - патриота Отечества, исполненного веры в великое предназначение России и подвижничества в достижении цели: "Достовский... в своей знаменитой речи о Пушкине... звал нас во имя русского спасения отказаться от горестной психологии лишнего человека в своем отечестве, перестать быть "Алеками" и не искать правды по цыганским таборам, - отказаться от той испепеляющей психологии лишних людей, которая, толкнув на ложный путь, стубила столько энергичных русских характеров" (Львов Л. Пушкин и Россия: Ко дню русской культуры. - 1933. - Июнь). Уделив значительное внимание дореволюционной русской литературе, в особенности XIX века, газета, в соответствии со своими программными установками, "замолчала" творчество Л.Толстого и И.Гончарова, "не заметила" народнической литературы и литературы революционно-демократического направления, начиная с А.Герцена. Посвятив одну статью М.Лермонтову, ограничившись многочисленными упоминаниями Н.Гоголя, проведя как меру и эталон русского словесного искусства А.Пушкина через все, по существу, выпуски, газета сосредоточилась по преимуществу на творчестве Ф.Достоевского, И.Тургенева, Н.Лескова и А.Чехова. В прозе

Ф.Достоевского, в особенности в его "Дневнике писателя", газета нашла неиссякаемый источник для творческого вдохновения как в критике социалистической революции, так и в размышлениях о судьбах России и славянства. В известном смысле автор "Бесов" и "Дневника писателя" явился духовным крестным отцом еженедельника (характерно, что П.Струве, по примеру Достоевского, печатал свои статьи под рубриками "Дневник политика" и "Дневник писателя"). "Величайший борец против атеизма, материализма и социализма", "человек великих страстей и великих падений, Достоевский был в то же время человеком огромной воли... В этом отличие сильного волею, хотя и больного, Достоевского от слабых в волевом отношении, но физически гораздо более крепких русского барина и "баденского буржуа" Тургенева, "статского или действительного статского советника" Гончарова... "психолога дворянской души" Льва Толстого" (Струве П. Две речи о Достоевском. - 1931. - 21 февр.). О И.С.Тургеневе П.Струве писал: "Слабость тургеневского "сердца" отразилась и на его произведениях. В них, в отличие от творений Толстого и, еще более, Достоевского, нет никакой мощи. Они пленяют, но не потрясают" (Струве П. Тургенев. - 1933. - Сент.). А.Чехов как художник, по мнению газеты, "лучше" И.Тургенева - у последнего попадают нежизненные, ходульные общественные типы. Однако "Чехов принадлежит к поколению писателей, принесших в литературу душу утомленную, более того - опустошенную. И вся литературная деятельность Чехова отмечена непрерывной борьбой с собственной душевной опустошенностью, борьбой тем более трудной и мучительной, что она не могла опереться на какое-либо "миросозерцание" (Струве П. Скорбь: Памяти А.П.Чехова. - 1929. - 13 июля). В творчестве Н.С.Лескова еженедельник обнаружил тот положительный тип русского человека, на который газета могла опереться в своей позитивной программе. В нем есть неистребимое жизненное ядро, за ним чувствуется почва, глубокая христианская культура, он целен и самодостаточен - "не рисуется, как Тургенев, не исповедуется, как Толстой, не терзается, как Достоевский. Он как бы просит оставить его самого в покое и заняться только его произведениями" (Спекторский Е. Н.С.Лесков. - 1930. - 26 июля).

В советской России, отмечала газета в середине 1929, до сих пор еще не создано "ни одного исключительно яркого произведения", в

эмиграции же появился "ряд выдающихся художественных ценностей", благодаря которым в читающем мире наблюдается небывалый интерес к русской литературе вообще, и в этом заключается "величайшая национальная заслуга" русского зарубежья. Перспективы развития общерусской литературы газета оценивала довольно скептически: литература молодых ни в советской России, ни за рубежом "не позволяет питать больших надежд" на будущее (Кульман Н. Русская художественная литература за рубежом и в советской России. - 1929. - 18 марта, 30 апр., 15 июня). В иерархии художественных ценностей, созданных в эмиграции, газета безусловное первое место отводила творчеству И. Бунина (Бицилли П. Бунин и его место в русской литературе. - 1931. - 27 июня). Автор "Деревни" и "Суходола" был первым большим русским писателем, решительно порвавшим с народническими иллюзиями - любя народ, он чуждался его идеализации и был лишен чувства преклонения перед физическим трудом, "мозолями" и "потом", перед "властью земли", "необразованностью и некультурностью", перед "руссоизмом" и "толстоизмом" (Струве П. И.А. Бунин. - 1933. - Дек.). В прозе И. Бунина, в особенности в книгах "Жизнь Арсеньева" и "Божье древо", ощущается "писатель, отмеченный печатью гениальности" (Зайцев К. Бунин. - 1931. - 2 мая). Высшим достижением художественного таланта И. Шмелева газета считала "воспоминательную" прозу писателя - "Роднсе", "Лето Господне", "Богомолье" - "тишайшие книги", "озаренные лучезарным сиянием давно забытого мира и покоя" (Л. Львов), книги "радости и света", от которых веет "исконным, вечным русским духом"; произведения, отличающиеся необыкновенным богатством родного языка и "блеском народного остроумия" и достойные - по глубине и тонкости проникновения в детскую психологию - занять свое место в одном ряду с "Детством" Л. Толстого и "Детскими годами Багрова-внука" С. Аксакова, а "единственный в своем роде тип" Горкина - статья вровень с пушкинским Савельичем и аксаковским Евсеичем (Кульман Н. "Лето Господне". - 1933. - Июнь). Благосклонно отозвавшись об "Афоне" Б. Зайцева - "в книге... схвачено нечто глубоко и интимно близкое русской душе", еженедельник настороженно встретил роман "Анна", увидев в нем некоторую связь с "католическим французским романистом Мориакон" (Зайцев К. Два новых русских романа. - 1929. - 6 июля). Не удовлетворили газету и первые главы "Жизни

Тургенева" Б.Зайцева, опубликованные в 44 книге "Современных записок": "Образ Тургенева остается ниже своих произведений. Тургеневу надо еще вырасти под пером своего биографа, чтобы оказаться способным написать те произведения, которые его обессмертили" (Зайцев К. "Современные записки". Кн. 44. - 1930. - 15 нояб.). Вплоть до выхода в свет романа "Ключ" газета не признавала М.Алданова, считая его писателем, не укорененным в отечественной почве, беллетристом безнационального, общеевропейского стандарта, хотя и не отрицала его большой эрудиции, исключительной популярности за рубежом и в этом смысле даже называла его выдающимся. Газету отталикивали в Алданове его скептицизм и ирония, равнозначные утрате смысла жизни и веры в будущее. Откликаясь на книгу "Современники", Г.Ландау замечал, что "прельстительный скепсис" и на родине своей, во Франции, начинает выходить из литературной моды (1929. - 2 февр.). С публикацией романа "Ключ" взгляд на писателя резко переменялся: произведение было воспринято как огромный шаг вперед и свидетельство "просвета" в его творчестве. Природу нового качества алдановской прозы газета объясняла обращением писателя к теме современной ему России и русской революции: едва автор прикоснулся к животрепещущему для него материалу - "сказалась его кровная связь с Россией", выразившаяся в "сочувственном понимании" всех выведенных в романе фигур (см.: Зайцев К. "Ключ" М.А.Алданова. - 1929. - 28 дек.). Произведения В.Сирин (Набокова) вызвали на страницах газеты неявную, но острую полемику между К.Зайцевым и Г.Струве. Первый в статье "Бунинский" мир и "сиринский" мир", анализируя "Жизнь Арсеньева" и "Защиту Лужина", отмечал, сколь тяжело с высот бунинской поэзии погружаться в "кромешную тьму сиринаского духовного подполья". "Блестящий писатель, - продолжал К.Зайцев. - И все же, с каким огромным облегчением закрываете вы книгу... не надо дальше читать этого наводящего гнетущую тоску талантливейшего изображения того, как живут люди, которым нечем и незачем жить... слепорожденные кроты, толкающиеся беспомощно, безвольно, безответственно, в потемках какого-то бессмысленного и бесцельного прозябания", - и заключал статью восклицанием: "Какой ужас так видеть жизнь, как ее видит Сирин!" (1929. - 9 нояб.). Г.Струве, напротив, оценил "Защиту Лужина" как выдающееся произведение. "Неоднократно указывалось на "нерусскость"

Сирина, - писал Г.Струве. - Мне это указание представляется неверным в общей форме. Но у Сирина есть "нерусские" черты, не свойственные русской литературе... У него отсутствует... столь характерная для русской литературы "любовь к человеку"... Почти все персонажи Сирина отрицательные. Он питает... пристрастие к изображению уродов, моральных и физических, но в его изображении напрасно... искать, как у Достоевского, любви и жалости к этим уродам... Однако в "Защите Лужина" Сирин - может быть, вопреки своей воле - выходит как будто из этого круга "нелюбви к человеку": в судьбе... Лужина есть что-то подлинно и патетически человеческое" (Струве Г. Творчество Сирина. - 1930. - 17 мая). Не ссылаясь на Г.Струве и не помяная его статьи, К.Зайцев в обзоре 44 книги "Современных записок" вновь вернулся к В.Сирину в связи с его повестью "Соглядатай" и подтвердил прежнюю оценку этого автора, охарактеризовав главную особенность его прозы как "отрыв сознания от бытия"; в результате которого писатель "обретает власть не над жизнью, а над каким-то особым миром, обладающим всеми свойствами мира действительного, кроме одного: подлинности". И в заключение: "Трагедия сиринского человека... в том, что его... не существует!.. Страшная трагедия человека, потерявшего не свою тень, как быллой Петр Шлемиль, а свою метафизическую сущность..." (1930. - 15 нояб.). Подобную философско-нравственную полемику К.Зайцев вел и с философом Ф.Степуном по поводу его романа "Николай Переслегин" (см.: 1929. - 1, 22 июня). В советской литературе газету постоянно привлекали две фигуры - А.Блок и Н.Гумилев. Русский офицер, монархист, человек православной веры, Н.Гумилев в некотором роде - идеал газеты. Классические, устрояющие и оформляющие начала меры и порядка характеризуют не только его творчество, но и всю его жизнь. И в этом смысле Н.Гумилев - "подлинный классик", "необыкновенно цельная "классическая" личность", обладающая ясным законченным мировоззрением. Порою он отдавался мистическим предчувствиям и дионисийской стихии, но всякий раз "божественная мера" удерживала его от "захлеста" люциферической музыкой, какою был охвачен А.Блок (см.: Голенищев-Кутузов И. Мистическое начало в поэзии Гумилева. - 1931. - 29 авг.). Основное в поэзии Н.Гумилева - "приятие мира и пафос героизма" в их духовном единстве: "бестрепетная, не знающая преград и страха действительность и служение добру",

'покорность Творцу и Его творению и одновременно непокорность злу" (Цуриков Н. Гумилев и его заветы. - 1931. - 29 авг.). Как человек и культурный тип Гумилев "входит в длинную и славную галерею русских поэтов-воинов, и он займет в ней по поэтической значительности одно из первых мест". А.Блок - антипод и полная противоположность Н.Гумилева. Он принадлежит, как сам выражался, к какой-то проклятой породе людей, у которых "в сердцах восторженных когда-то есть роковая пустота". Блок примыкает к непущинской линии в развитии литературы - "поздний цветок русского романтизма", он, через В.Соловьева и А.Фета, восходит к М.Лермонтову (Струве Г. Магия Блока. - 1931. - 8 авг.). И если гумилевская "Швеция" "всецело" выдержана в традиции "Клеветникам России" А.Пушкина, то блоковские "Двенадцать" и "Скифы", эти "глубоко унижительные для русского национального чувства произведения", - "ужасная и объективно трагическая пародия на Пушкина и на Россию", "гениальное историческое свидетельство о глубине нашего падения", ибо "Евразийская" революция, возненавидевшая дело Петра и заколотившая руками Ленина "окно в Европу"... не "братский пир труда и мира", а "томительный бред", по Гумилеву, в котором "опять поникла, как вчера" Россия" (Цуриков Н. Блок, Гумилев, Пушкин о путях России. - 1932. - 16 апр.). Тайну поэтического гения Блока газета усматривает в обращении художника не к мысли (поэт небрежен и неряшлив в языке), а к ее предтече - музыке, не к языку, а к "праязыку" (Бицилли П. Литературные эксперименты. - 1932. - 3 сент.). Блок очаровывает читателя магией стиха как музыки. Под словом магия понимается способ и соблазн "приоткрытия лично для себя покровов доступного нам мира и подчинение лично себе потустороннего", но "как всякое властвование... оно обращается в подчинение... не в возвышающее подчинение "идеи", "предмету", Богу, а в принижающее подчинение неясным темным "силам" (Зайцев К. Бунин-поэт. - 1929. - 8 июня). Бунин и Гумилев чужды этого соблазна, в то время как Блок не избежал искушения революцией. М.Горький, В.Маяковский и А.Толстой "присутствуют" в еженедельнике в восприятии И.Бунина-художника, и о них можно узнать только из беседы Елиея (Л.Львова) с автором "Жизни Арсеньева" в начале апреля 1930. "По натуре он очень талантлив, - говорил Бунин об А.Толстом. - Но он всегда без вкуса, без меры, без такта... он меня, конечно, возмущает...

теперешние его писания переполнены "агиткой"... И все же он всегда мне интересен". О М.Горьком: "Никогда не был его поклонником... "Челкаш" очень не понравился, и прав тот же Алексей Толстой, сказав про его героев: "босьяки в испанских плащах и страусовых перьях"... "Клима Самгина"?.. "Начинал читать и никак не мог"; "В его "Артамоновых" - какая-то раскрашенная Русь..." О Маяковском: "вполне понимаю, что в гимназии его звали "Полифем Идиотович" (Елиель. У Бунина перед вечером. - 1930. - 5 апр.). Оценки Бунина и газеты могут не совпадать, как это случилось, к примеру, с прозой А.Белого, о которой Бунин сказал: "читать не могу". Газета же отметила: "как ни неприятно читать "Москву под ударом", от этой книги трудно оторваться" - "юродствующая стилистическая манера А.Белого является у него приемом достижения художественной выразительности" (П.Бицилли), однако вторую книгу его мемуаров ("Начало века") оценила как "конец" писателя: "беспощадно расстрелянную литературно-общественную жизнь Москвы и Петербурга он изобличает во всех семи, "капиталистических", грехах и бичует недавнюю и безжалостно растоптанную литературно-артистическую и интеллигентскую, профессорскую Москву с подлинно большевистским азартом" (Львов Л. Конец Андрея Белого. - 1934. - Янв.-февр.). Говоря о положении художественного таланта на родине, газета всякий раз подчеркивала неблагоприятные условия его развития, имея в виду идеологическое давление на писателя и цензурную жесткость по отношению к нему. М.Волошин, еще в 1905-06 расслышавший "жестокий рев разнудывающейся стихии и смутный гул, возвещавший роковое крушение великого государства", в пору "белого" движения написавший о России "несколько очень сильных стихотворений... затем, по-видимому, замолк. Его натура в обстановке большевистского гнета не могла развернуться. Не могло в ней получить своего выражения и то почвенно-национальное, религиозно окрашенное чувство, которое владело Волошиным и оригинально сочеталось с анархическим уклоном его духа" (Струве П. Памяти Максимилиана А. Волошина: Страничка из воспоминаний. - 1932. - 27 авг.). Из писателей, вошедших в литературу после революции и гражданской войны, газета "среди огромного количества литературной халтуры" выделяла "не очень значительные, но несомненные дарования": Л.Леонов, М.Булгаков, М.Зощенко, К.Федин, Б.Пильняк, В.Катаев, И.Бабель,

Вс. Иванов, Л. Сейфуллина. При этом отмечала, что все они заняты двумя темами - гражданской войной и бытом, и стеснены той связанностью в свободном проявлении своих творческих сил, какую всегда ощущает чуткий талант из боязни сказать лишнее и "противное интересам.. власти" (Кульман Н. Русская художественная литература за рубежом и в советской России. - 1929. - 18 марта). Необходимо заметить: газета порой теряет объективность, и политическую, и художественно-вкусовую, когда дело касается ее святая святых - старой русской армии и Белого движения. М. Шолохов, "автор несомненно большой и зоркой памяти и острого и глубокого взгляда", в романе "Тихий Дон" (кн. 1 и 2) "является художником и только художником, пока он описывает далекий от политики казачий быт. Как только ему приходится сойти с этой "аполитической" позиции... типичная большевистская идеология начинает овладевать его пером. Если бы он верил в нее, то и здесь могла бы быть какая-то художественная правда. Ведь есть же несомненная художественная правда в пресловутой "Конармии" Бабеля! Пусть обвиняют некоторые большевики эту книгу в контрреволюционности, однако эта отвратительная книга несомненно отчетливо большевистская книга и в ней дышит большевистская же, пусть отвратительная и отталкивающая, но дышащая жизнью правда" (Зайцев К. "Тихий Дон" Шолохова. - 1929. - 6 апр.). В пьесе М. Булгакова "Дни Турбиных" "эстетически неприемлемое" для газеты сводится к изображению гетмана Скоропадского и других исторических лиц: автор "не в состоянии убедить, что события во дворце протекали в такой фарсовой форме. Весь этот акт - продукция для советского райка... небудительный, антихудожественный и исторически нелепый балаган" (Даватц В. Пьеса для русских: К постановке "Дней Турбиных". - 1931. - 7 янв.). Из писателей, творческие дарования которых связаны с изображением повседневного быта, газета неоднократно останавливалась на рассказах М. Зощенко и противоречиво их оценивала: "талантливый циник" (Н. Кульман); "гениальность Зощенки в том, что он... уловил сущность "полуинтеллигенции" как социологического фактора и художественно выразил ее культурно-историческую роль, стилизуя специфические особенности ее языка" (П. Бицилли). Самой пронизательной, однако, представляется точка зрения К. Зайцева: "Основная, определяющая особенность Зощенки в том, что он не сатирик. В нем нет элементов бойца. Это - тихий, болезненный, очень

чувствительный, восприимчивый и повышенно-впечатлительный, склонный к ипохондрии человек, которому бесконечно жаль окружающих его людей и который как бы морально солидаризуется с ними" ("Письма к Зоценке". - 1929. - 16 нояб.). В газете можно также обнаружить отзывы на исторические романы Ю.Тынянова "Смерть Визир-Мухтара" и "Кюхля". В рецензии на первый отмечается влияние на стиль автора прозы А.Белого: "То, что у Белого внутренне оправдано... у Тынянова - надуманное, искусственное, чисто головное... Тынянов кривляется и гаерствует не только словесно. Он подходит... с какой-то издевкой ко всему: к людям, к событиям, к истории... Вся русская история... оборачивается каким-то скверным анекдотцем, а действующие лица ее - смешными марионетками" (Струве Г. Роман о Грибоедове. - 1929. - 9 февр.). В рецензии на "Кюхлю" К.Зайцев отметил умение автора "живо рассказывать и неплохо препарировать... исторический материал", но не нашел у него "большого художественного дарования" (1929. - 12 окт.). Из прозаиков в газете печатались И.Беленихин (сентиментальные рассказы и очерки из помещицкой жизни "Прошлое"), Н.Берберова (главы из романа "Повелительница"), Б.Зайцев (рассказы и статьи), Л.Зуров (рассказы), В.Корсак (отрывки из романа "История одного контролера"); Ант. Ладинский (рассказы), В.Сирин (отрывки из романа "Подвиг"), И.Сургучев (рассказы и статьи), И.Шмелев (проза и публицистика), В.Шульгин (главы из романа "Приключения князя Воронежского", циклы воспоминаний "Война без мира" и "Вышивка крестиком", политическая публицистика) и др. Из поэтов - К.Бальмонт (перевод "Слова о полку Игореве" и свыше пятидесяти оригинальных стихотворений), И.Бунин (стихи и переводы "Из крымских сонетов" А.Мйцкевича, нобелевская речь, отзыв о прозаике Л.Зурове), И.Голенищев-Кутузов, Б.Лазаревский, Г.Мейер, Л.Столица, Ю.Терапиано, Н.Туроверов и др. На страницах газеты увидели свет воспоминания Н.Арсеньева о людях старой Москвы, художника К.Коровина "Мои ранние годы", "Врубель" и "А.Я.Головин", Н.Языкова "Деды и внуки" (отец автора был внучатым племянником поэта Н.М.Языкова), дневник В.Даватца "С Кутеповым" и др. Газета вела большую работу по ознакомлению читателей русской эмиграции со славянскими литературами (болгарской, польской, югославянской, лужицких сербов и карпато-русской), систематически публикуя произведения славянских писателей в переводах русских авторов (К.Бальмонта, И.Голенищева-

Кутузова, Л.Столицы и др.), их литературные портреты и статьи о русско-славянских и межславянских литературных связях. Выдающееся место в этой работе принадлежит К.Бальмонту: "Никто из русских писателей не сделал так много для литературного сближения славянских миров, - отмечала газета, - как К.Д.Бальмонт... годы изгнания он, можно смело сказать, все свое время, свободное от самостоятельного поэтического творчества, отдавал славянам и Литве. Особенно замечательны его переводы Ярослава Врхлицкого и Яна Каспровича, а также переводы болгарских, сербских, хорватских, словенских народных песен" (Кульман Н. Бальмонт и славяне. - 1931. - 25 апр.). Перу К.Бальмонта принадлежит также свыше тридцати статей, посвященных творчеству славянских поэтов и проблемам перевода. В отделе "Литературная газета" печатались стихи, беллетристика, воспоминания, статьи по русской литературе и культуре в прошлом и современной русской литературе (последние два подотдела держались в основном работами К.Зайцева), рубрика "Rossica" (в ней выступали профессор Н.К.Кульман и Г.Струве), статьи по славянским литературам (польскую вел С.Кулаковский), славяноведению (Н.Кульман, М.Панас, В.А.Францев и др.), изобразительному искусству (Л.Львов), театру и музыке (Л.Львов, В.Светлов). С еженедельными политическими обозрениями выступал в газете С.С.Ольденбург; под рубрикой "Россия и славянство. Славянская взаимность" печатались Ф.В.Тарановский, А.В.Флоровский, В.В.Шульгин и др.; с современной Россией и международным положением коммунизма знакомил читателя Е.Саблин; с проблемами церкви и религиозного движения - кн. Г.Н.Трубецкой; с национально-освободительным движением и русской армией за рубежом - Н.Цуриков; Болгарию представлял Н.Николаевский, Чехословакию - С.Варшавский, Подкарпатскую Русь - кн. П.Долгоруков и С.Савинов, Югославию - автор, подписывавший свои материалы инициалами А.Б.В.; в рубрике "Мировое хозяйство" публиковались работы П.Б.Струве, экономику России освещали Наблюдатель и Экономист (псевд.), Болгарии - Н.В.Долинский, Польши и Чехословакии - Н.Жекулин, Югославии - Старый Финансист (псевд.). С марта 1933 газета стала выходить нерегулярно; в июне 1934 из-за финансовых затруднений прекратила свое существование.

"РУБЕЖ" (Харбин, 1927 - 1945. - Август.) - еженедельный литературно-художественный иллюстрированный журнал, выпускавшийся в Харбине с 1927 по 1945 издательством "Заря". Издатель - Е.С.Кауфман, редакторы - Г.Н.Шипков (1927-29), М.С.Рокотов (Бибинов) (1929-43), К.С.Сабуров (1943-45). В 1927 вышло лишь несколько номеров "Р.", но начиная с 1928 журнал выходил бесперебойно по субботам в течение 18 с половиной лет. Объем журнала, как правило, составлял 20 с. (праздничные номера - 30-34 с.). В каждом номере печаталось 7-8 стихотворений и 2-3 рассказа местных русских авторов; рассказы и "роман с продолжением", переведенные с иностранных языков; иллюстрированные очерки о культурной и политической жизни в разных странах мира, местная хроника, "полезные советы", "крестословица". Небольшой библиографический отдел знакомил читателей с книжными новинками как дальневосточных, так и западных русских издательств.

В "Р" регулярно появлялись рассказы и стихи А.Несмелова (в журнале была впервые напечатана его поэма "Протопопица", 1939, № 42), рассказы Якова Ловича (Дейча), Василия Логинова, Константина Сабурова, стихи А.Ачаира. Впервые напечатали свои произведения в "Р" Альфред Хейдок, В.Перелешин и многие другие. На страницах журнала появлялись стихи почти всех поэтов молодого поколения эмигрантской волны, в т.ч. - победителей конкурсов литературно-художественного объединения "Чураевка". Поэтические переводы В.Перелешина, Н.Светлова и др. знакомили читателей с произведениями поэтов Запада и Востока (например, на страницах журнала был впервые опубликован перевод В.Перелешиним поэмы С.Т.Колриджа "Сказание старого моряка" (1940. - № 34), а также стихотворений из наследия китайской классики).

Проза местных авторов появлялась в "Р" в виде коротких рассказов-новелл. Наряду с такими литераторами старшего поколения, как А.Несмелов, К.Сабуров, В.Логинов, Н.Веселовский, стиль которых отличался мастерством и зрелостью, в журнале печатали и молодых авторов. Не все из них в дальнейшем проявили себя на литературном поприще, однако со страниц "Р" пришли к читателю интереснейшие рассказы молодого писателя Б.Юльского. Большинство рассказов русских авторов - об эмигрантской жизни с отголосками пережитого в годы гражданской войны и социальных

потрясений в России: Несмелов А. Голубое одеяло (1940. - № 47); Миллион за обоями (1935. - № 51); Логинов В. Когда человек проснется (1930. - № 26); Сабуров К. Бабушкин подарок (1931. - № 1), 1942. - № 43) и др. В некоторых рассказах, - главным образом А.Несмелова, - эпизоды из жизни кадетского корпуса, дореволюционной жизни в России, первой мировой или гражданской войн: Несмелов А. Зло (1935. - № 45), Шестое чувство (1936. - № 32), Герр Тицнер (1936. - № 42); Сабуров К. Роман Кашерина (1937. - № 39); Логинов В. Рассказ о любви и смерти (1930. - № 16); Лович Я. Два Рождества (1930. - № 2); Веселовский Н. (Выговский). Чародейка (1942. - № 18) и др.

С 1929 до середины 30-х в журнале часто появлялись интригующие рассказы А.Хейдока - романтические фантазии или мистические истории, над героями которых всегда нависало "веяние крыл неразгаданной тайны" ("Врата". - Шанхай. - 1935. - № 2). Некоторые из них вышли в 1934 отдельным сборником под названием "Звезды Маньчжурии" с предисловием Н.Рериха. Действие рассказов А.Хейдока и других авторов происходит в Китае; даются реалии местной жизни в этой азиатской стране (Несмелов А. Сторублевка (1938. - № 12); Сабуров К. Голубая долина (1935. - № 30); Логинов В. Робинзоны (1940. - № 8); Юльский Б. Шутка (1941. - № 52) и др.).

Рассказы Бориса Юльского стали появляться с середины 30-х в "Р" и других периодических изданиях. Они выделялись на фоне всей публиковавшейся прозы неординарной тематикой, интересными персонажами. У него "был дар художника, необыкновенно зоркий глаз и поразительное искусство слова" (Перелешин В. Два полустанка. - Амстердам, 1987. - С. 51). В рассказах Б.Юльского, представляющего молодое поколение харбинских прозаиков, нет "изгойского синдрома", характерного для авторов старшего возраста. Его персонажи - профессора, гувернантки, жокеи, торговцы живым товаром, охотники, служащие лесной полиции, контрабандисты, - реальные люди из той среды, которая окружала писателя ("Yes, Madam". - 1937. - №21; "Хищник". - 1938. - № 12; "Рак". - 1938. - № 41; "Обрыв". - 1941. - № 1; "Закон жизни". - 1935. - № 44; "Легион". - 1940. - № 17 и др.).

В 30-х - 40-х в журнале существовал раздел "Книжные новинки", представлявший краткие рецензии, главным образом, на книги русских западных издательств, которые попадали на полки

харбинских библиотек. В этом библиографическом разделе появились отклики на книги: Бакунина Т.А. Российские вольные каменщики (1934. - № 27), Крымов Вл. Сенсация графа Азара (1940. - № 34), Алданов М.А. Бельведерский торс (1941. - № 1), Мережковский Д.С. Жанна д'Арк (1941. - № 8) и др. Рецензировались литературные журналы и сборники ("Числа", "Литературный смотр" и др.). За подписью А.Ребринский в разделе "Литературный ларец" печатались "Беседы о литературном творчестве". Журналом отмечались большие юбилейные даты культурной жизни (на его страницах был опубликован очерк проф. Г.К.Гинса, посвященный двадцатилетию со дня смерти Н.С.Гумилева. - 1941. - № 8).

"Р" помещал очерки с иллюстрациями, как перепечатанными из других изданий, так и присланными специальными корреспондентами. Среди его специальных корреспондентов - А.В.Амфитеатров (Италия), В.Н.Унковский (Франция), Т.Баженова (США), священник Серышев (Австралия) и др. В редакцию также поступали материалы из Токио, Филиппин, Тегерана и других мест русского рассеяния (см. в юбилейных номерах журнала: 1937, № 35; 1943, № 1). До второй мировой войны на страницах "Р." можно было встретить произведения русских авторов из Европы и США, специально присланные в редакцию - Саши Черного, Г.Гребенщикова, А.Казанского, Н.Туровой и др.

Помимо оригинальных рассказов русских авторов, популярностью пользовались иностранные новеллы в переводе О.Сафоновой, Е.Петровой, И.Мирандова, Е.Сентяниной, Т.Беляевой, В.Иевлевой и др. Из "романов с продолжением" были опубликованы: "Венера в роговых очках" Берты Рок, "Канувшее в Лету" ("Унесенные ветром") М.Митчелл, "Ребекка" Дафны дю Морья и др.

Местная хроника, - в основном анонсы и рецензии на все большие события культурной жизни Харбина: театральные постановки, оперные и балетные спектакли, концерты симфонического оркестра, обзоры спортивной жизни, - широко иллюстрировались. Публиковались снимки известных фотографов (Скамони-Шапшинского, Алина, Абламского и др.). Кроме хроники местной жизни и событий в Азии, на страницах "Р" можно было найти фотографии Шалыпина, Алданова, Шмелева, Лифаря, Н.Рериха, Б.Зайцева, С.Черного. До середины 30-х в журнале

сотрудничала известная карикатуристка "Вита" (В.Загибалова), еженедельно представлявшая страницу своих рисунков, пользовавшихся популярностью.

Самый долговечный из всех периодических изданий дальневосточного русского зарубежья, журнал "Р" "возник не случайно. Издательство газет "Заря" и "Рупор" начало "это новое для себя дело после основательной подготовки, причем одной из главнейших причин, побудивших его к этому, явилось желание использовать тот художественный литературный материал, который поступал от дальневосточной пишущей братии в большом количестве и не мог найти места в газетах нашего издательства. Действительно, до возникновения "Рубежа" харбинские поэты и писатели совершенно не имели возможности печататься сколько-нибудь регулярно" (1937. - № 35. - С. 1).

Подписчиками журнала были многие русские эмигранты из далеких стран. "Можно указать немало фактов, когда "Рубеж" был единственным русским печатным словом, достигающим эмигрантского читателя где-либо на островках, в колониях Африки или даже в таком центре, как Тегеран, куда волею судеб попало немало русских изгнанников" (1943. - № 1. - С. 1).

См. также статью: Штейн Э. Харбинский "Рубеж" // Евреи в культуре русского зарубежья. - Иерусалим, 1994. - Т. 3.

Е.П.Таскина

"РУЛЬ" (Берлин, 1920. - 17 ноября. - № 1 - 1931. - 13 октября. - № 3242) - ежедневная газета, основанная И.В.Гессеном, А.И.Каминкой и В.Д.Набоковым, имя которого сохранялось в титрах и после его гибели от руки убийц в марте 1922. История "Руля" и его политическая позиция, мало менявшаяся на протяжении одиннадцати лет вплоть до закрытия, освещена в мемуарах одного из редакторов И.В.Гессена "Годы изгнания (Жизненный отчет)" (Париж, 1979), отмечавшего (с. 127), что, снискав в глазах большевиков репутацию "самой злой газеты" из всех эмигрантских изданий (Зиновьев), редакция "Руля" воспринимала такие оценки как самое весомое признание своих заслуг. Здесь с самого начала была

решительно отвергнута идея постепенного "засыпания рвов" между беженцами и красной Россией, а пропагандисты примирения - от Е.Д.Кусковой (с нею очень резко полемизировала З.Гиппиус. - 1922. - 10 сент.) до "возвращенцев" - неизменно получали отповедь на страницах газеты.

Раньше других изданий зарубежья "Руль" констатировал возникновение диктатуры Сталина (так была озаглавлена передовица в номере от 29 янв. 1926). Подробно критически освещались события, происходившие в СССР. Со временем особое внимание стало уделяться свидетельствам "третьей эмиграции" - рассказам-исповедям бывших советских подданных, бежавших на Запад. Сам термин "третья эмиграция" предложил один из них - С.Дмитриевский в статье, опубликованной 29 мая 1930.

Бескомпромиссность "Руля" вызвала ответную реакцию: помещение газеты подвергалось бандитским нападениям, которые в советской печати были истолкованы как взрыв возмущения революционно настроенных немецких пролетариев. Руководители издания обвинялись московской прессой в продажности.

Тираж "Руля" быстро достиг цифры более 20000 экз. и подписчики появились даже в самых отдаленных местах. Газета регулярно публиковала материалы не только о берлинской и парижской эмиграции: большое внимание уделялось русскому рассеянию на Балканах, в США, Балтии, Латинской Америке, Китае и др. странах. "Руль" освещал деловую, политическую, религиозную жизнь русских сообществ, но особенно - новости культуры. С целью дать по возможности полную картину русского эмигрантского быта в разных странах газета с 1923 начала выпуск воскресного приложения "Наш мир", оказавшегося, правда, недолговечным. Впоследствии появились две дополнительные полосы "Жизнь и шарж", отводившиеся под хронику. Она все больше заполнялась сообщениями с родины.

Преобладающее значение известия из Москвы имели и для других отделов газеты. По свидетельству И.В.Гессена, "для "Руля" судьбы России оставались на первом плане, отодвигая в тень все остальное... Смутно начали обрисовываться пути и намерения злокозненной насмешницы истории. Со всем увлечением мы старались распознать эти пути, вскрыть подспудные намерения" (с. 144).

Согласно И.В.Гессену, позиция газеты определялась двумя основными положениями: недопустимость какого бы то ни было сотрудничества с советской властью и преодоление внутренних раздоров в стане эмиграции. "Руль", пишет он, "неустанно напоминал, какой страшный вред приносит взаимная позорная грызня эмигрантской массе и какое безнадежное впечатление должен производить наш разброд на страдающих на родине под иггом советского режима" (с. 177). Однако Гессен признает, что попытки газеты добиться согласия оказывались чаще всего бесплодными. Конфронтация становилась все более неотвратимой, а консенсус - все менее реальным. Это подтвердила и судьба самой газеты, когда из-за финансовых трудностей она была вынуждена вступить в коалицию с пражской группой "Крестьянская Россия", возглавляемой С.С.Масловым. Союз, не подкрепленный общностью политической линии, продержался лишь несколько месяцев и не только не способствовал сохранению "Руля", но лишь приблизил его гибель.

Понимание миссии русской эмиграции, которого придерживалась газета, было сформулировано уже в одном из ее первых номеров статьей В.Д.Набокова "Мы и они" (1920. - 27 нояб.), где утверждалось, что эта эмиграция "не имеет прецедентов в мировой истории". Она не представляет собой единого политического движения, поскольку репрессии и преследования были главными факторами беженства лишь в первые полтора-два года после октябрьского переворота, а затем начался массовый исход по причине "чудовищных, невозможных и невыносимых политических, материальных, правовых, культурных условий, превращающих жизнь в Совдепии в подлинный ад". Не возникало ни общей идейной платформы, ни принципиального расхождения с "оставшимися": "Получились две огромные категории русских людей, по существу совершенно однородных, отделенных друг от друга просто географической чертой. По одной стороне этой черты... все, что выработано ходом цивилизации. По другой - свирепое торжествующее хамство... Если не будет найден путь к объединению "нас" с "ними", и порвутся наши духовные связи... будет второе изгнание, горше первого". Помня, что "нет и не может быть ужаса худшего, позорнейшего, чем режим большевиков", надо помнить и о том, что "когда-нибудь... мы туда вернемся, к ним, исстрадавшимся", - но не с озлобленностью и не с пустыми руками, а

с сохраненными в изгнании ценностями русской культуры: сбережение их и преумножение для будущей свободной России, по Набокову, главная задача зарубежья.

К этой теме "Руль" обращался постоянно, и одним из самых заметных его выступлений стала напечатанная 3 апр. 1924 речь Бунина "Миссия русской эмиграции", - она была произнесена 16 февр. на вечере в Париже (где выступили также Мережковский, Шмелев, Карташев) и вызвала резкие нападки как со стороны советского официоза (статья в "Правде" 16 марта 1924, озаглавленная "Маскарад мертвецов"), так и со стороны П.Милюкова, писавшего о "непримиримости с новой жизнью, тоске о прошлом и гордости". "Руль" опубликовал бунинский текст без редакционных комментариев, однако с несомненным сочувствием, поскольку и тон, и пафос этой речи вполне согласовывались с позицией газеты.

Бунин говорил о том, что "миссия русской эмиграции, доказавшей... что она не только за страх, но и за совесть не приемлет ленинских градов... заключается в продолжении этого неприятия... Мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся. Мы хотим не обратного, а только иного течения... Да будет нашей миссией не славаться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для несправедливого времени сего, и для будущих праведных путей самой же России".

"Руль" стремился следовать этому пониманию долга эмиграции перед покинутой родиной. Поэтому с самого начала публикациям, посвященным проблемам интеллектуальной, религиозной и культурной жизни, придавалось в газете первостепенное значение. На ее страницах появлялись произведения всех наиболее заметных писателей, оказавшихся в эмиграции, - печатались Бунин, Шмелев, Зайцев, Бальмонт, Амфитеатров, Юшкевич, Ремизов, Аверченко, Саша Черный, Тэффи. С номера от 7 янв. 1921 активное участие принимал в газете В.Сирин (Набоков) - как поэт, драматург, прозаик, критик, переводчик (в частности, под заглавием "Николка Персик" в "Руле" появился вышедший затем отдельным изданием перевод "Кола Брюньона" Романа Роллана, здесь же Набоков напечатал свое вольное переложение стихотворения Бодлера "Альбатрос"). Постепенно в "Руле" стали печататься и другие писатели, представляющие молодую эмигрантскую литературу, - Н.Рошин, Г.Кузнецова.

Для газеты было исключительно важно доказать, что после исхода из России духовная традиция не прервалась и что в изгнании она осталась глубоко национальной, тогда как большевизм знаменует собой как раз разрушение и гибель русских форм духовной, интеллектуальной, художественной жизни. Принципиальной оказалась полемика вокруг этой проблемы, завязавшаяся в связи со статьями А.Белого "О России в России" и "О России в Берлине" (Беседа. - 1923. - № 1). Отвергая мысль Белого о плодотворной культурной работе большевиков в массах, Ю.Айхенвальд констатировал, что "теперешняя Россия живет на духовный счет прежней", и писал: "Сравнивать Россию с Берлином, величины несоизмеримые, - дело праздное. И можно изобличать все пороки эмигрантства, совсем не противопоставляя ему тех материальных и духовных руин, которые остались от бывшей России. И поскольку эмиграция продолжает на чужбине традицию родины, поскольку она поддерживает преемственность национальной культуры, прерванную нашим историческим землетрясением... постольку вообще нет противоположности между нею, русской колонией, и нашей недавно великой метрополией" (1923. - 27 мая). Г.Ландау (1923. - 27 июля) пошел еще дальше, обвинив Белого в "духовной скалозубовщине".

Однако преобладал в "Руле" все-таки дух заинтересованного освещения всех примечательных событий в культуре метрополии, и наглядным подтверждением готовности не возводить стену между "нами" и "ними" было постоянство, с каким газета представляла все заслуживающее внимание в литературной и художественной жизни на родине. "Руль" за одиннадцать лет своего существования познакомил читателей со всей пореволюционной русской литературой, исключая лишь Горького, отношение к которому в этой газете было неизменно враждебным. Среди оставшихся в России авторов, которые наиболее часто появлялись в "Руле", иной раз публиковавшем выпусками и большие их произведения, - П.Романов, И.Соколов-Микитов, К.Федин, В.Шишков, Л.Сейфулина; печатались Е.Замятин, М.Зошенко, Л.Добычин, Б.Пильняк, О.Форш, В.Инбер. Несколько раз подборками был представлен С.Есенин. Даже антипатичный "Рулю" В.Маяковский, как и сделавшийся одиозным "возвращенец" Ал.Толстой находили для себя место на литературных полосах газеты. Если прибавить к этому публикации из новейшей европейской литературы (в частности большие отрывки из романа Э.М.Ремарка

"На Западном фронте без перемен", прозу Дж. Конрада, печатавшиеся с продолжением романы А. Моруа и А. Струга и др.), понятной станет репутация "Руля" как одного из самых интеллигентных изданий зарубежья.

Этой славе во многом способствовал и хорошо поставленный в газете отдел искусств. "Руль" систематически рецензировал парижские и берлинские художественные выставки (часто и преимущественно в критическом тоне писалось здесь о новейших веяниях - дадаизме, экспрессионизме), был внимателен к событиям музыкальной жизни, информировал о новинках кинематографа и особенно пристально следил за новостями театра.

Иногда на этих полосах появлялись имя С. Маковского, очень язвительного по отношению к современной жизни, особенно немецкой ("Трагические низины элементарности и самоотрицания" - 22 апр. 1921), но в основном раздел искусств вели парижский сотрудник газеты С. Яблоновский, а также С. Горный и постоянный художественный обозреватель "Руля" Ю. Офросимов. Он пробовал заниматься и режиссурой в берлинских русских труппах, чей век обычно был очень недолог; им поставлена первая набоковская пьеса "Человек из СССР", - в рецензии Б. Бродского, напечатанной 5 апреля 1927, спектакль оценивался прохладно, зато комплименты заслужила сама "первая пьеса из эмигрантской жизни".

"Руль" пространно освещал берлинские и парижские гастроли Качаловской труппы МХТ в 1922, Камерного театра (1923). Ю. Офросимов находил выдающейся таировскую постановку "Принцессы Брамбилы", открывшей немцам истинного Гофмана, а С. Яблоновский высказывался более сдержанно: "Театральные течения, подобные таировскому, представляются мне неизбежными конвульсиями на рубеже двух эпох, расцепляющих одно большое искусство, уже исчерпывающее себя (МХТ), от другого большого искусства, еще не пришедшего к нам" (1923. - 24 марта). Намного более язвительными были отклики на берлинские гастроли Театра Мейерхольда, показавшего "Ревизора". Ю. Офросимов писал о "нагнанной пошлости", "буффонаде с долей акробатики" и тривиальных приемах, означающих грубое насилие над гоголевским текстом, а второй спектакль - "Командарм-2" И. Сельвинского - оценил как откровенный провал (1930. - 17 апр. и 1 мая). Правда, столь же скептическими были и рецензии Ю. Офросимова на

постановки немецких театральных новаторов - Э.Пискатора и даже М.Рейнгардта.

В.Татаринов, откликаясь на выставку кубо-футуристов (1922. - 4 нояб.) характеризовал их полотна как "скачку с препятствиями, упражнение на трапециях", затронув и существо дела: "Задача насадить экспрессионизм и кубо-футуризм и с них начать воспитание народа бессмысленна и заранее обречена". Мысль о том, что "социальной революции должна непременно сопутствовать художественная", представлялась ему безумной.

Среди материалов, публиковавшихся на полосе искусств, были пространные портреты быдых кумиров московской и петербургской сцены - Федотовой, Вахтангова, Савиной - главы из "Моей жизни в искусстве" Станиславского, записок Репина, мемуаров Шляпина, информация о наиболее ярких событиях текущего сезона (например, "Руль" осенью 1930 сообщал о дебюте "новой звезды Мариинского театра" Г.Улановой). Авторитет газеты также преумножал интересный отдел философии и гуманитарных наук. С первых лет издания в нем активно сотрудничали такие корифеи, как М.Ростовцев и С.Франк, к которым вскоре присоединился печатавшийся в газете до самого ее закрытия А.Кизеветтер. Проблемные статьи на актуальные темы из области исторического знания и культурфилософии (появлялись пространные аналитические материалы о Ницше, Шпенглере, Фрейде, концептуальные разборы новейших тенденций интеллектуальной жизни и т.п. с самого начала стали отличительной особенностью "Руля".

Тон задал В.Д.Набоков полемикой с народническими взглядами Н.К.Михайловского, приуроченной к десятилетию со дня смерти Толстого и коснувшейся феномена "искания смысла жизни" как русской духовной сущности (1920. - 21 нояб.), а затем статьей "развенчание европейской культуры" (1921. - 24 апр.), открывшей многолетнюю полемику газеты с кругом идей евразийства. Соглашалась с мыслью Н.Трубецкого о недопустимости насилия, Набоков вместе с тем отверг "партикуляризм", которым проникнута брошюра его оппонента "Европа и человечества", призвал не оспаривать "абсолютное значение благ европейской цивилизации", а переживаемый Россией исторический кризис соотнес как раз с относительной слабостью и неукорененностью элементов этой культуры в ее обиходе. Евразийство для него - итог потрясений

войны, которая "ударилась по самым основам европейской культуры" и породила пафос ее отрицания, производимого под демократическими лозунгами, но оборачивающегося только пособничеством новому разрушению.

С этой интерпретацией, правда, полемизировал другой сотрудник "Руля" В.Татарин, в рецензии на сборник "Исход к Востоку" писавший, что в нем "биение живой, пробуждающейся национальной мысли, которая теперь загорается повсюду - и в придавленной рабской России, и в чуждой холодной Европе" (1921. - 4 сент.). Однако Г.Ландау, который после гибели В.Д.Набокова ведал в "Руле" научными и философскими дискуссиями, оценил евразийство еще более негативно, чем его предшественник, обнаруживая в сборнике "На путях" объективные переключки с Писаревым, даже с Лениным, "нигилизм", готовность оправдать большевиков как "антиреволюционеров против дела Петра" (1922. - 18, 21 дек.). Особое неприятие вызвала у Ландау отстаиваемая Г.Флоровским и П.Бицилли мысль о том, что Россия - только посредник, связующее звено между Западом и Востоком, и в ней "легко строится, легко разрушается, ничего своего".

В первой из двух своих статей Ландау возражает Флоровскому: "Если культура была органической, богатой и цельной, и продолжала жить в качестве таковой, то совершенно непонятно, как она допустила двухсотлетнее искажение себя чужим неорганическим вмешательством; и раз уже допустила, - как она при этом не погибла или же не претворила чужого, ассимилировав его себе". По мнению Ландау, евразийство "обосновывает религиозное строительство на нигилизме и опустошении, патриотизм - на отречении от двухсотлетних созиданий и усилий, традицию - на разрыве с преемственностью". Схожие суждения высказал впоследствии А.Кизеветтер: "Русский национальный идеал с Чингисханом и Батыем, без Сергея Радонежского и Пушкина - достаточно одного этого вывода, чтобы убедиться в том, что в основе лежит какая-то вопиющая ложь... Принадлежность России к европейской культуре вовсе не может лишить ее национального своеобразия" (1925. - 10 янв.). А наиболее последовательная критика евразийских концепций была дана Б.Каменецким в статье "Около Евразии" (1925. - 25 марта): "Именно оттого и потерпела Россия беды, что в ней было слишком мало Европы и слишком много Востока".

Под псевдонимом Б.Каменецкий в "Руле" писал Ю.И.Айхенвальд (первая его статья за собственной подписью - "Наша Россия" напечатана 10 июня 1925). Айхенвальд, как и другой постоянный сотрудник "Руля" А.С.Изгоев, ведавший в газете политической публицистикой, дебютировал как автор еженедельного обозрения "Литературные заметки" 10 дек. 1922 (статья содержала разбор "Детства" М.Горького) и вел эти обозрения шесть лет. Он нередко печатал и статьи на общественные и политические темы, а также регулярно выступал в качестве рецензента книжных новинок: эмигрантских, советских, европейских. С его приходом приобрела авторитет и солидность поначалу невыразительная литературная критика "Руля".

В первые годы издания обязанности критиков выполняли, как правило, журналисты и публицисты, не обладавшие необходимой квалификацией для такой деятельности. Их оценки и разборы носили четко выраженный политический характер и часто оказывались далеко не свободными от тенденциозности. Основными авторами этого раздела были А.Левинсон (цикл статей "Об искусстве этих дней" с упреками новейшей европейской литературе за то, что она не изображает "хождение по мукам несказанным", вместо недавней войны обращаясь к "миражам чистого вымысла". - 14 мая 1921), В.Кадашев (Амфитеатров-младший), рекомендовавший книгу З.Гиппиус как творение поэта, "не забывшего, что божественный дар стиха неразрывен с суровым долгом мудрости и осторожности" (1922. - 28 мая) и Ю.Офросимов. Часто рецензии публиковались без подписи или подписывались аббревиатурой. Такие отзывы и по тону, и по отсутствию серьезной аргументации характерны для критики "Руля" в первые годы издания.

Исключение составляли лишь редко появлявшиеся заметки на литературные темы П.Струве, особенно его посвященная А.Блоку и Н.Гумилеву статья "In memoriam" (1921. - 25 сент.) Трагический уход обоих поэтов был воспринят эмиграцией как конец эпохи, названной Серебряным веком, и статья явилась одним из первых опытов подведения предварительного итога. Отвергая инсинуации и нападки, П.Струве твердо заявил, что "Двенадцать" - это "величайшее достижение Блока", по своей творческой мощи заслуживающее сопоставлений с Бальзаком ("достигающее грандиозности изображения мерзости и порока") и с Достоевским ("в духовном, пророческом видении, что в здешнем мире порок и мерзость смежны

со святостью и чистотой"). О Гумилеве сказано немного более сдержанно, хотя его почетное место в "галерее русских поэтов-воинов" не оспаривается.

Ю. Айхенвальд придал совершенно новый качественный уровень критике "Руля", его стараниями приобретшей неоспоримый престиж. Он касался самых разнообразных тем, продолжая в "Руле" доработку своих "Силуэтов русских писателей" (статьи о Грибоедове, Пушкине, Салтыкове-Щедрине, Толстом, Достоевском, Лескове, Чехове, Андрееве) и дополняя их западными "силуэтами" (аналитические портреты Байрона, Ибсена, Метерлинка, Мопассана, Гамсуна, Верхарна, Уайльда, некролог Франса), посвящая выпуск "Литературных заметок", обычно занимавший два подвала, обзору эмигрантских и советских новинок или ограничиваясь подробным разбором одного произведения, выдающегося по своим достоинствам, как "Жизнь Арсеньева". В некрологах и мемориальных статьях, печатавшихся наряду с извлечениями из архива Айхенвальда, на протяжении нескольких месяцев, в качестве непреходящей заслуги отмечалось (А. Кизеветтером - 9 янв. 1929) его решительное несогласие со "всеми попытками превратить литературную критику в своего рода "научную дисциплину" и установить оценку литературных явлений на фундаменте научно-выверенных объективных положений". Айхенвальд и в самом деле был "психологическим комментатором духовной личности поэта, поскольку она излучается в поэтических созданиях", и превратил критику в "своеобразную отрасль искусства" (там же), - особенность, не для всех приемлемая, однако определяющая в его критическом творчестве.

Поэтому знаменательным представляется краткий уничижительный отзыв Айхенвальда о формальной школе (1924. - 17 сент.): "Под кровавой сенью русских реальностей пышно расцвел формализм. Впрочем, он быстро выродился в педантизм. Очень тонкие все эти рассуждения об орнаментальной прозе, о сюжетной прозе, об авантюрной прозе, о дефективной фонетике и о дефективном синтаксисе, о приеме преображения - очень тонкие. Но рвутся они перед лицом сегодняшней России. И - "зови меня варваром" - когда потчуют нас теперь этими своими утонченностями и изысканностями русские формалисты, то испытываешь тоску... по Скабичевскому".

Самому Айхенвальду, однако, осталось чуждо и примитивное социологизирование, подменяющее эстетическую критику. Его

импрессионистские разборы неизменно свидетельствуют о даре понимания индивидуальных творческих особенностей автора, однако не становятся самоценными: за ними всегда распознается одна из тех фундаментальных идей, которые для Айхенвальда оставались недискуссионными. Он декларативно изложил их в программной статье "Пережить Россию" (1923. - 19 сент.).

При всей своей субъективности Айхенвальд был достаточно проникательным наблюдателем и аналитиком, чтобы не ощутить существенного нового качества в литературе, создававшейся после революции теми, кто не покинул Россию. Оставаясь твердо убежденным в том, что все сколько-нибудь значительное появляется в советской литературе лишь как обличение - не суть важно, насколько осознанное - установившегося режима, Айхенвальд оказывался достаточно пристрастен, когда под таким углом зрения пробовал интерпретировать книги тех, кто оставался, подобно, например, Ю.Либединскому, убежденным приверженцем революции.

Он был пристрастен и в тех случаях, когда произведение не предоставляло никаких свидетельств в пользу его идеи тайной оппозиционности как предусловия истинных эстетических свершений. Так, несколько раз обращаясь к поэзии Маяковского, он не находил в ней ничего, кроме топорной и бездарной пропаганды большевистских тезисов. "Слово, несмотря на свою зычность, внутренне слабо и бессильно. Оно не облекает собою сколько-нибудь большой мысли... Лубок ему к лицу, он не возвышается над элементарностью и трафаретностью" (рецензия на "Вещи этого года" (1924. - 3 февр.). И в связи с "Моим открытием Америки" пишется (1926. - 10 нояб.) то же самое: "Все время разоблачает он эксплуатацию и мечтает о революции... Очень слабый мыслитель вообще, политический - в частности". Правда, теперь признается, что, как Маяковский ни "трафаретен", у него "свое слово, свой стиль".

Первая из статей Айхенвальда в "Руле" была посвящена Горькому и о нем критик тоже высказывался с нескрываемой неприязнью, отступая от объективности. Уже по поводу "Детства" говорилось, главным образом, о том, как велика роль писателя "в роковом русском опыте", а значит, и его ответственность за этот опыт: "Поэт босяков, друг Челкашей и Иванов Непомнящих, певец пролетария дожил до диктатуры пролетариата... История серьезное испытание, действительную проверку устроила она смыслу всей его

литературной и политической деятельности. История сняла те словесные румяна идеализации, которые он густо клал на испытые лица иных из своих демократических героев" (1922. - 10 дек.). Год спустя, откликаясь на очередную книжку "Беседы" с рассказом Горького "Отшельник", Айхенвальд отмечает как устойчивое свойство этой стилистики "претенциозную выдумку и нарочитость... склонность не к творчеству, а к сочинительству" (1923. - 27 мая). Осенью того же года по поводу "Моих университетов" сказано (1923. - 14 окт.): автор, который "пронизывает свои страницы литературностью и риторикой... олицетворяет какой-то промежуток между первобытностью и культурой. От одного берега он отстал, к другому еще не вполне пристал, и оттого там и здесь чувствуется у него привкус автодидактизма... Питомец реальности, Горький не может быть реалистом". До самого конца Айхенвальд оставался к Горькому столь же строг, правда, не пропуская ни одного его крупного произведения, что косвенно свидетельствует о том, какое серьезное значение придавал критик этой фигуре.

Однако по отношению к молодой советской литературе Айхенвальд был не только благожелателен, а порой и чрезмерно щедр в своих оценках. Со всей решительностью он отверг лишь теории и практику ЛЕФ, заявив (1923. - 23 сент.), что на "его жалких страницах теории усердно, но не успешно вырабатывают формулу пролетарского искусства, т.е. доказывают недоказуемое... как нет для пролетариев особой таблицы умножения, так не было, нет и не будет для них особого искусства". О Леонове, Замятине, Зошенко и других "серапионах", о прозе Шкловского и других характерных явлениях литературы 20-х годов Айхенвальд писал с симпатией или, во всяком случае, уважительно - как об экспериментах, необходимых для переживаемого художественного обновления. Веря, что "современное в искусстве хорошо, сегодняшнее в искусстве плохо" (статья о Замятине. - 1924. - 17 сент.), он стремился поддерживать то, что "современно" по чувству мира, а не по обилию внешних примет злободневности. Особенно высокой оценки, в соответствии с этим критерием, удостоились у него "Барсуки" Леонова, "искусное произведение, до краев наполненное богатствами внешней и внутренней изобразительности... исключительное по широте размаха литературное создание" (1925. - 11 марта).

Самые лестные слова были сказаны Айхенвальдом в адрес Булгакова в связи с публикацией "Белой гвардии", отрывки из

которой вскоре появились и в "Руле". Целиком посвятив книге очередные "Литературные заметки" (1927. - 2 нояб.), критик отмечал, что "это произведение ярко талантливое... весь роман соткан одновременно как из нитей вымысла, так и из кровавых нитей реальности... Главное действующее лицо - это история, русская история, недавняя, еще не остывшая, к которой больно прикоснуться". Самой большой заслугой Булгакова признавалась неукоснительная верность художественной истине: "На своих белых героев он, подданный красной власти, сумел посмотреть открытыми и непредвзятыми глазами... Если он их и не принял, то во всяком случае он их понял". Книга Булгакова, 'эта "эпопея крови", была воспринята критиком как подтверждение его мысли, что заветы русской литературной классики продолжают сохраняться.

При этом Айхенвальд, однако, оставался убежден, что "теперь в России уровень духовной культуры сознательно понижается... Там разрушена традиция, там "отрекаются от старого мира", т.е. от мира вообще, потому что мир нельзя делить на старый и новый, потому что мир - один сплошной и слитный". Этому "вандализму" противостоит литература, которая "свидетельствует против советского миросозерцания. Ей трудно это делать, и она делает это с переборами, озираясь на цензурную ферулу... и что еще важнее и отраднее, она делает это бессознательно, повинувшись тому инстинкту правды, той органической правдивости, которые свойственны искусству" (1925. - 27 мая). Примеры в подтверждение своей идеи Айхенвальд пытался почерпнуть, разбирая "Голубые города" Ал. Толстого и "Цемент" Ф.Гладкова (1925. - 8 июля).

"Инстинкт правды", находящей для себя органическое художественное воплощение, был основным мерилем достоинства и при оценке произведений, созданных в эмиграции. Айхенвальд мог высказаться нелицеприятно и жестко, не оглядываясь на сложившиеся репутации. Так, о "Рождении богов" Мережковского он писал как о явной эстетической неудаче "начетчика-автора" (1925. - 11 февр.), а Ремизову не простил его "Розанова письма": "То, что он сообщает о Розанове, об его эротике и даже об его физиологии выходит за пределы всякого приличия... Ремизов своими пошлостями не только подтверждает и усиливает дурную славу, но и, кроме моральной неопрятности своего друга, рисует еще и физическую, так что отвращение к образу Розанова возникает полное" (1923. - 8 июля).

Неизменно прохладными оставались и его высказывания о Бальмонте, Алданове, Цветаевой.

Среди писателей эмиграции наиболее ему близким был, видимо, Ходасевич, о котором Айхенвальд всегда пишет не только в высшей степени комплиментарно, как о Бунине или Шмелеве, но и с нескрываемым ощущением духовного родства. Оно явственно проступает, например, в отклике на "Тяжелую лиру" (1923. - 14 янв.): Ходасевич "овеян дыханием благородной старины... Но свое творчество питая из неиссякаемых старинных родников, он в то же время приобщил себе, усвоил и еще от себя обогатил все новейшие завоевания поэзии и поэтики; внешняя и внутренняя усложненность современного русского искусства имеет в нем одного из своих заметнейших представителей. Только его высокая техника не тщеславна... иными словами, поэтика не отделена у него от поэзии... Дух утонченности, проникающий содержание его стихов, вступает в соприкосновение с духом простоты". Идеал "преодоления всяческих деталей" достигнут в этой поэзии, знающей "свой яд, свой распад", - утонченной и искушенной, но никогда не любующейся собственным холодным совершенством.

Как и другие авторы "Руля", касавшиеся по разным поводам той же темы, Айхенвальд с годами испытывал все более серьезную тревогу, размышляя о будущем эмиграции, перед которой возникала явственная угроза утратить чувство своих национальных корней. В номере от 13 февр. 1924 появились незамысловатые, но красноречивые "Страницы из дневника", подписанные Е.З., сетовавшей на то, что ее поколение уже не ощущает прочной связи с Россией и мучается "раздвоением между Западом и Востоком". Айхенвальд отозвался на эту публикацию статьей (1924. - 17 февр.), в которой признавал реальность проблемы национального самосознания для тех, кто был увезен из России подростками и теперь начинает терять родной язык, не говоря уже о духовных традициях. Он, однако, указывал на Карамзина как на пример, доказывающий, что "над противоположностью путешественника и домоседа возможно подняться... тогда боги иные и боги родные сольются в Бога единого, и чужое своеобразие не будет суетной пестротой, и домашнее своеобразие не будет пошлостью... Приблизиться к этому идеалу, который завещала нам наша литература, - вот задача для нашей молодежи".

Как реальное приближение к такому идеалу Айхенвальд воспринял Набокова, посвятив восторженную статью "Машеньке" (1926. - 31 марта). Он отмечал необыкновенно высокое повествовательное искусство молодого автора ("Микроскопия доступна ему, россыпь деталей, роскошь подробностей; он жизнью и смыслом, и психологией напоминает мелочи"), однако более всего дорожил его способностью "целые миры чувствовать на берлинских улицах... в эти чуждые миры странно брошены русские судьбы... Сирий сплетает несколько биографий... одушевленные обломки России, люди без настоящего, строят у него свою хрупкую участь... И над всею книгой, надо всеми ее персонажами и пейзажами незримо, но ощутимо реет образ России - надорванной и прерванной России". О "Машеньке" писал также А.Изгоев (1926. - 14 апр.), считая, что это важный документ "самосознания русской интеллигенции".

Несколько статей и рецензий Набокова появились и ранее, но основная их часть приходится на 1929 и 1930 годы. Они, правда, немногочисленны и в эту пору; Набоков предпочитал публиковаться как поэт и прозаик. Из критических его статей примечательны восторженный отзыв о "Жизни Арсеньева (1929. - 30 янв.), а затем об "Избранных стихах" Бунина ("лучшее, что было создано русской музыкой за несколько десятилетий". - 22 мая 1929), а также разбор книги рассказов Куприна "Елань" (при всей бесконечной талантливости автора "иные страницы являются просто бытовыми записями, просто материалом - живым и богатым материалом - для более гармонических и строгих трудов". - 23 окт. 1929). О своих литературных сверстниках Набоков высказывался жестко критически. Рецензия на роман И.Одоевцевой "Изольда" (1929. - 29 окт.) полна иронии, которую у него вызывает "знаменитый надлом нашей эпохи, знаменитые дансинги, коктейли, косметика". Не менее едкая интонация преобладает в отзыве о сборнике рассказов А.Даманской "Жены" (1929. - 25 окт.), хотя Даманская была одним из самых активных сотрудников "Руля".

Дважды Набоков откликнулся на новые книжки пражского журнала "Воля России", который пропагандировал новейшую эмигрантскую литературу. Обе статьи изобилуют нападками на тех, кто, подобно поэтессе К.Ирманцевой, пренебрегает "стройностью, простотой и естественностью" ради ложно понимаемой новизны, которая превращается в невнятицу (1929. - 8 мая: здесь же

содержится выпад по адресу Цветаевой и ее статьи о письмах Рильке: "Цветаева пишет для себя, а не для читателя, и не нам разбираться в ее темной нелепой прозе"). Стихи и проза "Воли России" производили на Набокова впечатление "трогательной затхлости": "Все громкое, ходкое, псевдо-передовое, но вполне посредственное поражает воображение провинциала. Тут и стремление во что бы то ни стало поспеть за несколько мифическим существом, которое зовется Европой, почтение перед городским щегольством¹⁶⁷³ и нежно-революционная истома, а главное, главное - некое сакраментальное отношение к современности в кавычках" (1930. - 15 окт.).

Набоковская ирония сопадала и с общими установками "Руля", для которого эстетический консерватизм стал особенно характерен после Айхенвальда. Одно время заменявший его М.Гофман, который прежде публиковал в газете лишь статьи о Пушкине и его эпохе, в суждениях о современной литературе¹¹¹ оказался закоренелым архаистом. Его отзывы о Поплавском и о Довиде Кнуте говорили прежде всего о способности критика распознать за "модной невязкой образов" черты особого поэтического самосознания. Кнуту он рекомендовал оставаться в пределах хорошо ему известной области "еврейской экзотики", а о Поплавском писал, что его стихотворения являют взору "бесорядочный сумбур" и ничем не оправданную "капризность рисунка" - трудно понять восторги, им вызываемые (1929. - 17 июля). Не менее скептичен был А.Савельев, рецензировавший "Вечер у Клэр" (1930. - 2 апр.): у Газданова "заимствованная форма... остается только внешней, часто стесняющей рамкой".

Отдел литературы первые годы после смерти Айхенвальда оставался в "Руле" едва ли не самым бледным. Выручало только обилие публикаций - перепечаток из советских изданий. Они появлялись в газете на протяжении всей ее истории, и благодаря "Рулю" широкая зарубежная аудитория впервые получила возможность познакомиться с выпущенными главами "Бесов", неизданными текстами Толстого, дневниками и записными книжками Блока, неизвестными страницами Гаршина и Короленко, воспоминаниями О.Л.Книппер-Чеховой и многими другими материалами по истории русской литературы. Постоянное участие в газете М.Л.Гофмана способствовало насыщенности и значительности ежегодно готовившихся в номер от 6 июня Пушкинских выпусков, занимавших не менее двух полос.

С апреля 1931 книжное обозрение вел в "Руле" А.Л.Бем, успевший напечатать до закрытия газеты цикл своих "Писем о литературе", впоследствии продолженный публикациями на страницах варшавских газет "Молва" и "Меч". Тематика этих "Писем" была достаточно многообразной: от мемориального материала к десятилетней годовщине со дня гибели Гумилева (24 сент.) до разбора "Охранной грамоты" Б.Пастернака (8 окт.), от полемики с публикациями и с позицией журнала "Числа" (30 июля) до спора с П.Милюковым относительно оценки декаданса в его "Очерках истории русской культуры" (18 июня).

Взгляды Бема-критика отчетливо выражены в статье о "Числах", сводящейся к спору с Г.Адамовичем, который, разбирая пушкинские работы М.Гершензона, не только позволил себе недопустимые по резкости выпады в адрес их автора, но посягнул и на авторитет самого Пушкина. У Бема появились основания заговорить о целом антипушкинском движении как варианте той вызывающе эпатажной эстетики, за которой скрыт страх перед "всякой канонизацией... "Алтарь" вызывает прежде всего потребность низвергнуть божество и поколебать треножник", - установка, решительно неприемлемая для Бема, справедливо усмотревшего за нею посягательство на великую духовную традицию, когда под угрозой оказывается даже "высочайшая вершина нашего национального гения".

Принципиальная полемика с Г.Адамовичем и близкими ему авторами не означала, однако, приверженности Бема литературной архаике. Он проявил неподдельную эстетическую широту, когда, вопреки своим политическим симпатиям и ориентации "Руля", твердо заявил о художественном значении Маяковского, отзываясь на вышедшую в "Петрополисе" книжку статей-некрологов, которая включала материалы Р.Якобсона и Д.Святополк-Мирского (в глазах Бема, Маяковский - это "бунт против всякой устойчивости, косности быта, традиционная для русской литературы ненависть к мещанству". - 2 июля), а Пастернака в связи с "Детством Люверс" назвал создателем "совершенно исключительного документа нашего времени", с большим сочувствием цитируя рассуждение о новом, возникающем не в отмену старого, а в "восхищенном воспроизведении образца". Со всей решительностью были оспорены взгляды Милюкова, для которого рубеж XIX и XX веков был в литературе периодом непрерывной деградации.

Стремясь исходить из имманентных законов движения литературы, он вступил в полемику и с Г.Ивановым (16 июля), требовавшим от эмигрантской литературы достижений мирового уровня и неременного соответствия новейшим европейским эстетическим веяниям. На взгляд Бема, это было заведомой утопией и лишь угрожало утратой самобытности, связанной именно с приверженностью классической русской традиции, которая таила в себе более чем достаточные возможности обновления: доказывая свою мысль, критик приводил в пример прозу В.Набокова и в особенности лирику М.Цветаевой, чья книга "После России" представлялась Бему недооцененной по своему значению.

А.М.Зверев

РУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГРУППА (Париж, 1920-1940). В феврале 1920 состоялось организационное собрание РАГ. С русской стороны участвовали: Е.В.Аничков, П.П.Гронский, В.В.Дюфур, С.И.Карцевский, Н.М.Могилянский, М.И.Лот-Бородина, С.С.Почич, С.И.Метальников, М.И.Ростовцев, Ю.В.Семенов, с французской - директор школы восточных языков Поль Буайе, бывший директор Французского института в Петербурге Жюль Патуйе и профессор русского языка в Сорбонне Эмиль Оман.

Формально группа основана 14 мая 1920 с целью развивать науку, поддерживать связи с учеными и учебными заведениями, организовывать взаимную материальную и моральную помощь, готовить молодых ученых, оказывать помощь поступающим в высшие учебные заведения. На общем собрании председателем избран Е.В.Аничков (с 19 октября 1920), после отъезда в Белград его заменил проф. П.П.Гронский (с 1 февраля 1921), затем А.Н.Анцыферов (с 28 ноября 1922 до кончины в 1942). "Академическая группа в Париже за эти полвека не только объединяла русских профессоров во Франции, но поддерживала сношения с иностранными учреждениями всего мира. Ее члены участвовали в научных конгрессах, под ее покровительством был издан ряд книг и существовали научные семинары и Русский научный институт" (Ковалевский П.Е. Парижская русская академическая группа // Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. - Париж, 1971. - С.83).

Группа помогла в организации защиты докторских и магистерских диссертаций (Г.Л.Лозинский. "Готье де Куанан. Легенда о св.Бонете, епископе Клермонском, по всем известным источникам"). Группа служила центром общения русских и иностранных научных работников.

РАГ и Союз русских студентов организовали в январе 1921 лекцию проф. П.П.Гронского "Русская молодежь и будущее России". В прениях Г.Гребильский выступил против "старой эмиграции, которая поехала в Россию с "демократическими идеалами" и насадила там большевизм. Председательствовал на собрании В.Д.Кузьмин-Караваев.

Группа приняла участие в организации курсов по русской истории и литературе при содействии Института славистики. Среди лекторов - П.Гронский, Е.В.Аничков, Б.Нольде, С.Карцевский, Ю.В.Ключников. Е.В.Аничков прочитал лекцию "Русская литература после Пушкина" (24 мая 1920), Сергей Яблоновский - "От Пушкина к Игорю Северянину" (16 марта 1921). Состоялся вечер памяти А.К.Толстого в связи с 50-летием его кончины (5 января 1926); доклад С.В.Завадского "О Тургеневе как человеке и писателе" (19 марта 1931). При проведении лекций, памятных литературных вечеров и дней русской культуры РАГ сотрудничала с другими союзами и организациями. Совместно с Народным университетом проведено заседание памяти Ф.М.Достоевского в ознаменование столетия со дня его рождения при участии А.В.Карташева, Н.К.Кульмана, Д.С.Мережковского, Л.Шестова, Ж.Патуе, Н.В.Чайковского, Л.А.Экк (30 октября 1921).

Дни русской культуры проводились Русским академическим союзом (РАС) и РАГ. Речи произнесли: П.Н.Милюков "О русской культуре", В.К.Агафонов "Точные науки в русской культуре", К.В.Мочульский "О Пушкине" (9 июня 1927). На следующий год РАГ и РАС провели день русской культуры под председательством Э.Омана с докладом Н.К.Кульмана "Душевная драма Льва Толстого" (30 июня 1928). 16 июня 1930 День русской культуры был устроен РАГ, РАС и Народным университетом. Председатель Э.Оман произнес вступительное слово. В.А.Маклаков в речи "Трагедия С. - Петербурга и императорской России" отметил, что, по меткому слову Герцена, на призыв Петра образоваться, Россия через 100 лет ответила Пушкиным. Он выразил уверенность, что мы будем свидетелями того, как вместе с Россией воскреснет и Петербург. Речь

Н.К.Кульмана на тему "Петербург в русской литературе" была напечатана в "России и славянстве" 21 июня 1930. 6 июня 1931 День русской культуры проведен РАГ, РАС и Народным университетом в память Ф.М.Достоевского. Речи о писателе произнесли Э.Оман и С.В.Завадский. А.М.Ремизов прочитал свое произведение "Огненная Россия", посвященное памяти Ф.М.Достоевского. 8 июня 1929 проводился День русской культуры. Торжественное собрание под председательством Э.Омана посвящено памяти А.П.Чехова. Речи произнесли Э.Оман, К.В.Мочульский. Прочитаны отрывки из произведений Чехова.

12 июня 1937 состоялось собрание под председательством Э.Омана, посвященное "Слову о полку Игореве" (750 лет). Доклады Н.К.Кульмана и Д.М.Одинца. 1 апреля 1933 проходил вечер, посвященный Древней Руси (IX-XII вв). Слово о культуре Древней Руси произнес Э.Оман, сделал сообщение Н.К.Кульман "Слово о полку Игореве - как наше художественное поэтическое творчество эпохи". 22 марта 1930 был заслушан доклад Г.Л.Лозинского "Россия в памятниках средневековой французской литературы".

В отчете о юбилее Д.С.Мережковского (его 70-летие) отмечалось, что он прошел под знаком франко-русской дружбы. Символом ее было двойное председательство - И.А.Бунина и Марса, представлявшего министра национального воспитания Марио Рустами. М.А.Алданов говорил о работоспособности и широкой разносторонности юбиляра. С французской стороны речь произнес депутат Мариус Мутэ, который изъяснялся в горячей любви к русским. Д.С.Мережковского приветствовали писатель Дюмениль де Грамон, председатель французского Союза писателей Гастон Ражо и академик Анри Борд. Был оглашен длинный список приветствий со всех концов русского рассеяния, юбиляр представлен к ордену кавалера Почетного Легиона (16 декабря 1935). Среди приглашенных - И.П.Алексинский, И.И.Бунаков, Б.К.Зайцев, Пьер Лазарев, Сергей Лифарь, Н.А.Оцуп, Я.Л.Слоним и др.

Большое внимание РАГ уделяла философии: доклады Н.А.Бердяева "О характере русской философии" (5 января 1926), Н.О.Лосского "О свободе воли" (25 февраля 1927), о.Георгия Флоровского "Творческий путь Влад.Соловьева" (2 января 1935).

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" (София, 1921. - № 1-12; Прага, 1922. - № 1-7; Прага-Берлин, 1922. - № 8-12; 1923-24. - № 1-12; Париж, 1927. - № 1) - литературно-политический и научный журнал. В эмиграции П.Струве возобновил выпуск журнала, издававшегося в Москве в 1880-1918. Ведущей идеей стало возрождение России. В "Обращениях к старым и новым читателям" определялись задачи: "Осознать, осмыслить обрушившиеся на нашу страну несчастья и катастрофы", понять революцию "как великую историческую стихию". Редакция заявляла: определить пути "воскресения России - задача русской мысли и нашего журнала" (1921. - № 1-2. - С.5).

Выступления П.Б.Струве на страницах журнала выражали его программные идеи: "Социализм. Критический опыт" (1922. - № 6/7), "Познание революции и возрождение духа" (1923. - № 6/8). "Большевизм был и остается заразой, чумой", - заявлял П.Струве (1927. - № 1. - С. 62). Постоянные авторы журнала - политические деятели, философы, историки, публицисты, литераторы - В.Шульгин, Н.Н.Львов, Г.В.Флоровский, С.С.Ольденбург, К.Зайцев и др. Заметное место в журнале заняла их мемуарная публицистика, историко-научные и философские публикации: "1920. Очерки" В.Шульгина (1921. - № 3/4-10/12); его же "Дни" - о Конституции 1905, Государственной Думе, Февральской революции, падении царской династии (1922. - № 1/2 - 1923. - № 6/8); воспоминания Н.Н.Львова "Былые годы" (1923, № 6/8 - 9/12); "Смысл истории и смысл жизни" Г.В.Флоровского (1921. - № 8/9), его же философско-духовные размышления "В мире исканий и блужданий" (1922. - № 4 - 1923. - № 3/5). Хронику времени вел С.С.Ольденбург - "Политические обзоры" с разделами: "Дела русские" и "Дела иностранные" (1921. - № 5/7 - 1923. - № 9/12). К.Зайцев назвал свои размышления в первой книжке журнала "В сумерках культуры". "Мы унижены и изгнаны. Мы беженцы", - писал он. Размышляя об истории русской литературы, роли в ней Пушкина, Гоголя, Герцена, Достоевского, Толстого, он заключал: "Холодно и жутко на душе. Сгущаются сумерки. Мы свидетели великого крушения, видим лишь обломки былого" (1921. - № 1/2. - С.118).

Уделялось внимание художественной литературе, литературной критике, библиографии. Были опубликованы повести А.Н.Толстого "Посрамленный Калиостро", И.Бунина "Исход", Г.Гребенщикова "Родник в пустыне". Поэзия представлена стихотворениями

Н.Гумилева из книги "Огненный столп" (1921. - № 10/12). Как "замечательный документ переживаемой эпохи" печатался "Дневник" ("Черная книжка") З.Гиппиус (1921. - № 1/2 - 3/4). В стихах о родине В.Сирин писал: "Ты сердце, Россия. Ты цель и подножие. Ты в рокоте крови, в смятенье мечты... И мне ли плутать этот век бездорожья. Мне светишь по-прежнему ты" (1921. - № 5/7).

В рубрике "Критика и библиография" печатались литературные обозрения. За подписью Петроник (псевдоним П.Н.Савицкого) появился обзор "Идея родины в советской поэзии", где с едкой иронией говорилось о стремлении "большевистского правительства" создать "советскую поэзию". Автор рассматривал циклы и сборники стихов известных авторов. В поле его зрения были "обошедшие весь русский мир" поэмы А.Блока "Скифы", "Двенадцать", изданные с сопроводительной статьей Иванова-Разумника в Берлине (1920), а также издания: Иванов-Разумник. Россия и Инония; Белый А. Христос воскрес; Есенин С. Товарищ. - Инония (Берлин, 1920); Клюев Н. Песнь солнценосца. Земля и Железо (Берлин, 1920); Есенин С. Триптих: Поэмы (Берлин, 1920). Как главную особенность критик отмечал: "Советская поэзия раскрывается нам в брошюрах под серой обложкой, вся, до последнего изгиба, проникнутая напряженной и острой идеей Отечества" (1921. - № 1/2. - С. 215). В разделе критики и библиографии того же номера журнала напечатаны: П.Струве о поэме А.Блока "Двенадцать"; А.Г.Левинсон об изданном в Берлине сборнике "Поэзия большевистских дней" (1921), где представлены стихотворения А.Белого, П.Орешина, В.Каменского, И.Эренбурга, по словам рецензента, "рожденные тоской и жутью истекших лет" (с.237).

В статье Ю.Никольского "Последняя поэма Андрея Белого" (1921. - № 3/4) поэма "Христос воскрес" рассмотрена в контексте поэм "Война и мир" В.Маяковского и "Двенадцать" А.Блока. С иронией пересказывался очерк А.М.Горького о Ленине (Львов Н.Н. Горький о Ленине. - 1921. - № 3/4). К наиболее значительным публикациям относится очерк К.Мочульского "Поэтическое творчество Анны Ахматовой" (1921. - № 3/4), рассматривающий поэтику акмеизма в стихотворениях сборника "Белая стая" (Пг., 1917). О книге стихотворений Ахматовой "Подорожник" (Пг., 1921) писал Глеб Струве: "Маленькая книжечка, полная горькой полынной печали и томления женской души. Какую радость дает она нам. Она

привлекает внимание, отмечал Г.Струве, тем, что "за советской чертой" создаются подлинные и значительные ценности и наиболее ценное создается в поэзии", передающей "трагическое ощущение нашей эпохи" (1921. - № 10/12. - С. 349).

Струве отметил и издание сборника стихотворений В.Рожественского "Лето: Деревенские ямбы. Стихи 1918 г." (Пг., 1921) - "чудесной книжки стихов совсем молодого еще поэта" (1921. - № 10/12. - С. 342). Внимание журнала привлекала кончина А.Блока и расстрел Н.Гумилева (П.Струве. Блок-Гумилев. На смерть Блока). Кратким очерком "Памяти Блока" отозвался Г.Струве: "Любя жизнь, он ненавидел и проклинал ее. Проклиная и ненавидя, принимал ее со всеми ее изгибами и всеми ее неразрешенными противоречиями" (1921. - № 10/12. - С. 88).

Со статьей о поэзии и прозе Ф.Сологуба выступил Лоллий Львов (1922. - № 6/7), рассматривавший сборники стихотворений "Фимиама" (Пг., 1922), "Небо голубое" (Ревель, 1921), сборник прозы "Сочтенные дни" (Ревель, 1921), новеллу "Царица поцелуя" (Пг., 1920), изданный в Берлине роман "Заклинательница змей" (1921). В стихах, пишет критик, Сологуб "грезит голубым небом". Но грезы Сологуба "тягостны и болезненны" (с. 217). "Острое ощущение боли и падения резко пронизывает голубое небо" (с. 218). Обиды и земная боль заполняют его рассказы и стихи. Изнемогший поэт иступленно молит: "Дай мне жизни земной хоть немного, чтобы я новые песни сложил". В романах Сологуба, отмечает критик, проходят "странные, темные дни русского безвременья, относящиеся к дореволюционному и к добольшевистскому времени, еще до грозных раскатов нашей катастрофы" (с. 222). Сологуб живет в мире фантазии и мечты - в этом особенность его таланта, утверждал Л.Львов. Сологуб творит свою легенду в современности XX века, "когда даже в приволжской дали вера в социализм облекалась, казалось, в такую несокрушимую оболочку и броню и стала самой незыблемой из вер..." (с. 223). Верой назвал свою героиню писатель. Это - ее имя и символ повествования. Волжская красавица, участница рабочего движения "должна была пасть под ударами тех, кому она больше всего верила - рабочих социалистов (с. 223). Вера в реальность оказалась бессильной. Финал романа звучит, однако, как торжественный гимн "божественной красоте" - таков лейтмотив мечты поэта, "ее светлой игры". В этом очарование его таланта.

С.Кречетов в статье "Леонид Андреев. Опыт характеристики литературного облика" (1923. - № 1/2) рассматривал творчество писателя в контексте литературного движения первых десятилетий XX в. Л.Андреева в отличие от традиционного "чистого реализма" Кочетов относил к "неореализму", видя особенности его творческой манеры в "верности жизни", но "не в рабстве перед жизнью" (с. 278). Андреев характеризуется как "человек гения", приемлющий как художник "мистическую иррациональную сущность символизма". "Идея путем Достоевского, Андреев исследует душу не отдельной личности - душу социальную" (с. 277).

К 100-летию со дня рождения Ф.М.Достоевского была опубликована статья П.Струве "Пророк русского духовного возрождения" (1921. - № 10/12). Определяя время Достоевского как "эпоху русской истории", Струве утверждал: "в то же время Достоевский больше, важнее той исторической эпохи... Он стоит над историей, ставит вопросы вечные" (с. 274). Он был великим религиозным мыслителем", воплотил в фигуры и драмы своих произведений то, чем он жил сам, над изображаемыми безднами он сам стоял. Соберите воедино Карамзовых и вы получите Достоевского", - писал Струве. Ссылаясь на Мережковского, назвавшего писателя "пророком русской революции", Струве считает пророческим в этом смысле роман "Бесы". Опубликована также статья "Достоевский как публицист" Е.Спекторского (1923. - № 9/12).

В статье "Аксаковы и Аксаков. К столетию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова (1823-1923)" П.Струве писал об "исключительной по дарованию" семье и выдающейся роли И.Аксакова в славянском движении, о его эпистолярном наследии, как историческом документе и "первоклассном произведении национальной литературы несравненной красоты" (1923. - № 6/8. - С. 352). В связи с кончиной В.Г.Короленко П.Струве писал о нем как о выдающемся художнике и влиятельном публицисте (1922. - № 1/2). В № 3 журнала за 1922 опубликована речь о В.Г.Короленко, произнесенная в Париже 29 января 1922 г. проф. Н.К.Кульманом.

В числе других историко-литературных публикаций в журнале - "Материалы по Фету" - об исправлении Тургеневым стихотворений Фета (1921. - № 8/9), статья Ю.Никольского "Признания Фета" (1922. - № 6/7), в ней приводятся ответы поэта на вопросник, характеризующие его личность. В № 6/8 за 1923 помещена статья

Л.Львова "Памяти Тютчева", в № 1/2 за 1922 - отзыв о книге Ю.Никольского "Тургенев и Достоевский. (История одной вражды)" (София, 1921), статья П.Бицилли "Опыт характеристики пушкинского творчества" (1922. - № 4), подборка "Новое о Л.Н.Толстом. Из писем и дневников" (1922. - № 1-3). "Материалы по истории русской культуры" включали публикацию "Цена крови Грибоедова. Незданный документ" - письмо высокого персидского сановника Фетх-Али-Шаха со вступительной статьей В.Минорского (1923. - № 3/5).

В софийский период журнал знакомил читателей с болгарской литературой, фольклором; мифологией. Печатались стихотворения И.Вазова, Б.Славейкова, П.Яворова, Доры Габе: подборки "Болгарская народная поэзия" (1921. - № 10/12), "Мотивы славянской мифологии" (1922. - № 6/7), где рассматривались древние языческие божества; "Песни южных славян" - болгарские, македонские, сербские" (записанные В.И.Нечитайловым) (1922. - № 4). В статье И.Родославова "Современная болгарская поэзия" характеризовались ее новейшие течения и тенденции, отмечалась новаторская роль. Предтечи нынешней болгарской литературы ориентировались на русскую литературу, почитали Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Теперь, утверждал автор статьи, "непосредственные влияния идут с Запада, преимущественно из Франции и Германии" (1921. - № 5/8. - С. 246).

Публикации журнала, выходившие за пределы русской и славянской литературной тематики, были немногочисленны. Одна из наиболее значительных - статья К.Зайцева "Памяти Гюстава Флобера (1821-1921)" (1921. - № 8/9). Кратко охарактеризовав значение произведений французского автора, "сделавших эпоху в истории романа" - "Госпожа Бовари", "Воспитание чувств", - его высочайшее стилистическое и словесное мастерство как художника, К.Зайцев акцентировал внимание на письмах "знаменитого чудака" (с. 265), заметках по разным случаям, "разрозненных клочках", назвав их "алмазными брызгами" в литературе. Отметим также очерк М.И.Ростовцева "Закат античной цивилизации" (1922. - № 8/12), отзывы на книги О.Шпенглера "Закат Европы", Г.Уэллса "Россия во мгле".

На темы отечественной истории интерес представляют свидетельства кн. С.Волконского "О декабристах: По семейным

воспоминаниям" (1922. - № 3/5). На скрещении философии, истории культуры, мифологии, народной поэзии строится очерк кн. Е.Трубецкого "Иное царство" и его искатели в русской народной сказке" (1923. - № 1/2) - о мечте, запечатленной в народных сказаниях о поисках богатого и счастливого царства, царства неземного. Идея сказаний трактуется в очерке как прообраз социальной утопии.

В пражско-берлинский период (1922-23) внимание журнала заметно сместилось на литературу русского зарубежья. Он стал подобно другим эмигрантским изданиям трибуной литераторов в изгнании. Поэзия той поры представлена стихами В.Ходасевича, И.Бунина, И.Одоевцевой, М.Цветаевой ("Плач Ярославны" и др.), В.Сирина, Г.Струве и др. Печатались стихотворения М.Волошина, доходившие из России, романы, повести, рассказы на темы гражданской войны, эмигрантских судеб. Как "завещание обреченного узника живущим" печатались повести Е.Чирикова "Опустошенная душа" (1922. - № 1/3), "Волжская легенда" (1922. - № 6).

Своей колоритностью выделяется роман "Канава" А.Ремизова (1923. - № 1/2 - 9/12). В свойственной ему манере создавать "закруты слов" и "закруты мыслей" он повествует "про муку человеческую" (№ 1/2 - С.47). Печатались поэма в прозе "Солнце", повесть "Смерть" Ив.Лукаша. С повестью о судьбе изгнанника "Бегство" выступил И.Белленихин. Сказ о "таежной небывальщине" "Царь Берендей" и исторический роман о временах Василия Шуйского "Под шум дубов" написал С.Р.Минцлов.

Г.Струве опубликовал в журнале "Письма о русской поэзии". В первом письме (1922. - № 6/7) он обозревал сборники стихотворений А.Ахматовой "Anno Domini" (Пг., 1921), М.Кузмина "Нездешние вечера. Стихи 1914-1920 гг." (Пг., 1921), В.Рождественского "Золотое веретено. Стихи" (Пг., 1921), Г.Росимова "Стихи об утерянном" (Берлин, 1921). У В.Рождественского критик отмечал "большую зрелость", свежесть и неожиданность образов" (с. 245). В стихах Г.Росимова, "молодого поэта-беженца", писал Г.Струве, "очень много современной боли, личная скорбь и мука вырываются в плач об утерянной России" (с. 247). Ей, России посвящен его цикл "Помню и верю". Поэт оценивался как "формирующийся талант". В том же

номере журнала напечатан отзыв Г.Струве об альманахе "Дракон" (Пг., 1921).

Во втором "Письме о русской поэзии" (1923. - № 1/2) Г.Струве обозревал творчество поэтов как в самой России, так и в изгнании, оценивал книги В.Ходасевича "Тяжелая лира" (Берлин, 1923), И.Одоевцевой "Двор чудес" (Пг., 1922), О.Мандельштама "Tristia" (Пг.; Берлин, 1922), В.Сирина "Гроздь" (Берлин, 1923), выявляя особенности письма: Одоевцева культивирует жанр баллад, отражающих советский быт, в них заметно влияние баллад шотландских; Сирин молод, подражает "классикам", его главный грех - "отсутствие подлинного творческого огня", очевидны его большие поэтические данные (с. 292). Мандельштам, писал критик, - "самый скупой" из русских поэтов, остро воспринимающий современность.

В критическом тоне выдержана рецензия К.Мочульского на книгу Игоря Северянина "Менестрель. Новые поэзы" (1921. - № 8/9). В Эстляндии Северянин провозглашает верность "своему гастрономическому вдохновению" (с. 327). Первые сборники Северянина, замечает К.Мочульский, при всей их вульгарности и пошлой безвкусице были отмечены мелодическим единством, напевностью. В "Менестреле" чувствуется полный упадок и этой дешевой эффектности, стихи кустарны и косноязычны. "Трудно верить, что это - не пародия". "В творчестве И.Северянина в искаженном и извращенном лике изживается культура русского символизма" (с. 328). В эпоху катастрофических ощущений скудость духа русского поэта ощущается особенно болезненно, заключал К.Мочульский.

Изданный в Париже после трехлетнего перерыва в 1927 единственный номер журнала "Русская мысль" оказался "тощим" и составленным из разрозненных материалов. В нем выделяются статья К.Зайцева "Пушкин как учитель жизни" и публикация Г.Струве стихотворений Райнера-Марии Рильке с обстоятельным очерком о нем. Г.Струве раскрывал отношение Рильке к России, где он жил в молодости, создал и выпустил сборники стихотворений. Струве писал о нем как "о чудесном немецком поэте, который душевно тяготел к России" (с. 41), "чувствовал себя ровно дома в Москве, Флоренции, в Петербурге и Париже", оставаясь немецким поэтом. Гёте и Рильке критик сравнивал как две вершины немецкой поэзии (с. 48).

В последнем номере журнала напечатана "Моя записная книжка" П.Струве и рецензия К.Зайцева на роман Е.Н.Чирикова "Зверь из бездны". В своих заметках П.Струве осуждал Д.П.Святополк-Мирского за участие в журнале "Версты", где печатались, наряду с эмигрантскими, материалы из советской России: "свихнулся и стал - на глазах всего честного народа зарубежья - объедаться большевистской гнилью" (с. 62). К.Зайцев ставил в упрек Е.Чирикову попытку "разглядеть человеческое в представителях "красного лагеря" в романе о гражданской войне.

Е.Ф.Трущенко

"РУССКИЕ ЗАПИСКИ" (Париж; Шанхай, 1937. - Июнь - 1939. - Август-сентябрь. - № 1-21) - ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. В июне 1937 четыре члена редколлегии "Современных записок" - Н.Д.Авксентьев, И.И.Фондаминский-Бунаков, М.В.Вишняк и В.В.Руднев - начали издавать на средства граждан шанхайской русской эмиграции журнал "Русские записки". В самом названии журнала проявилась его близость "старшему печатному собрату", что заметно и по программе издания: "чужды направленства", "отказываемся от партийности" (с. 6), "верность вечным "заветам" русской интеллигенции... - служение свободе и правде" (с. 7), и по составу его авторов (И.Бунин, Д.Мережковский, М.Алданов, М.Цветаева, З.Гиппиус, А.Ладинский, Ю.Терапиано, Ю.Софиев, Г.Адамович, М.Осоргин, Л.Шестов, Н.Бердяев и др.). Однако в редакционном извещении, предворяющем первую книжку издания, указаны и специфические черты нового журнала: его цель - включить "литературную провинцию" в литературный процесс и, не оспаривая роль Парижа как духовного центра русской эмиграции, тем не менее полемически расширить привычный для парижской литературной среды круг тем и авторов, в основном, за счет произведений писателей эмигрантского Дальнего Востока. Об особой направленности издания красноречиво говорит и указание на место издания в первых трех номерах - "Париж - Шанхай", и из номера в номер публикуемые статьи и заметки по насущным проблемам Восточного региона под шапкой "Дальневосточные новости" (№ 1-3).

В этих трех книжках журнала (две из них вышли в 1937, третья - в начале 1938) единственным новым автором оказался харбинец Арсений Несмелов со своими "Песнями об Уленспигеле". Остальные же имена хорошо знакомы были читателям "Современных записок". Так, в первом номере публикуются пьеса М.Алданова "Линия Брунгильды", фрагменты книги И.Бунина "Освобождение Толстого", "Поэма о дубе" А.Ладинского; во втором - рассказ В.Сирина "Озеро, облако, башня", историческая проза А.Ладинского "Борисфен, река скифов", "Двойной нельсон" В.Яновского, "Дозор" Л.Зурова и "Степной ворон" Б.Волкова, поэма М.Цветаевой "Стенька Разин". В третьем печатается продолжение книги Д.Мережковского "Жизнь Данте", первая часть ("Павлик и Юра") мемуарной "Повести о Сонечке" М.Цветаевой, "Тяжести" Б.Темиряева (Ю.Анненкова), "Секретное венчание Екатерины II" А.Фатеева. Поэзию на страницах журнала представляли З.Гиппиус (№ 2), Д.Кнут (№ 1), Л.Кельберин (№ 1), А.Ладинский (№ 3), В.Мамченко (№ 2), Ю.Мандельштам (№ 2), монахиня Мария (№ 3), Ю.Софиев (№ 1), П.Ставров (№ 2), Ю.Терапиано (№ 2, 3), А.Штейгер (№ 2, 3), М.Цветаева (№ 3).

Философский раздел журнала представлен именами Н.Бердяева (№ 1. - "О догматизме, ортодоксии и истине") и Л.Шестова (№ 2. - "О "перерождении убеждений" у Достоевского" и в № 3 - статья о Кьеркегоре). В статье орнитолога К.Давыдова "Перелетные птицы" (№ 1) миграция пернатых метафорически сближается с судьбой русских эмигрантов. Здесь же напечатан очерк Н.Лидина "Русская эмиграция на Дальнем Востоке", а во втором номере - его же "Русская эмиграция в Шанхае". По словам публициста, если в 1900 в Шанхае русское население составляло всего 47, а в 1915 361 человек, то в первый же год революции это число удвоилось, а к 1937 равнялось уже 26-27 тысяч при 4-миллионном населении города. В Шанхае к тому моменту выходило 3 эмигрантские и 1 советская газета, действовал русский драматический театр и оперетта. К очерку Н.Лидина примыкает в первом номере статья И.Фондаминского-Бунакова > "Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке". В кратком обзоре дальневосточных литературных "сообществ" (харбинский кружок "Чураевка", шанхайские "Понедельник" и "Шатёр"), автор весьма сдержан в их оценке, отмечая на общем фоне творчество Арс.Несмелова и его "Рассказы о войне". Во втором номере публикуется эссе М.Цветаевой "Пушкин и

Пугачев". Здесь же - статья Г.Адамовича "Памяти советской литературы". По мнению критика, советская литература "не оборвалась, а выдохлась" (с. 207), ее главная трагедия - не подневольное следование революционной тематике, а "несоответствие высоте темы" (с. 212). При общей скептической оценке художественных качеств произведений, появившихся в последнее время в СССР, Г.Адамович выделяет с существенными оговорками "Зависть" Ю.Олеши и "На Востоке" П.Павленко. В третьем номере печатается эссе З.Гиппиус "Загадка Некрасова".

С четвертого номера "Русских записок" (апрель 1938) журнал существенно изменил свое лицо. Единственным редактором издания стал П.Н.Милюков, "сманивший" к себе в качестве секретаря редакции М.В.Вишняка, к тому времени рассорившегося с "современниковцами". "От типа традиционного "толстого" журнала старого времени"; - говорилось в редакционном извещении к четвертой книжке "Русских записок", журнал переходит "к типу, приближающемуся к обычным иностранным Revues с подбором статей преимущественно актуального и информационного характера" (с. 3). Заверяя читателей, что ни политические, ни художественные ее вкусы ни в чью пользу не изменились, редакция обещала, что "Русские записки" "постараются держать своих читателей в курсе очередных вопросов политики, экономики, философии, литературы, искусства, естественных наук и т. д., имеющих мировое значение" (с. 3-4). Журнал существенно демократизировался и, по мнению Г.Струве, "благодаря редактированию П.Н.Милюкова" стал носить "явно более позитивистский характер" (Струве. - С. 240). Сохранив обязательный литературный раздел и публикации по проблемам мировой политики и Дальнего Востока, редакция в каждом номере публиковала хронику важнейших политических событий истекшего месяца, появился ряд новых рубрик. Под шапкой "Библиография" печатались рецензии и аннотации П.Бицилли, С.Осокина, В.Вейдле и др. недавно вышедших книг самого различного содержания. Список книг, "присланных в редакцию для отзыва", представляет определенный интерес для сегодняшнего дня как своеобразная хроника книгопечатания в эмиграции: среди авторов этих книг немало новых имен, в том числе и из эмигрантской "провинции". Меньше места уделялось философским статьям, больше - работам мемуарного и литературно-критического характера. Начиная с

четвертого номера и до закрытия журнала регулярно печатались фундаментальные мемуары П.Н.Милюкова "Роковые годы", охватившие в журнальной публикации период с лета 1904 (убийство Плеве) и по июль 1917. В этом же номере появился литературно-биографический очерк М.Алданова "Роже Мартэн дю Гар" и воспоминания С.Лифаря "Мои первые шаги в "Русском Балете" Дягилева". Литературный раздел представлен знакомыми именами: печатается "Иностранец" И.Шмелева, В.Сирин публикует драматическую комедию "Событие". Из поэтов представлены И.Кнорринг, Д.Кнут и А.Ладинский. В разделе библиографии опубликован критический отзыв П.Бицилли на "Освобождение Толстого" И.Бунина.

В следующих четыре книжки журнала (№ 5-8/9) из крупных вещей печатается "Детство" М.Осоргина (№ 6-7) и "Пуншевая водка (Сказка о всех пяти земных счастьях)" М.Алданова (№ 7-8/9). В пятом номере - рассказ из истории Белого движения В.Косецкого "Иаков" и проза А.Ладинского "На балу"; повесть Г.Газданова "Бомбей" (№ 6), рассказы "Истребление тиранов" В.Сирина и "Ревун-камень" А.Сотникова (№ 8/9). Драматические произведения представлены небольшой комедийной пьесой Теффи "Старинный романс" (№ 6). Значительное место в журнале занимают мемуары: параллельно с "Роковыми годами" П.Милюкова с 5 по 12 номер печатаются воспоминания о Л.Андрееве "Повесть об отце" Вадима Андреева; в пятом - очерк "Ф.И.Шаляпин (набросок портрета)" С.Полякова-Литовцева, в следующем - С.Лифарь вспоминает о Нижинском, а в сдвоенном августовско-сентябрьском - Г.Хмара о К.Станиславском. Сразу две публикации посвящены Андрею Белому: в пятом номере в критической статье "А.Белый и его воспоминания" Г.Адамович не только разбирает мемуарную прозу писателя ("Начало века", "На рубеже двух столетий" и "Между двух революций"), но и рассказывает о своих встречах с ним; в седьмом об А.Белом пишет Б.Зайцев.

Расширился круг поэтов "Русских записок": на страницах журналов появляются отдельные стихотворения Н.Белоцветова (№ 6), В.Гальского (№ 8/9), И.Гребенщикова (№ 7), Л.Гроссе (№ 8/9), И.Кнорринг (№ 6), С.Прегель (№ 7), Г.Раевского (№ 5), Т.Ратгауз (№ 6), Б.Смагина (№ 8/9), Ю.Софиева (№ 5), М.Струве (№ 5), К.Франкфурта (№ 7), З.Шаховской (№ 8/9). В неожиданной роли выступил поэт Довид Кнут: в 5 и 7 номерах журнала он публикует

Альбом путешественника", в жанре путевых заметок повествуя о своих впечатлениях во время посещения Италии и Палестины.

Статьей "Литература в СССР" (№ 7) Г.Адамович продолжает свои пессимистические очерки о состоянии советской литературы. Вспоминая, что в начале 30-х "заезжие москвичи еще иногда откровенно беседовали с эмигрантами" (с. 180), он отмечает ухудшение положения советских писателей на исходе десятилетия. Процесс демократизации литературы, который происходит в СССР, когда искусство становится доступно широким массам, в целом положительно оценивается критиком, однако он категорически не приемлет ситуации в России, когда "всякий древообделочник "априори" признается всякой редакцией судьей более компетентным, чем самый взыскательный критик" (с. 187). "Показательными" для своего времени Г.Адамович называет романы Ал.Толстого "Хлеб" ("апология Сталина") и В.Катаева "Я, сын трудового народа" ("лубок"); из общей же массы изданных произведений последнего времени им выделяются "Половчанские сады" Л.Леонова и первая часть романа Ю.Германа "Алексей Жмакин", запрещенного в СССР к дальнейшему печатанию. Среди рецензируемых книг - "Путешествие Глеба" Б.Зайцева (№ 5. - П.Бицилли).

Начиная с десятого номера журнала заметно стремление редакции к некоторому обновлению застывающей структуры издания. Произведения начинают располагаться в нем исходя из общей концепции номера, а не по формальным признакам (проза - поэзия - публицистика), среди рецензируемых книг повышается число художественных произведений. В 12-13 книжках "Русских записок" Л.Шестов печатает некролог "Памяти великого философа. (Эдмунд Гуссерль)", статью, оказавшуюся последней в творчестве русского философа. В номере журнала (1939, январь) читателям предлагается очерк научно-популярного характера Э.Когбетлянца "Влияют ли солнечные пятна на ход исторических процессов?". В февральском номере появляются историко-литературные материалы. Здесь опубликованы отрывки неизданных писем Натальи Александровны Герцен, жены писателя, ее подругам Т.А.Астраковой, М.К.Рейхель, а также ее предсмертные записки и письма Т.А.Астраковой к дочери писателя. Тут же литературоведческое исследование К.Мочульского "Повесть о капитане Каргузове" Достоевского". В 15 номере журнала под рубрикой "хроника" В.Вейдле печатает отчет "Из жизни искусства" о недавних выставках Брака,

Пикассо и Сезанна в галерее Розенберга, а Н.Лосский отдает долг памяти Л.Шестову в статье "Лев Шестов как философ".

В десятом номере, открываемом редакторским некрологом А.И.Куприну, начата публикация, по мнению Г.Струве (с.296), "лучшей, хотя и неровной вещи В.Яновского" - романа "Портативное бессмертие"; проза М.Алданова о жизни Байрона "Могила воина" (№ 13, 15, 16); роман Л.Крестовской "Черный ветер" (№ 12-14). Это крупные прозаические произведения, малые же формы представлены "Юностью" М.Осоргина (№ 10), рассказами "Чакона Баха" И.Матусевича, "Дама из Монте-Карло" Д.Кнута (№ 12), "Лик" В.Сирина (№ 14), в 15 номере печатались Г.Евангулов "Товарищ Ушаков" и А.Вер "Хуа-Бау-Бау". Из драматических произведений - "Изобретение Вальса" В.Сирина (№ 11). Как всегда, интересна мемуаристика: так, в 11 книжке в очерке "Друг человечества" о М.Горьком с пиететом вспоминает Т.Таманин (Т.Минухина), в 15 номере печатаются фрагменты из подготовленной к печати книги С.Яблоновского "Переоценка ценностей" о символистском периоде русской литературы и встречах автора с К.Бальмонтом, А.Белым, М.Волошиным, И.Репиным и др. В этом же номере следует отметить статью Л.Торопецкого "Поворот к интеллигенции", в которой публицист анализирует изменение в СССР политики по отношению к интеллигенции, стремление советского государства к созданию интеллигенции "новой", пролетарской генерации.

В поэтическом разделе этих номеров - И.Голенищев-Кутузов (№ 10, 12), А.Головина (№ 13), Б.Закович (№ 14), С.Прегель (№ 12), А.Присманова (№ 14), Т.Ратгауз (№ 11), Н.Рябинин (№ 12), Ю.Софиев (№ 11), М.Струве (№№ 12, 15), Е.Таубер (№ 10, 13), Е.Хмелева (№ 11), Л.Червинская (№ 13), А.Штейгер (№ 12), И.Эсколь (№ 10), при этом большинство поэтов представлены единичными стихотворениями. Монахиня Мария (Кузьмина-Каравая) появляется на страницах "Русских записок" в новом качестве - как автор статьи "Расизм и религия" (№ 11). Среди рецензируемых книг в десятом номере - поэтические сборники В.Смоленского "Наедине", Ю.Терапиано "На ветру" и З.Гиппиус "Сияния" (С.Осокин); "Бельведерский торс" М.Алданова (Г.Газданов), "Соглядатай" В.Сирина (С.Савельев), "О нежности" Теффи (П.Бицилли), "Без заката" Н.Берберовой (Д.Кнут). В следующих двух номерах отзыв С.Осокина о сборниках стихов Б.Поплавского "В венце из воска" (№ 11), Д.Рабиновича "Сердце

настежь" и Л.Львова "Венок" (№ 12), рецензии В.Вейдле на книгу А.Ладинского "Голубь над Понтом" (№ 11), С.Савельева на "Повесть о некоей девице" М.Осоргина, а также П.Бицилли на "Франциска Ассизского" Д.Мережковского (№ 11) и его же критический разбор "Заметок о прозе Пушкина" В.Шкловского (№ 12) - факт, подтверждающий пристальное внимание русской эмиграции ко всему положительному, что появлялось в СССР. В тринадцатом номере обращает на себя внимание рецензия С.Осокина на роман В.Сирина "Приглашение на казнь": традиционно противоречивая для набоковских произведений оценка (вызывают "чувство восхищения и досады", "талантливо и вместе с тем ... необязательно и поверхностно" (с. 198) дополняется весьма важным для эмигрантской критики замечанием: "Чуть ли не впервые от романа Сирина можно провести отчетливые линии к русской литературе ... - к "Носу" Гоголя и "Моим запискам" Л.Андреева" (с. 198). В 14 номере - рецензии С.Осокина на сборник переводов из восточной лирики А.Н. и И.И.Серебрянниковых "Цветы китайской поэзии" и В.Вейдле на "Историю одного путешествия" Г.Газданова; в пятнадцатом - С.Осокин разбирает четвертую книгу стихов А.Ладинского, а Г.Газданов пишет о романе И.Одоевцевой "Зеркало", здесь же - отзыв на "Происшествия Зеленого Мира" М.Осоргина (В.Вейдле).

Шестнадцатый номер "Русских записок" (апрель 1939) начинается редакционным приветствием П.Н.Милюкову по поводу его 80-летия. В содержании журнала начинает проявляться подспудно тревожная атмосфера предвоенной Европы. Увеличивается число статей, так или иначе связанных с военной угрозой: в № 19 публикуется эссе М.Вишняка "Перечитывая Гитлера..."; в котором автор один из первых сопоставил идеологию гитлеровского фашизма и сталинского большевизма: "То же абсолютно-монистическое самоутверждение, экстремистски-экслюзивный максимализм и отрицание всех других, посредствующих и средних звуков и красок жизни. И, соответственно, - та же "Scharfmacherei", или заострение и разжигание всех существующих противоречий и отталкиваний между владеющими и обделенными, командующими и эксплуатируемыми: классами - у большевиков, расами и государствами - в "Моей борьбе" (с. 161-162). Начиная с 17 книжки печатается цикл статей полковника П.Н.Иванова "Что и как должно быть приготовлено в каждом доме на случай внезапного воздушного нападения": дыхание грядущей войны становится все ошутимее. Последний, августовско-сентябрьский

номер журнала за 1939 предваряется редакторской пометкой на форзаце: "Значительная часть этой книги была отпечатана до катастрофического развития событий, - вследствие этого удалось дать лишь несколько статей, связанных с освещением происшедшего". В этом номере дана переводная статья, написанная биографом фюрера Конрадом Гейденом "Несчастный человек (портрет Адольфа Гитлера)", полная тонкой и пронизательной иронии.

Из крупных вещей с 18 номера в "Русских записках" начата публикация романа Г.Газданова "Полет", прервавшаяся вместе с журналом. В основном же, проза этих номеров представлена малыми формами: печатаются рассказы Г.Газданова "Вечерний спутник" (№ 16), "Гофмейстер" Б.Зайцева, "Художник Ершов" Вад.Андреева (№ 17), "Опустошение" И.Матусевича (№ 18), "Лунатики" А.Ремизова, "Пчеловод" Г.Евангулова (№ 19), "Жемчужина" А.Федорова (№ 20/21). Отдано должное и жанру биографического очерка: о Замятине пишет Т.Таманин (№ 16), о Мусоргском в статье "Драма русского гения" - П.М.<илиюков> (№ 17); некролог В.Ф.Ходасевича подписан М.Алдановым (№ 19). Особое место в журнале занимает очерк Б.Зайцева "Чайка" - размышления писателя о постановках драмы А.П.Чехова (№ 16), статья П.Паскаля "По следам протопопы Аввакума в СССР": научная работа, художественно отредактированная А.Ремизовым, превратилась в захватывающую историю злоключений исследователя древнерусской литературы в стране Советов (№ 18). Мемуарные произведения представлены также "Воспоминаниями о балете" А.Бенуа, начатые в 18 номере и закончившиеся в последней книжке журнала.

В лирическом "обеспечении" журнала приняли участие В.Андреев (№ 19), С.Барт (№ 19), А.Гингер (№ 16), Г.Евангулов (№ 17), И.Кнорринг (№ 20/21), А.Ладинский (№ 16), И.Одоевцева (№ 20/21), В.Пиотровский (№ 17), С.Прегель (№ 17, 18), А.Присманова (№ 20/21), М.Светланин (№ 19). Не уменьшилось в журнале и число работ литературоведческого характера: помимо реплики П.Бицилли "По поводу писем Н.А.Герцен", носящей скорее публицистический характер (№ 18), печатается статья В.Вейдле "Тютчев и Россия" (№ 18) и П.Бицилли "Пушкин и Россия в польском литературоведении" (№ 20/21). Интригующе для читателя научно-популярных работ звучит и название доклада М.Ростовцева "Эллинский мир и вера в загробную жизнь" (№ 17).

Активизировалась в журнале критика. В 16 номере высокую

оценку С.Осокина получает стихотворный сборник Г.Адамовича "На Западе". Х.Попов рецензирует роман В.Емельянова "Свидание Джима", а В.С.Я<новский> - книгу воспоминаний Б.Зайцева "Москва"; лучшим современным исследованием творчества Пушкина П.Бицилли называет книгу А.Лежнева "Проза Пушкина", опубликованную в 1937 в Москве. В следующем номере С.Осокин дает общий разбор последних стихотворных сборников Н.Туровой, Л.Хаиндровой, А.Ачаира и А.Жемчужного, в июньской (№ 18) книжке он рецензирует третью книгу стихов А.Гингера "Жалоба и торжество". Здесь же В.Вейдле пишет о "Лике" - третьей части "Жизни Арсеньева" И.Бунина, П.Бицилли - о первой части романа М.Алданова "Начало конца", а В.С.Я<новский> отзывается о "Некрополе" В.Ходасевича. В 19 номере С.Осокин разбирает последний стихотворный сборник Амари (М.Цетлина) "Кровь на снегу", Б.С<осинский> говорит о посмертной публикации незаконченного романа Е.Замятина "Бич Божий", П.Бицилли - о романе Н.Оцупа "Беатриче в аду" эпигона шмелевской линии. В последних "Русских записках", исключая С.Осокина, разбирающего книгу стихов С.Прегель "Полдень", остальные литературные критики предпочитают скрыться за инициалами: Б.С<осинский> аннотирует роман А.Гефтера "Игорь и Марина", В.С.Я<новский> - роман С.К.Максимова "Чудо Рюмина", а Я.Л. - два тома "Данте" Д.Мережковского.

Хотя на страницах "Русских записок" появилось немало первоклассных художественных произведений ("Пуншевая водка" М.Алданова, рассказы Г.Газданова и В.Сирина, "Детство" М.Осоргина, воспоминания Б.Зайцева, В.Андреева, П.Милюкова), регулярно публиковались стихи молодых поэтов, напечатано немало литературно-критических и публицистических работ, тем не менее журнал в целом уступал значительностью опубликованного своему старшему литературному собрату - "Современным запискам". К тому же журнал не выдержал первоначально взятой линии на широкий охват литературного пространства, что можно объяснить отчасти подсознательной боязнью редакции потерять европейских подписчиков. Держалось издание в стороне и от литературной полемики, а посему выглядело излишне безобидным в среде порой весьма "зубастой" эмигрантской печати.

"РУССКИЙ ГОЛОС" (Нью-Йорк, 1917-1940) - ежедневная общественно-политическая и литературная газета. Выходит с 1 февраля 1917 по настоящее время. Главным редактором был И.К.Окунцов, затем его место занял Д.З.Крынкин; на первой полосе неизменно помечалось: "Самая большая в Соединенных Штатах и Канаде русская ежедневная газета". Редакция издания с одобрением встретила обе революции в России и в 1920-1930-е занимала в целом просоветские позиции, что не могло не отразиться на характере публикуемых материалов. Газета не только информировала читателей о происходящем в России, но, и зачастую давала перепечатки из советских изданий; среди авторов публикаций - имена А.Луначарского, Н.Крупской, Н.Бухарина и др. Авторы издания нередко вступали в полемику с противниками большевизма, а мнения своих оппонентов обязательно сопровождали критическим комментарием. В начале 30-х газета не запрещалась для распространения в СССР.

Издание ориентировалось на самые демократические слои русской эмиграции, и с целью привлечения рядового читателя рядом с серьезными материалами в нем печатались материалы скандального и курьезного характера, разного рода головоломки и анекдоты (постоянная рубрика - "Из советского юмора"); в 30-е на последней странице можно было найти комиксы по популярным романам о Тарзане. Литературные вещи, в основном, появлялись в воскресных приложениях к газете ("Литературный воскресник"), в ежедневных же номерах публиковались романы и повести с продолжением. Основным автором газеты в 20-30-е был плодовитый беллетрист Г.Н.Брейтман: в "Русском голосе" печатались его криминальные романы, среди которых "Преступление на Пушкинской улице", "Двойная любовь", "Драгоценности графини Венбольской (король воров)", "Драма в чугунном котле (Тайна товарища Васильева)" и др.

Почти в каждом номере в 20-е публиковались фельетоны и иронические реплики Осипа Дымова (Перельмана), обзоры культурной жизни русской эмиграции в Америке и рецензии А.Ветлугина и Л.Надеждиной; здесь же - публицистика Вас.Немировича-Данченко, З.И.Гисенькина, А.Ровича, К.Сибирцева, П.Вячеславова и др. Политические новости и комментарии часто оживлялись сатирическими куплетами Дяди Саши (А.Александровича). Одним из постоянных авторов "Русского

голоса" был Давид Бурлюк: он регулярно публиковал в газете очерки повседневной жизни американцев, критические статьи и разборы. Именно благодаря ему в газете был опубликован ряд интересных материалов, посвященных самоубийству В.В.Маяковского, в том числе редкие фотографии и воспоминания самого Д.Бурлюка; традицией газеты стало целые полосы посвящать творческим юбилеям советских авторов (целую страницу номера от 19 марта 1939 посвятили 25-летию литературной деятельности Н.Асеева).

"Русский голос" много уделял места произведениям писателей, особенно молодых, из советской России. С 30 мая 1925 из номера в номер в газете публиковался фантастический роман-утопия Вал.Катаева "Последние минуты человечества. Остров Эрендорф", а в июльских номерах 1932 книга очерков Б.Пильняка "О-Кей". Один из постоянных авторов "Русского голоса" - М.Зошенко, чьи известные рассказы ("Собачий нюх", "Жертва революции", "На посту" и др.) появлялись даже на детской странице "Чертенок" литературного приложения к газете. Среди других советских писателей, чьи произведения печатались в этом издании, - Л.Никулин, Л.Леонов, В.Шишков, М.Горький и др. Советская поэзия представлена В.Маяковским, Б.Лившицем, стихотворными фельетонами Д.Бедного и стихами "рядовых красноармейцев". Большинство произведений давались в перепечатке из советских изданий.

Среди авторов-эмигрантов "Русского голоса" не было крупных имен. Некто Бессарабец в ответ на реплику Менделевского в "Новом мире" о дефиците "больших писателей" рассуждает в номере от 1 августа 1926 об отсутствии "своего лица" у русской эмиграции в Соединенных Штатах, чем и объясняет нехватку в Америке ярких художников. Роман из жизни русской колонии в Соединенных Штатах и Канаде А.Парецкого "Клад Алексея Лесничука", публиковавшийся в 1930 в августовских выпусках "Русского голоса", не стал литературной сенсацией. Регулярно в литературном приложении к газете печатались небольшие рассказы О.Дымова, сочетавшего с журналистикой свое прежнее поприще прозаика; В.Далматов, Н.Никандров, П.Шнеер - имена еще менее известные.

РУССКИЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ (Прага). Образование архива проходило в рамках принятой правительством Чехословакии программы, получившей название "Русская акция" и предусматривавшей создание условий для жизни и работы российских эмигрантов, проживавших в ЧСР, финансирование деятельности многочисленных русских эмигрантских учреждений и организаций. РЗИА (первоначально Архив русской эмиграции и архив Чехословакии) был образован постановлением Комитета объединения российских земских и городских деятелей в ЧСР (Земгор) от 17 и 18 февраля 1923 и являлся общественной организацией. По указанному постановлению архив формально подчинялся Земгору, одной из крупнейших организаций русской эмиграции, располагавшей средствами из правительственных и благотворительных источников. РЗИА являлся структурой при культурно-просветительном отделе в составе Библиотеки Земгора.

В 1924 было разработано Положение об архиве, определившее юридическое положение и структуру. Положение подтвердило подчинение архива Земгору. Архив получил новое название, более точно отразившее характер собираемых документов - Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА). Работой архива руководил Совет. Для осуществления научной деятельности, в том числе и определения ценности приобретаемых документов, была создана Ученая комиссия. В состав Совета в разное время входили известные российские историки и общественные деятели. Первым председателем Совета стал проф. А.А.Кизеветтер, который занимал этот пост до своей смерти в 1933. С 1933 по 1935 председателем был проф. С.В.Завадский. В 1935 на этот пост избран проф. А.Н.Фатеев. Первым управляющим РЗИА стал В.Я.Гуревич, занимавший эту должность до 1928.

В состав Ученой комиссии в разные годы входили А.А.Кизеветтер - председатель, В.Г.Архангельский, В.Я.Гуревич, А.Ф.Изюмов, Е.Ф.Максимович, В.А.Мякотин, С.Н.Николаев, С.Г.Пушкарев, П.Н.Савицкий, В.В.Саханев, А.В.Флоровский, В.В.Чернавин, Е.Ф.Шмурло. После смерти А.А.Кизеветтера председателем Ученой комиссии был выбран проф. А.В.Флоровский.

Хранение документов осуществлялось двумя отделами - отделом документов (заведующий А.Ф.Изюмов, занимал эту должность до 1939) и отделом печатных изданий, состоявшим из двух

подотделов - книжного (заведующий С.П.Постников, занимал эту должность до 1937) и газетного (заведующий Л.Ф.Магеровский, занимал эту должность до 1939).

В числе многих эмигрантских общественных учреждений, которые с окончанием "Русской акции" в конце 20-х годов перешли в ведение чешских государственных учреждений, оказался и РЗИА. 31 марта 1928 РЗИА был передан в ведение МИД Чехословакии, сохранив при этом свое название, функции и состав сотрудников из числа русских эмигрантов. Общее руководство работой архива было возложено на уполномоченного МИД ЧСР проф. Яна Славика. Непосредственно деятельностью архива руководили Совет архива и Ученая комиссия. Управляющим архивом был избран В.Г.Архангельский. В декабре 1935 должность управляющего была упразднена и введена должность директора. Финансирование деятельности РЗИА осуществлялось через МИД ЧСР.

В 1934 в состав РЗИА на правах отдела был включен Донской казачий исторический архив. В 1919 в связи с эвакуацией казачьих частей Донской Армии по распоряжению Донского атамана А.П.Богаевского из Новочеркасска была вывезена часть экспонатов музея и наиболее ценные документы казачьего архива по истории Всевеликого Войска Донского, а также по истории гражданской войны на юге России. Первоначально документы были перевезены в Екатеринодар, весной 1920 - в Константинополь, в 1921 - в Белград, а в 1925 - в Прагу. До 1934 войсковым атаманом и руководством архива предпринимались попытки решить вопрос о самостоятельном существовании архива. Но материальные трудности не позволили осуществить эту идею. В составе РЗИА Донской исторический архив существовал на особых правах, сохранив свою налаженную систему работы и хранения документов, имел широкие полномочия в собирательской деятельности. По условиям вхождения в РЗИА архив продолжал являться собственностью Войска Донского. Ответственность за его сохранность лежала непосредственно на Донском атамане и Донском правительстве. Руководителем Донского казачьего архива продолжал оставаться П.А.Скачков.

В середине 30-х РЗИА претерпел серьезные изменения в своей деятельности, приведшие фактически к упразднению самостоятельности архива и выразившиеся в лишении права руководства архива решать финансовые и кадровые вопросы,

сокращении численности сотрудников, лишении права допуска исследователей к работе с документами. Положение РЗИА стало еще более сложным с началом оккупации Чехословакии немецкими войсками. 22 марта 1939 архив был передан в ведение МВД ЧСР. С этого времени архив возглавил проф. Я.Прокеш вместо ушедшего в отставку проф. Я.Славики.

В годы войны в РЗИА представителями германских оккупационных властей с помощью сотрудников архива целенаправленно выявлялись документы по военной истории России. Таким образом, в филиале Архива сухопутных войск Германии в Праге оказались документы Донского казачьего архива, документы из личных фондов государственных, военных и общественных деятелей России, хранившихся в рукописном отделе РЗИА. Документы печатного отдела изучались с целью выявления информации о внутреннем и международном положении СССР.

После окончания второй мировой войны через ведомство иностранных дел СССР правительству Чехословакии было сделано предложение о поисках возможности вернуть Советскому Союзу документы из Русского заграничного исторического архива в Праге, вывезенные из России после Октябрьской революции и гражданской войны. Эти документы являлись составной частью Государственного архивного фонда СССР согласно Положению о ГАФ, утвержденному СНК 29 марта 1941.

Правительство ЧСР постановило передать в дар Академии наук СССР по случаю ее 220-летнего юбилея часть документов РЗИА, а именно - документы рукописного отдела и дублетные экземпляры эмигрантских периодических изданий и библиотеки Донского казачьего исторического архива. Не последнюю роль в деле передачи документов в СССР сыграло и то обстоятельство, что документы РЗИА активно изучались и использовались против СССР в период второй мировой войны.

6 декабря 1945 акт о дарении, подписанный премьер-министром Чехословакии З.Фирлингером и министром народного просвещения З.Неедлой, был передан Комиссии по приему документов РЗИА. Кроме того, вместе с документами двух указанных комплексов в СССР были привезены документы и экспонаты Русского культурно-исторического музея, которые были переданы в дар его основателем В.Ф.Булгаковым.

Согласно постановлению Президиума АН СССР от 31 января 1946 переданные из Чехословакии документы поступили на хранение в ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ). Это решение было обусловлено тем, что в ЦГАОР СССР с 20-х годов находились на хранении собрания документов белогвардейских правительств и воинских подразделений Белых армий периода гражданской войны. Переданные документы по своему составу и содержанию дополняли их.

Особое место в пополнении своих документальных богатств РЗИА отводил собиранию архивов деятелей российской литературы, а также документов эмигрантских творческих организаций и объединений. Уже в начальный период деятельности РЗИА здесь начали откладываться документы русских писателей, поэтов, публицистов, литературных критиков. В 1924 передал на хранение свой обширный архив известный публицист В.Л.Бурцев. С 1925 по 1928 передавал документы своего архива А.В.Амфитеатров. Начиная с 1925 в РЗИА стали поступать документы Комитета по организации и проведению Дня русской культуры (Р-5850). В 1928 проф. А.Л.Бем передал материалы о работе съезда русских писателей и журналистов в Белграде, проходившего 24-30 сентября 1928.

Более целенаправленный характер работа по собиранию литературных архивов стала носить с начала 30-х годов. В 1931 известный деятель эмиграции, один из создателей и член Ученого совета архива Н.И.Астров в статье, посвященной деятельности РЗИА, указал, что "архив решил приступить к собиранию еще другого рода материалов, которые должны быть сохранены, как драгоценный материал для истории русской культуры, это - литературные архивы". Далее в статье говорилось: "Литературные архивы представляют большую ценность, как документы, свидетельствующие о культурной работе, о творческой мысли русских людей в изгнании. Эти материалы не должны быть затеряны, не должны быть уничтожены. Их нужно сохранить".

В 1930-1945 РЗИА были приобретены архивы А.Аверченко, Ю.Айхенвальда, М.Акацатова, В.Амфитеатрова-Кадашева, В.Иванова, В.Ирецкого, В.Немировича-Данченко, Н.Оцупа, С.Пинуса, Н.Раевского, И.Шкловского, публицистов - В.Н.Тукалевского, Г.И.Радченко, И.И.Фондаминского, В.А.Розенберга, Н.М.Могиланского, В.Н.Челищева, Б.И.Николаевского, С.П.Мельгунова, А.Ф.Изюмова, В.Л.Горна и др.

В составе фонда Б.В.Савинкова (Р-5831) кроме шести тетрадей его собственных стихов, рассказов, статей имеются письма А.Амфитеатрова, М.Волошина, З.Гиппиус, Д.Мережковского. В фонде публициста В.Л.Бурцева (Р-5802) - письма А.Куприна, М.Осоргина, Е.Чирикова, К.Станиславского, Л.Андреева; в фонде журналиста С.П.Постникова (Р-6065) - письма А.Даманской, И.Фондаминского; в фонде проф. П.Н.Милюкова - письма К.Бальмонта, Б.Зайцева, И.Наживина, И.Шкловского; в фонде А.И.Гучкова - письма М.Цветаевой; в фонде П.Б.Струве (Р-5912) - письма И.Бунина, В.Булгакова, произведения С.Маковского, В.Амфитеатрова-Кадашева, стихи В.Сирина, Е.Бунге, В.Булич, И.Войнова.

В фондах редакций газет "Дни" (Р-5878) и "Последние новости" (Р-6845) сохранились стихи Ю.Галича, произведения М.Алданова, З.Гиппиус, И.Шмелева, П.Бицилли. В составе других фондов РЗИА отложились художественные произведения, воспоминания, статьи, письма А.Белого, А.Ремизова, А.Яблоновского, А.Головиной, И.Одоевцевой, А.Нейморока, И.Гребенщикова, В.Морковина, С.Варшавского, Б.Зайцева, А.Толстого, И.Эренбурга, И.Шмелева, И.Северянина, В.Резникова, Л.Андреева, Б.Апрелева, М.Арцыбашева, В.Смоленского, М.Алданова, С.Маковского, С.Минцлова и др., а также А.Блока, С.Есенина, Н.Клюева, В.Брюсова, С.Черного.

РЗИА удалось собрать документы некоторых профессиональных и творческих организаций российской эмиграции: Профессиональный Союз литературных работников России, живущих за границей (Париж); Культурно-просветительная комиссия при Русском Доме в Сент-Женевьев-де-Буа, Русский культурный комитет в Белграде, Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии, Союз русских писателей и журналистов в Польше, Союз русских писателей и журналистов в Югославии, Комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии, Комитет помощи русским литераторам и ученым во Франции, Комитет помощи русским литераторам и ученым в Берлине и некоторых других.

РЗИА не являлся единственным учреждением, собиравшим материалы по истории культуры российской эмиграции. Созданный в 1934 г. Русский культурно-исторический музей, имевший в своем

составе литературный отдел, кроме проведения выставочной деятельности, занимался собиранием документов представителей российской литературы, в том числе и эмигрантской. Руководству РЗИА и музея, несмотря на все сделанные попытки, так и не удалось до конца ликвидировать параллелизм в своей работе. В составе коллекций Русского культурно-исторического музея оказались архивы создателя музея В.Булгакова, небольшие коллекции М.Цветаевой, А.Куприна, И.Булгина, И.Наживина, А.Ремизова, А.Бурова и др.

В 60-е некоторые фонды деятелей культуры и творческих организаций из Пражской коллекции были переданы в ЦГАЛИ СССР (ныне РГАЛИ), Центральный литературный музей. В ЦГАЛИ СССР были переданы личные фонды А.В.Амфитеатрова, И.В.Шкловского, В.Я.Ирецкого, В.И.Немировича-Данченко, Ю.И.Айхенвальда и др. Были переданы также фонды Союзов русских писателей и журналистов в Чехословакии, в Польше, часть коллекции документов Русского культурно-исторического музея в Праге и некоторые другие. Были допущены изъятия и в отношении других фондов РЗИА, переданных в Историко-дипломатическое управление МИД СССР, ЦГАСА (РГВА), ЦГВИА (РГВИА) и другие государственные и ведомственные архивы, хотя основная часть Пражской коллекции осталась в ЦГАОР СССР. Имевшие место изъятия причинили существенный урон ее целостности, был нарушен принцип недробимости исторических комплексов, один из основополагающих принципов архивного дела.

Л.И.Петрушева

"РУССКИЙ ИНВАЛИД" (Париж, 1930. - 22 февр. - № 1 - 1940. - 5 июня. - № 152) - ежесычая военно-научная и литературная газета (частично в 1931-1932 и весь 1939 выходила как двухнедельная). Орган главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов (ЗСРВИ), гл. ред. - Н.Н.Баратов (1930-1932, № 1-37; некролог: 1932. - 7 апр. - № 38), М.Н.Кальницкий (1932-1940, № 38-152). Возобновлена как однодневная газета в мае 1961; гл. ред. - С.Д.Позднышев.

Газета издавалась под девизом: "В единении наше спасение, в расколе - наша гибель!", провозглашенном в статье А.И.Деникина "Искание родины" в первом однодневном выпуске "РИ" (1924. - Ноябрь). Всего в 1924-1929 в Париже было опубликовано пять специальных выпусков "Русского инвалида" (см.: "Однодневные газеты"); эти издания заложили традицию ежегодного выхода газеты в ознаменование "Дня русского инвалида", отмечаемого 9 (22) мая - в день летнего Николы Чудотворца, чтимого как покровителя и помощника всех бездомных и сирых. Этому дню в 30-е в газете "РИ" всегда был посвящен один - майский - номер. В нем преобладал литературный материал. В обычных номерах доминировали военные статьи и совсем редко публиковались художественные и литературно-критические тексты.

В газете, выходявшей обычно раз в месяц, выступили, по сути, все известные писатели русского зарубежья "первой волны": М.Алданов (№ 17, 41, 55, 67, 131/132, 151), К.Бальмонт (№ 55, 67), И.Бунин (№ 17, 67, 115, 131/132, 151), З.Гиппиус (№ 79), Б.Зайцев (№ 4, 41, 55, 67, 79, 131/132, 151), В.Злобин (№ 79), Л.Зуров (№ 17, 67), Г.Кузнецова (№ 17, 55, 67), А.Куприн (№ 3, 120), А.Ладинский (№ 115, 131/132, 151), А.Лукаш (№ 5, 67, 79, 115, 131/132), Д.Мережковский (№ 79, 115), Вас.И.Немирович-Данченко (№ 9-10), А.Ремизов (№ 41, 55, 67-68, 131/132, 151), А.Ренников (№ 4, 17, 21, 41, 79, 115, 131/132, 151), В.Сирин (№ 17, 41), П.Струве (№ 55), И.Тхоржевский (№ 115, 151), Н.Тэффи (№ 41, 67, 115, 151), В.Ходасевич (№ 17), А.Черный (№ 4, 17, 41), И.Шмелев (№ 1, 17, 41, 55, 79, 115, 131/132, 151), А.Яблоновский (№ 41). Названные писатели публиковались и в "однодневниках" 1924-1929. Тематика литературных материалов (стихи, короткие рассказы, фрагменты крупных вещей и т.п.) была военно-патриотическая, нравственно-воспитательная, настраивающая на сострадание, самоотречение, жертвенность; кроме того, неизменно поддерживался интерес к тяготам эмигрантского быта, к бездомным, ночующим в ночлежках. Ностальгические мотивы объединяли всех. З.Гиппиус писала: "Не думаю о моей земле: / Что тут думать? Ее убили... / Она воскреснет в новой плоти" (1935. - № 79).

"РИ" рассматривал себя как преемника и продолжателя одноименного петербургского издания (1813-1917), созданного по инициативе императрицы Елизаветы Алексеевны (жены Александра

I) с целью помощи инвалидам Отечественной войны 1812. Редактором стал коллежский советник П.П.Помиан-Пезаровиус. Парижский "РИ" не раз напоминал об этом, отдавая должное зачинателю издания; историческая справка М.Каденко об основателе "РИ" печаталась в 1933 (№ 55-56).

Газета стремилась воссоздавать и сохранять исторический, военный, бытовой колорит и самый дух утерянной Родины. Поддерживалась память о дореволюционной России, идеализация прошлого как главного хранилища национального духа. С особенным пиететом освещались все важные сведения о жизни и смерти царей (особенно Александра II и Николая II), а также о царских родственниках за рубежом; вместе с историческими статьями о самодержавном прошлом эти материалы составляли фундамент надежд на возрождение России. Герб Дома Романовых неизменно присутствовал под названием газеты. С разных точек зрения рассматривался трагический опыт революции; разрабатывалась постсоветская концепция национально-государственного развития России и ее Вооруженных сил, новое понимание патриотизма. В ряду приоритетных тем в 1930-х годах (а также и в 60-х) оставались первая мировая война (называемая тогда Великой) и образование Добровольческой армии - колыбели Белого движения; отмечалась каждая их годовщина. Постоянными сотрудниками газеты были известные генералы - Н.Н.Головин (помощник ген. Н.Н.Баратова), В.Н.Долманский, А.В.Виноградский, Н.Н.Алексеев, С.Д.Позднышев, П.Н.Краснов, а также полковники А.А.Зайцов (секретарь ред.) и В.Б.Веверн (его книгу "6-я батарея" - о 1914-м годе - высоко оценил Куприн. - № 120).

Поэтические сны о великом прошлом Родины слагали в своих стихах поэты: кн. Ф.Н.Касаткин-Ростовский (поэт-воин, семеновец), Изюмский гусар В.А.Петрушевский, Н.Туроверов (Атаманец), командир Драгунского полка С.Гребенщиков. Всепроникающими были патриотические мотивы: "Но рай чужой родные дали / Затмить не сможет никогда" (В.Петрушевский; 1930. - № 3); "Душа народная жива - / Она воскреснет вновь" (кн. Ф.Н.Касаткин-Ростовский; 1934. - № 65). Небольшую книжку С.Гребенщикова "Родина", вышедшую в Сербии в 1932, рецензировал П.Н.Краснов (1932. - № 36), который выступал в рубриках "Библиография" и "Литературные заметки" под псевдонимом Гр. А.Д. Этот графский псевдоним обозначал имя его строевой лошади ("Град"), служившей ему под седлом 23 года.

П.Н.Краснов стал сотрудником "РИ" еще в петербургские времена - его первая публикация появилась 17 марта 1891, и с тех пор имя Краснова не сходило со страниц газеты (его называли "примадонною" "РИ"). В 1931 (№ 16) печаталась редакционная статья к его 40-летию, а в 1929 (№ 138) газета отмечала 50-летие со дня его производства в первый офицерский чин. В "РИ" печатались некоторые произведения Краснова, вышедшие затем отдельными изданиями. Среди них - автобиографические документальные книги "Павлоны" и "На рубеже Китая"; публиковался частями роман из жизни пограничного гарнизона "Накануне войны" (рец.: 1937. - № 100; С.Позднышев).

Краснов был главной фигурой в газете как критик-рецензент и как рецензируемый писатель-романист. Он положительно отозвался о романах "Защита Лужина" В.Сирина и "Бегство" М.Алданова (1932. - № 35), отметив их своеобразие и связь с русской классической традицией. Критик рецензировал роман А.И.Куприна "Юнкера" (1933), оценив его на уровне толстовских "Казаков". Эту рецензию-статью (1933. - № 51) можно считать программной: рассматривая роман как "поэму в прозе, звучную песню о далекой нашей молодости... о домовитой, крепкой в любви и привязанностях, семейной, радушной, гостеприимной и патриархальной Москве", Краснов утверждал вместе с тем и незыблемость своей позиции в отношении к царской армии. Для генерала-писателя в этой области не могло быть ни тени критики.

В газете публиковались рецензии на трилогию Краснова "Largo" (1930. - № 5; Н.Чебышев) - "Выпашь" (1932. - № 33; Н.Алексеев) - "Подвиг" (1932. - № 48; Н.Алексеев), на его исторические романы "Цесаревна: 1709-1762" (1933. - № 57; б/п), "Екатерина Великая: 1729-1796" (1935. - № 80; Карабин). Дважды рецензировался роман "Ненависть", где представлена параллель предбольшевистской "святой Руси" и красной России под тиранической властью большевиков (1934. - № 72, Карабин; № 74, б/п). Показательно, что и в возобновленном "РИ" в 60-е годы Краснов - снова в центре внимания. Публиковалась глава из его романа "В море житейском" (Париж, 1962).

Для газеты характерны и такие материалы, как исторические справки к 100-летию печатавшегося в петербургском "РИ" А.С.Суворина (1934. - № 71) и к 100-летию со дня смерти

А.С.Пушкина - "Пушкин и император Николай I" (1937. - № 100). Любопытен безымянный рассказ "Царь российский и печник" (1940.- № 151), аналогичный стихотворению А.Твардовского "Ленин и печник". Обобщающий смысл заключает в себе заметка И.А.Ильина "Об армии: Посвящается русским зарубежным инвалидам", где автор утверждал: "Армии необходимы все три начала: народ, интеллигенция и трон. Они слагают ее сообща. Она есть их органическое единство. И в обновленной России это так и будет" (1940. - № 151).

А.А.Резякина

"РУССКИЙ КОЛОКОЛ" (Берлин, 1927-1930. - № 1-9) - издавался проф. И.А.Ильиным (он обозначен как "редактор-издатель"): Было выпущено 9 номеров: № 1-2 - в 1927, № 3-6 - в 1928, № 7-8 - в 1929, № 9 - в 1930. На второй странице обложки первого номера сообщалось, что "РК - есть журнал национальной и патриотической волевой идеи. Его цель - служение самобытной и великой России". "Волевая идея" была сформулирована Ильиным в его книге "О сопротивлении злу силою" (1925), вызвавшей горячую полемику в русских эмигрантских кругах. В первом номере журнала в статье редактора была представлена программа будущей его деятельности. В дальнейшем Ильин неоднократно возвращался к этому вопросу, поясняя, что такое "волевая идея", в чем состоит цель и задача служения России. "России, - говорилось в редакционной заметке, помещенной на обложке второго номера журнала, - нужна прежде всего национальная интеллигенция, религиозно обновленная и государственно мыслящая". Статьи и материалы, печатающиеся в журнале, утверждалось далее, "нельзя "просматривать"; их не стоит "пробегать глазами"... Они требуют внимания и, главное, рассмотрения и решения каждого отдельного вопроса по существу... Лучше всего читать и обсуждать эти статьи совместно..." Журнал состоял из двух не имеющих самостоятельного названия частей. Во второй части, набранной более мелким шрифтом, печатались "материалы и инструкции", предназначенные "вооружить мысль и волю русского патриота... Он найдет здесь необходимые для него сведения, советы и формулы".

В каждом номере журнала печатались одна-две (иногда и больше) статьи самого Ильина (подписанные или его фамилией или "редактор"). Постоянными авторами журнала были: И.И.Лаппо, В.П.Рябушинский, Б.А.Никольский, Н.С.Арсеньев, П.Н.Краснов, В.Гефдинг, гр. Г.А.Шереметев, кн. Н.Б.Щербатов, И.С.Шмелев, С.С.Ольденбург, А.Бунге и др. Статьи, публиковавшиеся в журнале, носили в основном политический и социально-экономический характер. Много внимания уделялось проблеме русской армии (в прошлом и будущем), анализировалось экономическое положение различных слоев трудящихся при советской власти, обсуждались проблемы будущего государственного и политического устройства России. Даже И.С.Шмелев выступал скорее в несвойственной ему роли публициста, чем художника слова (его статьи "Как нам быть" - № 1; "К родной молодежи" - № 6-7).

Художественные произведения в "Русском колоколе" не печатались. Единственное исключение составляет стихотворение самого Ильина "Господь зовет! Сатаны убоюсь ли?.." (№ 1). Не было в нем и отдела литературной критики. Тем не менее проблемы эстетики и художественного творчества находились в поле зрения журнала и решались на его страницах в рамках концепции "волевой идеи". Прежде всего - в статьях самого Ильина: "Кризис современного искусства" (№ 2), "Музыка Метнера" (№ 7). Интересны в этом отношении статьи Н.Н.Ильиной ("Арион Пушкина" - № 3), Н.С.Арсеньева ("Борьба за душу русского народа" - № 3), Екатерины Гауг ("Пляска опустошенных душ" - № 6).

Кризис современного искусства Ильин понимает как "бессилие одинокого безрелигиозного искусства" (№ 2. - С. 19). "В духовную смуту, - пишет он, - в религиозное растление вели нас русские предреволюционные поэты, начиная от Блока, Белого, Вяч.Иванова и кончая постыдными именами современной советчины" (там же. - С. 21). Разложение художественного образа достигло своего апогея, утверждает Ильин, в живописи - "в бреде Пикассо", в музыке - в творчестве Р.Штрауса и А.Скрябина. Всех их Ильин называет "модернистами", причем под "модернизмом" он понимает "упоение вседозволенностью, бред страсти и похоти, идеализацию греха, разнуздание инстинкта" (там же. - С. 25). Модернизму, понимаемому как яркое проявление глубочайшего кризиса искусства (что в свою очередь является следствием религиозного и морального кризиса) Ильин противопоставляет свой идеал: "России нужен дух чистый и

сильный, огненный и зоркий. Пушкиным определяется он в нашем великом искусстве; и его заветами Россия будет строиться и дальше" (там же. - С. 27). "Большевицкое искусство, - по словам Ильина, - начиная от Мейерхольтца и кончая Шершеневичем и Маяковским - только довершило по-своему это разложение и проявило этот кризис с вызывающим бесстыдством сущего помешательства" (там же. - С. 25). В музыке наивысшим отрицанием модернизма является творчество Н.К.Метнера, к которому на протяжении всей своей жизни Ильин относился с неизменной любовью и восхищением. А вообще духу разложения, в наибольшей степени воплотившемуся в большевизме, он противопоставляет дух рыцарственности, который "состоит в стойкой верности Предметному пути" ("О рыцарском духе" - № 6. - С. 4).

Н.С.Арсеньев, анализируя творчество советских писателей С.Есенина, Л.Леонова, С.Клычкова, Л.Сейфуллиной, Б.Пильняка, П.Романова, И.Бабеля, К.Федина и др., приходит к выводу, что в их произведениях представлена "картина полного нравственного одичания" русского народа (№ 3. - С. 32). То же самое показывает Е.М.Гауг на примере танцев, которые, по ее словам, есть не что иное, как "звероподобное кривлянье" (№ 6. - С. 58). "Современные танцы, - пишет она, - не искусство. Они не созданы теми народами белой расы, которые ими ныне столь болезненно увлекаются. Они чужды им, их духу и их культуре. Жест и ритм этих танцев проник к нам, в наши души от негров или от австралийских дикарей и охватил все страны наподобие эпидемии" (там же. - С. 57). В эволюции европейских танцев, по мнению Е.М.Гауг, отразилась эволюция общего европейского мировоззрения, пришедшего в конце концов к "духовному большевизму".

Методологической основой этих и подобных утверждений была теория "арийского мировоззрения", разработанная в трудах Х.Ст.Чемберлена, которые с легкой руки Э.К.Метнера (брата композитора, с которым Ильин находился в тесном общении в предвоенные годы) получили в начале XX в. довольно широкое распространение в России. Согласно этой теории, европейское искусство, равно как и все другие формы европейской культуры, должны освободиться от инородных примесей, внесенных в него евреями или, как считает Е.Гауг, неграми и австралийскими дикарями. В 20-е учение Чемберлена стало составной частью

официальной "расовой" доктрины немецкого национал-социализма. Сам Ильин, впрочем, и не скрывал своих симпатий к итальянскому фашизму, проводя при этом параллели между ним и российским белым движением. При этом он считал, что "белое движение" в целом и несмотря на понесенное поражение, "шире" и "глубже" итальянского фашизма (его статья "О русском фашизме" - № 3).

В.В.Санов

РУССКОЕ СОРРЕНТО (1924-1933). С середины 1920-х и до начала 1930-х итальянский город Сорренто на берегу Неаполитанского залива стал местом притяжения русских писателей и художников. 23 апреля 1924 сюда приехал М.Горький с семьей и близкими (М.И.Будберг, художником И.Н.Ракицким), 9 октября к ним присоединилась литературная чета - В.Ф.Ходасевич и Н.Н.Берберова, пробывшие здесь полгода (до 18 апреля 1925). В Сорренто к Горькому потянулись писатели и художники, главным образом из советской России. Первые годы к нему приезжали из России лишь немногие представители творческой интеллигенции: в 1925 - художник П.П.Кончаловский, режиссер и театровед П.А.Марков, драматург Н.Р.Эрдман, режиссер В.Э.Мейерхольд и др. В 1925 и 1926 у Горького побывали люди, уже "чужие" и "получужие" для советской страны: находившиеся в эмиграции П.П.Муратов, М.А.Осоргин, Вяч.Иванов. Хотя Горький и не считался эмигрантом, с начала 1927 его упрекали за слишком затянувшееся заграничное житье: тогда резко прозвучало стихотворение В.Маяковского "Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому". Как признавались Ходасевич и Берберова, затишья и безлюдья не были свойственны дому Горького, здесь почти постоянно кто-то гостил: если не писатель или художник, то музыкант, певец, ученый, дипломат, велись творческие диалоги, рассуждения, споры. Здесь встречались люди разных творческих индивидуальностей, что было взаимно интересно, на какие-то моменты пересекались творческие биографии, рождалось "литературное Сорренто". В Сорренто делались попытки навести

"мосты" между "двумя берегами" культуры, все расходящимися, хотя Горький сам был втянут и в процесс резкого, конфликтного размежевания с конца 1920-х. Драматическая сложность событий соррентийских лет описана Ходасевичем, опубликовавшим воспоминания о Горьком в эмигрантской прессе вскоре после его смерти (СЗ. - 1937. - № 63. - С. 264-292; переизд.: Ходасевич В.Ф. Некрополь. Воспоминания. - Брюссель, 1939; Париж, 1976; далее цит. по изд.: Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. - М., 1997. - Т. 4). Правдивое воссоздание реалий литературного Сорренто позднее дала и Н.Н.Берберова, также их непосредственная свидетельница, в позднейших своих прозаических произведениях: "Курсив мой. Автобиография" (впервые на английском языке в 1969; далее цит. по изд.: М., 1996), а также документальном романе "Железная женщина: Рассказ о жизни М.И.Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях" (впервые: N.Y., 1981; рус. изд.: М., 1991).

Для Горького, как и для Ходасевича с Берберовой, конец 1924 начала 1925 были переломным периодом. В их отношениях - человеческих и творческих - главными были взаимоприятие и заинтересованность друг другом. Особенность момента заключалась в том, что все они были перед выбором. Ходасевичи еще не стали эмигрантами, а Горький не решался вернуться в СССР. Ходасевич вспоминал: "Я приехал в Сорренто и застал Горького на положении человека опального. Полпредство, недавно учрежденное в Риме, игнорировало его пребывание в Италии. Его переписка с петербургскими писателями откровенно перлюстрировалась ... В советских журналах о Горьком отзывались весьма скептически ... Сам Алексей Максимович говорил о большевиках с раздражением или с иронией: либо "наши умники", либо "наши олухи" ... Однако, когда в Сорренто приехал лечиться московский писатель Андрей Соболев, Алексей Максимович при нем считал нужным носить официальную советскую маску" (Ходасевич. - С. 365). В деловом общении Горького и Ходасевича главным оставался журнал "Беседа" (1923-25), задуманный еще в Берлине как попытка "сочетать эмигрантскую и советскую литературу" (Берберова. - С. 221).

В свой "соррентийский период" Ходасевич переживал кризис. "Сколько ни пробую писать, - замечал он в письме к Вяч.Иванову, - ничего не выходит ... "кризис формы" корнями уходит, конечно, глубже". Написанные в Сорренто три стихотворения "Соррентийские заметки" (ПН. - 1925. - 23 авг.) в последующие собрания стихов не

включал. В последний поэтический сборник Ходасевича "Европейская ночь" вошло, однако, стихотворение "Соррентийские фотографии", начатое в марте 1925 и законченное в феврале 1926. В Сорренто написан самый ранний из вошедших позднее в "Некрополь" мемуарных очерков Ходасевича "Брюсов". Как мемуарист Ходасевич считал недостойной "погребальную лесть" и говорил только правду. Горький оценил очерк о Брюсове, прочитанный ему автором, так: "Жестоко вы написали, но - превосходно. Когда я помру, напишите, пожалуйста, обо мне" (Ходасевич. - С. 182).

Для Н.Берберовой "соррентийский период" был во многих отношениях значительным. Не случайно, жизненные впечатления и решения этой поры стали основой ее прозы зрелых лет: "Курсив мой" и "Железная женщина". "Вблизи Горького" Берберова обрела опыт переводческой работы: ей принадлежала часть переводов на французский горьковских писем к Р.Роллану и переводов на русский писем Роллана к Горькому. Со злой иронией относясь к этой уникальной переписке, Ходасевич о переводческом посредничестве Берберовой сообщал М.О.Гершензону в декабре 1924: "Каждые две недели присылает он <Роллан> Горькому по письму, в котором, захлебываясь от саморекламы, ораторствует о Творчестве и Горизонтах. И все это в необыкновенно цветистых метафорах ... Несчастная Берберова, обливаясь потом, старается все это переводить так, чтобы французская Красота по-русски не обнаружила своего Пустословия. (Этим ужасным ремеслом она зарабатывает свой Хлеб!.." (De visu. - 1993. - № 5. - С. 38). Вместе с Максимом, сыном Горького, Берберова занималась домашним рукописным журналом "Соррентийская правда", пародировавшим советскую и эмигрантскую печать. В нем принимали участие все "русские соррентийцы". Максим Пешков его иллюстрировал, сопровождая тексты шутивными и карикатурными зарисовками. Берберова вспоминала, что здесь появились отрывки из ее первого прозаического произведения: "Роман в письмах": "Письма писались от лица девочки ... которая жила в доме Горького, куда на огонек заходили Тургенев и Пушкин. Все вместе гуляли, и обедали, и играли в дурачки с Достоевским" (Берберова Н. - С. 224). Полудневниковые записи Горького о Ходасевиче, сделанные вскоре после его отъезда в Париж, свидетельствуют не только о сложности его отношения к младшему современнику, но и пристальности внимания, высокой

оценке таланта. Не приемля негативизма Ходасевича ("Вне поисков "цветов зла" ум его ленив". - Горький М. Полн. собр. соч.: Варианты. - М., 1977. - Т. 5. - С. 694-695), Горький тут же оговаривает и неоспоримую ценность личности поэта и критика, продолжает вести с ним полемический диалог: "Хочет, чтоб люди боялись злого ума его ... В общем же - человек весьма интересный. Ко мне относится покровительственно и снисходя к "уродствам духа" моего. Находит, что я слишком "люблю верить". "Соррентийские итоги" в творческом воссоздании Ходасевича и Берберовой оказались значительными. И воспоминания Ходасевича, и главы "Курсива", связанные с Горьким, - лучшее среди многочисленных очерковых и мемуарных зарисовок Сорренто и Горького. Художественное зрение их авторов сохранило реалии творческой жизни писателя, его огромную самоотдачу в литературной работе. В частности об этом Ходасевич писал: "Свои рассказы случалось ему читать вслух сквозь слезы. Но когда спало это умиленное волнение, он требовал критики, выслушивал ее с благодарностью и обращал внимание только на упреки, пропуская похвалы ... Нередко он защищался, спорил, но столь же часто уступал в споре, а уступив - непременно садился за переделки и исправления. Так, я его убедил кое-что переделать в "Рассказе о тараканах" и заново написать последнюю часть "Дела Артамоновых" (Ходасевич.- С. 180-181). Мемуарный облик Горького на страницах "Курсива" - менее всего воссоздание прошлого. "Портрет" Горького представляет у Берберовой органическую часть ее "романа пути": "Между 1921 и 1925 годом он не поучал, он писал с максимумом свободы, равновесия и вдохновения ... Он написал семь или восемь больших рассказов как бы для себя самого, это были рассказы-сны, рассказы-видения, рассказы-безумства. "Артамоновы" оказались схождением с этой плоскости вниз, к последнему периоду" (Берберова. - С. 226).

Свои краски в творческую жизнь Сорренто вносили и приезжавшие художники. В октябре 1926 здесь были Борис Шаляпин, Н.А.Бенуа и Б.Д.Григорьев. Дважды и подолгу у Горького гостила художница Валентина Ходасевич - в 1925 и 1928. В 1918 она написала портрет Горького в экспрессионистической манере. В 1928 Горького посетил С.М.Коненков, сделавший его скульптурный портрет. В 1930 в Сорренто почти пять месяцев прожил художник Ф.С.Богородский, позднее называвшим это время "лучшим" в своей жизни. В 1931 благодаря хлопотам Горького состоялась поездка в Италию молодых

художников-палешан братьев П.Д. и А.Д.Кориных. Весной 1932 Павел Корин писал в Сорренто один из поздних портретов писателя, открывавший прославившую его портретную галерею деятелей искусства и науки. В 1932 Горький, возвращаясь из очередной поездки из СССР в Сорренто, пригласил с собой художника В.Н.Яковлева. Он, вспоминая позднее о совместных с Горьким посещениях музеев, картинных галерей, старых церквей, когда они были проездом в Берлине, а затем в Неаполе, подчеркивал, что писатель "поражал... широтой своих интересов" (Яковлев В.Н. Мое призвание. - М., 1963. - С. 88).

Убедительные свидетельства творческого единения с Горьким во время работы над его портретом остались в дневниковых записях Б.Д.Григорьева (Григорьев Б.Д. Страницы из дневника. Февраль-март 1926 // Горький и художники: Воспоминания. - М., 1964. - С. 95-96). В марте-апреле неаполитанские газеты помещали фотографии с портрета. Он экспонировался на XV венецианской "Бьеннале". Горький называл его своим лучшим портретом.

"Модель" литературного Сорренто в 1927 и 1928 включает две важнейших составляющих: собственно творчество и встречи - заочные (в многочисленных письмах на родину и зарубежным корреспондентам) и очные обсуждения разнообразных литературных вопросов, обмен мнениями, споры. Об этом хорошо сказано, хотя и с предельной краткостью Горьким в одном из июльских писем 1927 к Е.С.Короленко: "Живу я - в работе, нигде не бываю, сижу за столом 10-12 часов ... Бывают у меня люди из России, люди разных настроений, но рассказы всех будят только зависть ... к тому, что они живут в России" (Горький М. Соч.: В 30-ти т. - М., 1955. - Т. 30. - С. 532). В 1927 у Горького побывали Анастасия Цветаева и Б.М.Зубакин, Л.Леонов и В.Катаев. Эти встречи состоялись летом. Вскоре Л.Леонов писал: "Первое впечатление от Горького: неистребимая способность заражаться интересами и настроениями молодых, и еще - благословенная, юношеская жадность к жизни. Я видел у него на столе все наши журналы от "Красной нови" до "Батрачки" (Леонов Л. Публицистика. - М., 1976. - С. 5). Осенью с Горьким встречались Б.Волин, Н.Асеев, О.Форш. В письме Груздеву Горький 30 ноября сообщал: "Живется мне интересно, ибо приехала Форш" (Архив А.М.Горького. - М., 1966. - Т. 11. - С. 151). 12 декабря он ему же писал: "Форш уехала. Я с ней немножко поспорил по вопросу о Боге,

который, на мой взгляд, стесняет ее. Живет здесь Асеев, превосходно читая свои и чужие стихи" (там же. - С. 153). О важности для себя соррентийских впечатлений Форш не однажды потом писала Горькому (ЛН. - М., 1963. - Т. 70). Асеев описал свою зарубежную поездку в книге путевых очерков "Разгримированная красавица" (М., 1928). В 1928 в феврале в Сорренто были поэты И.Уткин, А.Жаров, А.Безыменский. Жарова поразила органическая связанность Горького с современной отечественной литературой: "Сидя в Сорренто, он знает о нашей новой литературе, не говоря о западной, больше любого из наших писателей ... Он прочитывает очень много даже книжек второстепенных. Знает авторов, только что начавших писать. Говорит о них любовно и жадно ищет у всех нового, отмечает с радостью все талантливое" (У Горького // Бакинский рабочий. - 1928. - 26 мая). Горький оказывал воздействие не только на тех писателей, с которыми он виделся в Сорренто, его влияние на литературный процесс на родине связано с обширнейшей перепиской. Его письма по разным поводам - с оценкой ли только что вышедшего произведения, либо того или иного факта - создания журнала, острой полемики - являлись событиями литературного быта. Важная тенденция переписки Горького со многими литературными критиками и писателями - противостояние политике диктата и окрика, "соображениям узко-групповых интересов", как скажет он в статье 1932 "По поводу одной полемики". Это на первом плане его переписки с А.К.Воронским как руководителем "Красной нови", с А.Фадеевым, Л.Л.Авербахом и др. Так, в один из самых напряженных моментов групповой борьбы среди рапповцев Горький писал Авербаху: "Афиногенов говорит, что Вы уже раздерганы вдребезги ... Я писал хозяину <И.В.Сталину>: нельзя ли несколько угасить страсти? Дело в том, что существует огромное количество крайне важной работы и сражаться с Серафимовичем - я не знаю, насколько сие полезно" (Примочкина Н. Писатель и власть. М.Горький в литературном движении 20-х годов. - М., 1996. - С. 125).

Поездки в Сорренто для советских писателей открывали возможности знакомства с русским зарубежьем, при существовавшей запретности этого. В "Курсиве" Берберова вспоминала, что приехавшей в Париж для встречи с дочерью О.Форш было запрещено общение с ней и В.Ф.Ходасевичем: о первом их свидании стало известно в посольстве, и писательница получила строжайший запрет.

Маловероятно, что во время "счастливого" для писательницы пребывания потом в Сорренто этот драматический эпизод не обсуждался, но он был связан с "потаенными", как их назвал позднее Ходасевич, сторонами жизни участников, оглашать которые оказывалось не в их интересах. Своеобразие очерка А.Цветаевой о ее зарубежной поездке 1927 в том, что в подцензурной форме молодая писательница смогла сказать нечто именно о сопряженности, вопреки резкости расхождений, двух "берегов" русской культуры. Зашифрованность ее мысли прочитывалась в двойном названии и фактически двойном портрете, который представлял очерк "Поездка к Горькому. Встреча с Мариной" (Цветаева А. Воспоминания. - М., 1983. - С. 643-708). "Странная" горячность горьковского расположения к младшей сестре, несомненно, обусловлена была печатлениями от ее "детски-ясной", "хорошей" настроенности, такой близкой ему: "он - бытийной струи. Чистой, движущейся, радующейся!" - так воспринимала его Анастасия Цветаева (там же. - С. 670). Но была в их общении и надежда на встречу с Мариной - с "иного берега". Встреча эта не состоялась, но тяга к ней Горького была фактом тонкой связи двух разошедшихся миров русской культуры.

На рубеже 20-х и 30-х Горький не раз заявлял свою позицию противостояния эмиграции. Один из самых болезненных примеров - полемика вокруг "письма писателям мира" "группы русских писателей" о "тюрьме для слова" в СССР, о преследованиях писателей. Этот "крик, раздавшийся из России", услышанный только эмиграцией, встревожил Р.Роллана. Горький на его запрос о подлинности письма заявил, что оно фальшивка, а писатели в СССР свободны и работают более успешно и плодотворно, чем до революции (опубликовано в мартовском номере "L'Europe" за 1928). И тем не менее это была только политическая позиция. Культурные же притяжения Горького к жизни русской эмиграции неизменно присутствуют в творческих исканиях, интересах писателя рубежа 20-х - 30-х. В переписке с И.А.Груздевым он часто упоминает о литературных и общественных событиях на "том берегу". 23 января писатель сообщал: "В Париже - шум, гремят витии..." Милоков грызет Гиппиус. Удивительно усердный старик" (Архив А.М.Горького. - Т. 11. - С. 166). Нередко Горький пересылал Груздеву, зная о его интересах к исследованию русско-европейских связей, вырезки из эмигрантских, а также итальянских газет по тем или иным

вопросам. Среди дневниковых записей конца 20-х намечается целая серия эскизных зарисовок представителей русской эмиграции: А.А.Яблоновский, В.Ф.Ходасевич, Б.Савинков, С.С.Юшкевич, Д.С.Мережковский, А.П.Кутепов (См.: Горький М. Полн. собр. соч.: Варианты. - Т. 5. - С. 687-716).

О постоянном внимании Горького к эмигрантской периодике, выходе в Париже новых книг упоминает в "Курсиве" Берберова. Показательно ее свидетельство о том настоящем потрясении, которое Горький пережил, прочитав только что появившуюся "книгу последних рассказов" Бунина: "Все было оставлено: работа, письма, чтение газет. Горький заперся у себя в кабинете, к завтраку вышел с опозданием и в такой рассеянности, что забыл вставить зубы... - Понимаете... замечательная вещь... замечательная... - больше он ничего не мог сказать, но долго после этого он не притрагивался ни к советским новинкам, ни к присланным неведомыми гениями рукописям. Бунин был в эти годы его раной: он постоянно помнил о том, что где-то жив Бунин, живет в Париже, ненавидит советскую власть (и Горького вместе с нею), вероятно - бедствует, но пишет прекрасные книги и тоже постоянно помнит о его, Горького, существовании" (Берберова Н. - С. 218). Интерес Горького к эмиграции был связан и с главным творческим трудом писателя соррентийских лет - "Жизнью Клим Самгина". Поставив задачу показать в романе-хронике идейную "суматоху" начала XX в., писатель не мог пройти мимо новых проекций тех исканий, которые определились в своей сложности на рубеже веков. Так, в личной библиотеке Горького сохранились с его пометами эмигрантские издания книг Б.П.Вышеславцева и Н.А.Бердяева. Известно, что к эмигрантским воспоминаниям Горький обращался при воссоздании исторического колорита и реалий в "Жизни Клим Самгина" (к кн. В.В.Шульгина "Дни". - Белград, 1925). О Горьком - большом писателе и друге Италии - писали в его соррентийскую бытность Грация Деледда, Сибилла Алерамо (очерк "С Горьким в Сорренто" вошел в ее кн. "Случайные радости", 1930), М.Пуччини (русские переводы см. в кн.: Груздев И. Современный Запад о Горьком. - Л., 1930). На итальянском языке выходят "Детство", "В людях", "Пьесы", "Трое", "Бывшие люди", "Заметки и дневники. Воспоминания", первый том "Жизни Клим Самгина". Одним из первых, кто приезжал к писателю в Сорренто, был проф. Римского университета, славист Ло Гатто. С

ним связывала Горького также переписка. В июле 1924 Горький писал Е.П.Пешковой, прося прислать три только что вышедших книги Л.Леорова: "Я тут затеваю широкую информацию Италии о русском искусстве, главным образом о литературе, т. е. не я, а Ло Гатто" (Архив А.М.Горького. - М., 1966. - Т. 9. - С. 237). Общение с Горьким раскрывало итальянскому исследователю панораму развития русской литературы 20-х. Это получило отражение в ряде номеров издаваемого им тогда журнала "Россия" ("Russia").

И.А.Ревякина

"САТИРИКОН" (Париж, 1931. - 4 апр. - 15 окт. - № 1-28) - сатирический еженедельник, изд. - ред. М.Г.Корнфельд. Журнал продолжил традиции своих предшественников: издававшихся в Петербурге сатирических еженедельников "Сатирикон" (1908-1914) и "Новый Сатирикон" (1913-1918). Издателем первого из них тоже был М.Г.Корнфельд, сплотивший вокруг журнала молодых писателей и художников, среди которых были А.Аверченко, А.Радаков, Саша Черный, П.Потемкин, Н.Ремизов, А.Яковлев, Н.Тэффи и др. Журнал сыграл в русском дореволюционном обществе "неожиданную для сатирического издания роль", создав, по словам П.Потемкина, "направление в русской литературе и незабываемую в ее истории эпоху" (Последние новости. - 1925. - 15 марта).

Судьбы сатириконцев оказались разными: А.Аверченко, Н.Тэффи, Саша Черный, П.Потемкин, В.Горянский, Н.Ремизов, А.Яковлев, Дон-Аминадо, С.Горный и др. эмигрировали. А.Радаков, В.Князев, В.Воинов, Б.Жиркович, Е.Венский, И.Гуревич, Г.Ландау остались на родине. А.Бухов, издававший в Каунасе газету "Эхо", впоследствии вернулся в Россию, но был репрессирован в 1930-х. Такая же участь постигла В.Князева.

Эмигрировал и издатель "Сатирикона" М.Г.Корнфельд. Обосновавшись в Париже, он решил воскресить полюбившийся России еженедельник. Так, появился на свет третий, парижский, "Сатирикон". По замыслу редактора, это было издание, "нисколько не отличающееся от своего прототипа" (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Ед.хр. 11). На обложке первого номера А.Шарый (псевд. Ю.Анненкова)

изобразил российского эмигранта возле Эйфелевой башни. Тщедушный, но с одухотворенным лицом, с маленьким саквояжем, на котором красуются наклейки: "Тула-Москва-Берлин-Париж", со связкой книг Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, он напоминал чеховского героя. Подпись под рисунком это подтверждала: "Мы отдохнем, дядя Ваня! Мы увидим небо в алмазах... Мы услышим пение ангелов над собою..."

Так был задан тон новому изданию, далеко не созвучному прежнему, несмотря на заверения редакции об их духовной близости. В редакционном предисловии к № 1 говорилось: "Я, Божьей Милостью "Сатирикон" Первый, сын Кая Петрония и внук Минервы, рожденный в Древнем Риме еще при старом режиме, но изгнанный, как обычно, и возникший вторично - на Неве, на Фонтанке, недалеко от Охранки, несмотря на каковую лил струю живую, но не думайте дурного, а в лучшем смысле слова, пока не был изгнан снова! По декрету Владимира Ильича в припадке прогрессивного паралича. И ныне на рубеже столетий я, Первый, Второй и Третий, меж молний, как гром весенний, возникаю опять на Сене не душкой, а злым уродом и иду на вас походом".

В первом номере редакция поместила стихотворение Саша Черного "Сатирикон" ("Над Фонтанкой сизо-серой") и статью, посвященную памяти А.Аверченко и П.Потемкина. Отдав должное предшественникам, сатириконцы попытались заменить их на поприсе политической сатиры. В стихотворениях Дон-Аминадо (иногда под псевд. К.Страшноватенко), С.Рафаловича, В.Павлова, фельетонах А.Амфитеатрова громко зазвучала антибольшевистская тема. Высмеивая советскую действительность, эти авторы обыгрывали тему болезни В.И.Ленина, невежество большевистских политиков, провалы экономической политики, гримасы нового быта.

Оторванные от родины, авторы парижского "Сатирикона" могли судить о жизни в СССР только понаслышке. Поэтому в фельетонах и юморесках чаще всего использовались газетные новости. В.Азов в фельетоне "Коловращение времен" сопоставлял петроградскую жизнь красного вождя Л.Троцкого и его эмигрантские будни. Теоретик "перманентной революции", мечтающий зажечь революционный пожар во всем мире, теперь смертельно боится огня в собственном доме (№ 2. - С. 3). Юмор положений преобладает в "Сатириконе" над комизмом характеров и сатирической типизацией.

Темы советской жизни в основном раскрываются с помощью сопоставления ситуаций: старое и новое.

Дон-Аминадо чаще прибегает к пародийному пересказу, используя при этом стилистику советской печати. Рассказывая о подготовке Международной колониальной выставки в Париже, он сетует, что "советская аллея" может пройти через Венсенский лес. В изображении Дон-Аминадо вся советская жизнь - сплошная комедия, действующие лица которой - буйно и тихо помешанные. Иной тональностью отличается желчная сатира Саши Черного, напоминающая его дореволюционные произведения из цикла "Всем нищим духом". В "Сказке про красного бычка" он изображает Советскую Вотчину, в которой нет места веселью. Под его безжалостным пером возникает образ России времен политических процессов над "вредителями". Первая пятилетка в изображении Саши Черного - "пошехонский, планетарный шиш". Ее крахом он объясняет возникновение политических процессов и гонение на интеллигентов, которых он именует Святыми Дурнями. Поэт убежден, что азиатчина власти в России все та же, что и сотни лет назад, когда татары пировали на живом помосте из пленных русских.

Однако, ни Саша Черный, ни туповатый Антиной Килькин, высмеивающий решения XII съезда Советов, ни легкомысленный К.Страшноватенко (Дон-Аминадо), ни С.Сергеев, ни Ф.Гургулин, ни В.Павлов в политической сатире не поднимались до высот подлинного искусства. Исключение составили талантливые карикатуры А.Шарого и подписи к ним. Начиная с № 5 в "Сатириконе" появилась портретная галерея "К уразумению смысла русской революции", графика и мастерство исполнения которой столь же выразительны, как в известных "Портретах" Ю.Анненкова. Образы советских политических и общественных деятелей, писателей и публицистов, составившие эту галерею, комически снижены, окарикатурены. В кривом зеркале сатиры А.Шарый увидел А.В.Луначарского, Н.К.Крупскую, двух Наполеонов: К.Ворошилова и С.Буденного, проткнувших земной шар штыком. Остроумные подписи усиливают сатирическое разоблачение. Портрет наркома просвещения А.В.Луначарского сопровождается стихотворным шаржем: "Он Аполлон. Он Феб. Он Анатолий. Он драматург. Поэт. И беллетрист. Он наш Фоблаз. Он наш король Павзолий. И вообще большой социалист".

Не менее выразительны портреты Демьяна Бедного, сидящего перед пепельницей, сделанной из головы Некрасова, наркома торговли А.И.Микояна, бросающего на чашу весов серпы и молоты, и, конечно, "факира" И.Сталина, превращающего СССР в рай с помощью "тайн красной магии". В № 9 помещена карикатура под заглавием "Универсальный план". На ней изображена Россия, истекающая кровью, т.к. ее пронзил серп в виде цифры 5. Подпись пародирует речь Сталина: "Россия может исчезнуть, но пятилетка должна быть выполнена на все 100%". В № 16 А.Шарый изображает Сталина, поливающего из лейки последнего нерасстрелянного "спеца". Так выражается его забота о сохранении ценных кадров. Колоритны портреты генерального прокурора республики Советов Крыленко на фоне морга и крематория, матроса Дыбенко в кабинете под портретами Ленина и двух обнаженных девиц или наркома иностранных дел М.М.Литвинова, закладывающего бомбу под столом на заседании Лиги наций в Женеве.

Другая портретная галерея, тоже принадлежащая Ю.Анненкову, называется "К уразумению смысла русской эмиграции". Ожесточенные споры о миссии и предназначении российской эмиграции, характерные для 1920-х, к 1931 заметно утихли, а на страницах "Сатирикона" стали звучать откровенно юмористически. Веселый смех вызывают русские изгнанники, плывущие на лодке по Сене мимо Собора Парижской Богоматери с разудалой песней "Вниз по матушке, по Волге". А.Шарый именует их "неисправимыми". Эти же неисправимые оптимисты, вспоминая доброе старое время, вздыхают: "Кабы Волга-матушка да вспять побежала, / Кабы можно, братцы, жизнь начать сначала!" В карикатуре "Воспоминанья прежних дней" они же упиваются звуками шарманки: "Разлука ты разлука, чужая сторона". Главный герой журнала - плачущий Илья Ильич Обломов, который оплакивает букву "ять". Дореволюционная Москва возникает то на старых фотографиях, то в рубрике "Семь дней "Сатирикона", то в рисунках М.В.Добужинского "Города и годы". Воспоминанья прежних дней звучат как навязчивый, постоянно присутствующий в "Сатириконе" мотив. Советский Кремль, если и появляется на страницах журнала, то только для того, чтобы напомнить о каком-нибудь "новом кошунстве" большевиков. Таков вид Кремля от Спасской башни, под которым пояснение: "Вдали виден обреченный на слом храм Христа

Спасителя". Сатириконцы постоянно пользуются образами из популярных произведений русских классиков, перепевами известных строк Некрасова, Чехова, Гоголя, Тютчева. Чеховский мотив, но уже во французской оркестровке возникает на обложке № 12 "Сатирикона" ("А.Чехов и А.Ситроен"), а тютчевская строка "Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые" сопровождает рисунок А.Шарого: солидный банкир раскуривает сигару от пламени мирового пожара.

Горестная или светлая самоирония постоянно присутствует во всех произведениях сатириконцев, посвященных эмигрантской жизни: в рассказах А.Ремизова, Саши Черного, А.Ладинского, в рассказах и стихах В.Горянского, Дон-Аминадо, в очерках Вл.Ходасевича или "Мемуарах эмигрантской бабушки" Н.Городецкой. Смысл существования русской эмиграции все больше сводился к сохранению старой культуры и быта. Поэтому в журнале значительное место отводится зарисовкам дореволюционной России в рубриках "Города и годы", "Гримасы большого города", "Москва" (рисунки Ф.Рожанковского, М.Добужинского, Б.Зворыкина).

Желчные сатиры и политические фельетоны соседствуют на страницах "Сатирикона" с философскими ламентациями, лирическими или пейзажными зарисовками. Нагляднее всего эту тенденцию можно проследить в творчестве Саши Черного и В.Горянского. В стихотворении "Семь чудес света" Саша Черный славит землю, наслаждаясь общением с птицами, животными, деревьями в медонской чаше. Природа отвлекает его от мыслей о политике, о тесной парижской квартирке, где приходится "свой хлеб насущный жевать с колбасою". Светлая ирония сменяется доброй улыбкой и полудетской проказливостью. Не удивительно, что Саша Черный то и дело обращается к детской теме: то в воспоминаниях об Одессе, то в рассказе "Буба", то в стихотворении "На Трубе", где воскресает во всей своей жизненной осязаемости птичий рынок на Трубной площади в Москве.

Приметы старого быта не менее дороги сатириконцам, чем чудеса природы. Тема быта, заслонившего собой бытие, постоянно присутствовала в петербургском "Сатириконе". В Париже с сатириконцами произошло обратное: все детали старого русского быта окрасились романтическим ореолом. То, что раньше было источником ядовитого осмеяния, превратилось в предмет любования

и грусти о былом. На фоне скудного эмигрантского житья-бытья даже расписная чашка для сметаны стала казаться символом мечты. Это особенно характерно для творчества В.Горянского, мечтающего, чтобы "паутинки счастья" сплелись, наконец, в ткань, согревающую душу. Его сатириконские произведения окрашены чувством ностальгии ("Ушел российский быт, домов зияют окна"). Горький опыт эмигрантских скитаний заставил переоценить само понятие "мещанское счастье". Его атрибуты - канарейка, герань, крутобокий сундук и, конечно же, самовар - приобретают не сатирическую, а романтическую окраску. Идеалом Горянского становится Хозяин "с холщевым зонтиком в руке". Поэт любовно живописует предметы домашнего обихода, где каждая вещь напоминает о незыблемости традиций, о крепости и жизнестойкости старой Руси. В стихотворении "Да будет!" он закликает: "Да будет все, что раньше было!".

Та же тоска о прошлом слышится в стихотворениях Дон-Аминадо, развивающего в № 10-20 темы весны, любви, зеленого рая на берегу моря, бездумного летнего отдыха ("Человек с чемоданом", "Простые желания", "Морской рассказ" и др.). Его герой - маленький человек, кочующий по Европе с парусиновым чемоданчиком и большой связкой книг. Он мечтает жить в лесу отшельником, как некогда герой Саши Черного, подражавший лейтенанту Глану. Но жестокая действительность возвращает к реальности. Как и Горянский, поэт обращается к воспоминаниям о безвозвратно потерянной России. Все, что было на родине, кажется ему исключительным и неповторимым. Время от времени Дон-Аминадо, попытавшийся заменить в парижском "Сатириконе" А.Аверченко, вспоминает об обещании редакции разоблачать зло и бичевать провинившихся. Он обращается к эмигрантам с призывом забыть прошлое и жить настоящим. Тем не менее большая часть номеров журнала заполнялась рассказами о том, что было. В "Анекдотической копилке" с подзаголовком "Доброе старое время" А.Амфитеатров вспоминал курьезные случаи из жизни знаменитостей: Ф.Плевако, В.Чернова, Д.Мережковского, З.Гиппиус, М.Ковалевского, В.Ключевского, А.Кизеветтера, П.Пильского. Г.Иванов печатал анекдоты и шутки 1910-20-х в юмореске "Непрофессиональная юмористика", А.Черный в стихотворении "Кукуруза" смаковал давно забытые запахи бессарабского базара. Уразумение "смысла русской

революции" привело сатириконцев к переоценке ценностей, которая свелась, главным образом, к оправданию быта.

В ряде номеров парижский "Сатирикон" отдал должное дискуссии о языке, которая велась на страницах эмигрантской печати с 1920-х. Сатириконцы охотно пародировали искаженную неологизмами речь большевистских лидеров, ударников, писателей. Полемизируя с советской прессой, "Сатирикон" печатал выдержки из "Красной газеты", из произведений Ю.Либединского и Б.Пильняка, приглашал на прогулку "по садам советской словесности" (№ 10). Однако, собственная речь русских в эмиграции, обильно оснащенная архаизмами, смешанная с французскими, немецкими, английскими словами и оборотами, тоже нередко делалась предметом насмешки.

Развивая традиции своих предшественников, сатириконцы выпустили несколько тематических "специальных" номеров: "колониальный" (№ 15), "купальный" (№ 19), посвященный дням русской культуры (№ 8). В первом из них рассказывалось о международной колониальной выставке в Париже. В центре номера красовалась карикатура А.Шарого, изображающая негра, держащего в зубах "Азбуку коммунизма" и сочинения Ленина. Здесь же Черный подробно описывал свое посещение выставки, по которой он ходил "со сконфуженной улыбкой". Все материалы номера объединялись одним политическим мотивом-разоблачением "колониальной политики" Сталина и критикой пресловутого советского демпинга. Диссонансом звучали лишь юморески Дона-Аминадо, выступившего в номере под тремя разными псевдонимами. Более удачным оказался летний "купальный" номер. Остроумный рассказ В.Горянского "История с пузырями" дополнялся рисунком А.Шарого из серии "К уразумению смысла русской эмиграции", а рассказ Дон-Аминадо "В поисках высоты и уровня" - лирической сатирой А.Черного "У моря". Но в целом тематические номера парижского "Сатирикона" не достигали даже среднего уровня нашумевших "специальных" номеров дореволюционного журнала. Так, выпуск, посвященный дням русской культуры, заполняли пародии на производственные рассказы и перепевы произведений Некрасова, Д.Бедного, О.Генри. Недостаток материала побудил сатириконцев начать с № 5 перепечатку романа Ильфа и Петрова "Золотой теленок". Что касается коллективного романа "Экспедиция сатириконцев на колониальную выставку", он так и не продвинулся дальше третьей главы.

Наиболее заметным явлением в журнале можно назвать

пародийные рассказы господина Тошенко, которые принадлежали Валентину Горянскому. Начиная со второго номера, он систематически печатал свой "Альбом пародий", так и не вышедший в свет отдельным изданием. Выступив под маской господина Тошенко, писатель не просто напомнил читателям о существовании талантливого советского писателя М.Зошенко. Пародийный перепев был способом разоблачения всемирного обывателя. Герой Горянского - рядовой эмигрант, пытающийся хоть как-то выделиться из толпы. Он рекомендуется как поклонник науки и искусства, знаток жизни и даже философ. Вместе с тем он вовсе не похож на "вымирающий осколок" российской интеллигенции, о котором писала советская печать. По словам Горянского, он даже страдает от своей веселости. "Эмигрант должен быть подавлен гибелью просвещенного абсолютизма. И ходить понуро", - уверяет он (№ 11. - С. 2). Господин Тошенко добродушно посмеивается над собой и окружающими, над несурзой судьбой, нечаянно забросившей его в Париж.

Интонации живой разговорной речи, способ типизации при создании образа-маски с помощью речевого сказа, осязаемый иронический тон - все это напоминает творческую манеру М.Зошенко в "Рассказах Назара Ильича, господина Синябрюхова" или в "Веселых рассказах". Образ рассказчика у Горянского столь же колоритен, как у Зошенко, но ориентирован не на советскую действительность эпохи нэпа, а на жизнь эмигрантской колонии с ее скудным бытом и глобальной переоценкой ценностей.

Среди пародий и эпиграмм, которым "Сатирикон" уделял немало места на своих страницах, выделяется остроумный "Литературный альбом" Л.Эндена. В нем были представлены шаржированные портреты виднейших деятелей эмиграции. А.М.Ремизов рекламировался как "Махатма Ганди из Пасси и автор "Взвихренной Руси". О Г.В.Адамовиче говорилось: "Он судит зло, но беспристрастно, / И не опасен в смысле зла. / Но в Адамовиче опасно / Не осужденье, а хвала".

Не уступал "Литературному альбому" в остроумии "Симфонический альбом" А.Шарого. Одним из его перлов был фотомонтаж, изображающий С.Рахманинова в экстазе творчества: "Руками грома извлекаю, Ногой педали нажимаю, Я - Рах! Я - Мах! Я - Ни! Я - Нов!" Подписи под рисунками А.Шарого и Л.Эндена были, как правило, анонимны. По свидетельству М.Корнфельда, под "анонимом" следовало разуметь "плод коллективного творчества"

(РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Ед. хр. 11). На страницах "Литературного альбома" выступал порой А.Амфитеатров, который "не в обиду, а любя" пародировал М.Алданова, Г.Газданова, Н.Рощина, В.Сирина (Набокова), Н.Берберову и др., подписываясь собственным именем. Не чуждался пародий и Дон-Аминадо, высмеивая "Солнечные рассказы" советского писателя Д.Четверикова, опереточные спектакли и клубные инсценировки ("Сон кооператора", "Мудрый младенец").

По словам М.Г.Корнфельда, "на долю "Сатирикона", третьего по счету, выпал большой и заслуженный успех" (там же). Действительно, уровень и мастерство комического были достаточно высоки в произведениях маститых сатириконцев, сохранивших прежние традиции (А.Черного, В.Горянского, Дон-Аминадо и др.), а также в рассказах А.Ремизова, М.Алданова, Г.Адамовича (Ата-Троль) и др. Иногда в журнале выступали писатели и поэты, для творчества которых сатира и юмор были не характерны. Так, В.Ходасевич напечатал в "Сатириконе" одно единственное произведение, посвященное дню русской культуры в Париже ("Подслушанные разговоры"). Эпизодическим оказалось и участие З.Гиппиус под псевдонимом Антон Крайний. В фельетоне "Проклятые вопросы" она утверждала, что лично для нее существует только один проклятый вопрос: почему в эмиграции "все наши писатели талантливы"? (№ 25. - С. 4). Иронию Гиппиус, прозвучавшую в этом фельетоне, можно понять: на страницах "Сатирикона" не раз появлялись бесцветные маловыразительные произведения, незамысловатые шуточки и просто старые анекдоты.

Пытаясь соперничать с Аверченко, Аминад Петрович (Аминодав Пейсахович) Шполянский выступал в парижском "Сатириконе" под разными псевдонимами: Дон-Аминадо, К.Страшноватенко, Апоплексий Барбаросский, С-о, Маргарин Пармский, Антиной Килькин. Не исключено, что ему принадлежат и некоторые из нераскрытых псевдонимов: Ф.Сурдинкин, Чарли Цаплин, Робин Гуд, Кривой Джимми. Он же составлял разделы "Волчьи ягоды", "Перья из хвоста" и "Почтовый ящик". Но в отличие от аверченковских псевдонимы А.П.Шполянского не индивидуализированы и не скрывают устойчивой сатирической маски.

Редакция пыталась привлечь к сотрудничеству не только старых сатириконцев и известных писателей, но и литературную молодежь,

проявившую себя, главным образом, в эмиграции: А.Ладинского, Н.Берберову, И.Одоевцеву, Н.Городецкую и др. Но выступив в журнале один или два раза, они больше не появлялись на его страницах. Со временем становилось все труднее составлять номера "Сатирикона", и хотя была объявлена подписка на 1932, его последний номер вышел в октябре 1931. Едва ли не половина 27 номера состояла из произведений самого редактора, подписавшегося К.Страшноватенко, Дон-Аминадо, Апоплексий Барбаросский. Это свидетельствовало о нехватке материала и финансовых затруднениях. В воспоминаниях "Поезд на третьем пути" Дон-Аминадо писал: "Бился в этом, третьем "Сатириконе", живой пульс, и отличное было у него кровообращение, и мог бы он жить и жить, а вот что-то около года просуществовал, а потом взял да помер. Друзья говорили - денег не хватило, враги говорили - юмор был, а юмористов как кот наплакал. Плакал он, очевидно, недолго, и сдается мне, что на этот раз враги были правы" (С. 343).

Ноты пессимизма и обреченности, прозвучавшие в последних номерах, неоднократно слышались в парижском "Сатириконе". Вместо "краснощекого юмора" на его страницах поселился невеселый эмигрантский смех, окрашенный налетом ностальгии. Несмотря на уверения редакции и внешнее сходство, третий "Сатирикон" не был копией своих предшественников. И в этом его главное достоинство. Он остался в истории журналистики единственным сатирическим органом, отразившим в своем кривом зеркале жизнь русского Парижа. Несмотря на свою недолговечность журнал, по выражению Р.Гуля, можно рассматривать как "послание для будущего, эстафету для будущего" (Глэд Дж. Беседы в изгнании. - М., 1991. - С. 40).

См. также: Иванов А. Парижский "Сатирикон" // Евреи в культуре русского Зарубежья. - Иерусалим, 1995. - Т. 4. - С. 208-219.

Л.А. Спиридонова

"СВОИМИ ПУТЯМИ" (Прага, 1924. - окт.-нояб. - 1926. - июнь. - № 1/2 - 12/13) - литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал. Пять номеров журнала вышли с грифом: "Издание Русского демократического студенческого

союза в Чехославакии" и под ред.: Н.А.Антипова, А.А.Воеводина, А.К.Рудина, С.Я.Эфрона. Ответственный редактор журнала Ю.Пак.

В редакционной статье, намечавшей программу издания, говорилось: "Мы демократы и патриоты. И потому мы за возрождающуюся Россию и против ее сегодняшней власти. Наш патриотизм выкован борьбой за Родину, и его горение поддерживается тем, что мы знаем, - Россия все-таки есть!" (№ 1/2. - С. 1).

Ф.Степун в своем письме, адресованном С.Я.Эфрону и опубликованном на страницах журнала, находил глубокие совпадения между лагерем "отцов" и лагерем "детей", идущим "своими путями". Он подчеркивал, что в его "Мыслях о России" так же поставлены "тема Родины, как онтологического начала, и тема недостаточности ощущения этого начала в рядах революционной демократии" (1925. - № 3/4. - С. 25). Ф.Степун писал: "...проповедь культурного братания между эмигрантским и советским фронтом... представляется мне весьма желательной. С самого начала своего пребывания в эмиграции я бьюсь над разрешением этой же проблемы. М.А.Осоргин стучится в ту же дверь. Уверен, что общими усилиями мы добьемся желанных результатов" (там же). "Культурное братание", ставшее одной из доминантных идей журанала, было начато в статье А.Осокина "Грозные всходы" (№ 1/2, 5) о "красной" и "буржуазно-меньшевицкой" молодежи в России. Автор обзора "По советским журналам", подписанного инициалами А.Т., утверждал, что провозглашение особого пролетарского искусства, "как невежественного утверждения полуграмотности на развалинах былого великолепия, вопреки вульгарному мнению, не является характерным для художественной жизни Советской России в целом", а взгляд на настоящую эпоху, как на переходную, трагическую, но необходимую и открывающую "вход в новую эру", не представляется плодом больной фантазии (№ 1/2. - С. 17).

России был посвящен № 6/7 (май-июнь 1925). Поэзия была представлена стихотворениями С.Есенина, Н.Тихонова, Н.Асеева, Л.Лесной, а проза - рассказом Вс.Иванова "Дите", отрывком из повести А.Яковлева "Терновый венец", рассказом М.Зоценко "Аристократка" и "Воздушными путями" Б.Пастернака. В статье "Мысли о современной русской литературе" А.Бем высказал идею о бессмысленности деления литературы на "эмигрантскую" и

советскую", ибо существует единый русский литературный язык. Кто не слышит современности, утверждает критик, тот не будет никогда большим писателем. Однако необходимо отличать сегодняшнее от современного: "у "сегодняшнего" - нет измерения во времени, оно умирает завтра, а "современное" живет во временных масштабах эпохи" (с. 20). А.Бем предложил разделение литературы "вчерашнего" и "сегодняшнего" дня и отметил, что "вчерашних" писателей можно найти и в эмиграции, и среди живущих в России, так же как в эмиграции безусловно есть свое литературное "сегодня", хотя оно ярче и определеннее сказывается в России. Очень не благоприятны условия, в которых приходится работать и пробиваться молодому писателю за границей. Часть вины здесь и на тех, полагает критик, "кто так восторгается молодым и талантливым в России и так глух к молодому и часто столь же талантливому здесь, у себя под боком" (№ 6/7. - С. 22). А.Туринцев в статье "Поэзия современной России" выделяет трех поэтов - Пастернака, Есенина и Тихонова. Пастернак вне времени, но больше - для будущего; он мыслит чувством, каждое впечатление стремится дать "таким, каким оно есть в момент, когда человек, окунаясь в жизнь, слушает себя", а каждую "былинку, каплю влаги дает как микрокосм, в котором полное дыхание и вся загадка бытия" (№ 6/7. - С. 25). Основная тональность поэзии Есенина - широкое, но элегическое приятие всего земного ("в радости убогой") под знаком его тленности - перебивается взрывом бунта. Другая "излюбленная струна его лиры" - Родина, Русь. Есенин - хулиган, скандалист, бунтарь, по-русски сочетается в одно с Есениным тихим и религиозным, порывающимся к Божеству. Бунт поэта, утверждает критик, неизбежно вспыхнул бы в нем во всякое время, но на нем - печать современности: "дисгармоничная эра революции в сплаве с дисгармонией личной придает схватке двух миров в драме Есенина значение общей изживаемой реальности" (там же. - С. 26). Боец, скупой повествователь о многотрудных днях войны, Тихонов просто, без натуги явил ее лик, показал, как закаляются души в повседневности подвига, вскрыл психологию обреченности и одиночества людей, многие годы живущих под знаком смерти. Все сетования на оскудение русского поэтического слова несправедливы, если поэзия отвечает такими крупными именами, делает вывод А.Туринцев.

Литературная часть журнала традиционно открывалась стихами. Здесь были опубликованы: "Хвала богатым" и "Эмигрант"

М.Цветаевой, "Пересветы" К.Бальмонта, стихотворения И.Кнорринг и молодых поэтов, входивших в пражский литературный кружок "Скит поэтов". Имена всех кружковцев были представлены в журнале. Это - А.Туринцев, С.Рафальский, Н.Болесцис, А.Фотинский, Б.Семенов, Хр.Кроткова, Р.Спинадель. Их руководитель А.Бем в статье "Скит поэтов" (№ 12/13) заметил, что объединяло всех не единство литературных симпатий, а желание выявить свою поэтическую индивидуальность, не втискивая ее заранее в ту или иную школу. Читатели журнала также могли познакомиться с творчеством участников Союза молодых поэтов в Париже: В.Андреева, А.Гингера, Д.Кнута, А.Ладинского, С.Луцкого и Ю.Терапиано.

В журнале были опубликованы рассказы М.Иванникова "В степи", Н.Болесциса "Случай из жизни мистера Вальдтона", Г.Газданова "Гостиница Грядущего", С.Долинского "Предел", Н.Еленева "Гость", Б.Сосинского "Устирсын", И.Тидемана "Концы", кн. К.Чхеидзе "Повесть о Дине", С.Эфрона "Видовая", А.Воеводина "Корпусное заведение", фельетон Евг.Недзельского "О маятнике мод, Млечном Пути и беспощадном крыле", исторический анекдот И.Каллиникова "Как царь вором был", а также рассказ К.Чапека "Трое" (пер. И.Каллиникова). При этом № 12/13 журнала в большей своей части был посвящен произведениям молодых писателей и поэтов русского зарубежья. В статье "Парижские молодые поэты" Ю.Терапиано сочувственно и заинтересованно обращался к творчеству Б.Божнева, В.Познера, В.Андреева, Д.Резникова, С.Луцкого, А.Гингера - поэта "своеобразного и острого", "одаренного от природы слухом, глазом и внутренней музыкой" (№ 12/13. - С. 45). Критик отметил близость поэзии Ант.Ладинского творчеству О.Мандельштама, а Д.Монашова - поэзии С.Есенина; он выделил и библейскую торжественность Д.Кнута, натолкнувшегося на "клад религиозно-лирического подхода к Высшему", и своеобразный, "темный", "предчувствующий значение вещей" язык поэзии В.Мамченко - постоянное стремление поэта проникнуть к "познанию космических проблем" (там же). Среди молодых поэтов Ю.Терапиано отметил А.Присманову, И.Кнорринг и Н.Борисову. Весьма критически отозвался о молодых поэтах, печатавшихся в журнале, И.Бунин, назвавший их "пражскими комсомольцами" (Возрождение. - 1926. - 22 июля).

На тему "Русские писатели о современной русской литературе и

о себе" высказались: М.Алданов, А.Ремизов, Ф.Степун, М.Цветаева, Е.Чириков, И.Шмелев, Б.Зайцев, Д.Крачковский, С.Минцлов, М.Слоним, В.Ходасевич. М.Алданов заметил, что деление литературы по географическому рубежу советской России неправильно и основано на случайности. Вопрос о том, что хуже: рабство или изгнание, каждый решал по-своему, часто в зависимости от случайных обстоятельств. "Из двух зол нужно выбрать меньшее; я не думаю, что о своем выборе должны пожалеть писатели-эмигранты. Они все продолжали, здесь делать свое дело и не одна книга, написанная за границей, останется в истории русской литературы" (1925. - № 8/9. - С. 4). А.Ремизов высказал пожелание, чтобы русские писатели "научились у здешних больших мастеров и, не спеша, сделали бы образцы русской литературы" (с. 5). Ф.Степун подчеркнул, что с первых своих выступлений в эмиграции он упорно защищает мысль, что подлинная творческая Россия одинаково чужда как большевистскому коммунизму, так и "эмигрантщине", что делить русскую литературу на "эмигрантскую" и "советскую", в сущности, бессмысленно, что в "советской литературе" надо различать "агитмакулатуру" сегодняшнего дня и подлинную литературу, исполненную пафоса современности. Подлинными художниками среди советских писателей ему представляются те, которые поняли, что "смысл взрыва всех смыслов не в коммунистическом строении новой жизни, а во взлете жизни над самою собой; подлинное искусство всегда метафизично, как по своему корню, так и по своему устремлению" (с. 7). М.Цветаева высказала свои, ставшие очень известными, мысли о том, что родина не есть условность территории, а "непреложность памяти и крови". "Не быть в России, забыть Россию - может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, - тот потеряет ее лишь вместе с жизнью" (с. 7). Кроме того, "писателю там лучше, где ему меньше всего мешают писать (дышать)" (там же). В России крупнейшим из поэтов и прозаиков М.Цветаева назвала Б.Пастернака, "давшего не новую форму, а новую сущность, следовательно - и новую форму" (с. 8). Е.Чириков убежден, что все таланты в современной России не "коммунистического крещения", которое "рождает в литературе только плевелы, подлежащие в будущем огню забвения" (с. 9). И.Шмелев не согласен с утверждением, что у зарубежных писателей все в прошлом и связь с родной жизнью утрачена, а источник их сил пропал. Ибо писатели работают и смысл их творчества - Россия. Надо помнить, что утратив

Россию, "мы вошли в Европу. Нас узнают, и мы узнаем многое" (№ 8/9. - С. 9). Поэтому итоги подводить рано. Разговор о двух Россиях представляется Б.Зайцеву также неправильным. В самом главном Россия одна - "подземная". Больше всего "надо и нам, и московским сохранить здоровье духа, прочность, бодрость, веру - а писать будем, что Бог пошлет, только бы не спуститься, а тогда приложится" (1926. - № 10/11. - С. 19). Д.Н.Крачковскому кажется, что в эмиграции все обстоит так же благополучно, как было оно в предреволюционные последние годы; и если "под небом дорогих палестин" всегда находилось три-четыре писателя, способных рисковать жизнью ради действительно прекрасных сочинений, то и в эмиграции мы оказываемся не без людей: Алданов, Степун, Ремизов, Гиппиус, Ходасевич, Цветаева, Б.Зайцев. Нужно только меньше внимания обращать на сенсационные заявления "о вреде эмиграции и пользе России", т.к. что одному вред - другому польза, и - наоборот. Крачковский хочет сочинять не "с пролетариями слова", а с "капиталистами благозвучных эпитетов, удачных метафор и неумирающих образов" (там же. - С. 20). Странно было слышать об умирании за границей русской литературы и С.Р.Минцлову, считавшему, что лишь ход ее замедлен неблагоприятными условиями жизни, "но мы не у пропасти, мы только на распутьи" (с. 21). Что же касается советской литературы, то Минцлов уверен: "нельзя, отрицая эстетику, выращивать то, что живет исключительно ею - великую литературу" (там же). Однако эстетика не признает ни хронологии, ни политики, и деление на эмигрантскую и русскую литературу, как на два разных лагеря - эстетически непгавильно, полагает М.Слоним, ибо литература наша едина, но внутри этого единства происходит борьба стилей и школ. В России слагаются новые направления, и их носителями являются молодые писатели - начиная от Пильняка и Леонова, кончая Тихоновым и Пастернаком. Литература эмиграции, продолжая говорить о прошлом, поддерживала старую линию и охраняла добрые традиции, тогда как в России за это время появилась новая литература. И "как это ни больно для большинства эмигрантских писателей - здесь по преимуществу дописывается одна глава истории русской литературы, а там начинается другая", - делает вывод М.Слоним (с. 22). Завершая дискуссию, Вл.Ходасевич обращает внимание на то, что русская литература "тяжко болеет и там, и здесь", хотя причины болезни и ее проявления различны. "Здесь" - оторванность от России, оскудение языка, отсутствие резонанса в

обществе, преувеличенный консерватизм, усталость и вялость. "Там" - насильственная замкнутость в стране; словесное фиглярство на областнической основе; полицейские приказы по литературе и "суд глупца" в форме властного окрика; неразборчивая и грубая погоня за новшествами, вызванная то невежеством, то борьбой из-за куска хлеба; судорожная кипучесть, литературная лихорадка, "схваченная на непловском болоте". Общим половинам рассеченной надвое русской литературы больно, и обе страдают, но Бог даст - обе выживут, заключает Вл.Ходасевич.

На страницах журнала был отмечен 80-летний юбилей одного из старейших писателей зарубежья Вас.И.Немировича-Данченко, "истинного сына русского народа, бестрепетно всходившего на его Голгофы", большого и глубокого писателя, "сумевшего проникнуть в алтари различных культур", демократа, "всегда восстававшего против насилия" (№ 3/4. - С. 18). Приветствие М.Цветаевой "Бальмонту" было опубликовано к 35-летию поэтического труда поэта. Объясняя, почему она приветствует Бальмонта в журнале, М.Цветаева писала, что ее пленяют в названии "Своими путями" оба слова, возникающая из них формула: путь - минимальная собственность поэтов - "беспутных". "Единственный возможный для них случай собственности и единственный, вообще, случай, когда собственность - священна: одинокие пути творчества. Таков ты был, Бальмонт, в Советской России, - таким собственником! - один против всех - собственников, тех или этих... И пленяет меня еще, что не "своим", а - "своими", что их мно-ого путей! - как людей - как страстей. И в этом мы с тобой - братья" (№ 5. - С.13). Приветствие включает в себя и запись М.Цветаевой юбилейного вечера Бальмонта в московском "Дворце искусств" 14 мая 1920. А.Ремизов выступил с приветствием Л.Шестову, по случаю его 60-летия. Назвав книгу Шестова "Опыт адогматического мышления" "подпольной утверждал, что путь философа "тягчайший, но верный", ибо "не искусившись, не умудришься" (№ 12/13).

№ 10/11 (1926) посвящен 100-летию восстания декабристов. Были опубликованы главы из "Русской правды" Пестеля, из проекта конституции Никиты Муравьева, из записок И.И.Горбачевского, проект манифеста декабристов, найденный в бумагах кн. С.П.Трубецкого и "14 декабря в Петербурге" (Из записок декабриста В.И.Штейнгеля), а также из "Былого и дум" А.И.Герцена. Публикация

завершалась списком литературы о движении декабристов, имеющейся в русских книгохранилищах Праги.

Критическая часть журнала включает раздел библиографии, где рецензируются книги и продолжающиеся издания. В своей рецензии Е.Недзельский назвал "эпохой" выход из печати 6 номеров журнала литературы и науки "Беседа", издававшегося в Берлине, особо отметив труд Вл.Ходасевича "Поэтическое хозяйство Пушкина", где исследователь обратился к изучению психологии и ее законам в творчестве поэта. Е.Недзельский рассмотрел и произведение из беженской жизни - роман Е. Ляцкого "Тундра" (Прага, 1925), где действие происходит в Праге. С.Эфрон восторженно отозвался о книге Ф.Степуна "Из писем прапорщика - артиллериста" (Прага, 1926). Сочувственно и заинтересованно были проанализированы книги стихов молодых поэтов: вторая книга стихов А.Гингера "Преданность" (Париж, 1925), сборники Д.Кнута "Моих тысячелетий" (Париж, 1925) и Ю.Миролюбова "Два света" (Брюссель, 1925).

Т.Г.Петрова

"СЕГОДНЯ" (Рига, 1919. - 17 августа - 1940. - 21 июня) - независимая демократическая газета, эмигрантской себя не считала, поскольку официально именовалась латвийской газетой на русском языке, так как основали ее местные уроженцы и рассчитана она была на русских жителей, оказавшихся за рубежом не по своей воле и, естественно, не считавших себя эмигрантами. Но для советской власти она не могла не быть эмигрантской уже потому, что являлась антибольшевистской. И к ней, как и ко всем остальным газетам зарубежья, применялось то же клеймение: "белогвардейская", "злбная", "антисоветская", "монархистская" и т. д. То, что она опиралась на местное русское население не могло ее оправдывать. "В Латвии демократического в настоящем смысле слова русского населения не было прежде и почти нет теперь. Вся местная русская общественность "потомственна" реакционному чиновничеству царского времени, притом уплотнена спекулятивными элементами военной и революционной эпохи (Белкин Л. Русские газеты за пределами Советской России // Новый путь. - Рига, 1921. - 9 марта).

Газете приходилось доказывать, что она "неэмигрантская". Так, в письме от 11 декабря 1930 Лоло-Мунштейну редактор М.С.Мильруд пишет: "Вы упорно не хотите понимать разницы между "Возрождением" и нами. "Возрождение" - эмигрантская газета, с которой официальная Франция абсолютно не считается. А у нас положение совсем другое. "Сегодня" - газета латвийская, обязанная считаться с дипломатическими узусами и не имеющая права призывать к изгнанию дипломатических представителей, даже и советских" (Исторический архив Латвии. Ф. 3283. Д. 1. Л. 248).

"Монархистской" газета не могла быть, так как делали ее люди милюковского направления, близкие по духу "Последним новостям". Кроме того, в Латвии за редкими монархистами строго следили, видя в них опасность для существования самостоятельности. "Белогвардейской" она тоже не могла быть, так как основная масса русских военных осела не в Прибалтике. Оставалось справедливым обвинение в "антибольшевизме", но объяснялось это не приверженностью к воинствующей идеологии, а тем, что газета стояла на позиции русской культуры, считая, что культура и большевизм взаимно исключали друг друга.

После романтического периода выживания среди рвущихся снарядов (осень 1919) официальными владельцами газеты, доселе переходившей из рук в руки, оказались Я.И.Брамс (1898, Либава - 1981, Вашингтон), недоучившийся студент, и Б.Ю.Поляк (1889, Белосток - ?, Нью-Йорк), врач.

Почти все основатели были молодыми и непрофессиональными газетчиками - И.Хавкин (р. 1895), И.Тейтельбаум (р. 1901), М.Эльяшов (р. 1900) и др. были автохтонами, знали местные языки (русский, немецкий, латышский, еврейский), знали среду, запросы местного населения и созрели вместе с молодым государством. Сразу же после заключения мирного договора Латвия стала мостом между Западом и Россией. Конъюнктура вызвала к жизни множество смешанных фирм и агентств, посредников, комиссионеров, которые нуждались в рекламе, объявлениях, валютных прогнозах. И газета с успехом служила этому делу, которое быстро помогло ей окрепнуть в финансовом положении. Фактическим создателем газеты стал Максим Ипполитович Ганфман (1882-1934), редактор кадетской газеты "Речь". После ее закрытия в 1918 Ганфман уехал в Киев, потом в Одессу, предпринимая попытки основать новую газету. Затем он с

семьей выехал в Литву, на что имел право как уроженец Литвы. Брамс и Поляк оценили эту крупную фигуру и пригласили Ганфмана на пост главного редактора, который он и занял с 1 января 1922. С приходом Ганфмана газета преобразилась, так как новый редактор знал все русское зарубежье. В Ригу стали поступать рукописи из Праги, Берлина, Белграда и Парижа. 1 октября 1922 дали согласие сотрудничать Аверченко, Айхенвальд, Алданов, Дон-Аминадо, Клопотовский (Лери), Потемкин, Тэффи, А.Черный. И с каждым месяцем список этот пополнялся.

М.Пильский сотрудничал в таллинских "Последних известиях" и одновременно в "Сегодня". В 1926 он вышел из "Последних известий", переехал в Ригу, войдя в состав редакции "Сегодня" и целиком сосредоточившись на этой работе.

В "Сегодня" повседневно отмечалось очень многое из того, что печаталось и в зарубежье, и в советской России. В 1939, касаясь этой заслуги газеты, Пильский писал: "За эти 20 лет мы дали отзывы о всех или почти всех книгах и брошюрах, вышедших за границей на русском языке, критические статьи и рецензии, отозвались на все издания, появившиеся и в Латвии и везде, где печатались книги по-русски" (1939. - 18 ноября). Перу Пильского принадлежит более 2000 публикаций в этой газете, и большинство из них являются откликами на литературные явления, имена и издания.

Корреспондентскую связь с многочисленными авторами осуществлял Михаил Семенович Мильруд (1889, Киев - 1942, Караганда), до революции сотрудник "Русского слова" и член редакции "Киевской мысли". Он с риском для жизни перебрался с женой и малолетним сыном в Румынию, несколько лет перебивался случайными заработками, но в 1924 был "найден" Брамсом и приглашен занять кресло редактора. Ганфман считал себя фигурой слишком крупного масштаба, чтобы заниматься повседневной редакторской работой (в его задачу входили передовые статьи и общая линия газеты). Требовался работник достаточно опытный, авторитетный и контактный. И Мильруд оказался именно нужным человеком на нужном месте. Частично сохранившийся редакционный архив, доступ к которому стал возможен в условиях независимой Латвии, составляет 46 папок, наполненных перепиской преимущественно Мильруда с многочисленными авторами и корреспондентами, среди которых Шмелев, Гиппиус, Алданов,

Гессен, Ландау, Даманская и многие другие. По машинописным копиям видно, как тактично обращался Мильруд со столь мнительным и капризным народом, как газетные авторы, и характерно, что почти нет нареканий по его адресу. Гнев выплескивался обычно на издателей.

И еще одно приобретение - Борис Осипович Харитон (1876 - после 1941, Гулаг), отец "атомного академика" Юлия Харитона, сотрудник газеты "Речь". В 1919-1922 член коллегии "Дома литераторов". Выслан из СССР вместе с другими пассажирами "философского парохода". Был приглашен издателями на должность редактора выпуска "Сегодня вечером" и исполнял ее с 1925 до 1940.

Эти четыре человека являлись "столпами", на которых держалась газета. Благодаря им она стала своей для Амфитеатрова, Чирикова, Немировича-Данченко, Тырковой-Вильямс, Бурцева, Вишняка и многих других. "Латвийская газета на русском языке" латвийской являлась только в том смысле, что она считала себя обязанной служить в первую очередь русскоязычному населению Латвии, а следовательно, самой республике. Но она находила себе читателя и достигая Чехословакии и Румынии, Турции и Италии, Германии и Франции, куда бы ни заносило русских. Отвергая статус газеты эмигрантской, для которой характерно партийное ратоборство с неперенными скандалами, она провозглашала свою приверженность русской культуре, объединяя монархистов и октябристов, бывших полководцев и бывших финансистов. В ней печатались актеры, духовные лица, земцы, эсеры, литовские, еврейские, немецкие, латышские политические и общественные деятели, выросшие в лоне русской культуры.

Ближе всего к "Сегодня" стояла парижская газета "Последние новости" - и потому, что редакторами были близкие друг другу Милюков и Ганфман и потому, что вокруг "Последних новостей" группировался весь цвет русской культурной среды. Но "Последние новости" вынуждена была декларировать свою "левизну", чтобы противостоять "правому" "Возрождению", тогда как для "Сегодня" в этом не было необходимости.

Подводя итоги десятилетнему существованию газеты, М.Ганфман писал: "Являясь органом, последовательно стоящим на позиции государственности, "Сегодня", как газета меньшинственная, как газета русская, особенно подробно освещала все, что относится к

жизни меньшинств, особенно русского и еврейского. Мы по возможности старались объединять разные течения русской общественности, не учитывать распри и раздоров и избегать полемики. Единство русской культуры мы считаем основой единства русского народа. Духовная стихия - то общее, что связывает все ветви русского народа, независимо от границ, всех русских по происхождению и по культуре" (1929. - 29 сент.).

И эту позицию газеты хорошо понимал П.Б.Струве, человек активно "политический" и "эмигрантский". Он писал, что особенность существования в "лимитрофах" неизбежно должна была породить газету именно такого плана: "Я с особым удовлетворением приветствую работу вашей газеты. Подлинное служение русской национальной культуре и притом в двух направлениях, на два фронта: пред лицом большевицкой противокультурности и пред лицом элементов, уже переставших принадлежать к России. И в том и в другом направлении и отношении вопросы культуры безусловно преобладают над всеми возможными политическими вопросами. И я могу спокойно писать об этом, ибо меня нельзя заподозрить в политическом безразличии" (там же).

Газета была рассчитана на уровень среднего читателя, не вовлеченного в стихию политической борьбы. Поэтому преимущество отдавалось материалам историко-культурного плана. "Чистая политика" представлена лишь в информативном виде. Из-за этого к исходу 1921 газета распрощалась с ее тогдашним редактором Н.Г.Бережанским, постоянно рвавшимся в бой с большевиками, желавшим выяснять отношения "меж двух станов". И хотя Ганфману были, разумеется, близки кадетские соратники былых дней, тем не менее их публикации довольно редки. Исключение - А.Изгоев, который умел в своих статьях быть как бы "над схваткой". Часто печаталась Ариадна Тыркова-Вильямс, но уже не как политический деятель, а как обычный лондонский корреспондент, отражающий жизнь Англии.

Предпочтение отдавалось литературным и историческим материалам: Ю.Айхенвальд - 210 публикаций, А.Амфитеатров - 338, К.Бальмонт - 203, Н.Берберова - 31, З.Гиппиус - 48, Г.Иванов - 56, А.Кизеветтер - 151, Д.Мережковский - 28, В.Немирович-Данченко - 153, М.Осоргин - 82, И.Северянин - 185, А.Седых - 227, Тэффи - 236, А.Черный - 23, И.Шмелев - 40.

Частое появление на страницах "Сегодня" парижских авторов объяснялось и тем, что по существовавшей устной договоренности некоторые из них могли одновременно печататься и в "Последних новостях", и в "Сегодня", но непременно в один и тот же день: Рига за это доплачивала половину парижского гонорара. Так что и авторы были довольны и рижские читатели - тоже, хотя иногда парижские издатели требовали, чтобы первые публикации появлялись у них, а в Риге - перепечатки.

С журналом "Современные записки" отношения были несколько иного плана. "Сегодня" на льготных условиях для своих подписчиков проводила подписку на "Современные записки", рекламировала журнал и давала обзоры каждого его номера. За это газета могла печатать отрывки из очередного номера "Современных записок", верстка которой предоставлялась М.Вишняком: Еще не окрепнув, довольствуясь лишь малым числом сотрудников, "Сегодня" публикует свидетельства и впечатления от "уходящей" России: очерки и зарисовки о Петрограде, написанные литераторами, следующими через Прибалтику в Берлин и Париж: Даманская А. Звериный быт (1920. - 7 дек.); Амфитеатров А. Блаженной памяти столичный град Петроград (1921. - 2 окт.). Он же. Повесть о великой разрухе (1921. - 7 дек.); Варшер Т. Еще о доме литераторов в Петрограде (1921. - 28 авг.). Он же. Две жены Максима Горького (1921. - 8 нояб.). Он же. Дом литераторов (1922. - 14 февр.); Коренев С. (юрист, работавший вместе с А.Блоком в комиссии по делам царских министров) (1921. - 25 дек.; 1922. - 8 янв.); Волковьский Н. Три встречи (1922. - 31 дек.). Он же. Из записной книжки высланного (1923. - 3 янв.). Он же. Посылающие на расстрел (1923. - 3 февр.).

И по мере того как растет число сотрудников и корреспондентов, возрастает и ширится объем мемуаров. Так, из 338 публикаций Амфитеатрова около 40 - воспоминания. Из 55 публикаций его жены Илари 12 - воспоминания. Из 152 публикаций Немировича-Данченко - около 40. Художник-передвижник академик С.А.Виноградов (1870-1938) оставил двадцать мемуарных очерков о литературной, художественной и бытовой Москве. Бывший режиссер Мариинского театра Павел Ив.Мельников (1876-1944) опубликовал в "Сегодня" 18 очерков с воспоминаниями. Португалов В. О Ленине. (Из личных воспоминаний) (1924. - 29 янв.); Берберова Н. Гумилев перед арестом (1926. - 27 авг.); Ходасевич В. "Диск". Из воспоминаний

о петербургском "Доме искусств" (1939. - 8 апр.); Тэффи Н. Колдун. Из воспоминаний о Распутине (1924. - 10 авг.), Странный человек (И.Ясинский) (1931. - 19 янв.); Осоргин М. Встречи с Андреем Белым (1934. - 18 янв.); Волковыский Н. Максим Горький в 1919-1921 гг. (1936. - 19 июня); Пиленко А. С Чичериным в гимназии (1931. - 15 нояб.). П.Пильский дает несколько десятков "отчетливых" воспоминаний, но к этому можно еще присовокупить те фрагменты мемуара, которые он то и дело вкрапливает в статьи о творчестве того или иного писателя. Вспоминать ему было о ком, почти все ему были знакомы лично: В.Дорошевич, В.Брюсов, А.Куприн, В.Маяковский, Л.Толстой, А.Вертинский; А.Грин, Э.Багрицкий, В.Катаев, В.Инбер и многие другие.

В значительно меньшем объеме представлена на страницах "Сегодня" советская литература. Тем не менее читателя знакомили с произведениями М.Булгакова, В.Катаева, Ильфа и Петрова, М.Зощенко, Ю.Тынянова. Статьи о советских писателях, не всегда комплиментарные, тем не менее давали представление о процессах, происходивших в советской России.

Крупные произведения русских писателей газета публиковала только в 20-х, да и то недолго. Было быстро усвоено, что для тиража выгоднее печатать зарубежных романистов, сочинявших остросюжетные, сенсационные, интригующие произведения. На долю русских писателей оставалось лишь место для рассказов и очерков. Наиболее подходящими оказались А.Даманская (260 публикаций), В.Ирецкий (112 публикаций), А.Федоров (55 публикаций). Тэффи печатали с готовностью, потому что собственно из-за нее и раскупались воскресные номера. А.Амфитеатов, "завлекательно" пишущий о прошлом, в фельетоне "Двусмысленная башня" (1927. - 26 июня) привел по памяти юмористический рассказ И.Ф.Горбунова о Пизанской башне, который никогда не был напечатан. М.Осоргин говорил о себе, что он "литературный пролетарий", живущий литературным трудом, и потому имеет право печататься на своих условиях. Всегда с готовностью печатали И.Шмелева за то, что местному православному читателю были любезны его рассказы о церковных праздниках и праведной жизни.

И.Бунин, официально войдя в число сотрудников "Сегодня" 19 мая 1927, предоставил "Сегодня" исключительные права на "Записные книжки" (22 и 29 мая), прислал для газеты очерк "О Толстом" (1930. - 16 нояб.). Постоянным автором с 1922 по 1932

оставался Сири́н (18 публикаций: 13 стихотворений и 5 рассказов). Стихи "сатириконца" и завсегда́тая "Бродячей собаки" П.Потемкина "Рига в 1890-х годах" (1924. - 27 апр.) напоминали о том, что детство Потемкина прошло в этом городе.

Противоречивая фигура М.Горького вызвала целый ряд суждений о нем - всего 38 публикаций. Среди авторов: А.Амфитеатров, К.Арабажин, А.Яблоновский, М.Первухин, В.Ирецкий, Б.Зайцев, К.Бальмонт, И.Бунин, Е.Чириков, Н.Волковский, В.Ходасевич и др.

Засыпал "Сегодня" стихами и прозой К.Бальмонт, требуя немедленного помещения всего присланного. Имеется 198 публикаций, из которых 125 стихи и переводы из славянских поэтов. Остальные 73 - прозаические эссе преимущественно о себе. Бальмонт хотел бы, чтобы о нем писали, придумал себе "интервьюера" Мстислава, который от третьего лица живописует: "Разговор с К.Д.Бальмонтом" (1926. - 31 окт.), "Константин Бальмонт и Сергей Прокофьев" (1927. - 13 февр.), "Час у К.Д.Бальмонта" (1928. - 2 сент.), придумал поэтессу Аглаю Гамаюн, опубликовав 5 стихотворений от ее имени. Столь же часто печатался Северянин (за 11 лет - 190 публикаций). С 1932 газета, переживая трудности в связи с кризисом, отказалась от печатания стихов.

В период преуспева́ния издательство "Сегодня" смогло приобрести типографию с самым современным оборудованием. Машины были высокомо́щные и не могли простаивать, поэтому с дополнительным созданием ряда других газет и журналов на латышском и еврейском языках было решено основать книжное издательство "Жизнь и культура", где выпускались романы и повести, которые уже прошли газетную публикацию. Сохраненный набор значительно облегчал и удешевлял выпуск книги. Всего под маркой "Жизнь и культура" их вышло 75. Кроме того, издавались собрания сочинений Л.Толстого, Ф.Достоевского, И.Тургенева и М.Лермонтова, а к юбилею Пушкина в 1937 было напечатано собрание его сочинений в одном томе.

С 1926 газета начала печатать романы с продолжениями. Всего их появилось 158: в дневном выпуске - 65 и в "Сегодня вечером" - 93. Поскольку в вечерний выпуск шел преимущественно занимательно-развлекательный материал: Пьер Бенуа "Королевский форт", Эрл Биггерс "Корабль плывет на Гавай", Морис Декобра "Мадонна спальных вагонов", Питигрилли "Пожиратель женщин", Вильгельм

Шпейер "Шарлотта немного обалдела" и т.п. В дневном же выпуске были напечатаны: "Записки д'Аршиака" Л.Гроссмана, "Это было в 1931 году" Эриха Кестнера, "Буря над Россией" Р.Локкарта, "Китти" С.Могема, "Обратный путь" Э.М.Ремарка, "Мария Антуанетта" Ст.Цвейга. Но чаще и тут и там шли детективные и сенсационные романы. Русский житель Латвии получал примерно то же, что и европейский обыватель, и на основе этой "духовной пищи" уравнивался с ним.

Основные сотрудники и авторы газеты:

Айхенвальд Ю.И. - сотрудничал с 1923 по 1928.

Алданов М.А. - с 1922 по 1940.

Амфитеатров А.В. - с 1921 по 1937.

Бальмонт К.Д. - с 1921 по 1936.

Бельговский (постоянный корреспондент в Праге) - с 1923 по 1938.

Берберова Н.Н. - с 1926 по 1940.

Варшер Т.С. (1880-1960) (римский корреспондент) - с 1921 по 1939.

Волковыский Н.М. (постоянный корреспондент в Германии, потом в Польше) - с 1922 по 1939.

Галич (наст. фам. Гончаренко) Ю.И. - с 1923 по 1940.

Гиппиус З.Н. - с 1924 по 1938.

Горный С. - с 1923 по 1932.

Грузенберг О.О. - с 1925 по 1936.

Гуль Р.Б. - с 1927 по 1937.

Даманская А.Ф. - с 1920 по 1940.

Дионео-Шкловский И.В. - с 1920 по 1933.

Зайцев Б.К. - с 1923 по 1940.

Зуров Л.Ф. - с 1931 по 1940.

Иванов Г.В. - с 1927 по 1937.

Изгоев А.С. - с 1926 по 1935.

Ирецкий В.Я. - с 1924 по 1936.

Кизеветтер А.А. - с 1923 по 1933.

Клопотовский-Лери В.В. - с 1922 по 1940.

Крымов В.П. - с 1937 по 1939.

Куприн А.И. - с 1919 по 1937.

Лазаревский Б.А. - с 1928 по 1935.

Ландау Г.А. - с 1922 по 1940.

Лоло-Мунштейн Л.Г. - с 1920 по 1939.

Мережковский Д.С. - с 1929 по 1938.
Минцлов С.Р. - с 1924 по 1933.
Набоков К.Д. - с 1923 по 1926.
Неманов Л.М. - с 1922 по 1935.
Одоевцева И.В. - с 1931 по 1938.
Оречкин Б.С. (каунасский корреспондент) - с 1923 по 1940.
Осоргин М.А. - с 1921 по 1938.
Пильский П.М. - с 1921 по 1940.
Плещеев А.А. - с 1923 по 1938.
Северянин И. - с 1920 по 1940.
Седых А. - с 1925 по 1939.
Тасин Н.Я. - с 1925 по 1940.
Тэффи Н. - с 1920 по 1940.
Шмелев И.С. - с 1923 по 1940.
Яблоновский А.А. - с 1921 по 1933.

После переворота, совершенного К.Ульманисом в 1934, газета резко изменилась: авторитарный режим требовал повседневногo воспевания "латышской Латвии", за счет чего сокращалась полезная площадь и материал, ради которого газету выписывали в других странах. Газета оказалась под пристальным надзором министра общественных дел.

После присоединения Латвии к СССР были арестованы и сосланы в лагеря М.Мильруд, Б.О.Харитон, А.К.Перов, Э.Махтус. Карикатурист С.А.Цивинский был расстрелян на Лубянке, И.А.Тейтельбаум - в Астрахани. Габриэль Левин покончил с собой в Воркуте. В Риге покончил с собой после вызова в НКВД многолетний сотрудник "Сегодня" Юрий Галич. П.М.Пильскому удалось избежать ареста только потому, что он лежал парализованный после инсульта и умер после прихода немцев - в декабре 1941. Издатели же - Брамс и Поляк - как всегда хорошо оценивающие действительность, успели вовремя выскользнуть из Латвии и доживали свой век в Америке.

К десятилетию газеты (29 сентября 1929) вышел юбилейный номер на 64 страницах. Посвященный 15-летию газеты - 14 октября 1934 на 60 страницах. В среднем объем номеров колебался от 8 до 16 страниц, в зависимости от дня недели и объема рекламы. Тираж

колебался от 3000 (1920-21) до 50000 в годы преуспевания. В заключительные годы (1938-39) - около 16000. Материалы газеты представлены в биобиографическом справочнике: Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917-1944 гг. - Стэнфорд, 1990-91. - Ч. 1-4. Роспись газеты за все 20 лет имеется в рукописи у автора.

Ю.И.Абызов (Латвия)

"СКИТ" ("Скит поэтов") (Прага, 1922. - 26 февр. - 1940. - 6 сент.) - литературное объединение молодых русских поэтов (позднее и прозаиков) в Праге. Его бессменным руководителем был А.Л.Бем. Предшественник - "Литературно-художественный кружок", основанный С.Рафальским и Н.Дзевановским, просуществовал всего несколько месяцев (конец 1921 - начало 1922). После переезда в Прагу А.Л.Бема С.Рафальский пригласил его на собрание кружка. 26 февраля 1922 в одном из эмигрантских общешитий в Праге А.Л.Бем прочитал доклад на тему "Творчество как вид активности". Этот день стал датой основания "Скита поэтов". После 1928 это название постепенно модифицируется в "Скит", что более соответствовало составу участников объединения, так как с самого начала в нем были и прозаики, а в конце 1922 была основана, хотя и формально, прозаическая секция "Мастерская слова". Идею названия А.Л.Бем объяснял стремлением объединения идти своим самостоятельным путем, сохраняя собственное творческое лицо, что вызвало на начальном этапе определенную замкнутость в характере его работы. Но эта особенность была свойственна "Скиту" лишь в начале творческого пути. Характер названия объединения отразился и во взаимоотношениях его членов: сами скитовцы шутливо называли себя "монахами", "монашками", "отцами" (основатели). В записках заседаний А.Бем фигурирует как "отец-настоятель", гости и "друзья Скита" - "братья и клир".

За все 19 лет существования объединения через него прошло около 50 человек, не считая гостей и "друзей Скита", но, согласно сохранившемуся списку под названием "Четки", официальными членами стали только 36 участников. По бытовавшему в содружестве

ритуалу "посвящения" скитовцы после тайного голосования и оглашения результатов потирали руки. Членами С. были: Сергей Рафальский, Николай Дзевановский (псевд. - Н.Болесцис), Иван Тидеман (полная фамилия - Фриш-фон-Тидеман), Алексей Фотинский, Екатерина Рейтлингер (в замуж. Кист), Александр Туринцев, Вячеслав Лебедев (псевдоним - Виктор Ляпин), Христина Кроткова (псевд. Ирманцева, в замуж. Франкфурт), Михаил Скачков, Дмитрий Кобяков, Мария Мыслинская (в замуж. Крестовская), Димитрий Иванников, Борис Семенов, Раиса Спинадель, Семен Долинский, Александр Воеводин, Елена Глушкова (урожд. Якубовская, псевд. - Александра Васильковская), Алексей Эйснер, Эмилия Чегринцева (урожд. Цегоева), Альфред Вурм, Владимир Мансветов, Алла Головина (урожд. Штейгер), Василий Федоров, Герман Хохлов, Татьяна Ратгауз (в замуж. Ассеева, Клименко), Николай Андреев (псевд. - Н.Тураев, К.Рем), Кирилл Набоков, Вадим Морковин, Тамара Тукалевская, Евгений Гессен, Нина Мякотина, Дарья Михайлова (псевд. - Ирина Михайловская), Мария Толстая, Николай Терлецкий, Ирина Бем. Л.Гомолицкий, который жил в Варшаве, был заочным членом "Скита". Скитовцы, уехавшие из Чехословакии, но поддерживавшие связь с содружеством, продолжали оставаться его членами.

Лишь несколько скитовцев остались до конца своих дней в Чехии, остальные разъехались по разным странам Европы, некоторые очутились в Америке, другие - в прибалтийских странах, часть их вернулась в Советский Союз, многие из вернувшихся в СССР, в том числе и в прибалтийские страны, были репрессированы (А.Эйснер, Г.Хохлов, Б.Семенов).

Рабочие собрания проводились раз в неделю, позднее - раз в месяц. На протяжении всего времени в журнале велись записи собраний, сначала скитовцами, затем самим А.Бемом. Собрания состояли из части теоретической и практической. Доклады, сообщения читались как самими скитовцами, так и приглашенными. Со дня основания объединения по 1938 включительно было прочитано более 70 докладов. Треть их принадлежало А.Бему. Среди приглашенных докладчиков были И.И.Лапшин, Н.Е.Осипов, С.В.Завадский, П.Н.Савицкий, Р.Плетнев, Д.Лутохин, З.Шаховская, В.Адамс и др. В 20-е основным содержанием докладов были теория литературы, прежде всего поэтика, история русской литературы,

главным образом XX в. (Н.Гумилев, А.Ахматова, В.Хлебников, Б.Пастернак) и Пушкин. Большое внимание уделялось русской зарубежной литературе (А.Ремизов, В.Ходасевич, Г.Газданов, В.Парнах, И.Одоевцева, И.Северянин и др.) и проблемам художественного перевода. Вопросы современной западной литературы (М.Пруст) также были в центре внимания скитовцев. "Скит" внимательно следил за литературной жизнью русских зарубежных литературных центров и за развитием литературы в советской России. В 30-е в темах докладов начинают преобладать проблемы критики. Критические статьи, предназначенные для печати, вначале прочитывались на собраниях объединения.

Главной целью собраний было чтение собственных произведений и их критический разбор, который был весьма строгим. Резкость внутренних критических выступлений иногда вела к конфликтам. В обсуждении и критике принимали участие также приглашенные гости и "друзья Скита". Почетными гостями были М.Цветаева, В.Ходасевич, Н.Берберова, И.Северянин, А.Ладинский, чешский поэт Й.Гора и др. На собраниях объединения читали свои произведения В.Амфитеатров-Кадашев, И.Северянин, З.Шаховская, С.Шовгенов, украинские и белорусские поэты (А.Павлюк, А.Стефанович, В.Жилка). С.Эфрон представил скитовцам первый номер журнала "Своими путями". Гостями были Л.Зандер, И.Каллиников, Д.Н.Крачковский, график и искусствовед Н.В.Зарецкий, лингвист А.В.Исаченко, искусствовед и критик Н.А.Еленев, Н.Ф.Мельникова-Папоушкова, С.П.Постников, С.Н.Кондаков (пасынок византолога Н.П.Кондакова) и др. Кроме собственных произведений скитовцы читали свои переводы с чешского языка (А.Фотинский, В.Лебедев, М.Мыслинская). Острые критические статьи некоторых скитовцев послужили толчком к дискуссиям на страницах эмигрантской прессы. Статья А.Туринцева "Неудавшееся поколение" (Дни. - 1924. - 5 сент.) вызвала живой обмен мнениями о судьбе молодого поколения в эмиграции. Интерес вызвала полемика в журнале "Меч" В.Федорова ("Бесшумный расстрел" // 1934. - № 9-10) и Д.Мережковского ("Около важного" // 1934. - № 13-14) о взаимоотношениях литературных поколений за рубежом. Много откликов вызвала статья С.Рафальского о проблемах интеллигенции ("Класс творческой мысли" // За чертой. - Прага, 1922. - № 1). Мастером полемического жанра был сам А.Бем.

Каждый год (иногда и два раза в год - весной и осенью) устраивались открытые собрания - литературные вечера, на которых скитовцы читали свои произведения. За все время своего существования "Скит" провел около 30 вечеров. В устройстве вечеров с 1925 принимал участие Союз русских писателей и журналистов в ЧСР (таких совместных вечеров было не менее 8), а также Чешско-русское объединение (Еднота), которое чаще всего предоставляло помещение. Наряду с этим проводились вечера, посвященные русским поэтам. Первым открытое литературное заседание 21 мая 1922 "Скит" посвятил памяти Н.Гумилева. Во втором отделении скитовцы читали свои собственные произведения. В конце 20-х и в 30-е состоялось несколько персональных вечеров - В.Федорова (1928), А.Головиной (1933, 1938), Э.Чегринцевой (1936). Была традиция камерных вечеров - "Вечер трех" в 1927 (В.Федоров, В.Лебедев, А.Эйснер), "Вечер пяти" в 1929 (Т.Ратгауз, В.Лебедев, В.Федоров, А.Эйснер, С.Шовгенов), в 1932 "Вечер двух" (В.Лебедев, В.Федоров). Особой атмосферой отличались юбилейные вечера: десятилетие "Скита" (1932) и пятнадцатилетие "Скита" (1937). На всех этих вечерах вступительное слово, которое отражало данный момент в эволюции объединения, принадлежало А.Бемю.

С целью защиты своих профессиональных интересов начиная с 1925 некоторые скитовцы вступают в Союз русских писателей и журналистов в ЧСР. Членами СРПиЖ становятся С.Рафальский, Н.Дзевановский, А.Туринцев, С.Долинский, И.Фриш-фон-Тидеман, А.Воеводин (секретарь - 1924, 30-е годы), В.Федоров, В.Лебедев, А.Эйснер, А.Головина, Т.Ратгауз, Н.Андреев, В.Мансветов и Э.Чегринцева (член-соревнователь).

В 1929 скитовцы приняли участие в конкурсе молодых прозаиков, объявленном журн. "Воля России". Из более чем 90 рассказов, присланных на конкурс, жюри, не присуждая первой премии, отметило второй премией рассказ А.Эйснера "Роман с Европой" (ВР. - 1929. - № 4), третьей премии был удостоен рассказ М.Мыслинской "Леночкина Россия" (ВР. - 1929. - № 7), на 7 месте в перечне 16 произведений, выделенных редакцией журнала, оказался рассказ В.Федорова "Русские праздники" (ВР. - 1929. - № 8-9).

С 1929 "Скит" с большими трудностями начал издавать свои произведения в серии "Скит: Стихи и проза". Под номером 1 вышел поэтический сб. В.Лебедева "Звездный крен" (Прага, 1929), годом

позже сб. рассказов В.Федорова "Суд Вареника" (Прага, 1930). Объединение выпустило четыре поэтических тетради под общим названием "Скит: Непериодический сборник" (Вып. 1. - Прага, 1933; Вып. 2. - Прага, 1934; Вып. 3. - Прага, 1935; Вып. 4. - Прага, 1937). В результате издательской деятельности "Скита" были опубликованы сборники А.Головиной "Лебединая карусель" (Берлин, 1935) и Э.Чегринцевой "Посещения" (Прага, 1936), поэма В.Морковина "Тобозо" (Таллин, 1935), готовился к печати второй сб. стихов В.Лебедева, который, однако, не увидел света. В 30-е членам объединения удалось опубликовать отдельными изданиями: В.Федоров "Прекрасная Эсмеральда" (Ужгород, 1933) и "Канареечное счастье" (Ужгород, 1938), Э.Чегринцева "Строфы" (Варшава, 1938). Скитовцы много печатались в зарубежных периодических изданиях Берлина, Парижа, Варшавы, Таллина. Безрезультатными оказались попытки скитовцев создать в 30-е в Праге свое литературное периодическое издание (См.: Белошевская Л. "Скит" и русская литературная Прага // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. - Прага, 1995. - Т. 1).

Скитовцы поддерживали дружеские отношения со многими своими коллегами по литературному поприщу, особенно с варшавской "Таверной поэтов", ревельским (таллинским) "Цехом поэтов", с харбинской "Чураевкой", с белградскими объединениями.

Определенной литературной программы у "Скита" не было, несмотря на то, что проекты ее существовали (напр., у В.Морковина): А.Бем считал, что попытка создания программы привела бы к развалу объединения. По мнению Л.Гомолицкого, "Скит" создал свою школу, метод, который он определял как "формизм" (см.: Гомолицкий Л. Арион - Париж, 1939). А.Бем видел в "Ските" вольное содружество, объединенное общностью поэтического восприятия (см.: Бем А. Письма о литературе. - Прага, 1996; статья о поэзии Э.Чегринцевой и др.).

Творчество пражского содружества духовно соприкасалось с поэтическим миром русских писателей Серебряного века - Н.Гумилева, Б.Пастернака, М.Цветаевой, но также и с поэзией С.Есенина, В.Маяковского; у молодых пражских прозаиков чувствовалось сильное воздействие творчества А.Ремизова. Непререкаемым авторитетом среди классиков оставался А.Пушкин.

Последнее собрание "Скита", судя по журналу записей собраний, состоялось 6 сентября 1940. Оно закончилось чтением стихов, среди которых были "Петербург" Ирины Бем, "Война" и "Чужой дом" Э.Чегринцевой. В 40-е устраивались отдельные выступления писателей (1944 - И.Бем, В.Лебедев, В.Федоров) в рамках докладов А.Бема о современной эмигрантской литературе, которые он читал в Семинаре по изучению русской литературы, университете, однако объединение как таковое фактически перестало существовать на своем последнем собрании.

Л.Н.Белошевская (Чехия)

Литературная энциклопедия
русского зарубежья
(1918-1940)
Том 2
Часть 2

Технический редактор В.Б.Сумерова

ЛР № 020990 от 15.05.95 г.

Подписано к печати 8/VII-97 г.

Формат 60x84 /16

Усл.-печ.л. 20,0

Тираж 600 экз.

Печать офсетная

Уч.-изд.,л. 18,8

Бум.кн-журн. Свободная цена

Заказ № 93

ИНИОН РАН, Москва, Нахимовский пр-т, д.51/21

Коллектив авторов

042(02)9

